

Ганс Рюш

Убийство невинных

Hans Ruesch
Slaughter of the Innocent

Переводчик Анна Кюрегян, научный редактор Евгений Соловьев, редактор Любовь Кладова, Альфия Каримова

Центр защиты прав животных «Вита», 2012. Новая редакция 2015
http://www.vita.org.ru/library/philosophy/Slaughter_of_the_Innocent.php

Международная реакция на Slaughter of the Innocent

Италия

Il Tempo: «Свидетельства, собранные Гансом Рюшем, столь основательны и впечатляющи, что у читателя захватывает дыхание».

Stampa Sera: «Жесткое и хорошо документированное обвинение против вивисекции и ее неверных открытий..., ведущих к возникновению болезней. Необыкновенная и смелая книга».

L'Unita: «Неудивительно, что ученики этих чародеев делают препараты, вызывающие рак».

Corriere della Sera: «Решительное разоблачение жестокостей, совершаемых во имя науки».

Il Piccolo: «Мы можем бороться против всех тех, кто использует наши деньги и губит наше здоровье во имя своей карьеры и прибыли, и мы должны этим заняться быстро».

Roma: «Безжалостный анализ, «вивисекция вивисекции». Захватывающая и ужасная, страшная и облагораживающая».

Erosa: «Эта книга есть благородная борьба с двумя крупными силами мира: человеческой жестокостью и глупостью».

Германия

Quick: «Ошеломляющий документ».

Westermanns Monatshefte: «Никто раньше не осмеливался так радикально нарушить табу, связанное с наукой. Теперь вивисекторам с трудом удастся найти хоть один аргумент в пользу опытов на животных».

Швейцария

Nebenspalter: «Эта книга несет с собой колоссальную убедительность и исключительную компетентность».

La Suisse: «С помощью этой книги Ганс Рюш, романист, взрывает бомбу, которая, к сожалению, реальна. Он разоблачает преступления вивисекции такими словами, которые могут впервые убедить даже тех, кто никогда ни на йоту не беспокоился о животных».

Великобритания

Daily Express: «Я сам раньше придерживался такого мнения — пока не прочитал книгу Ганса Рюша. Это страшное обвинение в адрес современной вивисекции, столь жестокой и в значительной мере ненужной... Нам, как первой нации, законодательно ограничившей вивисекцию в 1876 году, пора вновь взглянуть на нашу сомнительную репутацию».

Франция

Lyon-Matin: «Книга показывает, что заявления вивисекторов — это чудовищный обман, который происходит из-за коалиции всемогущей фармацевтической индустрии и медицины, повернувшейся к Гиппократу спиной».

Содержание

Часть 1. Наука или сумасшествие?

Хитроумные аппараты

Что означает вивисекция?

Человек и животные

Экспериментальные исследования

Неиссякаемые золотые источники

Операция прошла успешно, пациент умер

Золотой телец

Козел отпущения

Часть 2. Безмолвные

Любовь

Ненависть

Сострадание

Хождение по мукам

Мученичество

Анестезия для общественности

Анестезия — made in the USA

Часть 3. Доказательства

Начало нового мира

Двадцатый век

Ради человечества

Фабрики стресса

Сегодня

Мозг

«Глубокое уважение»

Часть 4. Факты и вымысел

Линии обороны

Исторические факты

Достижения

Хирургия

Подготовка хирургов

Слово — великим хирургам

Вакцины и другие неясности

Гиганты с глиняными ногами

Продолжительность жизни

Часть 5. Новая религия

Ученик

Учение Бернара

Постскриптум про Клода Бернара, диабет и печень

Распространение раковой опухоли бернардизма

Часть 6. Биохимический бернардизм

Введение общественности в заблуждение

Большая иллюзия

Клетка

Дьявольские чудеса

Торговцы смертью

Часть 7. Одичание

Большая забава

Рост испорченности

Последствие и причина душевной болезни

Садизм

Религия

Часть 8. Восстание

Моральное чувство

Альтернативные методы

Гиблое дело?

Часть 9. Решение

Люди в роли подопытных кроликов

Десять тысяч уродцев

Так называемые успокоительные средства

Рак

Канцерогенные «чудо-средства»

История со стилбестролом, или торговцы раком

Ученики чародея

Великолепная гостиная и моральный закон

Часть 10. Заключение

Дополнение

Часть 1

Наука или сумасшествие?

Собаку распинаят, потому что хотят исследовать продолжительность смертных мучений Христа. Беременной собаке вспарывают живот, чтобы пронаблюдать материнский инстинкт страдающего существа. В ходе исследований в другом университете у собак и кошек вызвали настолько сильные судороги, что они приводили к потере сознания; это делалось с целью изучить электроэнцефалограмму головного мозга во время конвульсий. Продолжительность и сила судорог постепенно увеличивалась до тех пор, пока собаки от них не начали умирать в течение 3–5 часов. Затем корифеи, которые страстно желали проведения этого эксперимента, изготовили еще больше таблиц с результатами электроэнцефалограмм, но без каких-либо намеков на то, как их можно использовать практически.

Другая группа «ученых» вызывала у 15 000 животных смертельные ожоги, а затем половине из них давала экстракт печени, который, как уже было доказано, помогает при шоке; как и следовало ожидать, животные, получившие лечение, дольше боролись со смертью, чем контрольная группа.

Бесчисленным биглям, которые известны за свой кроткий, доверчивый нрав, наносят удары током до тех пор, пока они не начинают нападать друг на друга. Ученые мужи, придумавшие это, заявляют, что занимаются изучением преступности среди молодежи.

Исключения? Крайние случаи? Если бы так!

Изо дня в день миллионы животных — главным образом мыши, крысы, морские свинки, хомяки, собаки, кошки, кролики, обезьяны, свиньи, черепахи, но также и лошади, ослы, козы, птицы медленно ослепляются уксусом, подвергаются неоднократным ударам или периодическим погружениям, у них вызывают смертельные заболевания, их отравляют, разрезают, замораживают, оттаивают и вновь замораживают, морят голодом и жаждой. Во многих случаях всё это производится после полного или частичного удаления желез или разрушения спинного мозга. Это делают люди, которые с помощью белого халата доказывают звание ученого, или кем там они хотят быть.

Потом наблюдают за реакцией жертвы, за исключением выходных, когда животных оставляют в одиночестве, и никто не задумывается над их страданиями. Все это может длиться неделями, месяцами, годами, пока не придет смерть-освободительница — смерть является единственным обезболивающим, с которым встречаются большинство животных.

Но часто их и по прошествии времени не оставляют в покое: их вновь оживляют (о, чудеса современной науки!) и подвергают новым пыткам. Замечено, что когда собаки страдают от невыносимой боли, они съедают свои собственные лапы; кошки в судорогах кидаются на стены клетки, пока несколько животных не оказываются друг на друге; обезьяны исцарапывают или и изгрызают себе все тело либо убивают своих соседей по клетке.

Все это и многое другое экспериментаторы сообщили на научном языке в *Lancet*, ведущем медицинском журнале Англии. Нижеследующие изложения взяты главным образом из этого специализированного журнала и аналогичных американских, французских, немецких и швейцарских изданий.

Но пусть данный факт не удержит Вас от чтения книги! Ее цель показать, почему этому кошмару надо положить конец, и почему это происходит.

Хитроумные аппараты

Каждый новый опыт на животных дает толчок легионам «исследователей» повторять его, чтобы подтвердить его результат или опровергнуть, либо же чтобы получить новый

метод работы или усовершенствовать имеющийся. Помимо длинного перечня хитроумных «аппаратов для усмирения», разработанных на основе доски Чермака, станка Павлова и других классических приспособлений, существует еще большое количество гениальных устройств, которые в большинстве случаев были названы в честь своих создателей.

Один из подобных приборов называется барабан Нобла-Коллипа. Его создали в 1942 году два врача из Торонто Р. Л. Нобл (R. L. Noble) и Дж. Б. Коллип (J. B. Collip), и они описали «Количественный метод вызывания экспериментального травматического шока без кровотечения у животных, находящихся в сознании»: «Принцип, лежащий в основе этого метода, состоит в нанесении животным травм через помещение их во вращающийся барабан, на внутренней стенке которого имеются выступы или выбоины. Количество умерших животных прямо пропорционально числу оборотов... Если у животных ноги не связаны, результаты получались неправильные, потому что многие из них сначала перепрыгивали через выбоины, пока не уставали, и таким образом защищались» (*Quarterly Journal of Experimental Physiology*, том 31, №3, 1942, с.187).

Потом существует стул Зиглера (Ziegler Chair), хитроумное металлическое сиденье, изобретенное лейтенантом Джеймсом Е. Зиглером (James E. Ziegler) из санитарной группы американского военно-морского флота в г. Джонсвилл (штат Пенсильвания). Его описание напечатано в *Journal of Laboratory and Clinical Medicine* (сентябрь 1952). Как там указывается, что к преимуществам механизма относится то, что «голова и большая часть тела свободны и поэтому доступны для разных действий». Стул используется для прободения головы со стимуляцией обнаженной коры головного мозга, наложения фрезевых отверстий, общей фиксации при наложении повязок, а также как сиденье для обезьян, которых сажают в разных позах в большую центрифугу, при этом условия их жизни не меняются годами, до наступления смерти.

Далее есть зажим Блэлока, получивший название в честь доктора Альфреда Блэлока (Alfred Blalock) из знаменитого Института Джона Хопкинса (Johns Hopkins Institute) в Балтиморе, штат Мэриленд. Он состоит из массивного резца и похож на печатную машину. Но платы оснащены стальными гребешками, которые сцепляются, когда верхние платы опускаются на нижние. Тяжелая автомобильная пружина, которую четыре затянутые гайки держат в сжатом состоянии, создает давление до 500 фунтов. Цель пресса — раздавить мышечные ткани в ноге собаки без раздавливания лодыжки.

Существует канюля Коллисона, которую имплантируют в голову животным, чтобы облегчать многократное введение шприцов, электродов, манометров и т.д. во внутреннюю полость черепа; чаще всего эти манипуляции производят над кошками и обезьянами, находящимися в полном сознании. Канюлю постоянно прикрепляют к кости акриловым цементом и намертво фиксируют четырьмя болтами из нержавеющей стали, ввинчивая их в кости черепа. Как говорится в *Journal of Physiology* за октябрь 1972 г., до начала непосредственных экспериментов животное должно отдыхать как минимум неделю после этого тяжелого вмешательства (за это время вокруг канюли образуется абсцесс, и организм тщетно старается от нее избавиться; в глаза и лобные пазухи, течет гной, это может привести к слепоте раньше, чем животное умрет — смерть наступает в течение 1–2 лет).

Кроме того, есть стереотактический аппарат Хорсли-Кларка (названный в честь обоих врачей, которые его создали) и предназначенный для ограничения свободы мелких животных, когда им вставляют в череп вышеописанные канюли для экспериментов, не давших пока ни малейших практических результатов. Хотя в 1949 году профессор Вальтер Р. Гесс (Walter R. Hess) из Цюрихского Университета был удостоен Нобелевской премии, а его коллеги со всего мира получали большие денежные выплаты.

Здесь надо указать, что Нобелевская премия по биологии, физиологии и медицине, так же как и разные гранты на «медицинские исследования», обычно присваивается по рекомендации комиссии биологов, физиологов и врачей, которые либо получили помощь от рекомендуемых ими коллег, либо надеются получить ее в будущем.

Что означает вивисекция?

Сегодня в США считается, что эксперименты на животных — это определяющая и воспроизводимая модель для ученых всего мира.

Под вивисекцией (Vivisection), в соответствии с Encyclopedia Americana (International Edition, 1974), подразумевается любой эксперимент на живом животном, независимо от того, делается ли разрез или нет (The term is now used to apply to all types of experiments on living animals, whether or not cutting is done). Здесь имеются в виду не только операционные вмешательства, но также и опыты, при которых животным дают токсичные вещества, наносят им ожоги или вызывают шок, в течение длительного времени лишают пищи и питья, подвергают большой физической нагрузке и т.д. (это пояснение необходимо, потому что во многих случаях это слово вызывает неясности, путаницу и возражения).

Как Клод Бернар и его товарищи (которые в XIX веке сделали распространенные сегодня опыты на животных популярными) я употребляю в этом труде слово «вивисекция» как синоним выражением «опыты на животных» — причем имеются в виду только те эксперименты, при которых животным причиняются серьезные физические или психические страдания. В нашей работе под понятием «вивисектор» и «экспериментатор» подразумевается человек, проводящий опыты или отвечающий за их проведение.

Наибольшее приукрашивание значимости происходит в фундаментальных исследованиях или «исследовании на модели» — под «моделью» имеется в виду лабораторное животное.

Как известно, именно специалистов сложнее всего склонить к признанию, что в их профессии кроются серьезные злоупотребления и ошибки. Большая часть ученых всех областей доверяют авторитетам и находятся во власти тех идей, которые были им привиты. Субъективность образования легко порождает у людей науки предубеждения, из-за которых становится труднее объективно оценивать новые представления об их науке. Этим объясняется, почему большинство врачей одобряют вивисекцию, не зная точно, за что они заступаются: большинство из них никогда не заходили в вивисекционную лабораторию, также как большинство вивисекторов и пяти минут не проводили у больничной койки.

Сегодня количество животных во всем мире, *ежедневно* погибающих при экспериментах, составляет более 300 тыс., и оно ежегодно возрастает примерно на 5%. Места проведения опытов — десятки тысяч лабораторий, а также больниц, промышленных предприятий и университетов. Многочисленных посторонних туда не пускают.

Сегодня мучения совершаются не во имя Бога, а ради нового деспотичного божества — так называемой медицинской науки, которая не только вводит в заблуждение, но еще и успешно используется своими жрецами для нагнетания страха: «Если вы нам не дадите достаточно денег и не предоставите право делать с животными что угодно, то вы и ваши дети умрете от рака». Эти «жрецы» прекрасно понимают, что современные люди боятся не бога, а онкологии, но нигде не говорится, что многие онкологические заболевания возникают из-за неправильных исследований на лабораторных животных.

Раньше человечество было приучено к мысли, что распространенные суеверия оправдывают жестокость к людям, а сегодня человечество приучено к тому, что другие, такие же распространенные суеверия оправдывают жестокость к животным. Прослеживается пугающее сходство между средневековой инквизицией, когда так называемых ведьм заставляли признаваться, и жрецами современной науки, которые мучают животных с целью получения каких-либо результатов, в то время как безразличные массы хотят только, чтобы их оставили в покое.

Когда экспериментаторов обвиняют в алчности, тщеславии или садизме под прикрытием любознательности, они отвергают все выступления против них и говорят о себе как об альтруистах, которые посвящают себя заботам о благе человечества. Но они не принимают во внимание то, что все люди, которые заслуживают звание Человека, начиная от Леонардо да Винчи и кончая Вольтером, Гёте и Альбертом Швейцером, утверждали, что те, кто хочет «спастись» таким путем, недостойны спасения, и не говоря уже о том, что опыты на животных не только бесчеловечны, но и постоянно являются причинами ошибок, причиняющих серьезный вред как науке, так и здоровью человека.

Количество животных, которых так называемые исследователи за последние два десятилетия изуевчили, обожгли, отравили, медленно замучили иными способами, значительно превосходит число людей, которые умерли во всех войнах, произошедших на протяжении мировой истории. Если бы эти опыты были так нужны медицинской науке (как заявляют ученые), то в США должна быть самая высокая продолжительность жизни, потому что экспериментов на животных там больше, чем где-либо в мире, и в США должно проводится больше операций, спасающих жизнь, и врачи тогда бы считались лучшими в мире (впрочем, они самые дорогие). Почему же так получается, что Америка не может похвастаться продолжительностью жизни? «Среди стран, где подсчитывается средняя продолжительность жизни, Америка занимает относительно низкую позицию, а именно, семнадцатое место, пропуская вперед Западную Европу, Японию, Грецию и даже Болгарию», — сообщает 21 июля 1975 года информационно-политический журнал Time, а ранее, 17 декабря 1973 года, в нем говорилось: «США имеют вдвое больше хирургов, чем Англия, в соотношении с численностью населения, и американцы проводят вдвое больше операций, чем англичане. Тем не менее, среднестатистический американец умирает в более молодом возрасте».

И это невзирая на медицинское обслуживание, невзирая на то, что американцы имеют в распоряжении огромный арсенал терапевтических средств. Значит, что-то не так, а что именно, нам предстоит выяснить.

Человек и животные

На основании фактов следует вывести теорию, что многие врачи, которые считают опыты на животных не только бесчеловечными, но также ненадежными и поэтому опасными, принадлежат к числу выдающихся медиков. Сначала они образуют элитное меньшинство, и их голоса приходится не только учитывать, но еще и ценить.

Первым крупным врачом, не только называвшим вивисекцию бесчеловечной и ненаучной, но еще и заявлявшим о ее ненаучности по причине негуманности, стал сэр Чарльз Белл (Charles Bell), шотландский хирург, физиолог и анатом; медицина обязана ему «Законом Белла» о моторных и чувствительных нервах. Он говорил, что к тому времени, когда начали укореняться вивисекционные отклонения в их современной форме, ею могли заниматься лишь огрубевшие люди, и от них нельзя было ожидать, что они захотят постигать тайны жизни. И правда, мне кажется, что у таких личностей отсутствует подлинный интеллект; одна из составляющих человеческого интеллекта, и, наверное, не последняя, — чувствительность.

Кто надеется с помощью пыток животных найти средство от человеческих болезней, тот совершает две грубые ошибки. Первая ошибка — это предположение, что результаты, полученные при работе с животными, годятся для человека. Вторая касается неизбежного вывода, к которому приходят, что экспериментальные исследования используются применительно к органической жизни. Об этом речь пойдет в следующей главе. Сначала давайте займемся первым заблуждением.

Поскольку животные реагируют не так, как люди, новые продукты и новые способы лечения нужно проверять всегда на людях с помощью тщательных клинических

исследований — лишь после этого их можно считать безопасными. *Данное правило не имеет исключений.* Следовательно, опыты на животных не только опасны, потому что ведут к неправильным выводам — они также тормозят незаменимые по ценности клинические исследования.

Француз Рене Дюбо (René Dubos), читавший лекции в Америке, лауреат Пулитцеровской премии, профессор микробиологии Института Рокфеллера в Нью-Йорке пишет: «Как правило, испытания на людях являются неотъемлемым этапом разработки новых лечебных процедур или лекарств... Первым хирургам, выполнявшим операции на легких, сердце или мозге, поневоле приходилось экспериментировать на людях, потому что информацию, полученную в ходе опытов на животных, невозможно полностью применить к человеку, и из этого правила нет исключений» (Men, Medicine and Environment, изд. Praeger, Нью-Йорк, 1968, с. 107).

Невзирая на этот общепризнанный факт, органы здравоохранения везде разрешают или даже требуют опыты на животных. Почему? Таким образом они освобождаются от всякой ответственности, если происходит неудача.

Это объясняет длинные списки разработанных в лабораториях продуктов, которые после длительного тестирования на животных признавались безвредными, но впоследствии оказывались опасными для человека.

В 1971 году в Великобритании 1500 человек, принимавших «безопасное» болеутоляющее средство парацетамол, попали в больницу. В США орабилекс вызывал повреждение нервов со смертельным исходом; MEL/29 вызывал катаракту, метаквалон — физические расстройства, которые как минимум в 366 случаях привели к смерти. Из-за талидомида (контергана) более чем у 10000 детей наблюдались врожденные уродства. Хлорамфеникол (хлоромидетин) вызывал лейкемию, стилбестрол — рак у молодых девушек. В шестидесятые годы от таинственной эпидемии умерло столько астматиков, что доктор Пол Д. Столли (Paul D. Stolley) из больницы Джона Хопкинса заговорил о «самой страшной катастрофе, связанной с приемом лекарств». Этот доктор в 1972 году также выяснил, что причиной служит изопротеронол из спрея английского происхождения.

Осенью 1975 года итальянские органы здравоохранения назвали противоаллергический препарат причиной гепатита. В начале 1976 года химическая фабрика «Салвоксил-Вандер» (Salvoxyl-Wander), принадлежащая крупному швейцарскому концерну «Сандос» (Sandoz), изъяла из продаж свой препарат фламанил, который, по утверждению, помогает при ревматизме, но при использовании может вызвать потерю сознания — в некотором роде он эффективен, потому что таким образом освобождает от всех болей. Несколькими месяцами позже британский химический гигант ICI (Imperial Chemical Industries) объявил, что начал выплачивать компенсации жертвам кардиотонического препарата эралдина (или же выжившим после его приема). Лекарство появилось на рынке после «очень тщательной» проверки на протяжении 7 лет, но в дальнейшем у сотен потребителей возникли проблемы со зрением и желудочно-кишечным трактом, а 18 человек умерли.

Летом 1977 года в США изъяли из продажи препарат немедленного действия, который производился корпорацией Сибя-Гейги (Ciba Geigy) и использовался диабетиками 18 лет — это произошло после того, как на него была возложена ответственность за примерно тысячу смертей от побочных эффектов ежегодно. Но на самом деле это неправильно изымать из продажи лишь несколько опасных лекарств, потому что их несметное число.

Из многочисленных книг про отрицательное и часто смертельное действие лекарств мы упомянем здесь только «Великий лекарственный обман» (The Great Drug Deception), ее автор — доктор Ральф Адам Файн (Ralph Adam Fine, издательство Stein&Day, Нью-Йорк, 1972). Эта книга не достигла никаких практических результатов, так как никто не подчеркивал, что все лекарства попадают на рынок после заключения об их безопасности при работе с животными.

Разумеется, может получиться наоборот, и полезные препараты не попадают к людям. Хорошим примером служит пенициллин — если его считать полезным препаратом. Люди, открывшие его, говорили, что им повезло, так как при токсикологическом тестировании у них не было морских свинок, и им пришлось использовать мышей: пенициллин убивает морских свинок. Зато те же самые морские свинки могут без вреда для себя есть стрихнин — один из самых страшных ядов для человека (но не для обезьян).

Существуют смертельные для человека дикие ягоды, на которых птицы процветают. Порция белладонны, означающая для человека смерть, безвредна для кроликов и коз. Salomelan никак не влияет на выделение желчи у собак, но у людей увеличивает ее в три раза. Дигиталис — главное лекарство для сердечников, спасшее бесчисленные жизни, — еще долго не попало бы к людям, если бы его сначала тестировали на собаках, у которых он повышает давление до опасных показателей. А хлороформ для собак настолько токсичен, что это ценное обезболивающее не использовалось бы десятилетиями. А смертельная для человека доза опиума не причиняет вреда собакам и курам.

Дурман и белена — яд для человека, но для улиток это пища. Мухомор красный даже в малом количестве может отравить целую семью, но кролик — одно из любимейших лабораторных животных — съедает этот гриб без вреда для себя. Дикобраз может без последствий *съесть* за один раз столько опиума, сколько наркоман *выкуривает* за две недели, а еще он может разом проглотить такое количество синильной кислоты, которого было бы достаточно для отравления целого полка.

Смертельный для нас цианид калия безопасен для сов, но самая обычная тыква может привести лошадь в состояние сильного возбуждения. Морфий, который успокаивает человека и снимает у него боль, вызывает маниакальное возбуждение у кошек и мышей; с другой стороны, собаки могут вынести в двадцать раз большую дозу, чем люди. Лисы и куры могут умереть от нашего сладкого миндаля, а обычная петрушка — это яд для попугая. Овца может съесть огромное количество доз мышьяка — одного из самых распространенных ядов при смертельных отравлениях.

Туберкулин Роберта Коха сначала ценился как вакцина от туберкулеза, потому что он излечивал морских свинок от туберкулеза, а затем его объявили *возбудителем* туберкулеза у людей.

Помимо того, что животные испытывают страх и страдания, лишены естественной для них среды обитания и часто подвергаются невероятной жестокости, такое нарушение их психического равновесия и органических реакций ведет к тому, что любой результат *априори* не имеет значения. Лабораторное животное превращают в монстра. С точки зрения физиологии и психологии оно имеет лишь отдаленное сходство с обычным животным и еще меньше — с человеком.

Даже Клод Бернар, основоположник современного вивисекционного метода, писал об этом в своей *Physiologie opératoire* (с. 152): «Подопытное животное никогда не бывает в нормальном состоянии. Нормальное состояние — это лишь гипотеза, предположение».

По-разному реагируют не только все животные — это относится даже к близким видам, например, к крысам и мышам или белым и коричневым крысам, два животных одного вида и штамма и то реагируют не одинаково; кроме того, они могут страдать разными болезнями.

Чтобы компенсировать этот недостаток, кому-то пришло в голову выращивать бактериологически стерильных подопытных животных — теперь многие животные через кесарево сечение в стерильной операционной, их выращивают в стерильной обстановке и кормят стерильной пищей, чтобы получить так называемый «однородный биологический материал», свободный от болезней.

Один самообман ведет к другим. Постоянные неудачи ясно свидетельствовали этим введенным в заблуждение ученым — некоторые из них еще не осознали этого — что при таких ненормальных условиях выращенный «материал» еще больше ведет к искажению

результатов исследований. У лабораторных животных никогда не развивается нормальный защитный механизм, так называемый иммунный ответ, который служит характерной приметой живых организмов. Поэтому их, можно считать еще менее надежным экспериментальным материалом. Кроме того, от природы животные устойчивы к большинству человеческих инфекций — дифтерии, тифу, скарлатине, кори, ветрянке, холере, желтой лихорадке, проказе, бубонной чуме, — а другие инфекционные болезни, такие как туберкулез и разные виды сепсиса, имеют у них иную форму. Утверждение, что с помощью животных мы получаем возможность победить человеческие болезни, можно было бы трактовать как признак сумасшествия, если бы мы не знали, что чаще всего они служат поводом для «эксперимента» людям, получающим от них либо удовлетворение, либо прибыль.

Швейцария служит примером того, какую роль в вивисекции играет алчность: в этой стране с населением менее 6 миллионов ежегодно используется гораздо больше подопытных животных, чем в Советском Союзе с 250-миллионным населением, в котором на лекарственных препаратах невозможно сделать деньги.

Экспериментальные исследования

За пределами медицины экспериментальные исследования породили множество открытий и большинство изобретений.

При разговоре о современных открытиях сразу вспоминается Томас Эдисон (Thomas Edison). Его случай особенно интересен, потому что он в школу ходил всего три месяца, а потом был вынужден зарабатывать на жизнь. Таким образом, Эдисон не имел образования. Но именно недостаток академического образования, навязчивых идей, которые с юности вдалбливаются в голову образованным людям, в том числе ученым, дал возможность Эдисону совершить невероятные открытия, изменившие жизнь людей.

Для совершенствования первой электрической лампочки Эдисону требовалась проволока, которая бы долгое время горела. Тут ему не мог бы помочь никакой ученый или металлург. Поэтому Эдисон действовал чисто эмпирическим путем. Он пробовал любой мыслимый материал, даже такой неподходящий как, например, обугленные хлопчатобумажные нитки. Он потратил 40 000 долларов на то, чтобы его помощники годами испытывали один материал за другим, пока не нашел материал, который бы горел 40 часов подряд. Это была обугленная хлопчатобумажная нитка.

Тем не менее, экспериментальные исследования, изменившие облик Земли, начались гораздо раньше, за два с половиной века до того, как Эдисон осветил ночь человечества. Началось все в 1637 году, когда Декарт опубликовал «Рассуждение о методе» (Discourse on Method), который учил людей новому образу мыслей и подводил к современной технологии. Но кто мог предвидеть в том новом мире, что в столь широко распространенном воодушевлении крылась опасность чисто механического мышления? Сам Декарт — вряд ли, потому что он отвергал искусство и все человеческие чувства — его личная жизнь была неудачной — и верил в механистическую биологию. Тем самым он заложил основы для самого большого заблуждения человечества.

Декарт, испытывавший восторг экспериментатора, также занимался вивисекцией и сделал ее символом «исследований» в последующей механистической картине мира. Конечно, сам Декарт ничего не узнал с помощью нее — об этом свидетельствуют его высказывания что животные не страдают, а их крики — не более чем лязг машины. А почему бы тогда не сечь повозку вместо лошади? Этого Декарт ни разу не утруждался объяснить. В качестве довода в пользу своей теории он приводил тот факт, что чем сильнее собаку бьют, тем громче она воет. С его подачи появилась новая наука, лишенная всякой мудрости и человечности, и поэтому уже при рождении она несла в себе семя поражения.

Когда человек, наконец, сбросил ярмо мрачного средневековья, он принялся за эксперименты. И из-за сенсационных технических достижений некоторые недалекие врачи стали считать, что экспериментальные исследования привнесли бы невероятный прогресс и в их область, что живые организмы реагируют так же, как неживая материя и однозначные математические правила действуют также для медицинской науки. А сегодняшние вивисекторы все еще тяготеют к этой идее, невзирая на то, что ее неправильность давала о себе знать уже многократно и самыми трагическими образами.

Благодаря эксперименту, который был проведен на Пизанской падающей башне, Галилей узнал, что два камня разной массы падают одинаково быстро; исходя из этого, он установил абсолютное правило, которое, правда, относилось к неживой материи, а именно — к камням. Но когда мы имеем дело с живыми организмами, значение имеет бесконечное число факторов, и большинство из них неизвестны, потому что это тайны жизни. И здесь надо согласиться с мнением Чарльза Белла, что отупевшие, бесчеловечные индивидуумы смогут узнать эти тайны в последнюю очередь.

В книге «Опыты на животных» (*La sperimentazione sugli animali*, 1956, 2 издание) итальянский врач Джэннаро Чиабурри (Gennaro Ciaburri), противник вивисекции, высказывает, среди прочего, следующее: «Обычно давление на одно или оба глазных яблока вызывает замедление пульса... Этот симптом обеспечил простор для деятельности вивисекторов. Изучая данный рефлекс, экспериментаторы давили собакам на глаза до тех пор, пока не обнаруживали что сердцебиение замедлилось — так как животное погибло...».

Знаменитый немецкий доктор Эрвин Лик (Ervin Liek) — о котором авторитетная немецкая энциклопедия, *Der Grosse Brockhaus*, пишет, что: «он был сторонником медицинского искусства с высокими этическими принципами, принимающим во внимание психику обычного пациента», — дает нам следующую информацию:

«Вот еще один пример того, что эксперименты на животных иногда не могут дать ответы даже на стандартные элементарные вопросы. Я лично знаю двух наиболее авторитетных немецких исследователей — Фридбергера (Friedberger) из бывшего Института изучения питания им. кайзера Вильгельма (Kaiser Wilhelm Institute for Nutritional Research) и профессора Шойнерта (Scheunert) из Института физиологии животных (Institute of Animal Physiology) в Лейпциге. Оба хотели ответить на простой вопрос: какие яйца полезнее — сваренные вкрутую или сырые. Они использовали одних и тех же животных — крыс в возрасте 28 дней. Результат: на протяжении трех месяцев пока шел эксперимент, животные Фридбергера отлично себя чувствовали на диете из сырых яиц, в то время как животные из контрольной группы, которые получали яйца, сваренные вкрутую, чахли, у них выпадала шерсть, появились проблемы со зрением; некоторые из них умерли после долгих страданий. У Шойнерта я наблюдал идентичные эксперименты, но их результаты были полностью противоположными» (Из *Gedanken eines Arztes*, Освальд Арнольд (Oswald Arnold), Берлин, 1949).

Разумеется, заболевание, которое было специально создано, протекает совершенно иначе, нежели болезнь, возникшая сама по себе.

Давайте возьмем артрит — перерождение, которое вызывает болезненное воспаление суставов и ведет к поражению ил разрушению хряща. Часто причиной является переизбыток, а единственный известный, надежный и одновременно невредный способ лечения — это регулярные физические упражнения на ранней стадии болезни. Тем не менее, химические предприятия вновь и вновь выпускают «чудо-препараты», которые основываются на мучениях животных: это не что иное, как болеутоляющие средства, которые воздействуют на симптомы и уменьшают боль на какое-то время, но одновременно причиняют вред печени, нервам или и тому, и другому и вызывают многочисленные серьезные заболевания, потому что мнимое лечение на самом деле — вред.

Хотя через эксперименты на животных еще не удалось решить ни одну проблему, но, с другой стороны, с их помощью можно доказать что угодно. Как, например, в случае, который засвидетельствован ежемесячным журналом *Canadian Hospital* в декабре 1971 года: в Монреальском кардиологическом институте (Montreal Heart Institute) тысячи клеток заполнены крысами — их используют для того, чтобы выявить воздействие определенного питания. «Исследователь» доктор Серж Рено (Serge Renaud) «вытащил одно из животных из клетки; у него выпала шерсть, затвердели артерии, и у него мог произойти сердечный приступ. Этой крысе было два месяца, хотя их обычная продолжительность жизни два года. «Мы убиваем крыс настоящим сливочным маслом», — сказал доктор Рено.

Значит, сливочное масло это яд! Наука или глупость?

Иногда, как показывают случаи с цикламентом и сахарином, это не наука и не глупость, а опасность. В середине 60-х годов большим коммерческим спросом пользовался новый химический подсластитель цикламент, потому что он был в 5 раз дешевле и три раза слаще сахара, стало быть, от него не полнели. Вот почему Американская Ассоциация производителей сахара (American Sugar Manufacturers Association) стала финансировать «исследование» цикламента с совершенно четкой целью. В других странах сахарная индустрия также проводила это «исследование». Чтобы «научно доказать» то, что индустрия сахаропроизводителей с самого начала хотела доказать — для законодательного запрета цикламент — сотни тысяч животных должны были страдать и умирать.

Животных принудительно кормили этим продуктом в огромной концентрации, чтобы у них неизбежно возникли серьезные болезни и среди прочего рак. Для получения такого количества искусственного подсластителя человеку надо было бы годами выпивать по 800 0,25-литровых бутылок лимонада *каждый день*. В 1967 году Британский комитет по сахару (British Sugar Bureau), одна из организаций по общественным связям, основанная сахарной индустрией, начал осажать парламентариев жалобами по поводу смертельной опасности цикламена. То же самое происходило в США: лобби в лице промышленности производителей сахара осаждали политиков. Никто не доказал, что в карманы политиков поступали «сахарные» деньги. Но в 1969 году и британское, и американское правительство запретило продажу цикламента. В Швейцарии же, где нет мощного лобби сахаропроизводителей, существует сильное лобби в лице химической промышленности, и там подсластитель цикламент продавался и через восемь лет после того, как это вещество было изъято из британских и американских магазинов.

Такой же шум поднялся в научных кругах в 1976 году. На сей раз это было стремление запретить единственный оставшийся подсластитель, а именно сахарин. И вновь тысячи невинных животных попали под огонь борющихся между собой промышленных магнатов.

*

В 1971–1972 гг. исследователи из Центра предотвращения и лечения артериосклероза (Center for Prevention and Treatment of Arteriosclerosis) в Медицинском Университете Олбани (Albany Medical College), штат Нью-Йорк, проводили опыты на группе из 44 свиней. У одного животного за другим вызывали смертельную болезнь вследствие артериосклероза. Их посадили на самую радикальную диету, опасную для кровеносных сосудов. Процесс ускоряли с помощью вредного для сосудов облучения рентгеновскими лучами. Работники были всегда на месте, когда животное падало замертво; ученые надеялись установить, что происходит с сердцем свиньи в этот критический момент. Так громко сообщалось в *Times Union* Буффало 24 октября 1971 г.

Если забыть про финансовый вопрос, то все это кажется идиотизмом. Но одновременно в двенадцати других институтах США бесчисленные животные использовались в похожих экспериментах. Везде ставилась цель вызвать у животных болезнь, но это не давало никаких новых результатов. В течение десятилетий нам говорят,

что таким образом происходит поиск методов лечения, миллионы животных вынуждены умирать в страшных муках, а новые методы лечения так и остаются пустыми обещаниями.

Сегодня по всем фронтам наступает псевдонаука, и происходит это одинаково. Так было в «борьбе против эпилепсии». Обезьянам наносили повторные удары током, животные начинали корчиться в судорогах, и у них развивались симптомы, напоминающие эпилептические припадки у людей — пена у рта, конвульсии, потеря сознания и т.д. Но эти приступы не имеют ничего общего с человеческой эпилепсией, потому что они вызваны искусственным путем, в то время как болезнь людей возникает по внутренним причинам, кроющимся в организме или психике, а не вследствие ударов током. Сегодня на этих обезумевших обезьянах экспериментаторы тестируют разные «новые» препараты — одни и те же в разных комбинациях — и обещают уже скоро «найти лекарство от эпилепсии», что предполагает продолжение исследований. И такого рода методы сегодня оказываются под знаменами науки — что является оскорблением для истинной науки, равно как и для человеческого разума. Неудивительно, что заболеваемость эпилепсией растет.

*

Медицинской науке в погоне за прибылью пришло в голову искать препараты, которые обещали бы ограничивать кровоизлияния в мозг. Как это делается? Очень просто. Это может сделать каждый вдумчивый читатель. Надо взять крыс, собак, кроликов, обезьян, кошек и вызвать серьезные травмы мозга. Как? Наши «исследователи» отлично решают эту проблему ударами молотка. В мозгу животных из-за проломов черепа текут струйки крови, и жертве дают разные препараты. Как будто струйки крови от ударов молотком — это то же самое, что нарушения кровообращения, которые ответственны за недостаточное кровоснабжение головного мозга или же склеротические изменения в мозгу из-за неправильного питания, избыточного потребления алкоголя и курения, недостатка движения, свежего воздуха, психических факторов и т.д. Каждый знает, что надо делать для сохранения физического и душевного здоровья. Но это значительно труднее, чем принять пару таблеток перед обильной едой и надеяться на лучшее.

Те, кто считает, что эти таблетки бесполезны, ошибаются. Они полезны: они приумножают прибыль самой доходной индустрии мира и, кроме того, губят организм, что повышает необходимость вечно «новых» препаратов.

Неиссякаемые золотые источники

Призрак онкологии обеспечил мощнейшее оружие для экспериментаторов. Доктор Говард М. Темин (Howard M. Temin), сам известный ученый, вкратце сказал в лекции, прочитанной в Университете Висконсина (University of Wisconsin), что ученые тоже заинтересованы в деньгах, силе, публичности и привилегиях, и что «многие из них обещают скорое излечение болезней, если у них будет больше денег и полномочий». Он добавил, что заявления, типа «если я в течение последующих пяти лет получу 500 миллионов долларов, то смогу лечить рак» имеют большие преимущества, ибо, если благодетель говорит о довольно отдаленном будущем, никто не сможет доказать его неправоту.

Но что касается рака, мы, быть может, не застанем спасения. Всякий, кто не подвергся идеологической обработке в западных университетах, должен бы знать, что экспериментальный рак, вызываемый с помощью пересадки животному раковых клеток или еще каким-то искусственным образом, сильно отличается от опухоли, возникающей самостоятельно, в организме человека, к тому же. Самопроизвольная онкология связана с организмом, который ее создает, возможно, также с психикой, в то время как раковые

клетки, посаженные в другой организм, никакого отношения к нему не имеют — для них он всего лишь выполняет роль питательной среды.

Но для исследователя неистощимым источником дохода служит страх перед опасными болезнями, который используется в корыстных целях. В наше время экспериментальный рак стал неиссякаемым источником прибыли.

*

Началось все в 1773 году во Франции — Академия наук Лиона тогда устроила конкурс на лучший труд по теме «Что такое рак?» Премия досталась известному Бернару Пейрилю (Bernard Peyrilhe), который описал первый эксперимент по исследованию рака — собаке привили болезнь с помощью «раковой жидкости», взятой из груди пациентки.

С тех пор прошло больше двух десятилетий, и в течение этого времени даже не миллионы, а миллиарды животных всех возможных видов были принесены жертву, и так называемым ученым не удалось найти решение, наоборот, проблема многократно возросла, сомнения увеличились, результаты привнесли путаницу, невиданную доселе в области медицины.

Мы знаем, что когда легкие заполнены табачным дымом, желудок — химией, а на ткани воздействуют различные раздражители, может возникнуть рак. Также мы знаем, что чаще всего у плотоядных животных короткий кишечник, предназначенный для быстрого выведения мясной пищи, в то время как у человека длинный кишечник для растительной пищи, мясо и животные жиры там застаиваются, вследствие чего начинается процесс брожения, который, несомненно, связан с постоянным ростом заболеваемости раком кишечника. Об этом свидетельствует стремительное учащение такой болезни среди народов, которые ранее питались в основном растительной пищей и внезапно перешли к потреблению мяса. Мы знаем, что исключительно мясное питание вредит здоровью человека, а если человек так питается длительное время, оно смертельно опасно: но этого нельзя сказать про питание только растительными продуктами, и свидетельство тому — множество японских вегетарианцев, получивших медали на Олимпийских играх.

Да, мы много знаем про рак, почти столько же, сколько про остальные болезни, и все знания получены, благодаря клиническим наблюдениям, а не опытам на животных. Но на этом невозможно заработать много денег. Обширные эксперименты — вот условие для обеспечения больших денег на «исследовательские цели».

Несколько лет назад Институт Слоун-Кеттеринг (США, Sloan-Kettering Institute) захотел «решить проблему с онкологией раз и навсегда» и протестировал не менее 40 тысяч разных веществ и соединений на миллионах животных и с использованием новых методов — результаты же получились обычными.

Иногда каждую страну мира потрясают новости о том, ученые нашли новое «лекарство» от рака. Так, согласно сообщению United Press, в сентябре 1972 года Майкл Ханна-младший (Michael Hanna Jr.), иммунолог из Национальной Лаборатории Оук Ридж (National Laboratory of Oak Ridge), штат Теннесси, открыл *абсолютно эффективное* средство. Потом ученые вновь констатировали, что люди реагируют не так, как морские свинки.

В 1973 году Американское онкологическое общество (American Cancer Society), частная организация, распределила между 525 соискателями 23 052 373 долларов.

В борьбе против рака денег всегда хватало — наблюдался недостаток мозгов. В английском парламенте уже в течение многих лет убеждают, что для *эффективных* исследований онкологии всегда имелись в наличии необходимые деньги. Молсон (Molson) разъяснял 29 апреля 1952: «В настоящее время нет оснований предполагать, что лучших результатов можно достичь с помощью больших затрат».

Когда новый министр здравоохранения Франции Симона Вейль (Simone Veil) решила сократить государственное финансирование науки, особенно онкологических

исследований, на 1976 год, у многих ученых это вызвало возмущение, но Симона Вейль ответила: «Вы спокойно упоминаете сто миллионов долларов, полученные американским онкологическим институтом, но они не дали результатов. Смертность от рака не снизилась — наоборот. Мы не готовы давать еще деньги на бесплодные исследования — только на массовую профилактику. Мы боремся против алкоголизма, за раннюю диагностику, за улучшение жилищных условий — такой помощи люди могут ждать от своего министерства здравоохранения».

На самом деле, кажется, недалек тот час, когда любое вмешательство в «борьбу с раком» со стороны общественных учреждений и частных организаций будет рассматриваться как признак невежества, а то и как коварное введение в заблуждение.

В статье «Что вызывает рак» (What Causes Cancer?), которая была опубликована в Newsweek (26 января 1976) можно прочитать о том, что, автор, очевидно, считает большой новизной: «Вероятно, рак это болезнь, созданная человеком». Далее в статье говорится: «Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) определяет, что 85% всех случаев рака связаны с разными факторами окружающей среды, и, к сожалению, часто болезнь возникает по вине человека, из-за привычек вроде переедания, курения, чрезмерного пребывания на солнце, из-за опасных веществ на фабриках... Вопреки всем предупреждениям, большинство американцев отдаются потенциально опасным увеселениям, которые предлагаются зажиточным обществом, и, по-видимому, это правильно — покупать опасности. «Мы один раз решили, что хотим так жить и умирать», — сказал доктор Дейвид Балтимор (David Baltimore), который в 1975 году получил Нобелевскую премию за фундаментальные исследования в области рака.

Конечно, это «исследование» заключается в том, чтобы использовать в качестве козлов отпущения миллионы онкологических больных и таким образом оправдывать огромные денежные выплаты.

26 марта 1975 года в The Galveston Daily News на странице редактора появилась статья службы новостей NEA-London Economist (NEA-London Economist News Service) под названием «Стоят ли онкологические исследования выделяемых на них средств?» (Is Cancer Research Worth Costs). В публикации говорилось следующее:

«Суммы, которые тратятся (на онкологические исследования) огромны — 600 миллионов долларов в текущем финансовом году — но все равно все боятся заболеть раком. Миллион американцев уже страдает от этого заболевания. Недавно доктор Джеймс Уотсон (James Watson), мнение которого имеет вес, поскольку он является одним из открывателей молекулярной структуры ДНК, высмеял национальную онкологическую программу, назвав ее обманом. Ученый заявил, что созданные по всей стране правительственные центры по изучению рака — это заведения, деятельность которых изначально построена на обмане и вряд ли эта ситуация когда-нибудь изменится».

Таким образом, доктор Джеймс Уотсон стал еще одним медицинским авторитетом, который признал мошеннические мотивы, стоящие за онкологическими исследованиями, но, очевидно, не понимает причину обмана — или же не хочет озвучить ее. Имя ей — опыты на животных, составляющие основу всех исследований рака на протяжении 200 лет.

О раке мы потом поговорим более подробно, ближе к концу настоящей работы. К сожалению, это окажется неприятной неожиданностью для всех.

Операция прошла успешно, пациент умер

Пересадки сердца, казалось, были преданы забвению, также как и трансплантации обезьяньих желез, с помощью которых профессор Сергей Воронов обещал вернуть пожилым людям половую силу — эта новость потрясла мир в XX веке не меньше, чем первая трансплантация сердца, позднее произведенная Кристианом Барнардом (Christiaan

Barnard). Майкл Де Бейки (Michael De Bakey), один из ведущих хирургов-кардиологов Америки, несколько лет назад объявил о полном отказе от пересадок сердца, потому что «полученные результаты ни в коей мере не оправдывают жертвы». С помощью этих слов приукрашивали неудачу, причем здесь не указывалось, кто на самом деле выступал в роли жертвы — обманутые пациенты, вынужденные испытывать дополнительные страдания, или тысячи животных, на которых врач практиковал свое хирургическое искусство.

Неуспех операций по пересадке сердца был ясно и четко предсказан. Многие хирурги могли проводить эту операцию еще до Кристиана Барнарда. Они не делали ее не по техническим соображениям. Причиной был мощный механизм отторжения, так называемый иммунный ответ, свойственный от природы всем биологическим организмам. Данный механизм сопротивляется проникновению всех чужеродных тел, а также чужеродных органов и тканей. Вследствие этого инородные тела, в том числе, пересаженные ткани другого организма — исключение могут составлять ткани однойцевых близнецов — отторгаются: пересаженная ткань отмирает, ее убивает иммунный ответ (исключение составляет пересадка роговицы. Поскольку эта часть тела имеет небольшое кровоснабжение, туда попадает лишь малое количество сложного и практически неизвестного нам вещества, вырабатываемого защитным механизмом человека. Вот почему пересаженная роговица приживается.)

Чтобы предотвратить отторжение пересаженных органов, были разработаны разные средства, подавляющие иммунологическую реакцию, иными словами, выключающие способность организма не допускать чужеродные тела, отражать их атаку, в том числе уничтожать вредные микробы и сохранять здоровье. Как только естественные иммунологические реакции ослабевают, неправильные бактерии берут верх и начинают разрушать организм. Поэтому даже несерьезные инфекции, вроде простого герпеса (под ним понимают пузырьки, возникающие иногда при обычной простуде) становятся опасными для пациента с подорванной иммунологической реакцией; поэтому такое вмешательство открывает дорогу *всем* болезням, в том числе раку.

Англичанин доктор Морис Генри Паппворт (M. H. Pappworth) говорит без обиняков в своей знаменитой книге «Люди в роли подопытных кроликов» (Human Guinea Pigs, Pelican Books, 1969, с. 302): «Иммуноподавляющие препараты могут вызывать рак — зафиксировано пять случаев, когда у людей с пересаженными нервами позднее развивался рак. Примечательно, что симптомы опухоли всякий раз появлялись спустя значительное время после трансплантации. Еще более важен факт (простое совпадение здесь исключено), что во всех пяти случаях структура клеток опухоли была одинакова (злокачественная лимфома)».

Не всем известно, что Филипп Блайберг (Philip Blaiberg), самый известный пациент-сердечник Барнарда, прожил после пересадки 18 месяцев и перенес два сильных сердечных приступа, из-за приема иммуноподавляющих препаратов он болел желтухой, а из-за ослабленного иммунитета — менингитом, как сообщает журнал Hospital Medicine (июль 1969). Никто не может сказать, прожил бы Блайберг без пересадки столько же или даже дольше. Он бы явно меньше страдал. Доктор Паппворт заметил: «Я совсем не уверен, что такое положение вещей для пациента хоть сколько-нибудь лучше, чем болезнь, от которой должна спасти трансплантация...» (с.312).

В американском College of Surgeons была изучена история болезни более 8000 пациентов с трансплантацией и выяснилось, что у 77 из них был рак, в 17 случаях речь шла о ретикулосаркоме, злокачественном разрастании мезенхимных клеток. Здесь примечателен тот факт, что, согласно сообщению врачей в Медицинском Колледже Виргинии (Medical College of Virginia) Университета Виргинии (Virginia Commonwealth University, Time 19 марта 1973), у пациентов с пересаженными органами это заболевание встречается в 100 раз чаще обычного. Иммунодепрессанты, главная на сегодняшний день опора трансплантационной хирургии, уменьшают устойчивость организма и к инфекциям, и к онкологии.

Таким образом, медицинские исследования снова оказываются перед дилеммой: новая голова гидры, новая проблема возникает всякий раз, когда кажется, что предыдущая решена. Хирурги-трансплантологи всегда хвастаются тем, что трансплантации проходят удачно — пациент умирает от воспаления легких или почечной недостаточности. Это введение в заблуждение. На самом деле осложнения являются последствиями иммунодепрессантов, которые назначаются пациентам, чтобы предотвратить отторжение.

«Людей заставляют думать, что проблема решена или скоро будет решена», — пишет доктор Паппворт. — «Мысль порождается желанием...» (с. 303). И дальше: «Ни один врач, каким бы опытным он ни был, не в состоянии точно оценить ожидаемую продолжительность жизни без трансплантата и период, длящийся от момента, когда кажется, что трансплантат приживается, до его окончательного отторжения... Люди должны знать, что операция по пересадке никогда не излечивает основное заболевание и не делает пациента здоровым человеком... Никакой орган не существует сам по себе, каждый из них зависит от других органов. Например, у пациента, которому делают пересадку по причине болезней сердечно-сосудистой системы, заболевания кровеносных сосудов проявляются и в других органах, например, в почках».

Далее доктор Паппворт констатирует: «Вся трансплантология — это признание ошибок, допущенных при ранней диагностике и лечении. Не было бы правильнее вкладывать силы и средства в раннюю диагностику, профилактику и лечение болезней?» (с.306)

После того, как Кристиан Барнард сделал одиннадцатую пересадку сердца, представитель южноафриканского врачебного общества заявил, что его члены теперь «думают только о пересадках сердца» (Messagero, Рим, 13 декабря 1973). А когда Барнард через год пересадил пациенту второе сердце, и тот стал первым человеком, у которого бились два сердца, неодобрение со стороны его коллег стало более явным. «Цивилизованный мир не должен бы такое одобрять», — ежедневная римская газета Messagero (26 ноября 1974) цитирует профессора Гвидо Чидичимо (Guido Chidichimo), хирурга-кардиолога и заведующего отделением в римской больнице Сан-Камилло (San Camillo): «Какой смысл пересаживать сердце бедняге, надеющемуся на здоровье, чтобы ему выпала участь, с которой он, быть может, уже смирился? Это фокусничество. Это безграничная жестокость. Это цинично».

И это всего лишь результат молчаливого принятия на протяжении двух веков экспериментального метода, начавшегося на беззащитных животных и все больше переходящего на человека. Невзирая на неодобрение со стороны выдающихся врачей, опыты на животных в области трансплантологии проводились везде. И они представляли собой всего лишь упражнения, в ходе которых учитель демонстрирует свое хирургическое искусство благоговейным ученикам, а результат всегда может быть резюмирован в бессмертном высказывании немецкого врача: «Операция пошла успешно, пациент умер».

Первый человек с двумя сердцами в груди умер меньше чем через четыре месяца после операции, хотя штаб врачей делал все, чтобы поддерживать ему жизнь. До общественности новость дошла только через неделю. А о том, насколько сильно он страдал из-за фокусов Барнарда, ничего не говорится. О предсказуемом алиби хирурга узнали только из статьи в Time (5 мая 1975): «Барнард по-прежнему убежден, что его зрелищная операция прошла успешно. Как он объяснял на прошлой неделе, смерть не имеет отношения к вмешательству. Тейлор не умер, когда ему в организм ввел новое сердце — смерть наступила от эмболии легких».

Той же осенью сообщили, что Барнард собирается использовать живых бабуинов для «хранения» человеческих сердец с целью иметь их наготове на случай срочной операции.

Для людей вроде Кристиана Барнарда эксперименты стали одержимостью, нездоровой идеей фикс, и он проводил их без каких-либо разумных оснований, любой ценой. Таково мое мнение, особенно после знакомства с его автобиографией One Life (издательство Howard Timmins, Кейптаун, 1969).

Уверенность Барнарда в том, что эксперимент, где он использовал более 40 суков и их щенков, дал методику, спасающую жизнь, совсем неубедительна, и в наименьшей степени она внушает доверие у хирургов, которым я давал читать книгу. Совершенно очевидно, что Барнарду (как и многим другим экспериментаторам) удалось только вызвать у животного болезненное состояние, встречающееся и у человека, но не вследствие хирургического вмешательства, не так, как Барнард вызывал его у своих собак. Эту болезнь называют атрезией кишечника.

Так происходит, что дети рождаются с дефектом в кишечнике: в нем имеется отверстие, он кончается тупиком и начинается вновь без соединения. Это состояние ведет к смерти, если его вовремя не устранить. Барнард стал вызывать этот дефект у собак с целью доказать широко распространенную теорию, что отверстие в кишечнике можно объяснить недостаточным кровоснабжением. Вот почему он хотел перевязать собакам при рождении кровеносные сосуды, идущие к определенному участку кишечника. Он описывает это в своей книге: «Я должен был вскрыть беременную собаку и обнажить ее матку. Потом мне нужно было вскрыть матку и извлечь из нее детенышей. Затем вскрыть щенков и перевязать кровеносный сосуд, ведущий к одному из участков кишечника — и таким образом вызвать инфаркт, который должен был оставить после себя отверстие, это бы доказало, что кишечную атрезию вызывает данный дефект. Потом требовалось проделать всю ту же работу в обратном направлении: зашить зародыш, вернуть его в матку, зашить ее, поместить собаке на нужное место и, наконец, зашить собаку. Все это надо было производить так, чтобы собака не погибла, и у нее не случилось аборта: детенышам следовало расти и появиться на свет — хочется верить, что с отверстием в кишечнике.

Мне кажется совершенно очевидным, что, если к какой-то из частей зародыша заблокировано поступление крови, эта часть тела не будет развиваться. Но в этом случае я буду всего лишь дилетантом, а не ученым».

Барнард не смог до конца провести операцию первым шести собакам, потому что у жертв вытекали околоплодные воды, удерживающие матку, и зародышам не хватало места. Поэтому Барнард изобретал хитроумные способы для следующего вмешательства, позволяющие обойтись без вытаскивания щенков. Он извлекал матку через длинный надрез, чтобы ее было легче вернуть назад. Затем он перевязывал сосуд, ведущий к участку маленького желудка зародыша, зашивал матку и возвращал ее в живот собаке.

Хирурга, по-видимому, не интересовало, что пришлось испытать собаке в течение последних десяти дней беременности после пережитого, так как единственным его замечанием по этому поводу было следующее: «Мы с нетерпением ждали рождения». Барнард сильно удивился, когда собака набросилась на своих детенышей, изуродованных людьми — и съела их, прежде чем хирург смог забрать их, разрезать, и посмотреть, удался ли эксперимент.

«Невероятно!», — закричал он, по собственному же рассказу, когда его ассистент сообщил ему плохую новость. — «Собаки же не каннибалы!»

Но, господин доктор, даже собаки могут стать каннибалами, если экспериментаторы совершают над ними насилие. Вероятно, это происходит по той же причине, по которой самки павианов отгрызают головы своим детенышам по пути в его лабораторию, находящуюся в больнице Гроот Шуур (Groote-Schuur – «большой сарай» в пер. с гол.).

Вот еще одна жалоба Барнарда: «Самка также вставляла нам палки в колеса. Я своими глазами видел, как мать вылизывала одного щенка за другим, пока ее язык не покрывался волокнами черного оттенка. Тут она, очевидно, почувствовала что-то неладное и предпочла съесть щенка, но не допустить попадания молока в поврежденный кишечник и смерти детеныша по этой причине».

После 43 экспериментов такого рода Барнард, наконец, получил живого щенка с отверстием в кишечнике, наподобие того, что встречается у новорожденных с кишечной атрезией. Но он давал объяснения, каким образом можно предупредить эту деформацию

(бедный дилетант сказал бы, что, возможно, строгое избегание химических препаратов было бы шагом в правильном направлении). А врачи, удаляющие новорожденным дефектный участок кишечника с помощью операции и соединяющие здоровые части хирургическим путем, явно научились делать это не через вышеописанные эксперименты Барнарда.

Тем не менее, когда Барнард в конце концов произвел дефект у щенка, то заявил: «Это обещало жизнь тысячам новорожденных» (с. 157).

Золотой телец

Как это возможно, что во всем так называемом цивилизованном мире из года в год проводится все больше экспериментов на животных, невзирая на их невероятную жестокость и полную бессмысленность? На то есть множество причин.

Прежде всего, финансовая прибыль. Вивисекция это род «исследований», и она дает возможность «ученым» без труда получать большие стипендии от государства и из частных источников, так как утверждается, что чем больше животных принесено в жертву во время эксперимента, тем он надежнее.

Давайте рассмотрим последствия этой гипотезы на примере одного случая, а именно, уже упомянутого эксперимента, когда 15 000 животных были обожжены до смерти, потому что ученые хотели еще раз проверить давно известное действие экстракта печени на находящихся в состоянии шока.

Об эксперименте сообщали два крупных медицинских журнала: *Journal of the American Medical Association* (10 июля 1943) и *Journal of Clinical Investigation* (сентябрь 1944). Авторами публикаций были Майрон Принцметал (Myron Prinzmetal), Оскар Хэтчер (Oscar Hatcher), Клара Марголес (Clara Margoles) и Джордж Фейген (George Feigen) из исследовательской лаборатории больницы Cedars of Lebanon и с медицинского факультета Университета Южной Калифорнии (Southern California Medical School). Экспериментаторы заранее знали, что практикующие врачи уже давно испробовали экстракт печени и довольны им; но они хотели сообщить в своих докладах, что «использовано достаточное количество животных для достижения статистически значимых результатов».

При этом они обнажили свое незнание основополагающей статистики. Статистически доказано, что при кидании монеты шесть раз может получиться шесть раз орел или решка. Но в дальнейшем начнут выпадать и орлы, и решки. При бросании 300 раз «закон среднего числа» обязательно проявится. Закон работает таким образом, что при продолжении этого действия соотношение орлов и решек будет половина наполовину. При 150 или 1500 бросках отклонения от пропорции 50:50 бывают небольшими, и коэффициент всегда приближен к идеальному числу 0,5. Иными словами, закон среднего числа — это математический закон, не теоретическое представление. При 500 бросках соотношение составляет примерно 50:50, оно остается таким же, если монету кидать еще тысячу, десять или сто тысяч раз. Иными словами, если в статистическом учете вообще есть смысл, он производится в гораздо более краткое время.

А теперь встает вопрос: возможно ли, что никто из многочисленных «ученых», которые знали об этом большом эксперименте, длившемся много лет, не был знаком с простым правилом, которое изучают дети в школе? И что оказалась допустима ситуация, когда для доказательства известных фактов обжигают до смерти не 50, не 150, не 1500, а 15 000 животных? Все это возможно. Но не вызывает сомнений один факт: при принесении в жертву 15 тыс. животных, а не 50 гораздо проще объяснить, куда уходят большие суммы денег.

Если бы ученые не придумывали постоянно новые эксперименты (умалчивая при этом, что они повторяют старые классические доказательства), то было бы нереально

растратить миллиарды долларов, выделяемые Америкой на внутренние и заграничные исследования. Иными словами, сначала появляются деньги, а потом надо найти средства и способы их растратить.

Это объясняет, почему исследователи, кроме всего прочего, изучали следующее: (1) мимику, (2) анальную температуру аляскинских ездовых собак, (3) нервную систему чилийских десятируких каракатиц, (4) расположение зубов австралийских аборигенов.

Американское государство за счет налогоплательщиков в 1940 году выделило сто миллионов долларов на подобные «исследовательские» идиотизмы внутри страны и за рубежом, в 1949 году — миллиард долларов, в 1960 — 8 миллиардов, в 1970 — 15 миллиардов, в 1975 — 25 миллиардов.

Эти средства налогоплательщиков были потрачены в том числе на следующее:

30 000 долларов на вызывание у крыс алкоголизма под предлогом лечения алкоголизма у людей, хотя у людей пьянство имеет глубокие психологические корни, крысы же от природы являются трезвенниками.

Миллион долларов на изучение материнской любви у обезьян.

500 000 долларов на изучение любви к жизни у блох.

148 000 долларов, чтобы выяснить, почему у кур растут перья.

Миллион долларов на изучение половых инстинктов комаров.

102 000 доллара, чтобы сравнить действие джина и текилы на рыб, плавающих в Атлантическом океане.

500 000 долларов, чтобы выяснить, почему рассвирепевшие обезьяны сжимают зубы. Субсидию на эту глупость получил доктор Рональд Хатчинсон (Ronald Hutchinson) из государственной больницы Каламазу (Kalamazoo State Hospital) в штате Мичиган. В результате сенатор Уильям Проксмайер (William Proxmire) предложил присудить ему ежемесячную премию The Golden Fleece (Congressional Record, 18 апреля 1975 г.).

В 1950–1963 гг. Национальный Институт здравоохранения (National Institutes of Health) выделил 525 000 долларов, чтобы доктор Ванг (S. C. Wang) из нью-йоркского университета Колумбия (Columbia University) разными способами (с помощью качания, таблеток, действия на мозг электротоком) вызывал рвоту у собак и кошек с целью выяснить, чем отличается механизм возникновения рвоты у собак и кошек.

92 миллиона долларов были потрачены на неудачную попытку отправить маленького шимпанзе Бонни в космический полет. Этот неудачный полет, в котором имели долю ведущие ученые и физики, запланировал и провел на деньги налогоплательщиков не кто иной, как NASA (National Aeronautical and Space Administration, Национальное агентство по авиации и исследованию космического пространства). Бонни закрыли в биоспутнике для движения по околоземной орбите, в мозгу животного и в других частях его чувствительного тельца находились 150 электронных сенсоров. Полет должен был длиться 30 дней. Но вскоре обезьянка заболела, и ее вернули на землю — мертвой. Большая команда медицинских корифеев, имевших отношение к космической программе, не могли понять причину смерти. Было бы разумно предположить, что Бонни умерла от страха, горя, одиночества и отчаяния. И, разумеется, от сильной боли. Функции организма не отказывают без сильных страданий — псевдоученые нашего времени могли бы понять это, если им хоть раз попадала песчинка в глаза.

10 июля 1969 года нью-йоркская газета Daily News сообщила: «Полковник Джон Пауэрс (John Powers) который за пять лет до того ушел из NASA, сегодня критически отозвался о неудавшемся полете обезьянки-космонавта Бонни, назвав это «натуральным транжирством 92 миллионов долларов». Пауэрс, в чьи обязанности в качестве оператора, управляющего движением лунохода с Земли, входило информировать общественность о ранних космических полетах, сказал: «С помощью компьютера можно узнать больше, чем с помощью обезьяны. Мы уже пять лет как отказались от исследований с использованием обезьян».

*

Большую часть финансирования опытов на животных везде составляют государственные дотации, но большие ссуды делаются также фармацевтическими предприятиями. Вивисекционный метод позволяет им наводнять мир своими продуктами (чаще всего это прежние лекарства в новых комбинациях и под другим названием), которые обещают большие результаты и якобы не причиняют вреда, характерного для прежних препаратов; а те более ранние лекарства между делом изымают из продажи, потому что они, как выяснилось, бесполезны или вредны. Но и новые медикаменты рано или поздно заменяются другими «новыми» продуктами (под другим названием, но с теми же самыми составляющими), которые так же бесполезны или вредны для всех, за исключением самой прибыльной индустрии мира.

Государственные дотации, идущие в Америке на исследования и науку, сегодня составляют около 25 миллиардов долларов в год. Богатые попрошайки, которые не утруждают себя мыслями о бедных, больных и униженных, говорят, что этой суммы недостаточно. Один микробиолог на семинаре писателей-ученых даже предложил увеличить налог на социальное страхование, чтобы получать больше денег на «биомедицинские исследования», то есть, на опыты на животных. Каждый день они буквально тысячами приходят с протянутой рукой в казначейство государства и представляют свои «проектные бланки», где все заполнено, в соответствии с бюрократическими предписаниями.

К огромным суммам, которые вносятся государством и химическими предприятиями, а также волей-неволей налогоплательщиками и потребителями, прибавляются еще взносы отдельных горожан; большей частью они не знают, каким образом в реальности будут использованы их пожертвования.

Хотя самой главной целью опытов на животных является прибыль, большую роль играет также карьеризм, близкий родственник алчности, что означает желание при отсутствии таланта неутомимо стремиться к наградам или к псевдонаучной известности. Обычно этого достигают с помощью каких-то давно известных экспериментов, которые уже описаны в каждом труде по физиологии и имеют такую научную ценность, как если бы еще раз изобрели зонтик. С одним различием: зонтик изготовить было бы гораздо труднее.

*

Опыты на животных получают еще более сильный импульс со стороны категории, которую на самом деле следовало бы назвать в первую очередь, потому что именно эти люди заложили основу сумасшедшим, бессмысленным экспериментам, воспринимавшиеся в последние 100 лет как признак ума. Название им — садисты. Правда, было бы ошибкой считать, что все вивисекторы садисты, но еще более ошибочно мнение, что садизм имеет с этой практикой мало общего.

Вивисекторы постоянно утверждают, что хотят удовлетворить свое «научное» любопытство, когда они давят ноги собак в зажиме Блэлока и испытывают действие шока, которое уже сотни тысяч раз было проверено во всех американских университетах, или разбивают яички котом до состояния месива с целью посмотреть как это влияет на половую жизнь котом, что происходило 14 лет подряд до 1976 года в Нью-Йоркском музее естественной истории (New York Museum of Natural History). Другие люди называют это научным любопытством.

Да, садизм существует. Психологи убеждены, что в каждом человеке есть зачатки садизма. Мы видим это у ребенка, который отрывает крылышко у мухи или запирает котенка в стиральной машине. Если ребенку объяснить, что он совершает проступок, склонность к садизму будет подавлена в зародыше и превратится в сострадание.

Но когда садизм проявляется у взрослого и принимает такие формы, которые заставляют нас содрогаться от омерзения и негодования, это признак болезни, возникшей из-за серьезного психического нарушения.

Опять же, психологи нас убеждают, что такое патологическое состояние встречается нередко — и есть ли более подходящее занятие для садиста, чем опыты на животных? Они представляют собой единственный род деятельности, когда людям дается возможность удовлетворять эту склонность, не нарушая закон, и даже снискать «научную» славу или же легко зарабатывать деньги.

Козел отпущения

Представление о козле отпущения — мысль об отпущении грехов, пороков, болезней, печальной судьбы и других бед через взваливание их на невинного человека или животное — широко распространено в человеческом обществе с давних времен. Вавилоняне с этой целью обезглавливали козла. Древние греки ежегодно делали козлами отпущения двух человек: выгоняли из города преступников или калек.

Сегодня в большинстве случаев козла отпущения представляют не в конкретном, а в абстрактном виде, сваливая вину за собственные ошибки, недостатки и расстройства на других людей или категорий населения.

При экспериментировании на животных образ козла отпущения особенно обширен. Хотя обычно выбор причины ошибок — это иррациональный процесс, у экспериментаторов имеются разумные основания для его создания: деньги или личное удовлетворение. Но идея козла отпущения, безусловно, способствовала тому, что значительная часть общественности молчаливо принимает опыты на животных.

Чтобы «научно доказать» известный факт, что перенаселение ведет к нервозности, враждебности и жестокости, экспериментаторы охотно заточают множество крыс в таком тесном пространстве, что животные начинают драться и убивать друг друга. А с целью привести «научные доказательства» того, что ребенку нужна материнская теплота и любовь, детенышей человекообразных обезьян после рождения забирают у матерей и годами держат в одиночестве, зачастую даже в полной темноте — такое наказание чаще всего считается слишком жестоким даже для заматерелых преступников.

К той же категории также относятся эксперименты, ставящие целью сделать животных наркоманами. Если после внезапного лишения наркотика у них начинается ломка, на них испытывают успокаивающие средства. Но при этом исследователи никоим образом не узнают, будут ли эти лекарства оказывать на человека такое же действие или же отравят его — принимая во внимание тот факт, что, например, стрихнин это смертельный яд для человека, но не для обезьян.

Хотя статистика, собранная по всему миру, четко доказывает, что курение может привести к раку легких, исследователи — особенно работающие на производителей табака — упорно настаивают на «отсутствии научных доказательств» того, что курение вызывает рак легких, ведь еще не удалось вызвать этот рак у животных. Если бы однажды у ученых получилось вызвать рак легких у животных с помощью курения, это бы доказывало что на самом деле этот рак возникает от сильного курения лишь у этого особенного вида, но не у человека. Тем не менее, мы знаем, что из-за курения человек может заболеть раком легких: это нам уже давно показали клинические наблюдения и статистика.

И все же ради теории, выдаваемой за «научную», но на самом деле являющейся оскорблением для истинной науки и любого вдумчивого человека, исследователи фиксируют миллионы животных, главным образом собак и кроликов в аппаратах для удержания и подвергают экспериментам на действие табачного дыма длиною в жизнь.

После короткого сообщения в американских СМИ некий доктор Уильям Демент (William Dement) из Стэнфордского университета (Stanford University) проводил опыты на сотнях кошек, лишая их сна, пока они не сошли с ума; это делалось, по его словам, для того, чтобы понять механизм человеческого сна.

Нервная система животных, особенно кошек, имеет очень мало общего с нервной системой человека. Кошка дремлет двадцать два часа в сутки, она пребывает в таком состоянии везде и даже тогда, когда находится в вертикальном положении. Может быть, то же самое происходит с доктором Дементом, но не с большинством здоровых людей. Чтобы лишать кошек сна и при этом самому оставаться в бодрствующем состоянии, доктор Демент придумал следующее: он сажал каждое подопытное животное с электродами в мозгу на кирпич, окруженный водой. Когда кошку начинал охватывать сон, ее нос опускался в воду. Таким способом доктор Демент в течение 70 дней поддерживал состояние бодрствования — не 70 часов, а 70 дней. На основании этого он сообщил, что электроэнцефалограммы свидетельствовали об «изменениях личности», что на менее «ученом» языке означает «сумасшествие». Многие здравомыслящие люди высказали мнение, что ученые вроде доктора Демента явно представляют собой жертву изменений личности.

*

Это касается и их аналогов на нашей стороне Атлантического океана. Доктор Элис Хайм (Alice Heim), английский психолог, член Медицинского исследовательского совета (Medical Research Council), рассказала в своей книге «Разум и личность» (Intelligence und Personality) о других экспериментах с лишением сна, в такой же мере свидетельствующие об отсутствии вменяемости у экспериментаторов. Крыс лишали сна в течение 27 дней подряд, для этого их сжали на ступенчатое колесо, две трети которого находились под водой. Когда утомленные крысы падали с колеса в воду, они уже не имели возможности вскарабкаться назад. Некоторые из них находили способы успокоиться — они цеплялись за миски с едой. Одна крыса взобралась наверх и передними зубами зацепилась за металлический карниз клетки, чтобы так спать. *Аппарат изменили, чтобы такое не было возможно.*

Вот так во всех областях науки невинные животные служат козлами отпущения для пороков и ошибок людей. Мы курим — животные нет, так мы заставляем животных курить, хотя для них это мучение, а для нас, напротив, удовольствие. Мы пьем алкоголь — животные нет, значит, мы споем их и вызовем у них цирроз печени. Мы принимаем наркотики — животные нет, так сделаем их наркоманами. Из-за ежедневного напряжения мы страдаем от бессонницы, а животные нет, поэтому мы заставляем животных находиться в состоянии бодрствования, пока они не сойдут с ума. Из-за нашего неестественного образа жизни мы испытываем стресс, но не животные, так заставим их бегать во вращающемся барабане, чтобы стресс начался и у них. По причине неосторожности у нас случаются ДТП, а у животных нет, значит, посадим связанных животных в автомобили и сделаем так, чтобы она ударились об стену. Из-за неправильного питания, токсичных препаратов и собственноручно созданного загрязнения окружающей среды мы заболеваем раком, а животные нет, поэтому вызовем рак у миллионов животных и будем наблюдать, как они медленно угасают от страшной болезни, вызванной человеком.

*

Итак, читатель лишь краешком глаза увидел, что сегодня происходит под именем медицинской науки. Псевдонаука, которая пользуется невежеством, страданиями, страхом боли и заболеваний создала с помощью СМИ иллюзию, что она, подобно шаману из примитивного племени предсказывающему дождь, обладает таинственным искусством и неограниченной силой, от которой зависит спасение человечества. А люди с благоговением бросаются к ней, падают к ее ногам, представляя себе ее в виде

всемогущей, чудесной богине в одежде из золота и парчи, на которую нельзя взглянуть, иначе можно ослепнуть. Но если бы они отважились это сделать, то констатировали бы, что на теле их государыни нет ни клочка одежды, и на нее страшно смотреть.

Корыстолюбие, жестокость, жажда славы, некомпетентность, тщеславие, грубость, глупость, садизм, сумасшествие — все это обвинения, которые в нашей работе выдвигаются в адрес вивисекции. За ними следуют доказательства. Ничто не преувеличено по простой причине: когда речь идет о современных опытах на животных, распространяющихся все больше, какие-либо преувеличения не просто излишни, но и невозможны.

Но чтобы полностью понять прегрешения этой «науки», сначала надо разъяснить, перед кем она виновна.

Часть 2 Безмолвные

Когда новорожденный муравей остается один, он не хочет жить и умирает. Два новорожденных муравья сразу же принимаются за строительство гнезда.

*

Альберт Швейцер, согласно своему биографу Джин Пирхол (Jean Pierhal), был уже готов впустить в чопорные палаты философии, доселе зарезервированные лишь для людей, всех четвероногих и крылатых созданий, когда смерть прервала его долгую жизнь, полностью посвященную тому, чтобы показать людям важность гуманизма.

Имеется колоссальное различие между Альбертом Швейцером и братством вивисекторов, которые, с одной стороны, сравнивают физиологические, нервные и психологические реакции животных, с другой — утверждают, что могут с животными делать что угодно, и они не страдают. Существует ли что-то более смехотворное или ханжеское, чем заявления, что у животных нет разума, чувств и способности к страданиям, и поэтому они используются для экспериментов, призванных объяснить поведение человека? Немаловажен тот факт, что хоть эти люди, кажется, не замечают своей постоянной связи с животными, все существа наделены высокой чувствительностью и умом. Пусть эти свойства у животных во многих отношениях отличаются от наших, сей факт не дает права называть их нижестоящими.

Вольтер пишет в своем «Философском словаре»: «Заявления о том, что животные есть тупые и бесчувственные машины, которые делают все одинаковым образом, ничего не узнавая и не совершенствуя, — это признак сумасшествия. Когда птица строит гнездо в виде полукруга на стене, четверти круга в углу и круглое на вершине — она делает все одинаково? А когда вы хотите научить канарейку мелодии, замечаете ли вы, что сначала она поет неправильно, а потом верно? А собака, которая скулит в поисках потерянного хозяина на улице, с тревогой и волнением бежит домой, перемещается вверх и вниз по лестнице, из комнаты в комнату и, найдя, наконец, своего любимого хозяина, демонстрирует любовь лаем и прыганьем. Некие варвары хватают эту собаку, так превосходящую их в верности и дружбе, фиксируют на столе и заживо разрезают ее — чтобы показать нам ее брыжеечные сосуды и обнаружить те же органы чувств, что и у нас. Отвечай же, механист! Природа наделила животных источниками чувств, чтобы они ничего не чувствовали? Нервы им даны для бесчувственности?»

Всякий раз, когда мы можем сделать нечто такое, на что животные не способны, мы это приписываем нашему более развитому интеллекту. Но звери умеют многое из того, что не дано нам; в этом случае мы говорим не о более совершенных способностях, а о неких предполагаемых, неопределенных «инстинктах».

Если человек оказывается брошенным в незнакомой местности, пусть даже вблизи дома, и рассчитывает только на свой ум, он вряд ли без наведения справок найдет дорогу, хотя и знает, что движение солнца дает ценные сведения. Но мы еще не поняли, каким образом животным удается ориентироваться на расстояниях в тысячи километров, мы думаем, они тоже этого не знают.

Чтобы обнаружить у животных сознание, нет нужды обращаться к позвоночным. Даже у самых простых форм обнаруживается некий разум. Это относительно новое открытие. Роберт Макнаб (Robert Macnab) и Дэниел Кошланд (Daniel Koshland), два биохимика из калифорнийского университета Беркелей (California University (Berkeley)), недавно установили, что у микробов обнаруживается качество, которое следует обозначить как память — следовательно, как некий ум. По правилам микробы в растворе движутся беспорядочно. Если же в раствор добавить питательное средство, например, сахар, то микробы в течение какого-то времени движутся более спокойно и прямо, прежде чем возобновится их рывковое плавание. Оба ученых объяснили это изменение как признак рудиментарного ума. Они перемещали микробы в направлении от сахарного раствора, после чего микробы в ту же минуту необычайно возбуждались, будто бы искали обратный путь к сахарному раствору. По-видимому, микробы «вспоминали» свой потерянный сахарный рай (сообщение в *Time & Life Nature/Science Annual*, 1973).

Биограф Пастера Рене Дюбо (René Dubos), профессор микробиологии в нью-йоркском Институте Рокфеллера (Rockefeller Institute) и лауреат Пулитцеровской премии за свои книги о науке, еще раньше сообщал о сходном открытии: «Простейшие одноклеточные были помещены в раствор кислоты настолько малой концентрации, что их поведение не изменилось; затем концентрацию увеличили до уровня, причиняющего вред. После нескольких повторений эксперимента они выучили: соприкосновение с раствором, не вызывающим боли, свидетельствует о том, что их поместят в раствор более сильной, опасной концентрации. Из этого знания одноклеточные извлекли пользу, которая выразилась в том, что перед приближающейся опасностью они выстраивались в ряд. Таким образом, способность к обучению даже у примитивных простейших столь сильно развита, что сигнал об опасности побуждает их реагировать не меньше, чем сама опасность». (*Man, Medicine and Environment*, изд. Fred A. Praeger, 1968).

Если ученые уровня Дюбо пришли к выводу, что одноклеточные и то не лишены ума, было бы здраво допустить, что жизнь более высокоразвитых животных, например насекомых, находится под управлением не только ограниченных инстинктов.

В 50-е годы исследования Карла фон Фриша (Karl von Frisch) дали нам новое знание о пчелах, чей организационный талант потрясал еще древних философов — так во времена античности называли естествоиспытателей. Про социальную структуру пчел — матка, рабочие пчелы, рядовые пчелы — также как об их строгой дисциплине и альтруизме мог знать каждый. Но сейчас у нас, благодаря Фришу, гораздо больше информации.

Фриш установил, что молодые пчелы проходят школу, и что у пчел есть свой язык. Они не могли бы достичь своего высокого уровня интеграции, если бы не были в состоянии объясняться друг с другом. Слова тут не единственный способ сообщения. Многие животные имеют в распоряжении другие средства, и мы открыли только некоторые из них. Фриш установил, что язык пчел заключается в избранной сигнальной системе. Например, пчелы-ищейки четко сообщают своим товарищам по улью о новых местах, где много нектара, и их географическом положении — в зависимости от этого она исполняет определенный танец перед ульем. Если пища расположена на расстоянии 50 метров или даже меньше от улья, пчела-ищейка исполняет круговой танец, сначала в одном направлении, затем в другом. Когда дистанция составляет 50–100 м, то танец включает в себя прямонаправленное движение между круговыми, при этом во время прямого хода брюшко насекомого качается. При расстоянии более 100 м количество оборотов увеличивается с течением времени, и качание брюшка усиливается. Если пища

находится в направлении к солнцу, прямое движение направлено вертикально вверх. Движение вниз указывает на направление от солнца. Отклонение на 10 градусов направо говорит о том, что питание находится в 10 градусах вправо от солнца. Каждое отклонение вправо или влево от вертикали соответствует правому или левому углу от солнца. Комплекс ульев образует взаимосвязанную социальную колонию, которая основывается на совместной работе.

Еще один пример поразительного невежества многих естествоиспытателей можно найти в «Британской энциклопедии». Там говорится по поводу пчел: «Отношения в колонии столь гармоничны, что некоторые люди склонны приписывать пчелам высокий интеллект». Данный лексикограф, очевидно, к такому мнению не склоняется, потому что добавляет: «На практике из этого получается мало улучшений, отсюда очевидно, что здесь приходится иметь дело только с инстинктивным поведением».

То же самое говорил о пчелах Фома Аквинский, и тем самым он вызвал гнев Вольтера, который по просвещенности сильно опережал свою эпоху.

Кто знает историю и образ жизни муравьев, но, тем не менее, отказывается признать за ними наличие высокоразвитого ума, не должен удивляться, когда возникают сомнения по поводу их собственных способностей. Все общественные насекомые произошли от одного предка, который в теплом климате строил свое гнездо под открытым небом. Существуют и другие примеры такого примитивного строительства гнезда. Так что неправда, что насекомые не могут дальше развиваться: они построили свое высокоорганизованное общество. Сейчас нам известны тысячи видов общественных ос и более десяти тысяч видов общественных пчел, при этом каждый из них имеет свои социальные особенности. Раз они не изменили свою манеру строительства и образ жизни со времени ранней или средней кайнозойской эры, значит, они уже давно достигли совершенства. Это также касается большинства животных в природе, если не всех. Только человек продолжает меняться постоянно и чаще всего бездумно, отходя все дальше и дальше от совершенства, в поисках которого якобы пребывает, и в процессе этого поиска способствует упадку собственного вида.

Естествоиспытатель Верлен (Verlaine) однажды наблюдал в бельгийском Конго осу, которая старалась построить из глины комнату для яиц, чтобы их откладывать туда. Для этого она привносила разные изменения в конструкцию, например, снимала крышу, слегка переделывала ее и ставила на место. Каждое новое положение требовало от осы изобретательности. Когда стенка падала, насекомое начинало строить новую ячейку, используя одну стену, которая оставалась. Ферлейн был поражен не только тем, как оса постоянно делала примерки, но также ее памятью. Ремонт делался после четырехчасового перерыва, во время которого оса не видела свою комнату. Четыре часа жизни осы равнозначны месяцам жизни человека.

Муравьи и термиты имеют еще более сложные организмы. Они достигли такой степени развития, что имеют сельское хозяйство — выращивают грибы. То, что муравьи в большом количестве водятся во всех частях света, даже в пустынных и болотных местностях, объясняется не только успешным использованием всех источников питания, но также и социальной организацией. Как очень заботливые управляющие домом они сооружают мусорные кучи покинутой местности; туда они тащат все ненужное и трупы умерших муравьев. За миллионы лет до Пастера они обнаружили, что большие количества животных могут жить вместе и оставаться здоровыми только при условии санитарной охраны помещения.

Некоторые восточные и африканские муравьи строят свои гнезда из листочков и сшивают их нитками, получаемыми из слюнных желез личинок. Одни работники удерживают вместе края листьев, а другие держат во рту личинок, выделяющих секрет, и соединяют листья, двигаясь в разные стороны.

У муравьев и термитов можно найти также несомненные «человеческие свойства», которые, как выяснил бельгийский лауреат Нобелевской премии Морис Метерлинк

(Maurice Maeterlinck, он столь же основательно занимался изучением муравьев, как Фриш — пчел), с организаторской точки зрения превосходят не только всех остальных животных, но и людей. Определенный вид муравьев (*Formica sanguinea*) живет, подобно рабовладельцам, потому что они из других колоний похищают рабочих куколок и выращивают их, чтобы потом пользоваться ими. Рабы должны разжевывать хозяевам еду и кормить их. Другие виды успешно занимаются «скотоводством»: они выращивают тлю, ухаживают за большими стадами этих совершенно прирученных «муравьиных коров» и «выдаивают» из них нектар.

*

Примером выдающейся строительной изобретательности служат бобровые плотины из ила, камней и стволов деревьев. Сооружения настолько тщательно спланированы, что они находятся на достаточной глубине, где вода не промерзает, а подступы расположены под водой, чтобы в нору не могли проникнуть хищники. Бобер достиг архитектурного совершенства за миллионы лет до того, как появился первый человек разумный.

Косяки птиц при перелетах с их строгой дисциплиной тоже являют собой отчетливый признак ума и организаторского таланта.

Серебристые чайки поднимают высоко в воздух морских ежей, держа их в клюве, а затем кидают их на скалы, чтобы разбить их и добраться до внутренней части.

Страусам обычно приписывают глупость — говорят, он прячет голову в песок в надежде, что так ничего не будет видно. От африканских охотников я узнал другое. Когда идет охота на стаю страусов, одна из птиц отделяется от остальных и начинает хромать так, что это бросается в глаза, в надежде отвести преследователя от стаи. Слепой инстинкт?

А как насчет лисы, которая бросает своих детенышей на засеянное поле, когда знает, что крестьянин далеко — на таком расстоянии, что лисята имеют возможность в безопасности научиться убегать от него?

Нельзя делать вывод о глупости медведя лишь на основании того, что он не в состоянии печатать на пишущей машинке. Из-за этого недостатка он не может быть бюрократом, но с другой стороны он способен выдерживать суровую зиму без отопления и питания. Осенью медведь затыкает свою прямую кишку и поедает для этого сухую еловую хвою, которая очень медленно переваривается и, наконец, перекрывает отверстие. В результате все, что он потом съедает, может полностью быть использовано во время зимней спячки. Где медведь этому научился? И кто посоветовал белому медведю, не имеющему возможности смотреться в зеркало, посыпать нос снегом, прежде чем подбираться к тюленю? Таким способом он устраняет единственное темное пятно, дающее возможность обнаружить его на снегу.

Многие животные, например, крысы и слоны, имеют более крупный в соотношении с туловищем мозг, чем люди, хвастающиеся весом своего мозга. Совершенно бессмысленно сравнивать ум совершенно разных видов, иное дело сопоставить интеллект нечеловекообразных или человекообразных приматов, таких как шимпанзе, орангутанги, макаки резус, павианы, игрунки с нашим. Но при этом надо помнить, что интеллект различается внутри вида: каждый из них имеет своих гениев и дураков.

*

Обезьяны, как и мы, могут объясняться друг с другом с помощью жестов, а также слов — в настоящий момент идентифицировано уже более 80 слов. Интеллект средней взрослой обезьяны сопоставим с интеллектом 5–9-летнего ребенка. Но у обезьян более тонкая и восприимчивая нервная система, поэтому они страдают также или даже больше, чем мы. Новорожденные и даже шестимесячные младенцы не очень чувствительны. Но мы даже не допускаем мысли о том, чтобы ставить опыты на новорожденных или грудных

младенцах (тем не менее, такие опыты без разрешения проводили в больницах сумасшедшие экспериментаторы). Почему же мы допускаем это с взрослыми обезьянами?

У людей физическое и духовное развитие происходит очень медленно, по сравнению с большинством животных. Человек достигает полной физической зрелости лишь к двадцати годам — в возрасте, когда некоторые виды обезьян уже умирают от старости — а становление личности заканчивается лишь к сорока годам. Хотя некоторым людям действительно удается достичь высокого умственного развития, верно и то, что из всех созданий человек учится медленнее всех. Большинство животных, от кур до четвероногих и обезьян, могут бегать сразу после рождения.

Профессор Ричард Д. Райдер (Richard D. Ryder), англичанин, занимавшийся опытами на животных в Великобритании и США до того, как стал заведующим психическим отделением в Уорнфордской больнице (Warneford Hospital, Оксфорд), сообщает: «Я видел людей, которые во многих отношениях менее умны, чем смысленные шимпанзе — и об этом я заявляю как психолог». Профессор Х. В. Ниссен (H. W. Nissen), американский вивисектор, производивший главным образом эксперименты на обезьянах, говорит: «Между эмоциями и мотивацией человека и других приматов нет фундаментальных, качественных различий». (Human Biology, Bd.26, 1954).

А профессор Гарри Ф. Харлоу (Harry F. Harlow) из Приматологического центра Университета Висконсина (University of Wisconsin's Primate Center) пишет в *Lessons from Animal Behaviour for the Clinician* («Уроки из поведения животных для клинициста»), 1962: «При анализе процесса обучения самыми полезными животными оказываются макаки резус... Они могут решить много задач, аналогичных тем, которые используются в стандартных тестах на определение человеческого интеллекта».

Профессор Харлоу указывает на преимущество работы с обезьянами: «При рождении обезьяна имеет гораздо большую умственную зрелость, чем человек, и моторные навыки у нее имеют такой уровень, которого ребенок достигает по прошествии нескольких месяцев... Большинство обезьян можно изучать часами, годами, неделями... Мы можем задавать им такие условия, которые неправомерно создавать для людей. Мы можем в течение долгого времени без перерывов подвергать их физическим и психическим страданиям. Также мы можем повреждать их головной мозг».

Хотя профессор Харлоу полностью признал сходство обезьян с человеком, он безжалостно наносит вверенным ему приматам хирургические увечья, удары электротоком, физические и психологические травмы — если бы он такое проделывал с людьми, то его бы заклеили как чудовищного преступника. Он придумал эксперимент, в котором 56 детенышей шимпанзе — животных, имеющих наибольшее сходство с человеком — отнимают у матерей и на 5-8 лет изолируют в холодных проволочных клетках. Других сажают в корпуса со сплошными стенами, и у них годами не было возможности видеть других живых существ. За их поведением наблюдали через одностороннее окно. У многих развилось стереотипное поведение и судороги: они смотрели в одну точку либо цеплялись руками за голову и постоянно раскачивались туда-сюда. Или «животное грызет и царапает свое тело, пока не начинает идти кровь».

Ученый совершенно иного типа, доктор Кэтрин Робертс (Catherine Roberts), микробиолог родом из Калифорнии, ныне работающая в Дании, отмечает по этому поводу: «Факт проведения этих экспериментов, чтобы получить какую-то информацию про материнскую любовь, не только смешон, но и свидетельствует кое о чем. Эти опыты выявляют недостаточное понимание вопроса, являющегося предметом исследования».

Из около 2 миллионов долларов, которые были выделены профессору Харлоу в 1961 году, 1 664 540 предназначались на создание обезьяньего питомника, так называемого отдела приматов. Оставшаяся часть шла на его эксперименты. Под его «профессиональным» руководством производилось неуклюжее плодотворное исследование наивных обезьян, и «вышколенные» ассистенты отмечали, как часто животные поворачивались в своих клетках, сосали ли они большой палец или нет, лизали

ли они свои гениталии, когда им не давали их любимую пищу. Профессор очень хорошо знал, что говорил, когда он в *Journal of Comparative and Physiological Psychology* (декабрь 1962) заявил следующее: «Большинство экспериментов не имеют смысла, и не имеет смысла публиковать большую часть полученных данных». Очевидно, те, кто предоставляет государственные субсидии, не читали глубокомысленных выводов Харлоу: в тот год выплаты ему составили 708 300 долларов (субсидия №528, 6287 и 72С).

Видимо, профессор считал свою работу чрезвычайно важной — это мнение вряд ли разделит большинство людей, которые не имеют обыкновения беспокоиться о состоянии мозга. Хотя профессору Харлоу разрешено повреждать обезьяний мозг, он не испытывает большой любви к обезьянам. Интервью в *Psychology Today* (апрель 1973) раскрывает интересные аспекты его характера, а также сущность экспериментов с обезьянами, которыми он занимался всю жизнь. На вопрос, не находит ли он жестокостью отнимать детенышей у матерей, тем более что результаты кажутся не очень полезными, Харлоу ответил: «Я считаю себя добрым человеком, но не испытываю симпатии к обезьянам. У обезьян не формируется любви к человеку, и любить животное, которое не отвечает мне взаимностью, для меня невозможно».

Этот человек, который, впрочем, потом пробовал вызвать у обезьян шизофрению с помощью ударов током — вероятно, занимает высокое положение в мире вивисекции; но невзирая на все свои эксперименты на мозгу, Харлоу не обладает достаточной психологической чуткостью и умом, раз ожидает от обезьяны любви к своему мучителю. Человек, так долго имевший дело с приматами и не замечающий способности любить, показывает свою недалекость. Эта тупость вызывает особое беспокойство, когда обнаруживается у того, кто якобы формирует будущие поколения и к тому же называет себя добрым человеком.

Любовь

Любовь к животным — это врожденное чувство, которое проявляется рано в жизни. Когда ребенок вырастает из стадии бездумного отрывания крыла мухе или хвоста ящерице, он начинает испытывать расположение к животным, ему хочется их лелеять и ухаживать за ними. Во всех зоопарках указывается время кормления, потому что дети охотно смотрят, как животных кормят. Родители и окружение могут укрепить или разрушить эту природную склонность. Для ненависти к ним требуются какие-то факторы.

В нормальных условиях желание заботиться о животных возникает в результате близкого знакомства с ними, а именно — осознания того, что они являются чувствительными и умными созданиями, могут любить и нуждаются в любви, но беззащитны перед жестоким и нечутким миром и подвластны капризам человека. По мнению ненавистников животных, те, кто любит животных, больны. Мне кажется, что верно обратное: любовь к животным есть нечто позитивное.

Как правило, защитники животных испытывают одинаковые чувства ко всем беззащитным и угнетаемым существам, будь то человек или животное, покинутый или подвергшийся жестокому обращению ребенок, физически или психически больной. Кто хорошо относится к животным, тот любит их из-за их «человеческой», а не «животной» сущности. Здесь я имею в виду хорошие качества человека, а не плохие.

Степень любви человека к животному не достигает уровня любви животного к человеку, если тот ее добился. Дело в том, что человек является так сказать старшим братом и имеет множество других занятий и интересов. Зато он представляет собой все для любящего его животного. Это касается не только доброй сентиментальной собаки, но также и более сдержанных видов; в случае с ними гораздо сложнее увидеть признаки любви, для этого требуется много терпения и трудов.

Если контакт однажды возникает, то лишь в редких случаях боязливое от природы животное привязывается к новому владельцу. Существует много примеров того, как кошки при передаче в другие руки отказываются есть и голодают, даже если к ним относятся с любовью. Для них связь оказывается важнее инстинкта самосохранения.

Кто испытал на себе способность животных к любви, тому остается только удивляться по поводу нее. Французский писатель Серж Голон (Serge Golon) имел такой случай с детенышем гориллы, который осиротел в результате охоты в Конго.

Еще взгляд умирающей матери привел в ужас Голона. Она получила ранение в грудь, трогала рану и при виде крови на своей руке начинала плакать — как человек. Она умоляюще глядела на охотника; своего детеныша она спрятала в лесу. Туземцы его нашли. Это был детеныш мужского пола. Голон забрал его на свою ферму и выкармливал из бутылки. Вскоре детеныш очень привязался к своему приемному отцу, ел только из его рук и больше ни с кем не хотел играть. Он жил в доме. Зверек то и дело запрыгивал на колени к Голону, чтобы он его приласкал. Всякий раз, когда Голон уходил, детеныш гориллы плакал, как ребенок. Через год Голон должен был уехать на несколько недель в Блазавиль и доверил зверька ветеринару. Но пока Голон отсутствовал, детеныш гориллы умер.

После отъезда Голона малыш отказывался от еды, и его приходилось кормить силком. Ветеринар был убежден, что детеныш гориллы умер от разбитого сердца. Он часами смотрел на улицу, где исчез его приемный отец, в то время как в доме Голона он всегда смотрел на лес, свою родину. В какой-то день он убежал из дома ветеринара, и его нашли мертвым на улице близ Бразавиля.

*

Недавно у вивисекторов развилась страсть к дельфинам. И здесь писатели на много веков опередили сегодняшних самопровозглашенных «исследователей». О дружбе между детьми и дельфинами, о дельфинах, которые спасают утопающих и выносят их на берег, повествуют древние сказания. Сегодня мы знаем, что это не только легенды. Дельфины особенно любят людей, и они, как большинство животных, легко поддаются дрессировке.

Дельфин мог бы убить человека одним ударом своих острых усов — таким образом они защищаются от акул — или разорвать своими острозубыми челюстями. Но не было сведений ни об одном случае нападения дельфина на человека; они ни разу не делали этого для защиты, когда им в туловище вонзали гарпун или имплантировали в мозг электроды во имя науки. С тех пор, как стало известно, что дельфины очень умны и их мозг весит столько же, сколько мозг человека в соотношении с размером тела, «ученые» не составляют дельфинов в покое: они пробуют «разговаривать» с животными и для этого трепанируют их мозг. В результате этим животным сейчас грозит уничтожение.

Стоит ли говорить, что любой ребенок, который при плавании в Эгейском море подружился с дельфинами, знает об этих животных больше, чем вивисектор?

*

Несколько лет назад Фарли Моуэт (Farley Mowat), канадский биолог и естествоиспытатель, получил задание от Службы охраны дикой природы Канады (Dominion Wildlife Service) исследовать вопрос о состоятельности жалобы охотничьих организаций, что из-за волков сокращается численность северных оленей. Охотники хотели уничтожения волков, чтобы они могли добывать больше дичи. В Броше, на севере провинции Манитоба, где у Фарли Моуэта находилось зимнее жилье, люди жаловались, что еще двумя десятилетиями раньше они могли добыть 50 000 оленей, теперь же можно было говорить об удаче, если удавалось застрелить 2000 животных, хотя некоторые жители охотились с низко летящего самолета. Моуэт нес долгий одиночный караул в глухих пустошах Киватин, за западным берегом Гудзонова залива и в течение многих месяцев наблюдал через сильный перископический телескоп за поведением и повадками

волчьих семей. О своих открытиях он рассказал в книге «Не кричи: “Волки!”» (Never Cry Wolf).

Моуэт обнаружил, что волк, которого люди с древних времен считают символом злодейства и предательства, в действительности представляет собой нечто противоположное. Волчья пара, за которой он особенно много наблюдал, их верность, нежность, гостеприимство и воспитание потомства может служить образцом для людей. Волки не только имели чувство юмора, они оказались строго моногамными животными и в высшей степени ответственными родителями.

Они не оставляли детенышей одних. Когда самец или самка возвращались даже после краткой отлучки, оба выражали бурную радость. Но вместе с тем период сексуальной активности у волков ограничивалось тремя неделями в году. Когда лисья семья, чья нора находилась неподалеку, раскопала волчий тайник для мяса, волки наблюдали за воров издалека и явно забавлялись над ним, не вмешиваясь. Они запросто могли бы убить грабителей и их потомство — подобно тому, как это неоднократно делал человек на протяжении своей кровавой истории.

Моуэт установил, что волки питались преимущественно мышами и не имели никакого отношения к исчезновению промысловых животных, так как любой здоровый заяц бежит быстрее, чем самый шустрый волк. Единственный случай, когда Моуэт видел нескольких проходящих мимо северных оленей, волки сделали робкую попытку на них охотиться, но сам детеныш не стремился от них убежать. В дикой природе волки способствуют оздоровлению поголовья северных оленей тем, что заставляют их двигаться; они могут добыть только старых, больных или легкодоступных животных. Ведь в зоопарках северные олени заболевают из-за недостатка физического движения.

Охотники пришли в ярость от доклада Моуэта, так как он подчеркнул, что волки охотятся на оленей уже десять тысяч лет, они начали это делать гораздо раньше, чем белые люди, пришли на Север со своим огнестрельным оружием, и численность животных при этом не уменьшалась. Моуэта упрекнули в «любви к волкам».

Несмотря на доклад Фарли Моуэта, канадская Служба охраны дикой природы продолжила свою политику «контроля за волками» и назначила больше «контролеров за дикими животными». Они патрулировали на самолете с лыжным шасси округ Киватин и оставляли цианид возле волчьих логов, которые казались занятыми.

В настоящее время волк принадлежит к редким видам, и олени тоже скоро туда попадут.

Ненависть

Любая тьма имеет обратную сторону: если бы не было света, мы бы не узнали, что такое тень, и, возможно, если бы не было ненависти, любовь не могла бы существовать.

Ненависть к животным, которая не меньше распространена, чем любовь к животным, является атавистическим пережитком и берет свое начало из глубочайшей древности, когда лесные звери угрожали человеку. Сегодня эта ненависть зиждется чаще всего на незнании — матери страха и малодушия. Поэтому ненависть к животным распространена главным образом среди необразованных людей, в культурно малоразвитых местностях. Там взрослые передают подрастающему поколению свой слепой страх к другим видам, пока природная симпатия детей не превратится в ненависть. Ненависть к животным насаждается и распространяется таким же образом, как и расизм. Большинство ненавистников животных происходят от таких же родителей.

Боязнь собак можно объяснить неприятным опытом, а также отчасти нагнетанием паники по поводу бешенства. Это имеет место, хотя в западном мире бешенство встречается редко. Еще гораздо более сильную антипатию к кошкам объяснить сложнее.

Но, безусловно, тот факт, что кошки становятся жертвами особенно жестоких и бессмысленных опытов на животных, не есть простое совпадение.

Еще когда я не осознавал, сколь часто человек жестоко обращается с животными, в Цюрихском университете (Zurich University) один человек, отличный парень, ошеломил меня своим признанием: он настолько ненавидит кошек, что всякий раз, добравшись до них, привязывает их к бамперу своего автомобиля и к дереву, в результате, их разрывало на куски. Он не мог объяснить, откуда взялась эта ненависть, и охарактеризовал ее как нечто «инстинктивное».

Кошка это непростое животное, более сложное для понимания и менее любимое, чем собака, чья любовь к человеку настолько безгранична, что она охотно покоряется любой несправедливости своего хозяина. Многие люди охотно держат собак, потому что их покорность им льстит. Но кошки не потакают человеческому тщеславию. Вслед за Бернардом Шоу я позволю себе отнести человека к разряду цивилизованных, если он понимает кошек.

Многие не могут простить кошкам их независимый нрав и категорический отказ подлизываться к человеку и целовать наступающие на них ноги. Сама кошка рассматривает себя лишь как гостя и никогда — как раба. Ее любовь нельзя купить едой, ее можно добиться лишь через дружбу и уважение.

Средневековье стало трагическим временем не только для разума и гуманитарных идей человека, но и для животных, а больше всего пришлось страдать именно кошкам. Сначала для нубийцев, затем для египтян они были идолом, для греков — объектом поклонения, для римлян — баловнем; в средние же века кошки стали проклятыми существами, подлежащими сожжению. В 1494 году по приказу папы римского Иннокентия VIII были уничтожены десятки тысяч кошек. А если владельцы животных не хотели обвинения в колдовстве, они волей-неволей должны были их сдать, чтобы не разделить такую же участь.

Ненависть к животным широко распространена и имеет множество граней. Все они показывают, что она недалеко от садизма.

23 августа 1974 года Daily Telegraph опубликовал статью про законодательно запрещенные собачьи бои, которые все же до сих пор проводятся в США — примерно по тысяче в год. Вид собак (обычно это английские бульдоги), которых человек так дрессирует, чтобы они друг друга терзали насмерть, достаточно устрашающ, но методы, вырабатывающие у них склонность к убийству, еще хуже. Один ярый сторонник этого спорта использовал при дрессировке котят. «Конечно, я не настолько глуп, чтобы просто бросать щенку котенка, так как он его убьет», — эксперт заявил корреспонденту. — «Так бы он только хотел их еще». Он обрезал котенку когти и совал его в мешок так, чтобы из отверстия виднелись только лапы. Затем мешок подвешивался на пружину в зону досягаемости собаки, и она набрасывалась на него, пока не доходила до изнеможения. «Если котенок в мешке сильно травмирован, его забирают и только на следующий день опять дают собаке. Затем она может убить кошку».

На Крайнем Севере при неустанном преследовании волков, как говорят, часто используются легкие самолеты, с них легко выследить и убить волка на поляне или замерзшем озере, так что поединок между человеком и зверем проходит совсем не на равных. Пилоты преследуют свою добычу до тех пор, пока животное не обессилеет; иногда волк умирает раньше, чем его настигает залп. Фарли Моуэт сообщил о пилоте, который настолько усовершенствовался в этом спорте, что был в состоянии убить волка салазками своего самолета. Но однажды волк повернул обратно, высоко подпрыгнул в воздух и схватил один из полозьев. Он погиб из-за падения машины, то же самое произошло с двумя мужчинами на борту. Этот случай был описан в спортивном журнале как пример коварства и опасности волка и большого мужества людей, которые мерились с ним силами. «Конечно, то классический гамбит», — отмечает Моуэт по этому поводу. — «Когда бы и где бы люди ни участвовали в бессмысленной бойне животных — и людей —

они оправдывают свои поступки тем, что хотят уничтожить субъектов, которым приписывают самые презренные и отвратительные качества; и чем больше обвинений произносится в их адрес, тем меньше обоснований имеет резня».

Человек неизбежно получает любовь животных, если он хорошо знает их и не хочет господствовать над ними. Я еще никогда не слышал, чтобы любовь к животным превращалась в ненависть, зато я знаю много обратных случаев. Охотнику не раз приходилось наблюдать за животными, когда он к ним подкрадывался, и с течением времени ему все более неприятно становится их убивать. Наконец, он хочет стать защитником животных, чтобы заступаться за них.

Кажется, что очень мало кому из вивисекторов это естественное развитие, ведущее к любви и уважению через понимание, мешает заниматься и делом.

Вышеупомянутый профессор Гарри Ф. Харлоу, глава приматологического института в Университете Висконсин, имел по меньшей мере одно хорошее качество: он искренен. В противоположность своим европейским коллегам, которые утверждают, что являются большими любителями животных и больше самих животных мучаются из-за того, что причиняют страдания своим жертвам, Харлоу не скрывал своих истинных чувств. Он заявил «Питтсбург пресс» 27 октября 1974 г.: «Меня заботит только одно — покажут ли обезьяны что-то такое, что я смогу опубликовать. Я не чувствую любви к ним. У меня ее никогда не было. На самом деле, я не люблю животных. Я терпеть не могу кошек, ненавижу собак. Как можно любить обезьян?»

Любовь к животным сделала многих людей противниками вивисекции, а у вивисекторов часто имеет место скрытое неприятие животных. Многие прямо признавались мне, что не любят животных — подобно тому, как Харлоу сделал перед прессой. Среди них были два итальянских журналиста, которые писали статью во славу фармацевтической индустрии. «Какое мне дело до того, что происходит с животными», — признался один. И другой: «Мне все равно, что животные страдают. Почему они не должны страдать? Меня интересует только их вкус».

Мне кажется ясным одно: для садиста, который также ненавидит животных, опыты на животных должны быть настоящим удовольствием!

Сострадание

Английский физиолог доктор Джордж Хогган (George Hoggan) сообщает о случае, виденном им в лаборатории Клода Бернара. Метис, которому в ходе операции парализовали задние лапы, лежал на полу после того, как его отпустили с операционного стола. Он с трудом дополз до ретривера, который за несколько дней до этого был ослеплен в ходе другого эксперимента и теперь находился под наблюдением; его глаза гноились. Слепая собака встала, шатаясь, пошла навстречу полупарализованной дворняжке и виляла хвостом. Никто в лаборатории не обратил внимание на эту сцену, отмеченную доктором Хогганом: «Столь трогательное проявление взаимных чувств стыдит человеческий род».

В душе экспериментаторов, по-видимому, есть такие стороны, которые нормальный человек вряд ли может представить себе нормальный человек. Многие из них в свое оправдание щеголяют софизмами вроде «истинное сострадание — это сострадание к человеку», и тем самым доказывают, насколько им чуждо данное понятие, как будто существует разное сострадание.

Никто еще ни разу не объяснил, почему сострадание к своему виду должно быть важнее, чем к другим. Если мы вообще хотим делать различие, можно было бы считать его менее достойным, потому что за ним угадывается утилитаризм, обеспечивающий — вероятно, бессознательно — удобную групповую солидарность в решении. Но чаще всего тот, кто отстаивает сострадание к животным, делает это не потому, что считает это чувство важнее сострадания к людям, а потому, что животные не имеют права голоса, а жестокость

к ним слишком укоренилась, лицемерие же, с которым о ней говорят, есть страшный позор человеческого рода. И в результате получается, что через помощь животным мы также помогаем человечеству.

Во всех странах, где животные больше защищены — как, например, в Швеции, Дании, Великобритании — больные, старики, матери-одиночки и брошенные дети также находятся под лучшей защитой. Существует только *одно* сострадание. Но неудивительно, что сторонники вивисекции, кажется, не знают, что люди, имеющие сострадание к животным, также несет в себе сострадание к людям; но только если они его заслуживают. Экспериментатор, который льет слезы, потому что ему не выдали гранта на дальнейшие исследования, не может рассчитывать на сочувствие с нашей стороны.

Многие противники опытов на животных сыграли выдающуюся роль в служении гуманизму. Чарльз Белл специально поехал в Европу, чтобы лечить раненых в битве при Ватерлоо. Альберт Швейцер посвятил большую часть своей жизни беспомощным темнокожим людям в своей больнице в Урвальде и почти до самой смерти совершал утомительные концертные и лекционные турне, чтобы собрать средства для своей благотворительной деятельности. Английский кардинал Маннинг (Manning) принадлежит к основателям первого движения против опытов на животных, и в итальянском энциклопедическом словаре про него написано следующее: «Его любовь к беднякам была очень велика, а социальная работа — исключительно плодотворна». Итак, первый комитет объединения в защиту животных, основанного в Англии, в большой мере состоял из людей, которые уже были известны своим участием в других направлениях гуманитарной деятельности. Например, Уильям Уилберфорс (William Wilberforce) боролся с работорговлей, так же как и реформаторы тюрем Фауэлл Бакстон (Fowell Buxton) и Джеймс Макинтош (James Macintosh).

*

Мой отец как-то указал мне на то, что муравьи переносят своих мертвых сородичей в челюстях. «Смотри, они не бросают их», — говорил он. — «Кто знает, может быть, у них есть какой-то похоронный ритуал?» Сегодня мы знаем, что муравьи убирают мертвых насекомых из гигиенических соображений. Но также мы знаем, что муравьи помогают своим живым сородичам и даже делают им хирургические вмешательства.

В марте 1973 в прессе разошлась новость, что советский энтомолог Мариковский во время планирования съёмки колонии муравьев наблюдал двух муравьев, отгрызающих выросты с тел своих соплеменников, а затем троих насекомых, удаляющих у другого муравья занозу. Операция производилась на свободном пространстве перед муравейником. Пока «хирурги» выполняли работу, муравьи колонии окружали пациента. Все это говорит не только об уме, но и об альтруизме, так как позволяет предположить, что муравьи-хирурги не предъявляли своим пациентам счета на кругленькую сумму и не требовал аванса (что в человеческом обществе является общепринятой практикой).

В ходе повторяющихся, как правило, жестоких поведенческих экспериментов, которые сейчас на подъеме, были получены сведения о «гуманности» обезьян. Согласно сообщению в лондонской Daily Telegraph (9 сентября 1970), доктор С. Дж. Даймонд (S. J. Diamond) из колледжа Университета Кардифа (Cardiff University College) установил, что крыса пользуется рукояткой, чтобы спасти другое животное от утопления. Обезьяна отказалась нажимать на кнопку, с помощью которой получала питание, и которая одновременно наносила удар током другому животному. Доктор Даймонд с большим удивлением сделал вывод: «Подобные эксперименты, кажется, свидетельствуют о том, что у нижестоящих по отношению к человеку животных присутствует своего рода альтруизм».

Любой настоящий знаток животных помог бы доктору Даймонду снизить затраты на электричество и объяснил бы, что животные наделены состраданием, качеством, которого явно недостает вивисекторам.

Птицы известны своей привязанностью к определенной территории, которая образует их жизненное пространство в лесах. Чтобы отстоять свое право на территорию, они устраивают кровавые сражения друг с другом. Но обычно раненых не бросают на произвол судьбы. Переломы костей птицы умело лечат при помощи глины, которая выступает в роли гипсовой повязки. Это уже давно известно про вальдшнепов и трясогузок, недавно также было замечено у малиновок.

Малиновка вообще потрясает орнитологов. Как всегда, один умный наблюдатель может дать для науки больше, чем все экспериментаторы, вместе взятые. Тщательные наблюдения и фильмы показали, среди прочего, что раненой малиновке тотчас же помогают, и делает это главным образом победитель, который в течение месяца кормит свою жертву, даже если в результате пропускает время перелета и таким образом рискует жизнью. Можно ли это назвать инстинктом? Инстинкт побудил бы птицу заботиться прежде всего о себе.

Зоолог Витторио Менассе (Vittorio Menassé) описал в ежемесячном итальянском журнале *Animali e Natura* интересное наблюдение. Для проверки отношения к водителю на оживленном шоссе было инсценировано дорожно-транспортное происшествие: рядом со сломанной машиной положили якобы истекающую кровью жертву. Множество машин проезжали мимо, многие водители даже увеличивали скорость, чтобы как можно скорее покинуть место аварии. Но сегодня в нашем высокоразвитом обществе каждый знает, что пострадавший от несчастного случая может умереть, если ему не оказать помощь.

«Это напомнило мне случай, виденный мною в Легнаго», — пишет Менассе (Легнаго это область в северной Италии, где любимое кушанье населения — только что оперившиеся птицы). «Раненого воробья, беспомощно лежавшего посреди улицы, окружили другие воробьи, которые, несмотря на оживленное движение, хотели перенести его в безопасное место. Маленькие птички медленно, с большим трудом смогли переместить своего сородича на обочину дороги, а оттуда — на небольшой травяной участок и остановились там отдохнуть на минутку. Наконец, они совместными усилиями подняли раненого и полетели с ним над оградой сада. Менассе продолжает: «Этот эпизод действительно наводит на размышления. В этих пернатых созданиях — не более 10 г мяса, которое можно добавить в поленту. Данный случай четко показывает, что мы можем рассматривать их не только как «растительных» существ, неспособных на какие-либо подлинные чувства. Маленькие воробьи, преследуемые человеком, не отказались помочь своему сородичу, зато для столь большого количества людей помощь товарищу — это нечто непостижимое.

Имеется более чем достаточно аргументов в пользу взаимного уважения среди животных. Когда крысы учуивают отравленные хлебные крошки, они закрывают их своими экскрементами, чтобы предупредить менее чувствительных животных.

Большинство животных, отловленных в дикой природе, не спариваются в зоопарке; они подавляют один из сильнейших инстинктов, так как не хотят, чтобы их детеныши росли в плену. Многие самки, которые все же забеременели, предпочитают увидеть своих детенышей мертвыми и не кормят либо убивают их. Но в дикой природе они образцовые матери.

Самопожертвование и мудрость, с которыми животные выращивают и защищают детенышей в естественной среде обитания без желания владеть им, а затем постепенно предоставляют самим себе, — это нечто такое, что могло бы служить примером людям. Когда потомство находится в подростковом возрасте, родители делают вид, что оставляют их, а на самом деле караулят их на расстоянии и сразу же приходят на помощь, если видят трудности. Этим известны прежде всего тигры.

Немецкий врач Эрвин Лик (Erwin Liek) рассказывает в «Воспоминаниях врача» (*Gedanken eines Arztes*): «В аквариуме содержатся омары. Один особо сильный малый падает на спину и не может подняться из-за панциря. Несколько его сородичей торопятся к

нему, и после нескольких тщетных попыток совместными усилиями им удастся поставить его на ноги. В Южной Америке живут грызуны (вискаши), похожие на наших диких кроликов, и они причиняют серьезный вред посадкам. Время от времени крестьяне борются с ними, засыпая землей норы и проходы. Стоит им уйти с полей — сразу же появляются вискаши с соседних территорий и выкапывают своих засыпанных сородичей. Все это есть товарищеская помощь, любовь к ближнему...»

«Что мы совершенно однозначно можем утверждать по поводу животных, так это факт защиты слабых и больных. Эразм Дарвин (Erasmus Darwin, естествоиспытатель, врач и писатель, дедушка Чарльза Дарвина) установил, что раки во время линьки, то есть, в беззащитном состоянии, ставят часовых, а именно — сородичей, которые в настоящий момент не линяют и имеют прочный панцирь. Брем рассказывает о двух воронах, которые в течение многих недель снабжали пищу раненую птицу с подбитым крылом. Дарвин сообщает, что пеликан кормил своего слепого сородича, хотя ему приходилось летать за рыбой на расстояние 30 английских миль.

Про крыс, которые выкармливают своих ослепших товарищей, известно еще больше.

Британский шахтер однажды увидел, как по краю дороги медленно шли две крысы, и каждая из них держала в зубах кончик соломины. Шахтер набросился на них с дубинкой и убил одно животное. К его удивлению, другая крыса не двинулась с места. Тогда шахтер наклонился, чтобы рассмотреть ее поближе. Она была слепа.

Обезьяны, рискуя жизнью, относят в безопасные места своих сородичей, раненных охотниками. Их горе из-за потери соплеменника столь напоминает человеческое, что многие охотники перестают стрелять в обезьян.

Сам я видел, как три котенка моих детей, несмотря на сильный голод, отходили от миски и с волнением бежали к своему больному брату, который визжал от боли. Моя жена решила провести «эксперимент». Однажды она поставила котят миску с едой, а после этого легла на кровать и застонала так, как будто испытывала боль; котята — правильно — оторвались от еды и прыгнули на кровать к моей жене, чтобы ее утешить.

Когда два животных в дикой природе ввязываются в смертный бой, то побежденный бросается на спину, вытягивает лапы в знак капитуляции и как будто просит милости — обычно она даруется.

Но в лаборатории такого никогда не происходит.

Хождение по мукам

Как правило, сам эксперимент — это лишь фаза долгого и ужасного хождения по мукам.

Инспекция, проведенная в 1974 году в южной Африке, показала, что в течение двух предшествующих лет, от 500 до 1500 павианов, предназначенных для местных лабораторий, погибли еще до начала эксперимента, главным образом от жажды и изнурения во время транспортировки. По пути матери часто откусывают голову своим детенышам.

В немецком языке есть слово Affenliebe — «обезьянья любовь», которое обозначает безмерную любовь матери к своему ребенку. Можно себе представить, до какой степени отчаяния и душевных мук должна была дойти самка, если она решает убить свое дитя. Но, очевидно она умна, чтобы понять: ее детенышу лучше умереть, чем попасть в руки в руки вивисектора. Один вопрос остается без ответа: кто ей сказал, что ждет ее дите?

Главным кандидатом в лабораторию являются шимпанзе — приматы, которые из-за близкого сходства с человеком представляют собой излюбленное лабораторное животное. Очень большим спросом пользуются также очень развитые умственно павианы и чувствительные макаки резус. Уже в 1955 году в Times of India (16 сентября) можно было прочитать, что индийцы ежегодно экспортируют как минимум 250 тыс. обезьян, главным

образом макак резус. Подавляющее большинство подопытных обезьян отлавливаются в африканских, азиатских и латиноамериканских лесах, это делают крупные охотничьи общества. В результате свирепствующего вивисекторского безумия ряду видов грозит исчезновение. Лондонский журнал *Medical News* (28 августа 1972) посвятил этой проблеме большую статью.

Когда ловят обезьян, чаще всего убивают вскармливающую их мать. В результате, перепуганный детеныш цепляется за свою умершую мать, и, таким образом его становится легко схватить. С этого начинается хождение по мукам маленькой обезьянки. К поимке и транспортировке в лаборатории, часто через полземного шара добавляется страх. Будучи плотно напиханными в клетки, они умирают в больших количествах — от дизентерии, воспаления легких, простуды, недостатка кислорода либо просто из-за страха или стресса. Об одном таком случае сообщает лондонская *Daily Mirror* (4 января 1955): «394 макаки резус, которых нужно было отправить из Дели в Нью-Йорк, в лондонском аэропорту умерли от удушья, потому что в суматохе новогоднего времени никто о них не заботился».

С тех пор ситуация вряд ли улучшилась. 29 мая 1972 года Кристал Роджерс (*Crystal Rogers*), которая работала в области социального обеспечения в Индии, сообщила представителю Юнайтед Пресс в Лакхнау (столице индийского штата), о том, с чем столкнулась на вокзале этого города: «Клетка стояла на палящем солнце, и у обезьян наблюдались признаки удушья... С большим трудом я достала воду, но сочла невозможным наливать ее в абсолютно сухие поилки — они были слишком измождены и скучены, чтобы сделать хотя бы пару глотков... Я вытащила двух обезьянок, находившихся в бессознательном состоянии, и увидела, что одна из них уже умерла; другая немного ожила после того, как я ее напоила, но она была вся в ранах и вскоре умерла от них».

В среднем, на каждую обезьяну, которая доставляется в лабораторию, приходится по 4–5 особей, погибших при охоте или транспортировке. Таким образом, 85 283 примата, использованных в одном только 1971 году в американских лабораториях, означают уничтожение еще 400 тыс. животных.

Доктор Джеффри Борн (*Geoffrey Bourne*), руководитель Йеркского приматологического центра (*Yerks Primate Center*) в Атланте, штат Джорджия, пишет в своей недавно появившейся книге *The Ape People*: «Прежде чем внутри млекопитающих выделились человекообразные обезьяны, прошло 40 миллионов лет; если их уничтожить, они исчезнут навсегда, и их гибель обеднит нашу жизнь». Действительно трогательные слова, если бы только мы не знали, что их изрек директор питомника, где животных разводят для лабораторий. Он, как и многие другие вивисекторы сожалел об исчезновении обезьян, которое происходит главным образом потому, что они являются излюбленным «материалом» для «исследователей».

Чтобы предотвратить такой кризис, в США в настоящее время выращивают 40 тыс. приматов — это делается в помещениях, которые имеют сходство с их природной средой обитания. Хотя на свободе обезьяны очень плодовиты, специально выращенные подопытные животные покрывают лишь малую часть потребностей лабораторий — настолько эти обезьяны сопротивляются разведению.

В Европе большую часть собак для «научных» лабораторий и университетских профессоров приобретают у ловцов собак и некоторых частных предпринимателей, которые также подбирают бродячих кошек (главным образом в Южной Европе, где много бездомных животных). По подсчетам римских властей, численность бездомных собак в Риме составляет 100 000–150 000 животных, а кошек — 1–2 миллиона. Многие из них раньше были домашними животными: владельцы их выбросили перед отпуском. В «прогрессивных» европейских странах — в Швейцарии, Великобритании и Скандинавии, где бродячие животные встречаются редко — большинство подопытных животных происходят из специальных питомников, как и в США. Это значит, что они

рождены для страданий, и им не суждено узнать в жизни ничего, кроме решетки клетки и жестокости людей

*

Для подопытного животного смерть означает спасение. Но животные — возможно, кроме обезьян — наверняка не имеют представления о смерти и поэтому не могут утешиться мыслью, что рано или поздно должен прийти конец их страданиям. Среди них часто происходят самоубийства. Об одном таком случае сообщает St. Louis Post Dispatch (8 июня 1954). В газете была опубликована фотография маленькой собаки, которая от страха перед лабораторией выпрыгнула из окна с пятого этажа, а дело было в Медицинской школе Университета Вашингтона (Washington University Medical School). Пудель умер от сердечного приступа, когда его фиксировали на операционном столе.

Счастливая собака может прожить 14 лет и больше. Собака, находящаяся в клетке, умирает в возрасте 3–4 лет, даже если на ней не ставят опытов. Но в лабораториях редко приходится рассчитывать на столь большую продолжительность жизни.

Доктор Чарльз У. Мейо (Charles W. Mayo), основатель знаменитой клиники Рочестера, сказал в своей речи против антививисекционистов: «Закаленный физиолог глубоко уважает неприкосновенность биологической системы» и добавляет: «Он знает лучше кого-либо другого, что при опытах на животных ценность результатов зависит в конечном счете от еще лучшего ухода за подопытными животными, чем за домашними любимцами. И так ухаживают за большей частью подопытных животных».

Как разумно и логично звучат эти слова великого ученого — но кому-то трудно радоваться тому, что, прежде чем убить животных физически и душевно, их надо вырастить в максимально хороших условиях. Однако давайте сравним эти красивые слова с фактами, простирающимися сквозь дымовую завесу, с помощью которой экспериментаторы пытаются скрыть свое ремесло.

По случайному стечению обстоятельств я получил первую информацию в 1973 году от близкого родственника того же самого Чарльза У. Мейо, а именно — госпожи Пиджин Фицджеральд (Pegeen Fitzgerald), президента Нью-Йоркского объединения по исследованию вивисекции (Vivisection Investigation League of New York). Эта дама имела в Нью-Йорке свою собственную ежедневную часовую программу. Она показала мне статью, опубликованную в Washington Square Journal, нью-йоркской студенческой газете. Вот дословный текст из нее: «Начиная с сентября в рамках проекта, связанного с рассечением мозолистого тела в психологическом институте Университета Washington Square семь обезьян удерживались в шейных кандалах».

«Это ужасно, бесчеловечно, и в этом нет никакой необходимости», — сказала Рене Вейбурн (Renee Wayburn) из Университета Колумбии (Columbia University), посетив лабораторию на десятом этаже здания Браун. Ее протест был направлен против доктора Майкл Газзанига (Michael Gazzaniga), внештатного преподавателя психологии — он руководил проектом. «Я хотела сама доставлять клетки, но он не разрешил». Три обезьяны, согнувшись, сидели на корточках у стены на цепи, ошейники были сделаны из плексигласа, ограничивающего всякое движение. Другие четыре обезьяны сидели на стуле со скованными шеями и туловищами, они могли только немного двигать руками и ногами. В таком положении обезьяны находились с того момента, как начался проект, это было в прошлом сентябре».

Следует ожидать, что эти обезьяны станут такими же сумасшедшими, как и их мучители, если эксперименты когда-то начнутся. Профессор Газзанига сделал следующее заявление по поводу статьи: «В других университетах животных полностью парализуют, так что они испытывают сильную боль, но ничего не могут поделать. По сравнению с этим наше обращение — мягкое».

Хотя газетная статья показала, насколько бесчеловечно обращение с подопытными животными, ее не приняли во внимание, и обезьяны находились в шейных кандалах до тех

пор, пока 11 декабря Пиджин Фицджеральд не рассказала об этом в радиоэфире. Впоследствии сначала вмешалось Американское общество по предотвращению жестокости к животным (American Society for Prevention of Cruelty to Animals), а потом — отдел здравоохранения. Несчастливым обезьянам, которые ждали начала проекта, связанного с рассечением мозолистого тела, и теперь только чуть-чуть могли пошевелить шей, принесли клетки.

*

Вот лишь некоторые выдержки из протестного заявления Фреда Майерса (Fred Myers), представителя Гуманного общества США (Humane Society of the United States), на конгрессе в 1962 году, о котором позже еще пойдет речь.

«Я предъявляю официальное обвинение Гарвардскому университету (Harvard University), Северо-Восточному университету (Northwestern University), Чикагскому университету (Chicago University), Крейтонскому университету (Craighton University), Университету Питтсбурга (University of Pittsburgh), Национальным институтам здравоохранения (National Institutes of Health), Западному резервному университету Кейза (Western Reserve University) — я знаю, что каждое из этих заведений виновно в пренебрежительном отношении к животным и ненадлежащем обращении с ними. Я могу сообщить Комитету детали и сделаю это в такой мере, в какой он пожелает ... В Университете Джона Хопкинса (John Hopkins University) я видел собак, находящихся в тесных клетках, страдающих от запущенной чесотки с кровоточащими язвами, но их никто не лечил. В Университете Тулейна (Tulane University) мы обнаружили подвешенные к потолку клетки с кошками, причем расстояние между проволоками сетки пола было настолько большим, что те, кто в них находился, не могли нормально ходить, стоять и лежать. В выходной день я часами бродил по нескольким этажам Нью-Йоркского университета (New York University), где находились клетки с собаками, кошками, обезьянами, крысами, кроликами, овцами и другими животными, многие из которых были в бинтах после серьезных хирургических операций, а многие, очевидно, серьезно больны, однако я ни разу не встретил ни врача, ни ветеринара, ни уборщика... В Детской больнице г. Цинциннати один из наших исследователей обнаружил маленьких макаков резус, привязанных за шею в клетках, которые были настолько тесными, что животные едва могли двигаться... Я сам видел людей, не имеющих ученой степени и даже не претендующих на профессиональную квалификацию, которые, тем не менее, работали хирургами в лаборатории Национальных институтов здравоохранения (National Institutes of Health). Я видел собаку, лежащую на цементном полу коридора той же лаборатории в полном сознании с открытым разрезом в грудине и брюшной полости. Животное отчаянно корчилось от боли, но не могло подняться, а в это время мимо нее проходили мужчины и женщины, не взглянув на нее даже мельком ...»

Мученичество

В каком состоянии животное просыпается после операции, если ему вообще давали наркоз? Возьмем одну из бесчисленных кошек, перенесшую операцию на мозгу — экспериментаторы очень усердствуют с ними.

Вследствие наркоза животные испытывают ужасную тошноту, часто ведущую к рвоте. Полная неподвижность из-за лигатур означает, что эта пытка растянута во времени. Суставы челюстей повреждены или сломаны рукояткой, при помощи которой, согласно правилам, полагается держать пасть «как можно более широко открытой». Животному делают отверстие в кончике языка, так что язык отекает и пытка продолжается. Затем рассекают небо, трепанируют череп, вследствие чего боль и травмы становятся невыносимыми.

В таком состоянии находится жертва, если экспериментатор выбирает «самый изящный способ проведения операций на мозгу кошки» — такое определение дает Дж. Марковиц на странице 335 своего учебника *Experimental Surgery* (Williams & Williams, Baltimore, второе издание, 1949). Марковиц добавляет, что «данный метод должен стать стандартной техникой в физиологической лаборатории».

Автор представлен как профессор физиологии Университета Торонто (University of Toronto) и бывший ассистент в отделении экспериментальной хирургии Фонда Мейо (Mayo Foundation) в Рочестере, штат Миннесота. Вот резюме его описания:

«Животное кладут на спину. Язык отводят назад перевязочным средством. Мягкое небо надрезают по средней линии от края твердого неба. Слизистая оболочка и мышцы вспариваются от основания черепа до передней границы большого затылочного отверстия (отверстия в основании черепа, через которое проходит спинной мозг) и сбоку, чтобы обнажить барабанный пузырь. Появляющиеся вследствие этого лоскуты слизистой оболочки и мышц отводятся с помощью лигатуры. Потом стоматологическим сверлом трепанируют основание черепа. Когда остается тонкая мембрана кости, ее тщательно удаляют шпателем. С помощью дурального крюка или иголки вскрывают прочную мозговую оболочку и дают жидкости стечь. Обнаженную в области шеи сонную артерию перевязывают. Это простое нейрохирургическое упражнение». Всего лишь упражнение.

А что же кошка? Другая «научная» публикация информирует нас о судьбе одного животного, перенесшего операцию. *Pflügers Archiv für die gesamte Physiologie* (том 222, с.598), классический немецкий журнал, завораживавший поколения физиологов, печатает фотографию кошки, которая лежала на спине с вытянутыми ногами. Под фотографией написано:

«Сразу после операции (на мозгу) у животного появилась явная тенденция наклонять голову и туловище вправо и падать вправо. На него находили сильные приступы движений, совершаемых при беге... У животного наблюдались четкие признаки гидроцефалии (ненормального накопления водянистой жидкости внутри отверстия в черепе)... В одном из подобных случаев 27 сентября было удалено правое полушарие. После первой операции, сделанной 4 августа, кошка Клеопатра прожила до марта следующего года».

То, что эти упражнения, ведущие начало еще с XIX века, до сих пор делаются, следует из статьи, которая появилась 26 августа 1973 года в *Philadelphia Sunday Bulletin*. При этом были процитированы слова Джулии Мейо (Julie Mayo), дипломированной медицинской сестры из Бригантини, штат Нью-Джерси:

«Лучше пусть мою собаку убьет мясник, чем она попадет в руки ученых. Исследователи маскируются под цивилизованных людей, но у них сердца и руки варваров. Каким бы ни был бессмысленным и отвратительным эксперимент, они все равно утверждают, что конечный результат его оправдывает. Их жизнь вращается вокруг лягушек с проколотым спинным мозгом, ошпаренных кроликов, кошек с удаленным мозгом и расчлененных собак. Но не надо пожимать плечами и отворачиваться — следующим можете оказаться Вы!»

*

Илья фон Цион — это человек, перенявший вивисекционистские идеалы от своего учителя Клода Бернара, и по возвращении в родную Россию, в Петербург, где он стал профессором физиологии, передал их Павлову. Толстый учебник Циона «Методика физиологического эксперимента и вивисекции» (*Methodik der Experimente und Vivisectionen*) в 1876 году был напечатан на немецком языке (издательство Carl Ricker) в г. Гессене и тогда же — в Петербурге. В том же самом году в Англии началось первое движение против вивисекции. У многих поколений физиологов любовь к вивисекции пробудил этот учебник, а именно — вот такая захватывающая информация из него:

«Таким образом, например, установлено, что кролики чаще всего имеют гораздо более острую реакцию на раздражение нервов вегетативной системы, чем собаки; поэтому, когда надо получить немедленный эффект, предпочтительно брать первых животных. То же самое касается случаев, когда надо пронаблюдать немедленные последствия перерезания спинного мозга и повреждений мозга. С другой стороны, собаки предпочтительны, если речь идет об изучении последствий серьезных травм (особенно спинного мозга) у выживших животных, потому что собаки, особенно молодые, лучше переносят такие операции, чем кролики. Что касается сопротивляемости в случае серьезных травм, другие ученые, насколько мне известно, особенно рекомендуют кошек. У меня нет тут личного опыта, потому что чувства отвращения к этим животным никогда не давало мне на них экспериментировать» (с.25).

«Используемых для вивисекции животных либо оставляют в живых, если их в дальнейшем хотят использовать для наблюдений, либо убивают через нанесение травмы. Когда животное убивается с целью вскрытия, выбор способа умерщвления зависит от вида операции. Если его нельзя задушить через прекращение искусственного дыхания, то — в случае желания осмотреть район вне грудной полости — лучше всего его убить, вызвав кровотечение, с помощью ножа».

Как правильно пользоваться ножом? Цион — ему не повезло, в его время не было Нобелевской премии, которую он заслужил — дает относительно этого очень четкие инструкции:

«Нож втыкают между ребрами в сердце (о том, что достигнуто нужное место, говорят легкие пульсации ножа), а затем с помощью энергичных движений в разные стороны в сердечной мускулатуре делается широкая рана; так животное умирает довольно быстро вследствие судорог при массивной кровопотере...»

Очень интересно, не правда ли? Знаменитый вивисектор продолжает с воодушевлением: «Если наблюдения надо делать в полости грудной клетки, кровоизлияния можно добиться путем перерезания брюшной аорты или больших периферийных артерий. Но если нужно, чтобы во время вскрытия сосуды были как можно более полными, животное убивают удушением или ударом в позвоночник либо вдуванием большого количества воздуха в яремную вену и т.д...» (с. 44–45).

Про наркоз великий ученый и гуманист говорит следующее: «При физиологических исследованиях наркоз животным дается по двум причинам: во-первых, чтобы добиться определенных общих результатов, облегчающих операцию, во-вторых, чтобы вызвать определенный специальный эффект, полезный для достижения цели исследования» (с.52).

То, что Цион хорошо воспринял учение своего наставника Клода Бернара о кураре, стрельном яде индейцев, видно из его рассуждений на странице 57: «Главное действие кураре заключается в полном параличе внутримышечных окончаний моторных нервов... Теплокровные животные, которые не могут существовать без газообмена, поддерживающего жизнь, при отравлении кураре умирают от удушья в сильных судорогах, как только начинается паралич дыхательных мышц. Поскольку смерть наступает только из-за остановки дыхания, жизнедеятельность животных можно поддерживать с помощью искусственного дыхания. Ясно, что такие животные, которых обездвижили с помощью кураре, и которым делается искусственное дыхание, представляют собой отличные объекты для изучения, так как кураре практически не действует на кровообращение. Яд не влияет на моторные мышцы, и они сохраняют все свои электромоторные и физиологические свойства (Функе, Валентин и другие). Кураре не затрагивает как периферийную, так и центральную сферу чувствительности. *Таким образом, животные чувствуют все, что с ними происходит*».

*

Кошки тех времен считали бы себя счастливыми, если бы знали, что отвращение Циона к ним не давало ставить опыты на этих животных, и могли бы прочитать описание

на страницах 31–32: «Самый необычный случай сопротивляемости собак, какой я наблюдал, выглядел следующим образом. Я перелил кровь большой и очень сильной собаке из бедренной артерии в бедренную вену, чтобы протестировать аппарат Нуссбаума для переливания крови. Сразу после этого я хотел измерить у тех животных скорость крови в сонной артерии с помощью измерительного прибора Людвиг. Но исследование пришлось прервать, потому что из-за недосмотра в периферический конец артерии попало масло. Животное, не получившее наркоз, вдруг стало сонливым, вероятно, вследствие эмболии в мозгу. Тогда я перешел к тесту на раздражимость передних волокон спинного мозга. Вскрытие позвоночного хребта сопровождалось весьма обильным кровотечением, вследствие очень сильной мускулатуры. После того, как я сначала разрезал спинной мозг на высоте седьмого шейного позвонка, затем поднял весь грудной отдел спинного мозга, убрав все задние волокна с серым веществом, и, наконец, раздражал передние волокна электрическим и механическим путем, это исследование оказалось успешным. По окончании исследования я полностью отсек грудной отдел спинного мозга от поясничного отдела и удалил его из поясничного канала, тщательно соединив и зашив рану. В желудок освобожденному и все еще спящему животному я вводил большое количество свежей воды. Животное проснулось через несколько часов, пробовало двигать передними конечностями, но не могло далеко уползти, жадно пило воду, отказывалось от еды. Оно прожило еще несколько дней, стало несколько бодрее, очень тяжело передвигалось на передних лапах, сильно махало хвостом. На четвертый день после операции его убили с помощью удушения, чтобы выяснить, вызывало ли накопление CO₂ судороги в задних конечностях (см. работу Аладоффа)». В этом весь Илья фон Цион...

Доктор Стивен Смит (Stephen Smith) пишет в *Scientific Research: A View from Within* (Elliot Stock, Лондон, 1899): «Я провел довольно много времени в Физиологическом институте Страсбурга, полигоне профессора Фридриха Гольца (Goltz), одного из самых знаменитых физиологов... Мне непонятно, зачем тратить столько времени для подтверждения давно известных вещей... При работе с лягушками не используются никаких обезболивающих, а собакам их дают «для галочки»... Привязанные к штативу животные жалобно стонали и пытались сопротивляться, но тщетно... Потом хирург разрезал от души резал их и кромсал без какой-либо цели... Ассистент величественно указал на голубя, который не мог прямо держать голову, и на собак, которые постоянно двигались по кругу...»

«Экспериментатор сказал, что с лягушками ничего не происходит при бросании их в кипящую воду, так же как и с кошкой, если ее заживо испечь. Может ли нормальный человек сказать такое?.. В Париже я работал некоторое время в Институте Пастера. Там постоянно делают кроликам чревосечение, так называется оперативное вскрытие брюшной полости. Я видел, что при этом животным наркоз не давали. Я спросил ассистента, который там работал уже несколько лет, используется ли обезболивание. Он ответил, что нет, никогда. Однажды два французских врача, которые наносили визит в институт, подошли именно в тот момент, когда кролика разрезали. Они наблюдали это с издевательскими усмешками...»

«Во многих случаях жестокость заходила так далеко, что выдавливали глазное яблоко. Животных, которые пережили операцию, держали в клетках, чтобы они достаточно пришли в себя для следующей пытки. Результаты были плачевны. Многие животные оказывались парализованы, другим частично удаляли головной мозг...»

«Убеждение, что животные не страдают, так как у них мало ума, — это совершенный бред. Чувство боли вызывается нервными окончаниями в мозгу, и помимо клеток, отвечающих за ум, существуют другие мозговые клетки, которые, например, обеспечивают зрение, обоняние, осязание и слух. У многих животных эти нервы более развиты и чувствительнее, чем у людей».

*

Есть основания предположить, что животные страдают больше людей, и не только в физическом плане. Благодаря нашей способности говорить и объясняться, мы обладаем множеством компенсаций, которых нет у животных — не говоря уж о том, что в нашем распоряжении имеется вспомогательная рабочая сила. Подопытное животное не в состоянии понять, почему его запирают в клетке или привязывают к операционному столу так, что лигатуры впиваются в плоть, почему оно трясется от лихорадки или извивается в судорогах, почему его окружают огромные чудовища в белых халатах, принудительно его кормят, вводят через болящую шею порошки и жидкости, разрушают ему печень и переполняют кишечник веществами, вызывающими рвоту или понос, а потом клетку поливают для очистки холодной водой.

Уже сам по себе плен животному вынести труднее, чем человеку. Пленники могут быть преклонного возраста и сохранять психическое равновесие — об этом свидетельствуют многочисленные книги, написанные в заключении — не говоря уже о том, что они обычно знают, почему оказались за решеткой. Между тем животные в неволе обычно умирают в молодом возрасте.

Давайте послушаем, как сами вивисекторы подтверждают по неосторожности страдания животных. Цюрихские университетские профессора Л. Херманн (L. Hermann) и Б. Лухсингер (B. Luchsinger) пишут: «Когда кошку обездвигивают на удерживающей доске Чермака, подошвы ее лап обильно потеют от страха и нервозности» (Pflügers Archiv, том 17, с. 310).

Чуть позже профессор Лухсингер пишет в той же самой публикации: «В длительных экспериментах причина отрицательных результатов, безусловно, зачастую состоит в том, что животные слишком долго обездвигиваются слишком тесными перевязками».

Каким образом фиксируют кошку, изъятую из клетки? Вот рекомендация эксперта: «Правой рукой кошку берут за шею, а левой давят на поясницу. Из-за давления обеими руками животное становится беспомощным. Если оно сильно упирается, нужно надавить левой рукой на мягкие ткани поясницы. Вследствие этого возникает сжатие обеих почек, что причиняет сильную боль. Животное сразу прекращает любое сопротивление» (Prof. O. Haberland, Die operative Technik des Tierexperimentes, Берлин, 1926).

А экспериментатор Чарльз Ливон в своем Manual говорит следующее: «После выбора животного надо его усмирить и защитить себя от его природных средств обороны» (глава 3, с. 13). Как это лучше всего сделать? «Если животное сопротивляется, его надо наполовину задушить, для этого его каким-то способом подвешивают либо же вводят ему кураре. *Кошке трудно завязать морду, поэтому ее зашивают* (метод Вальтера)».

*

Все это было в прошлом. Научное варварство тем временем сделало заметный прогресс, как свидетельствует французский ежеквартальный журнал *Expérimentation animale*. С ним можно ознакомиться в Парижской университетской библиотеке. Этот журнал печатался до 1975 года издателем Vigot Frères (23 Rue de l'École de Médecine, Париж), который специализируется на ветеринарной литературе.

Я приведу лишь краткие выдержки из длинной статьи Мари Сен-Жермен (Marie Saint Germain, том 2, с.78 и далее, 1969). Этот знаменитый парижский ветеринар в статье под заглавием *Modalités de l'introduction en laboratoire de chiens et chats ne provenant pas d'élevages specialises* дает советы, как проще всего «исследовать» морду собаки после фиксации животного. «Во многих случаях необходимо силком открыть пасть и вставить раскрыватель пасти. После принудительного разевания пасти нужно пальцами протянуть щеку между зубами животного. Собака кусает слабее, если зубы впиваются в ее собственную слизистую оболочку. Если животное оказывается чересчур упрямым, можно к каждой челюсти приделать повязку и таким образом облегчить принудительное открывание рта.

На странице 81 напечатаны инструкции по обращению с кошками: «Для проведения длительных операций на всех четырех лапах ампутируют последнюю фалангу и таким образом удаляют когти. Для защиты от укусов можно использовать раскрыватель пасти. Конечно, животное так будет очень громко кричать, но эксперимент станет безопасным».

Зафиксированное животное испытывает такую сильную боль, что при произвольных защитных движениях часто происходят разрывы мышц и переломы костей, особенно у кошек хрупкого сложения.

*

Парабиоз — это одна из распространенных операций, при которой экспериментатор создает сиамских близнецов, сшивая двух животных. Эта операция была бы совершенно бессмысленной даже в случае удачного проведения, но она, кроме того, обречена на провал вследствие известной иммунной реакции организма. Каждый организм отталкивает другой, с которым он соединен. Несмотря на то, что такого рода «эксперименты» занимают в лабораториях не последнее место и упорно проводятся и поныне, их предсказуемые провалы остаются без внимания. Даже доктор Роберт Уайт (Robert White), печально известный своей трансплантацией обезьяньей головы, сообщает, что проводил их.

По нижеследующему сообщению профессора Пфайффера (H. Pfeiffer) из Граца можно понять, через что проходят животные, находящиеся в этом неестественном состоянии:

«Именно в первые часы животные набрасываются друг на друга и часто наносят опасные для жизни повреждения, и это можно ограничить; для этого надо прочной шелковой нитью сшить щеку каждого животного с соответствующей передней лапой настолько туго, чтобы морды животных не смогли дотянуться друг до друга и кусаться (из *Zeitschrift für die gesamte experimentelle Medizin*, 1929, том 86, с. 293 и далее)».

В первых экспериментах, после того, как кожу животных сшили, их на несколько дней привязали друг к другу бечевкой. Но они смогли освободиться, разорвав кожу. Тогда их стали сшивать не только за кожу, но и за мускулы и брюшину. Животные сумели освободиться таким же образом, разорвав ткани и брюшину, при этом у них вываливались внутренности. В результате, их стали полностью обездвиживать гипсовой повязкой. Но и это не сработало: «Было удивительно увидеть, насколько быстро у животных возникали деформации грудной клетки, даже при использовании набивки, и они во многих случаях вели к смерти» (доктор Дж. Фрошбах (J. Froschbach) в *Archiv für experimentelle Pathologie und Pharmakologie*, том 60, 1909).

Methods in Animal Experimentation, современный трехтомный учебник, написанный Уильямом Геем (Academic Press, Нью-Йорк, 1965) дает ценные инструкции, как предотвратить смерть обезьяны от некроза, то есть, вследствие гангрены от давления; она возникает из-за того, что при непрерывном экспериментировании животное годами находится в одном и том же положении на станке для фиксации экспериментальных животных. Если его позу меняют или даже фиксируют вниз головой, израненный участок заживает, но появляется новая рана. Таким образом, обезьяны могут оставаться в живых, чтобы терпеть непрерывную пытку годами, в то время как раньше они погибали в течение нескольких месяцев.

«Человек, прежде всего вивисектор, боится даже маленького пореза», — говорит по этому поводу цюрихский зубной врач Людвиг Флигель (Ludwig Fliegel). «Представьте себя на месте бедных животных. Сначала операция по соединению, потом полная неподвижность в течение многих дней и ночей и ужасные боли от ран. Если животных в конце концов освобождают, их ждет новая пытка. Самые жуткие операции делают ослабленным и напуганным животным. Почти невозможно поверить, что бывают такие жестокие люди, причем среди наших университетских доцентов».

*

Животным, которые используются в «простых» исследованиях питания, трудно позавидовать как по поводу жизни, так и смерти. К отрицательным эффектам, возникающим при недостатке, например, витамина А, относятся серьезные нарушения зрения. У щенков «при введении льняного масла, дегидрированного масла и так далее часто возникала язва роговицы и перфорация роговицы». Эти эксперименты описал профессор доктор Мелланби (Mellanby) в Special Report (№61) британского медицинского исследовательского совета. Дальнейшими симптомами стали паралич, тетания и судороги.

В British Medical Journal (12 мая 1934, с. 849) действие неправильного питания описывается следующим образом: «Крысы отчаянно кружили по клетке, как будто их бросили».

Экспериментатор в British Journal of Experimental Pathology (октябрь 1932, с. 403) описывает, как у 113 щенков развился гипervитаминоз витамина D: «Щенок №1 быстро терял массу тела, у него наблюдались понос, рвота, катар конъюнктивы, из-за чего его веки склеивались почти полностью. На 11 день он умер. При вскрытии животного №4 были обнаружены кишечные кровотечения и гангренозные участки кишечника».

British Medical Journal (21 января 1928, с.91) приводит следующее описание эффекта «экспериментального питания»: «Иногда припадки задерживались примерно до 18-го дня и оказывались гораздо более сильными. Между приступами животное ходило на цыпочках, как будто у него были судороги, а когда припадки внезапно наступали, оно с криками кружило по клетке или каталось в судорогах с оскаленными зубами. Обычно в результате наступала смерть».

С давних времен известно, что организм без питания может прожить дольше, чем без воды. Одни только физиологи-экспериментаторы, по-видимому, не имеют никакого понятия об этом, судя по тысячам непрерывных исследований, которые ставят целью выяснить, за сколько времени животное умрет от голода или жажды, как в нижеследующем случае, отмеченном в The Medical Press (28 ноября 1928), хотя такой опыт повторяют для каждого нового поколения:

«О некоторых странных опытах на животных сообщает де Боэр (de Boer), который заметил, что при полном лишении пищи смерть наступает быстрее, если жидкость тоже не поступает. Голуби при голодании умирают за 4-5 дней; но если им давать воду, они могут оставаться в живых еще 12 дней».

*

Вивисекторы охотно подчеркивают, что во многих исследованиях используются мыши и крысы: они знают, что этих животных не очень любят. Данный факт объясняется лишь тем, что эти виды нам не близки. Крысы — особенно умные и чувствительные создания, и многие жестокие исследования вновь и вновь доказывают, что их поведение мало отличается от человеческого.

Когда маленький грызун, которому дали яд, кружится по клетке с пеной у рта, мучается от желчных или кишечных коликов, поноса, оно страдает не меньше, чем человек в том же состоянии, а пронзающие его маленькое тельце уколы шприца равнозначны удару копьём человека. И можно ли ввиду этих обстоятельств по-прежнему оставаться таким наивным и допускать, что кесарево сечение, которое вивисекторы делают миллионам самок для получения стерильных детенышей, производится под наркозом?

Само собой разумеется, обезьяны являются любимыми животными экспериментаторов, потому что они больше всех напоминают человека. Их используют, чтобы проверять все возможные действия: радиоактивных веществ, ядовитых газов, взрывчатых химикатов, раздражающих средств, источников радона, всаженных в мозг, космических лучей на высоте 35 км над землей (в пластиковых баллонах). Еще их используют для определения функций разных областей мозга, вызывания припадков, сходных с эпилептическими (через многочисленные инъекции в вещество головного

мозга, удаление частей головного мозга, нанесение насечек на мозговую ткань, или удары током), вызывания рака через сильные неврозы, эпидемической водянки, трахомы, язвы желудка, заражения паразитами, воспаления легких, полиомиелита, ревматизма, глубокого шока через переутомление, переохлаждения, травм, солнечного удара. Кроме того, обезьянам делают разные пересадки органов, тестируют на них разные лекарства, инфицируют их сибирской язвой, малярией, бешенством, сифилисом — практически всеми возможными болезнями — все в больших масштабах вызывают у них наркоманию, и занимаются «бихевиоризмом» (поведенческими исследованиями) — главным образом реакциями на удары током. Это отнюдь не полный список.

Вот еще только один пример того, что приходится выносить обезьянам; это выдержка из статьи в *Lancet*, важнейшем английском специальном журнале за 19 сентября 1931. В то время ученые еще не научились маскировать свои жестокие эксперименты с помощью языковых средств, что сплошь и рядом происходит сегодня. Здесь речь идет об обезьянах, которых инфицировали бешенством в Институте Листера (*Lister Institute*).

«10 декабря. Обезьяна цеплялась за прутья клетки и постоянно издавала очень пронзительные крики, совсем иные, нежели в обычных условиях. Казалось, что животное в панике...»

«15 декабря. У обезьяны был неподвижный взгляд, и казалось, что она не замечает ни еду, ни своих товарищей по клетке, ни наблюдателей. В ответ на раздражение она не кусалась. Подбородок стал лысым, потому что животное постоянно выщипывало его пальцами...»

«После короткой паузы, во время которой животное проявляло буйную агрессию и *убило своего сородича*, наступили судороги, достаточно сильные для подбрасывания тела животного в клетке. Постепенно на смену им приходила общая слабость, которая вела к смерти...»

Трое животных нанесли себе серьезные раны от укусов, двое откусили кончик пальца, одно содрало всю кожу с передней лапы, так что обнажились мускулы от локтя до запястья.

Анестезия для общественности

Вивисекторы должны были найти средства, чтобы делать свою работу в течение продолжительного времени. Правда, человек, самое подлое существо (он единственный, кто убивает не только ради пропитания, но также ради одежды, украшений, для удовлетворения любопытства и тщеславия, в поисках прибыли и развлечений) также является духовным существом. Поэтому можно предположить, что большинство людей не могут спокойно смотреть на все это, и общественность, узнав о неизбежной жестокости опытов на животных, требует немедленных перемен.

Чтобы не допустить вмешательств, вивисекторы сочинили сказку о наркозе: общественность должна быть уверена, что к животным относятся с любовью, и их страдания — это всего лишь вымысел неких сумасшедших личностей.

В Европе миф о наркозе невероятно распространен, благодаря сохранению в тайне всех экспериментов, а также внешне строгих законам, которые «регулируют» вивисекцию. В большинстве европейских стран противники вивисекции добились того, что пытки животных считаются аморальными. Это подкреплено законодательством в защиту животных. Но в каждой стране вивисекторы обходят закон, не только с помощью закрытого проведения опытов в лабораториях, но также через хитрые оговорки, легализующие любую пытку животных.

Например, в Италии законодательство включает в себя параграф, который выглядит еще более успокаивающе, чем в других странах: «Вивисекция собак и кошек в нормальных условиях запрещена». Тем не менее, в Италии опыты ставят главным образом

на собаках и кошках, и они там самые жестокие. Увертка скрыта в формулировке «при нормальных условиях». Потому что нижеследующее ограничительное условие дает возможность обходного пути: «За исключением случаев, когда они считаются необходимыми для научного исследования либо других животных не имеется в распоряжении».

Другой итальянский закон гласит: «Вивисекция должна производиться только под анестезией, наркоз должен действовать на протяжении всей операции». Как гуманно — и как полезно для вивисекторов, которые в случае любого протеста может сослаться на этот закон. Только они не указывают на оговорку, которая делается сразу же: «Кроме случаев, когда это идет вразрез с целями эксперимента».

И далее: «Запрещено использовать в дальнейших экспериментах животное, на котором уже проводили исследования — если в этом нет абсолютной необходимости».

И кто должен оценивать, необходимы ли такие опыты на животных или нет? Разумеется, экспериментаторы — в качестве «ученых». Точно так же можно было бы издать закон: «Запрещено убивать, за исключением случаев, когда убийство абсолютно необходимо».

*

В Великобритании для «предотвращения ненужных страданий животных» имеется следующий закон: «Если животное в какое-то время указанного эксперимента страдает от невыносимой боли и главный результат опыта получен, его следует безболезненно убить».

Это расплывчатое предложение содержит в себе больше, чем оговорку. Как обычно, решение о том, получен ли «главный результат опыта», остается за экспериментатором. И поскольку не существует критериев переносимости боли, экспериментатор может охарактеризовать ее как незначительную, тем более что сам он от нее не страдал. Кроме того, вивисекция произвела породу псевдоученых, которые считают, что вопрос причинения боли (всем живым существам, за исключением их собственной персоны) «сегодня несущественен», как заявил профессор Роберт Уайт из Кливленда. Он писал об этом в статье, напечатанной в *American Scholar*, и мы ее потом рассмотрим более подробно.

Во многих случаях анестезия несовместима со всеми опытами на нервной системе, с послеоперационными наблюдениями, с болевыми, стрессовыми и поведенческими исследованиями, со всеми длительными исследованиями, с теми случаями, когда под предлогом «исследования» вызывают болезнь, со всяким тестированием новых медикаментов. Короче, поскольку сфера использования наркоза чрезвычайно ограничена, должно быть очевидным, что подопытные животные очень редко получают обезболивание, даже если среди экспериментаторов иногда находятся сострадательные люди.

*

На практике животные обычно получают анестезию только перед началом крупной операции, главным образом для того, чтобы они тихо себя вели. Но поскольку животные зафиксированы с помощью аппарата для обездвиживания, часто не могут произнести ни звука во время хирургического вмешательства и не имеют возможности показать свои страдания, никто не знает, насколько продолжителен и эффективен наркоз.

Наркоз всегда непродолжителен, в то время как страшные послеоперационные боли всегда длятся долго, иногда годами.

Только в Великобритании экспериментаторы обязаны указывать количество и вид опытов на животных, которые финансируются государством. Согласно таблице, которую опубликовало Министерство внутренних дел, в 1971 году из 5,8 миллионов опытов на живых животных, более 4,5 миллионов были проведены безо всякого обезболивания. Что касается тех животных, которые получили анестезию, большинству из них делали

хирургические вмешательства, и впоследствии им пришлось терпеть боль. Усыплено было менее 3% подопытных животных.

Экспериментаторы завоевывают авторитет тем, что многие исследования заключаются только в «уколе иголкой» и, конечно, не требуют наркоза. Как это похоже на правду. Но обычно цель этого укола заключается в том, чтобы вызвать у животного рак, водянку, трахому, воспаление легких, полиомиелит, менингит, сифилис и другие болезни, а потом наблюдать, как оно медленно чахнет.

Я уже говорил, что преувеличивать суть опытов на животных — не только ненужно, но и невозможно. В настоящее время британское Министерство внутренних дел со своей официальной статистикой тоже смотрит через розовые очки. Правильная анестезия вызывает глубокую потерю сознания и выключает все ощущения. Но в *Lancet*, *British Medical Journal* и других специализированных медицинских изданиях описаны операции, при которых экспериментаторы вместо вышеназванной анестезии использовали химические препараты, не имеющие такого действия. Маршал авиации лорд Даунинг (Dowding) 18 июля 1957 года доложил следующее в Палате лордов: «Например, кошкам, которым в Кембриджском Университете вырывают глаза, дают только диал». А названный лордом Даунингом диал — это не средство для наркоза, а всего лишь успокаивающий препарат, его принимают при нервной бессоннице. Другое успокоительное, амитал, использовали при разрезании живота собакам — об этом сообщил лорд Даунинг в той же самой речи.

Во время одной из недавних инспекций в Италии выяснилось, что заведующий одной из лабораторий вообще не знал об анестезии. Отношение экспериментаторов к страданиям животных одинаково во всем мире.

Эммануэль Кляйн (Emanuel Klein), немецкий физиолог, который преподавал в Больнице Святого Варфоломея (St. Bartholomew Hospital), поставил своих английских коллегу в затруднительное положение, когда он однажды перед парламентской комиссией — Королевской Комиссией, к которой мы еще вернемся — ответил чересчур искренне. Все экспериментаторы говорили, что животные либо почти не чувствуют боли при вырывании глаз, печени, поджелудочной железы, желчного пузыря, отравлениях и ожогах, либо находятся под глубоким наркозом. Кляйн вскоре после приезда из Англии удивлялся по поводу этого вранья и заявил: «Я никогда не даю наркоза животным, за исключением использования с учебными целями... Когда человек занимается исследованиями, у него нет времени думать, что чувствует животное, и будет ли оно страдать» (Royal Commission Report, абзацы 3538–3540).

Законы о вивисекции (если таковые вообще имеются), задуманные для защиты животных, служат лишь для защиты экспериментаторов, потому что их применение практически невозможно из-за господствующей секретности.

Многие страны не стали утруждать себя и принимать эти туманные законы, убаюкивающие общественное мнение. К таковым относятся США, Канада, Индия, Пакистан, ЮАР, Австралия и Новая Зеландия. В Швеции контроль за подопытными животными осуществляется правлением шведского общества ветеринаров; оно дает право экспериментаторам заниматься их профессией и уполномочено проводить инспекции, но передает эти полномочия директору каждой лаборатории.

Интересный гамбит используется во Франции, где большинство медиков попросту отрицают наличие вивисекции. Они говорят, что это дело прошлого, изобретение кучки сумасшедших. Тем не менее, Франция, благодаря Клоду Бернару — не только колыбель современной вивисекции и родина Института Пастера (который принадлежит к одной из самых мощных вивисекционных лабораторий в Европе). Эта страна — не только колыбель современной вивисекции и обитель Института Пастера; она дала новый толчок к экспериментам на животных. В лесах близ Бордо французское Министерство просвещения построило особую лабораторию, которая называется Центр биологических исследований свободно живущих животных. Некий профессор Р. Кавенк (R. Cavenc) там

отлавливал диких животных в лесах и ставил на них опыты за счет ничего не подозревающих налогоплательщиков.

Этот профессор заверил меня в письме (1974), что он делал все это, дабы «облегчить страдания людей». Когда я его попросил поделиться со мной подробностями «облегчения страданий человечества», ответ мне не пришел. Он доверительно сообщил моему знакомому, что, если бы закрыл свою лабораторию, то дюжина сотрудников осталась бы без работы. А на такую жестокость он не мог пойти.

Другим милым трюком французов стала замена в школьных учениках слова «вивисекция» на «вскрытие».

Анестезия — made in the USA

Американские экспериментаторы, которых ждут невероятные гранты, до сих пор препятствовали всякому законодательному ограничению вивисекции. Им это удавалось с помощью взяточничества и систематической пропаганды, призванной убедить общественность и законодателей, что подопытных животных защищает далеко идущая гуманность вивисекторов. В 1962 году на слушаниях конгресса (о них речь пойдет дальше в другом контексте) заинтересованные стороны вновь и вновь клялись в своих непоколебимых гуманистических убеждениях.

Каждый американский учебник об опытах на животных содержит тщательно выработанные инструкции и разъяснения по поводу наркоза всех видов животных, даже голубей, хотя нигде там не объясняется, как можно удостовериться, что птица действительно находится под наркозом. При работе с людьми хирург знает, что анестезия начинает действовать в то мгновение, когда пациент перестает громко считать. Если во время операции ее действие ослабевает, хирург это сразу видит, потому что пациент начинает громко кричать. Животное это выразить не может.

К самым эффективным «анестезирующим средствам для общественности» относится лишение подопытных животных голоса. Как можно воспрепятствовать тому, чтобы крики жертв пугали пациентов больницы и людей на улице? Как правило, с помощью рассечения голосовых связок. Конечно, это означает дальнейшую пытку для жертвы, особенно при проглатывании пищи; но решающее значение имеет не избегание боли животного, а успокоение общественности.

Debarking (лишение способности лаять) и devocalization (лишение способности издавать звуки — это два новых слова, которыми вивисекторы обогатили американский словарный состав языка. В Европе перерезание голосовых связок, хоть и широко распространено, однако запрещено законом — вивисекторы не признаются публично, что делают это. При личной беседе многие хирурги сказали мне, что проводят данную операцию. В США все, что связано с «медицинской наукой», не может быть незаконным, и вивисекторы откровенно заявляют, что это стандартный метод. Они даже разработали изощренные приемы. Один из них — электроприжигание, которое делается главным образом собакам — потому что собаки, возможно, из-за их длительной связи с людьми, оказываются самыми шумными и настойчивыми жалобщиками.

Доктор Гюнтер Краус (Gunther Kraus) из Мемориального института онкологических исследований Розуэлла Парка (Roswell Park Memorial Laboratories, Буффало, Нью-Йорк), пишет в *American Veterinary Medical Journal* (том 143, №9, ноябрь 1963): «В нашей лаборатории необходимо лишать голоса собак, потому что совсем вблизи находится больница. Мы провели электроприжигание уже более чем 3000 собакам».

При этом вмешательстве голосовые связки перерезаются высокочастотными токами, разваривающими ткани. Как говорит доктор Краус, животные должны находиться в глубоком наркозе — разумеется, не из жалости к животному, а потому что «при легкой анестезии прижигание горячим наконечником может стимулировать подергивания у

собак», в результате, всю работу придется делать заново и, таким образом, расточительно тратить драгоценное время ученого. Последствия лишения голоса часто бывают серьезны и длительны: эта операция может привести к хроническому бронхиту, воспалению гортани и легких, иногда к сильным кровотечениям.

Еще более хитрый метод, лишаящий собак голоса, заключается, в том, чтобы разваривать не голосовые связки, а часть мозга, это делается после фиксации животного. Данный способ придумал доктор Найлз Скалтети (Niles Skultety), внештатный преподаватель Колледжа медицины в Университете Айовы (University of Iowa College of Medicine).

Согласно Archives of Neurology (том 6, март 1962), перед вмешательством проверяют реакцию на боль и громкость лая, для этого собаку щипают за хвост артериальным зажимом Кохера. Большинство собак после повреждения мозга ведут себя тихо; то же самое происходит с животными, которым дедовским методом рассекли голосовые связки. Новый метод увлекателен для американских вивисекторов, хотя многие результаты могут показаться не такими уж удивительными для простых смертных. Вот описание одной из собак «обработанных» таким образом: «Она не делала никаких попыток подняться в первые три дня после операции, ничего не ела и не пила. На четвертый день она захотела встать и пройтись по клетке. Задние лапы приняли такое положение, как у притаившегося животного, передние лапы сгибались. Собака так и не обрела прежнего равновесия вплоть до того момента, когда ее убили (на шестнадцатый день), опрокинув с помощью легкого толчка. Если бы ее мучила боль, она бы хотела добраться до источника боли, но ее работоспособность была ограничена».

Если же люди хотят навести справки, они везде читают о гуманном отношении к подопытным животным. То есть, общественности в Америке делают наркоз. Encyclopedia Americana, опубликованная в 1974 году, в статье «Вивисекция» указывает, среди прочего, следующее:

Значительные успехи в технике анестезии и в нейропсихологии — главным образом, благодаря опытам на животных — дали возможность ученым разрабатывать в лабораториях такие же гуманные методы работы с животными, как и в современной медицинской практике».

Как можно объяснять подобные заверения при наличии разных экспериментов, которые каждый день публикуются в научных журналах (примеры приведены в третьей главе)? Учебники по физиологии пишут физиологи, воспитанные в духе вивисекции и снискавшие «научное положение» главным образом через работу в лаборатории.

Как сказал Бернард Шоу в речи на эту тему, «кто без сомнений занимается вивисекцией, тот будет без сомнений врать о ней».

Часть 3

Доказательства

Читатель может без ущерба для себя пропустить эту третью часть, которая содержит лишь малую часть многочисленных, вновь и вновь повторяющихся опытов. Ему даже следовало бы это сделать, потому что опыт показывает, что многие читатели вообще перестают читать, когда доходят до описания экспериментов. А я заинтересован в том, чтобы как можно больше людей прочитало ту книгу. Почему я все же трачу время и бумагу на эту главу? Потому что многие вивисекторы будут попросту отрицать эти факты; и вот оно, доказательство того, что они имеют место постоянно, день и ночь в тысячах лабораторий по всему миру.

Раскапывание доказательств не было приятным занятием, но, по меньшей мере, искать их было нетрудно, потому что экспериментаторы жаждут сообщить о своих делах в специальных журналах и справочниках по физиологии, при этом они, разумеется,

тщательно выбирают усыпляющие внимание слова. Не будем забывать, что в последнее время ежегодно появляется более двух миллионов протоколов об экспериментах на животных. Но, разумеется, о большинстве опытов ничего не сообщается, — это те эксперименты, которые, по мнению самих вивисекторов, бессмысленны, ошибочны или же представляют собой повторение; либо же они настолько жестоки и бессмысленны, что экспериментаторы не отваживаются их публиковать даже в специализированных журналах. В таких случаях вивисекторы делают их тиражирование для циркуляции среди себе подобных.

*

Когда и каким образом все это началось? Разумеется, с Каина. Но мы интересуемся главным образом нашим временем, когда молчаливое большинство допускает вивисекцию, потому что ее выдают за гуманное предприятие беззаветных альтруистов.

Сначала мы должны вспомнить некоторых основателей так называемой современной физиологической школы, так как сегодняшняя «традиционная медицина» поднимает их на пьедестал и ставит их в пример новым поколениям. Многие их бессмысленные, повторенные уже миллионы раз опыты проводятся повсеместно, в частных лабораториях и университетах.

Все они ставят целью не излечение животного, а вызывание у него болезни. И проникательность ученого направлена лишь на то, чтобы получить в руки здоровых животных и создать у них экспериментальные болезни и повреждения; однако болезни, вызванные извне и искусственным путем, неизбежно в корне отличаются от спонтанно появившихся болезней и повреждений. В 1825 году, за 20 лет до того, как Клод Бернар превратил подвал своего дома в частную лабораторию, в Копенгагене появилась книга под названием «Физиологические результаты современной вивисекции» (*Physiological Results of Modern Vivisection*). Она была напечатана на немецком языке, который пришел на смену латыни как языку науки в Северной и Восточной Европе. Датский автор Петер Вильгельм Лунд (*Peter Wilhelm Lund*) так хорошо передал тогдашний дух времени, что ему можно было бы дать подзаголовок «Сочинение, получившее приз Университета Копенгагена».

Лунд в своей книге перечисляет интересные, на его взгляд, результаты физиологических экспериментов; они были получены в лабораториях всей Европы, и на них ушло много тысяч животных. Единственное благо книги Лунда заключается в том, что ее автор, в отличие от сегодняшних докладчиков, ни разу не пробует оправдывать эксперименты как благо для человека. Каждый опыт служит лишь удовлетворению чьего-то любопытства и публикации труда, благодаря которому экспериментатор, может быть, получит звание профессора или, как минимум, это ему поможет прославиться в качестве «ученого».

Вот пример того, что, по мнению Лунда, было достойно включения в его собрание: сколько воды должно попасть в легкие лошади для ее смерти? На странице 83 можно прочитать следующее: «Уже Гудвин (*Goodwyn*) отметил, что животное может выдержать чрезвычайно большое количество воды в легких без какого-либо вреда для себя, а Шлөпфер (*Schlöpfer*) подтвердил эти наблюдения через исследования с водой и многими другими веществами. Он обратил внимание на то, что впрыскивание должно производиться через отверстие в трахее, потому что внутренний контакт с гортанью вызывает судорожные сжимания голосовой щели, и животное задыхается. В последующие годы эти наблюдения были подтверждены с помощью случая, произошедшего в ветеринарной школе и Лионе. Ее студенты налили воду в трахею лошади, чтобы ее убить, но, к своему удивлению, узнали, что она не причиняла вреда животному до тех пор, пока объем влитой жидкости не составил 30 литров. Другая лошадь, на которой повторили данное исследование, умерла только тогда, когда ей влили 40 литров воды. Профессор А. Майер из Берна провел по этому поводу ряд исследований с красителями, солями,

оксидами металлов и маслом...» Далее в книге приводятся аналогичные эксперименты, выполненные в иных местах другими вивисекторами.

Страница 149, глава «Движения мозга»: «Когда Дориньи (Dorigny) сделал собаке множество маленьких надразов, то обнаружил, что при каждом резательном движении инструмента движение мозга усиливается. При перерезании спинного мозга движение прекращалось, даже когда жидкость вливали в сонную артерию. При раздражении шейного сплетения движение мозга усиливалось; то же самое происходило, когда после перевязки трахеи раздражали важный нерв. После перевязывания сонной артерии и позвоночной артерии, как уже наблюдали Бишта (Bichtat) и Ришран (Richerand), движения прекращались. Но они возобновлялись при энергичном стимулировании шейного сплетения».

Страница 191, глава «Влияние магнита на сердце» (The Influence of the Magnet on the Heart): «Он вытащил наружу с помощью толстой проволоки спинной мозг восьмидневного котенка, а после того, как сердце прекращало биться, наполнял спинной мозг железной пылью, всовывал в него кривую железную проволоку и подводил к обоим концам магнита. По прошествии пяти минут пульсация опять начиналась, и сердце производило слабые сокращения еще в течение 40 минут».

По этому поводу Лунд дает следующий комментарий: «Бесспорно, здесь мы видим подборку лучших результатов из физиологии и физики. К сожалению, они кажутся слишком красивыми. Я не дерзну на них положиться до тех пор, пока будущие открытия не подтвердят их правильность».

Лунд приводит еще множество примеров невероятных для него результатов, которые были получены учеными разных европейских стран, а на странице 332, в главе «Эксперименты на сходство между нервной силой и электричеством» возвращается к особенно усердному Вейнгольду (Weinhold).

Лунд воодушевленно пишет: «Вейнгольд наполнил полость черепа и спинного мозга кошки, у которой не наблюдалось никаких признаков жизни, смесью ртути, олова и серебра. По прошествии 20 секунд у кошки стала наблюдаться такая жизнедеятельность, что она подняла голову, открыла глаза, в течение какого-то времени смотрела неподвижно, несколько раз упала, потом, наконец, встала с явным напряжением, подпрыгнула и упала в изнеможении. При этом кровообращение и пульсация происходили очень интенсивно и не прекращались в течение 15 секунд после вскрытия груди и брюшной полости кошки. — При работе с третьей кошкой Вейнгольд наполнил тем же самым соединением только череп и наблюдал, что зрачок все еще сокращается, и животное даже проявляет светобоязнь (ему подносили источник света), а также что оно настораживается при ударах ключом об стол».

Теперь пролистаем оставшуюся часть этого 344-страничного труда, получившего премии, и заглянем в «Приложение», где автор Лунд сообщает о своем собственном эксперименте — «Исследование чувствительности седьмой пары нервов», которое он производил на кролике в Королевском Музее естественной истории (Royal Museum of Natural History, г. Копенгагена, в присутствии своего учителя профессора Й. Райнхардта (J. Reinhardt, ему он посвятил свою книгу в благодарность, а другой физиолог посвятил подобную работу своей любимой матери):

«Первое исследование. Обнажена седьмая пара нервов (кролика); поскольку нерв был прищемлен пинцетом, у кролика проявлялись признаки боли, и мускулы морды подергивались (это происходило и во всех последующих случаях, поэтому я не буду больше упоминать данный факт). Вследствие кровопотери во время операции другие результаты исследования не были четко видны...»

«Второе исследование. Вскрывается черепная коробка и изымается левое полушарие; пятая пара левой стороны, покрытая твердой мозговой оболочкой, обнажается и разрезается, животное при этом очень сильно кричит. С левой стороны морды исчезли всякие признаки чувств; глаз на той стороне потух и не блестел — в то время как на

другой стороне морда по-прежнему свидетельствовала о наличии чувствительности, и глаза сохраняли естественный вид. Седьмую пару обнажили на левой стороне; после щипком пинцетом за нервы началось подергивание тела... это сопровождалось признаками боли...»

Такие «опыты» — всего их семь — продолжались с завидной регулярностью. Только пятый не удался, потому что после вскрытия мозга, изъятия левого полушария и перерезывания пятой пары нервов «глупое» животное подвело ученого и умерло.

Начало нового мира

Клод Бернар, национальный герой Франции и апостол современной вивисекции, построил печь, из которой высовывалась голова животного, в то время как его туловище поджаривалось внутри. Это дало ему возможность написать одну из его многочисленных псевдонаучных работ — *Leçons sur la chaleur animale, sur les effets de la chaleur et sur la fièvre* (1976). Она переводится как «Уроки о животном тепле, о влиянии тепла и о лихорадке». Основатель сегодняшнего вивисекционистского метода с помощью той печи надеялся раскрыть «секрет повышенной температуры»: как будто повышенная температура тела вследствие нахождения в печи и вследствие инфекции есть одно и то же. Ни Бернар, ни его ученики не понимали, что он путает причину и следствие: высокая температура у пациента — это результат, а не причина болезни. Бернар подробно описывал медленную смерть собак и кроликов, которых запекали живьем, а единственный вклад его печи в науку заключался в информации, что собака с высунутой из печи головой умирает медленнее, чем животное, находящееся там полностью.

*

Один из современников Бернара, уже упоминавшийся профессор Эммануэль Кляйн (Emanuel Klein), инфицировал глаза кошек бактериями дифтерии. Он сообщает, что инфекция привела к перфорации глаз, и кошки умерли через 14 дней, после сильных мучений.

*

Клод Бернар, с которым читатель в дальнейшем познакомится ближе, вырастил целые поколения вивисекторов, которые распространили эту практику в Европе.

Одним из них оказался Поль Бер (Paul Bert), занимавший во Франции пост министра общественного просвещения и друживший с Клодом Бернаром; он описал один из своих экспериментов в *Revue des deux mondes* (1 сентября 1864 г.). Он обездвижил собаку с помощью кураре (кураре не обезболивает, а парализует мышцы настолько, что для поддержания жизнедеятельности объекта требуется искусственное дыхание). Потом разрезал ее, убрал с одного бока все мясо от головы до бедра, так что оказались обнажены висцеральные, срединные, симпатические и подглазничные нервы. В течение десяти часов обнаженные нервы раздражались электротоком; беспомощное парализованное животное не могло издать ни звука. Эксперимент увенчался открытием, которое состоит в следующем: всякий раз, когда боль достигает наивысшей точки, у животного происходит мочеиспускание! Потом вивисекторы спокойно разошлись по домам и доверили собаку машине, которая должна до следующего дня вкачивать воздух в легкие животного для продолжения «наблюдений». Но «глупая» собака повела их и испустила дух в ту же ночь.

*

Профессор Джон Рид (John Reid), который ввел вивисекцию в шотландский Университет Сент-Эндрюс (St. Andrew University), известен главным образом своими опытами на мозговых нервах собак. Он тоже причинял неопишемую боль, потому что

работал без анестезии. Кроме того, он проводил «исследование», посвященное влиянию страха на сердцебиение, и использовал для него собак, которые уже прошли через болезненную вивисекцию. Вот выдержка из одного его протокола: «После операции в течение более или менее длительного времени подсчитывали количество ударов сердца собаки... перед этим ее ласкали, чтобы успокоить. Затем ее клали на стол, где ее ранее фиксировали и оперировали, грубо кричали на нее, а потом опять измеряли число ударов сердца... У седьмой собаки через 8,5 часов после операции частота пульса равнялась 130 ударам в минуту, а когда ее клали на стол и возбуждали, так, что она начинала сопротивляться, пульс достигал значения 220; если животному причиняли боль, и оно сопротивлялось еще сильнее, удары становились настолько сильными, что их уже невозможно было подсчитать точно, пульс был как минимум 260 ударов в минуту».

Сегодня столь неприятную статистику больше не обнаруживают, потому что стало ясно, насколько важно удерживать в тайне вопросы причинения боли, но во времена Рейда это считалось настолько достойным, что материал опубликовали трижды: в *Edinburgh Medical and Social Journal*, в виде обращения в обществе естествоиспытателей и в собственной книге Рейда, «Физиологические исследования» (*Physiological Researches*).

*

Паоло Мантегацца (Paolo Mantegazza, прежде профессор патологии в Университете Павии (University of Pavia), известный в Италии как автор романов, изобрел новый инструмент пыток и пишет о нем в «Физиологии боли» (*The Physiology of Pain*): тройная скоба, которую он окрестил «палачом». С помощью нее он хотел изучить «механизм дыхания под действием боли». Кролик, которого Мантегацца в течение пяти минут истязал этим инструментом, по прошествии 40 минут был ещё настолько возбужден, что не удавалось подсчитать частоту дыхания (то есть выполнить цель эксперимента). Другого кролика мучили целых два часа при помощи этого инструмента, а вслед за этим Мантегацца еще вбил ему в лапы два гвоздя снизу вверх. Он пишет, что при этом боль, испытываемая кроликом, была гораздо сильнее, чем при всех предшествующих пытках. Также он сообщает, что две крысы-альбиноса, которые часами подвергались пыткам, в конце концов напали друг на друга и, поскольку у них не было сил кусаться, задыхались и визжали, обхватив друг друга (точно такие же эксперименты проводятся и сегодня во многих лабораториях с использованием тысяч собак и кошек).

Как это регулярно происходит в маленьком мире вивисекторов, коллеги Мантегацца, а именно — Уголино Муссо (Ugolino Musso) и Гейденгайн (Хейденхайн, Haidenheim), поставили под сомнение его выводы. Они повторили эксперименты и тоже не получили никаких результатов.

Мантегацца обвинил одного из своих соперников, Морица Шиффа (Moritz Schiff), в неспособности провести серьезные исследования боли, потому что Шифф «слишком мягок по отношению к животным». Все в жизни относительно. Шифф, немец, живущий во Флоренции, только-только вступил в новое объединение по защите животных, когда разгневанные флорентийцы, узнавшие, что происходит в его лаборатории, изгнали его из города. На самом деле Шифф, который в дальнейшем стал заниматься своей работой в Генфе, занимал среди вивисекторов своего времени высокий ранг. Излишняя «мягкость», за которую его ругал Мантегацца, не мешала ему перерезать голосовые связки своих жертв, чтобы, по его словам, «предотвратить ночные концерты, из-за которых физиологические исследования могут снискать дурную славу». В ходе своих экспериментов он наполнял песком и галькой животы собак с зашитыми внутренностями, чтобы посмотреть, через сколько времени они умрут.

Все эти доклады взяты не из дневника сумасшедшего — они представляют собой типичный пример того, что можно найти в самых известных учебниках того времени; сами вивисекторы описывают свои опыты. Крупнейшая итальянская энциклопедия посвящает целую колонку Паоло Мантегацца. Автор статьи — предположительно, сам

вивисектор — называет Мантегацца «антропологом, гигиенистом, патологом и писателем».

*

Профессор Браше (Brachet), француз, который интересовался психологией животных, сообщает о следующем «моральном» эксперименте (так тогда называли психологические эксперименты):

«Я, как мог, вызывал у собаки ненависть в себе, для этого я ее мучил всеми возможными способами. После того, как я ей вырвал глаза, при моем приближении она перестала пугаться. Но когда я говорил, она опять начинала злиться. Потом я сделал отверстия в барабанных перепонках и налил ей в уши горячий воск. Когда собака утратила способности меня слышать, я смог к ней приближаться и гладить ее... Кажется, мои ласки ей нравились».

*

К бесчисленным свидетельствам бесплодной деятельности вивисекторов относится «исследование» шока, ради которого американский врач Джордж В. Крайль (George W. Crile) принес в жертву 148 собак. Ниже следует резюме его книги «Хирургический шок» (Surgical Shock, Lippincott, New York, 1899):

«Я обмазал нескольких собак смолой и поджег их. Других я выпотрошил и через отверстия в теле влил кипящую воду. Их лапы я держал над паяльной лампой. Некоторым кобелям я разбил яички. Я сломал им все кости в конечностях. У других животных я проводил манипуляции с кишками. Я вливал эфир в трахею. Одну собаку я подстрелил пистолетом 38-го калибра, другую — 32-го калибра. У одной из собак я проводил манипуляции с нервами, потом с печенью, затем я сильно повредил один нерв и расстрелял животное пистолетом 32-го калибра».

Через 55 лет, после сотен тысяч подобных «шоковых исследований» физиологи-экспериментаторы имели столько же информации о шоке, сколько Крайль в начале своих опытов, а именно — ничего. Мы это видим из следующей цитаты: «В конце Второй мировой войны мы имели много противоположных теорий о шоке, и все они, как мы теперь знаем, были неправильны — точнее, «теперь считаются неправильными», потому что в медицине слова «правда» и «заблуждение» являются преходящими». Это писал сэр Хинейдж Огилви (Henage Ogilvie), высокоавторитетный английский хирург, в *Medical Press* (20 октября 1954, с. 354). А современные физиологи-экспериментаторы после дальнейших сотен тысяч аналогичных опытов увеличили путаницу во много раз, но точно так же не в состоянии ответить на простой вопрос, что такое шок.

*

Книга Крайля, достойный итог трудов, проделанных вивисекторами в XIX веке, так же завораживала физиологов-экспериментаторов, как псевдонаучные труды Клода Бернара. И в то время как бесчисленные эксперименты на живых животных дали всего лишь большое количество ничего не значащих показателей, бессмысленных фактов и цифр, врачебное искусство и хирургическая техника сделали огромный прогресс без использования животных, через клинические наблюдения и опыт.

Хлороформ, эфир, веселящий газ, дигиталис, хинин, беладонна, строфантин — все эти без исключения вещества были открыты без использования животных. Без опытов на животных были созданы термометр, стетоскоп, без опытов на животных научились определять частоту пульса, делать аускультацию, перкуссию. Пастеровское учение о бактериях основывается исключительно на опытах с брожением вина и пива. Рентген открыл названный в честь него луч, и его открытие, равно как и обнаружение радия несколько лет спустя, основывается на опытах на животных не в большей степени, чем выявление важности гигиены и стерильности. Без всех этих открытий от современной

медицины мало чего бы осталось. И именно благодаря великим английским реформаторам, таким как Белл (Bell), Клэй (Clay), Кит (Keith), Фергюссон (Fergusson), Тейт (Tait), Тривс (Treves), которые четко объяснили, что вивисекция может только запутать врача, хирургия была пробуждена после средневекового летаргического сна.

О прогрессе хирургии речь пойдет в отдельной главе. Сначала мы должны посмотреть, как физиологи XIX века после обмана самих себя начали обманывать других и внушили новому поколению, что их поведение и поступки ни в коем случае не порочны и жестоки, а, напротив, полезны и достойны восхищения.

Двадцатый век

Известный русский ученый Иван Павлов был учеником Циона, а тот, в свою очередь — учеником Клода Бернара. Павлов имел в своей московской лаборатории до 70 ассистентов и «открыл» то, что знали уже древние греки: одна только мысль о пище способна вызвать у собаки не в меньшей степени, чем у людей, слюноотделение и вместе с ним — секрецию желудочного сока. Его опубликованные труды представляют собой в высшей степени примечательный памятник глупости опытов на животных, и поэтому они рекомендуются для прочтения.

Они также служат памятником слепой жестокости людей, ее можно назвать как садизмом, так и садистским любопытством, хотя экспериментаторы скорее говорят о «научном любопытстве».

Павлов проявлял большую изобретательность, когда придумывал новые способы вызывания душевных мук. Однажды он использовал собак, которые очень пострадали во время наводнения в Ленинграде. Они находились взаперти в затопленной конуре и стояли целыми днями по шею в воде. Павлов заказал этих собак из Ленинграда, посадил их в клетку и лил на них воду, так что они должны были подумать, что опять наступает наводнение. Этот эксперимент неоднократно проводился с одними и теми же собаками, и они всякий раз испытывали ужасный страх.

Другое животное от Павлова научилось связывать страх с различающимися ударами двух метрономов. При ударе зрачки глаз расширялись, из пасти капала слюна, дыхание становилось прерывистым, животное начинало дрожать, стонать, и, наконец, оседало в виде жалкого комочка. Ту же самую собаку приучили бояться падения с лестницы; она в страхе стояла сверху на лестничной площадке.

После двух операций на мозгу бесчисленным собакам Павлов описал проявление у них боли, нервозности, исключительной чувствительности и спастического состояния, а также — к большому удивлению Павлова — приступы ненависти к своему мучителю. Лауреат Нобелевской премии пишет в своем докладе: «Судороги усиливались вплоть до смерти, которая обычно наступала через два года после операции». Через два года... Но об одной из собак Павлов вспоминает с особенной любовью: это метис, который за два года перенес не менее 128 хирургических вмешательств, прежде чем наступила смерть-освободительница.

(После Павлова у собаки со вскрытым желудком поддерживали жизнь в течение девяти лет, то есть, почти всю ее жизнь, чтобы пронаблюдать за процессом пищеварения. «Собачью жизнь», — заметил по этому поводу экспериментатор, который, помимо всего прочего, обладал еще и чувством юмора).

*

Большинство людей могут терпеть соринку в глазе не больше десяти секунд. У кошек и кроликов глаза гораздо более чувствительны, чем у людей. Как только США преодолели свою научную отсталость и стали «цивилизованными», для американских физиологов стало делом чести перегнуть своих европейских коллег. В 1904 году American

Journal of Physiology сообщает о многочисленных экспериментах, в ходе которых кошкам выжигали глаза разными веществами; а предварительно им обрезали веки, чтобы усилить разъедающее действие. Это лишь некоторые из тех варварств, которые появились в Новом Свете и оттуда перешли в старушку Европу.

Собственно говоря, Европе не требовалось брать пример с Америки. В немецком медицинском учебнике можно прочитать следующее: «Зонненберг (Sonnenberg) провел серию экспериментов на собаках. Он помещал их лапы в кипяток. У некоторых из них был предварительно разрезан позвоночник. Шестое животное, немецкая овчарка, умерла через 6 часов, после трех погружений в кипящую воду». (Handbuch der allgemeinen Pathologie, prof. Krehö, Heidelberg, 1908).

*

Профессор Монаков (Monakow) и доктор Минковски (Minkowski) из Цюрихского университета (Zurich University) проводили много операций на мозгу и при этом удаляли глаза собакам и кошкам. Согласно их сообщениям, было невозможно поддерживать жизнедеятельность у животных больше, чем на протяжении трех-четырех месяцев после операции (Институт анатомии мозга (Institute of Brain Anatomy), труд доктора Минковски (treatise of Dr. Minkowsky), 1913).

Профессор Вальтер Р. Гесс (Walter R. Hess) из Цюрихского Университета проводил обширные эксперименты на обезьянах, кошках и лягушках. Об одном из своих экспериментов с использованием 50 лягушек он говорит в Pflügers Archiv (1922, с.197), что произвольные движения зафиксированных иголками животных, несомненно, вызывают сильную боль, которая передается к блуждающему нерву. (Тот же самый профессор Гесс замучил до смерти не менее 350 кошек в ходе более позднего исследования мозга, которое принесло ему в 1949 году Нобелевскую премию, но между тем оказалось совершенно бесполезным и обманчивым.)

*

American Journal of Physiology (март 1923) описывает опыты на реакцию зрачков, наблюдаемую у более 200 кошек, после удаления мерцательного нерва (двигающего ресницы) вместе со всем узелком нервов. Из доклада:

1. Кошку помещали в мешок так, что высывалась одна голова, а к решетке привязывали ящик с собакой. Собаку возбуждали так, что она начинала сильно лаять, и снимали показания со зрачкового рефлекса у кошки. Через 3,5 минуты на ее лапах появлялся пот, через 4 минуты у нее шерсть вставала дыбом, через 5 минут расширялись зрачки. Эксперимент повторяли после удаления надпочечников.
2. Кошку многократно опускали в холодную воду и сажали на пути воздушного потока от вентилятора.
3. Кошку помещают в ледяную воду. Через три минуты начинается дрожь, через 10 минут — расширение зрачков. Потом животному удаляют надпочечники и повторяют эксперимент.
4. Находящейся в мешке кошке крепко заклеивают пластырем пасть и нос. Смерть от удушья наступает через 40 секунд.

Может быть, на кого-то снизойдет еще более «гениальное» озарение?

*

«Блюм (Blum) наблюдал, что у животных с удаленной околощитовидной железой происходят значительные психические изменения — галлюцинации, агрессия к самим себе; они расцарапывают себя так, что на носу и глазах появляются глубокие раны. У других наблюдалось оцепенение: они становились неподвижными, не поднимали голову, шатались и падали, их глаза утрачивали блеск» (Schweizerische Medizinische Wochenschrift, 1925, том 28, с.657).

*

Время шло, и, несмотря на все протесты со стороны многих выдающихся медиков, вивисекция распространялась за запертыми дверями лабораторий, а общественность не обращала на это внимания в надежде, что из нее может выйти «что-то хорошее». Германия, Франция, США, Швейцария, Великобритания — все эти так называемые передовые страны лидировали по научным пыткам, в то время как СМИ и, как следствие общественное мнение в лучшем случае закрывали на это глаза.

Берлин, 1927: профессор Штраух (Strauch), жаждущий узнать, едят ли кошки человеческое мясо, использовал то, что ему казалось самым подходящим материалом: мертворожденных детей, которых предоставил ему в распоряжение государственный институт. Маленькие трупы положили в подвал института, а потом туда же заперли кошку. Она не получала еды — только свежую воду каждый день. В течение нескольких дней кошка их не трогала, и профессор Штраух разжег ее аппетит: для этого он предложил ей кусочек другого мяса. Она сразу съела его с аппетитом, и это разрешило ее изначальные сомнения по поводу человеческого мяса, и она, наконец, обгрызла до костей ухо и руку мертворожденного младенца. Затем опыт был повторен с разными кошками. В конце концов, они, изголодавшись, съедали труп. Профессор Штраух увенчал свое исследование иллюстрацией к статье, где был изображен изъеденный труп. (*Deutsche Zeitschrift für die gesamte gerichtliche Medizin*, том 10, №4–5, и *Die weisse Fahne*, Phullingen, VIII/12).

*

Профессор Баркрофт (Barcroft) из Физиологической лаборатории в Кембридже (*Physiological Laboratory of Cambridge*) описывает в двух статьях, опубликованных в *Journal of Physiology* серию экспериментов, которые он провел в 1927 году. Например, он заставлял собаку плавать в глубокой воде, а потом удалял у животного селезенку; другую собаку с удаленной селезенкой заставляли бежать шесть километров за велосипедом, движущимся со скоростью 18 км/час.

В *American Journal of Physiology* (январь 1927) описывается, как доктор Рогофф (Rogoff) и доктор Стюарт (Stewart) проводили эксперименты на тридцати беременных собаках в Западном резервном университете (*Western Reserve University*). В сообщении говорится, что некоторые из них умирали в муках и при этом «кричали, как сумасшедшие».

Другая статья в том же самом журнале имеет название «Прерывание беременности с помощью оперативного удаления яичников у аплацентарных опоссумов. Исследование физиологии имплантации. Зоологический институт Университета Техаса, Аустин» (*The Interruption of Pregnancy by Ovariectomy in the Aplacental Opossum — A Study in the Physiology of Implantation — From the Department of Zoology, University of Texas, Austin*). В ней говорится об экспериментах на сотнях опоссумов. Как беременным, так и небеременным животным удаляли, перерезали, частично отделяли или прижигали органы размножения. После операции они жили от двух дней до месяца, и в течение этого времени на них делали разные тесты. Необычайно длинные библиографические списки свидетельствуют о большой популярности подобных опытов; в них фигурируют коровы, собаки, кролики морские свинки и обезьяны.

*

Как тестировались на животных лекарства во времена, когда фармакология не достигла нынешнего размаха? Швейцарский врач доктор Зигварт Херманн (Siegwart Hermann), объяснил это. Он обнаружил, что народное лечебное средство под названием комбуча (чайный гриб) очень эффективно и поставил его на промышленное производство. Но врачи отказывались прописывать его, потому что это считалось «популярной», а не «научной» медициной. Дадим слово профессору: «Мне показалось, что сомнения моих

коллеги развеялись, как только я опубликовал результаты *экспериментов на животных*. Я проводил исследования на собаках, кошках, кроликах и белых крысах. Я вызвал у животных болезнь с помощью вигантола, который вызывает сильное обызвествление сосудов и многих органов, и с помощью комбучи значительно улучшил их состояние» (Die Umschau, выпуск 42, 1929).

Описание профессора Херманна: «обызвествление наступает через 8–12 дней, у животного наблюдается тошнота, и оно перестает есть. При дальнейшем введении вигантола через желудочный зонд животное отказывается от пищи, жадно пьет воду, теряет до 50% массы тела, утрачивает способность стоять на ногах, его шерсть становится взъерошенной, в моче появляется кровь, смерть наступает через три недели. Использование комбучи излечивает болезнь».

*

Английский специализированный журнал Lancet сообщает в выпуске за май 1930 года об эксперименте, при котором собакам зашили конец кишечника, так что они не могли испражняться. Животные умирали в сильных мучениях на 5–11-й день. Опыт повторили на других собаках, которые потом прожили от 8 до 34 дней. Точно такой же эксперимент проводили еще Клод Бернар и его компания. С тех пор его жертвами стали тысячи животных; этот опыт производится и по сей день, главным образом в США.

*

На дворе стоит 1931 год. Заболеваемость раком растет угрожающими темпами, то же самое касается психозов, неврозов, эпилепсии, диабета, артрита, ревматизма, сердечно-сосудистых заболеваний — тех болезней, которые вивисекторы хотят ликвидировать с помощью опытов на животных. Между тем гигиена, гомеопатия, остеология, хиропрактика, не имеющие никакого отношения к экспериментам на животных, постепенно восстановили врачебное искусство до уровня Гиппократов. Однако вивисекция все яростнее свирепствует в университетских лабораториях и на химических предприятиях, заглатывает все большие куски национального достоинства. Происходит это с одобрения или молчаливого согласия государственных лидеров, которые объясняют, что только «специалисты» могут оценить важность медицинских исследований. Но этим специалистам сложно получить грант без ссылок на экспериментальный «проект», а поскольку опыты на людях запрещены, им приходится довольствоваться животными.

В наши дни повсеместно повторяются опыты не только Клода Бернара, но также и Галена, которые он проводил 17 веков назад. В Университете Кёльна (University of Cologne) самок павиана привязали к доске для фиксации таким образом, что их ноги растягивались в воздухе под прямым углом. Животные мучились в такой позе до 13 часов. В целом животных можно было использовать лишь для двух опытов, так как потом они умирали от травм мочевого пузыря или почечных лоханок. Им вводили через мочеиспускательный канал в мочевой пузырь два катетера и цистоскоп. Дальше в статье говорится следующее: «Для достижения этой цели надо было преодолеть много трудностей, потому что при разрыве сосудов мочевого пузыря и мочеиспускательных каналов (из-за несоответствия в размерах цистоскопа и узкого мочеиспускательного канала) мочевой пузырь становился мутным из-за крови, и введение катетера затруднялось; *кроме того, животных без наркоза удавалось зафиксировать лишь частично*». (Deutsches Archiv für klinische Medizin, том 170, № 5, 25 марта 1931. Из Медицинской клиники Линденбург Университета Кельна).

Ранее те же самые исследования проводились с таким же результатом: ноль. Кстати, заметим: мой родственник проходил платное лечение, и, когда специалист очень осторожно вводил ему катетер в мочевой пузырь, он упал в обморок от боли. А тот катетер, который вставляют пациентам, не настолько крупнокалиберный, и мочеиспускательный канал не повреждает.

Journal of Clinical Investigations (том 24, №2, март 1945) сообщает о целой серии исследований, которые проводились на кафедре радиологии, медицинском и стоматологическом факультетах Университета Рочестера (штат Нью-Йорк, Department of Radiology, University of Rochester school of Medicine and dentistry) и стали причиной медленной смерти многих сотен животных, главным образом собак и кошек. Собакам раздавливали лапы в зажиме Блэлока, потому что вивисекторы Ренато А. Рикка (Renato A. Ricca), К. Финк (K. Fink), Леонард И. Катцин (Leonard I. Katzin) и Стаффорд Л. Уоррен (Stafford L. Warren) хотели доказать, что прежние раздавливания производились без научной фундаментальности. Они пояснили: «Несмотря на большое количество докладов о шоке, нет достаточной стандартизации, в результате, возникает много путаницы и противоречий».

Эти «академики» хотели доказать одно — что промежуток времени, за которое животное умирает от мучений и шока, изменяется при комнатной температуре. Больше их ничего не интересовало. В одном случае было использовано 300 собак, в другом аналогичном — гораздо больше. «Ученые» пришли к выводу, что состояние животного, находящегося в шоке, лучше, если температура помещения позволяет организму поддерживать температуру тела как можно ближе к нормальным показателям. По-видимому, они были неспособны прийти к этому выводу с помощью чрезвычайно затруднительной мобилизации здравого смысла.

Если мы взглянем на аналогичные эксперименты более ранних времен, то установим, что знаменитые вивисекторы использовали разные вспомогательные средства для раздавливания собачьих лап, например, вместо зажима Блэлока — кожаный молоток. И, как подчеркивает один чикагский врач, из таких экспериментов можно сделать два вывода: (1) при чуть менее грубом обращении животное умирает не так быстро; (2) когда вивисектор раздавливает собачьи лапы, у него всегда есть компания.

Ради человечества

В плане варварства, масштабов и тупости вивисекции Новый Свет значительно превзошел своего учителя, Старый Свет. Это произошло из-за все более крупных выплат на медицинские «исследования» со стороны государства и частных лиц. Частные выплаты идут их разных источников, начиная от людей вроде Рокфеллеров, которые почему-то имеют комплекс вины из-за своего богатства, кончая ребенком на улице, который бросает монетку в кружку с надписью «На борьбу против рака». При этом они не знают, что ассоциации по борьбе с раком занимаются почти исключительно опытами на животных, а онкологическим исследованиям недостает всего лишь мозгов, а вовсе не денег.

Когда в мае 1937 года умер Джон Д. Рокфеллер (John D. Rockefeller), основатель династии, было объявлено, что он отдает более 530 миллионов долларов в свои благотворительные фонды. В 1901 году он основал Институт медицинских исследований Рокфеллера (Rockefeller Institute of Medical Research), позднее специальное законодательное решение преобразовало его в университет, занимающийся биологическими и медицинскими исследованиями. Вот так — хотя и с лучшими намерениями — была заложена основа для самого страшного варварства из известных человечеству. Изначально учреждение Рокфеллера было задумано в память о его жене, умершей в 1918 году. Интересно, одобрила бы она это, если бы знала, что деньги, потраченные в ее честь, идут на истязания животных? Вероятно, Рокфеллер сам этого не знал — его, как и большую часть людей, лживо уверили, что вивисекция полезна для людей и безвредна для животных.

Ирония судьбы заключается в том, что и основатель династии, и его сын Джон Д. Рокфеллер-младший (John D. Rockefeller Junior), который умер в 1960 год в возрасте 86 лет, своим исключительным здоровьем были обязаны вовсе не приему химических препаратов:

их единственным лекарством служило естественное питание. Личный врач сына, доктор Гамильтон Фиске Биггар (Hamilton Fiske Biggar), был гомеопатом и строгим противником вивисекции; но ему никогда не удавалось вылечить своего пациента от иллюзий, что затраты на вивисекцию — это лучшее искупление его богатства.

Давайте посмотрим на некоторые эксперименты, которые происходили под эгидой династии Рокфеллеров, а многие — за его деньги.

Артур А. Уорд-младший (Arthur A. Ward Junior) с кафедры психиатрии Университета Иллинойс (Department of Psychiatry, University of Illinois) сообщает в *Journal of Neurophysiology* (март 1947, с.105–112), что он хотел изменить «мозговые волны» у собак и кошек. Эти волны возникают у живого существа, страдающего от смертельных конвульсий, через электрическую активность мозга. Уорд составлял бесчисленные графики с мозговыми волнами, но не мог сказать, чему они должны служить. Но он достиг большого успеха в вызывании судорог; для этого он ежедневно вводил каждому животному химическое вещество (фторацетат натрия). Он ограничился описанием реакции кошек.

Через час после инъекции у кошки начиналась рвота и слюнотечение, наблюдались «признаки страха», она искала пристанище и, по выражению Уорда, «издавала крики». Потом у животного возникали сильные припадки эпилептического характера. Кошка выгибала спину, ее ноги переставали гнуться, и она часто теряла равновесие. Сначала приступы случались только через каждые 10 минут, потом они учащались и усиливались, пока, наконец, у животного не наступало состояние перманентных судорог. А через несколько часов оно умирало.

Аналогичный эксперимент был проведен в Нейропсихиатрической исследовательской лаборатории (Laboratory for Neuro-Psychiatric Research) больницы Синай (Sinai Hospital) (Балтимор). Авторы сообщения, опубликованного в *Proceedings of the Society for Experimental Biology and Medicine* (том 65, июнь 1947, с. 348–351), номер 15957, — экспериментаторы Альберт А. Курланд (Albert A. Kurland) и Х. С. Рубинштейн (H. S. Rubinstein).

Оба «ученых» начали с замечания, что кошки могут пережить очень сильные конвульсии, вызванные электротоком, но имеется мало графических докладов, посвященных точным типам и видам мозговых волн у кошек во время припадков. Поэтому они решили что-то предпринять в этом направлении, не объяснив, а с какой целью это делается.

Было использовано 12 кошек. Каждой из них всадили в череп электроды для записи мозговых волн. Другие электроды, находящиеся в теле, должны были наносить удары животному. Кошек, не получивших анестезию, поместили в маленький ящик и стали им наносить сильные удары током.

Каждый удар был настолько силен, что из-за него возникали конвульсии. Они наносились с промежутком в пять минут. Если кошка выживала после всего этого, ее вынимали из ящика. На следующий день все начиналось по новой. Некоторые кошки на протяжении трех недель пережили по 95 серий ударов. Многие умерли раньше. Из двенадцати кошек умерли семь, а пятеро пережили эксперимент. Вывод эксперимента: у кошек наблюдается «удивительная» способность оправляться от ударов. Только непонятно, какова связь между ударами током пациентам, которые врачи наносят для облегчения болезни, и гораздо более сильными ударами кошкам.

В Милл Хилле близ Лондона, в Государственном Институте медицинских исследований (National Institute for Medical Research) В. Фельдберг (W. Feldberg) и С. Л. Шервуд (S. L. Sherwood) вводили кошкам в мозг самые разные вещества. Они сообщают, что одна из субстанций «заставляет кошку издавать громкий вопль, вызывает рвоту, либо же происходит и то, и другое». Другое вещество вызывает «серьезные нарушения движений». Инъекция большой дозы тубокуранина в мозг заставила кошку «спрыгнуть со стола на пол и побежать немедленно к своей клетке, там животное кричало громче и

громче и двигалось рывками... В течение последующих минут движения становились все более сильными. Наконец, кошка упала, лапы ее были согнутыми, и у нее начались судорожные движения, как при сильном приступе эпилепсии. Через пару секунд кошка вскочила, начала бегать с предельно возможной скоростью, и у нее случился новый приступ. В течение последующих десяти минут весь процесс повторился многократно; при этом у животного произошло опорожнение кишечника, и у пасти появилась пена. Смерть наступила через 35 минут после инъекции. Этот научный успех был зафиксирован для потомков в *Journal of Physiology* (1954, 123).

Но, разумеется, подобные эксперименты проводились еще гораздо раньше. В *Journal of Physiology* за 15 мая 1949 есть статья об экспериментах на кошках, проведенных в Королевской Военно-морской лаборатории (Royal Naval Laboratory) в Альверстоуке. Их подвергали действию 100%-го кислорода до тех пор, пока у них не начинались судороги или не наступала смерть. К счастью, некоторые из них умерли уже после трех дней непрерывных пыток. Одно из животных было убито через 67 часов, за это время у него 15 раз происходили приступы. А другая несчастная кошка подвергалась пыткам в течение 45 дней, потом ей дали 45 дней отдыха, а потом вернули в камеру и мучили еще неделю, по прошествии которой она, наконец, умерла.

В том же самом журнале описываются эксперименты с беременными кошками, им предварительно выкалывают глаза и наносят увечья. Потом идет статья о том, как кошке сделали окно в грудной стенке и вставили лампочку, чтобы делать наблюдения во время эксперимента.

*

Возможно, это просто совпадение, что кошки — это самые ненавистные животные, и одновременно именно их больше всего используют для самых жестоких, болезненных и бессмысленных экспериментов, так как их нервная система якобы наиболее сходна с человеческой. Но на самом деле трудно найти вид с более отличной от нашей нервной системой. Даже у лягушек нервная система имеет больше сходств с человеческой. Чем у кошек.

Доктор Ричард Райдер (Richard Ryder), английский психолог, который сам раньше занимался опытами на животных, а потом отрекся от них, говорит в книге «Жертвы науки» (*Victims of Science*), вышедшей в 1975 году, что в британских университетах изолируют кошачий мозг, по-прежнему связанный с телом животного (ему поддерживают жизнедеятельность). Такие наблюдения за мозгом (при отсутствии наркоза, стало быть, при полном сохранении сознания) проводят тогда, когда хотят посмотреть его реакцию на тот или иной препарат.

Tribune от 8 октября 1975 года, выходящая в Виннипеге, цитирует описание эксперимента, которое было сделано тем же самым доктором Райдером на конгрессе в Торонто: «Кошке отрезали хвост, ее ослепляли и сажали во вращающийся барабан, чтобы установить, как долго она будет находиться в сознании, прежде чем умрет».

*

Невзирая на большой интерес к кошкам, вивисекторы ни в коем случае не пренебрегают собаками — лучшими друзьями человека. Собак повсюду используют даже в большем количестве, чем кошек, но для экспериментов другого рода.

Согласно подсчетам Ратгерского Университета (Rutgers University), опубликованным в *Christian Science Motor*, в 1972 году в США было убито примерно 500 тыс. собак и 200 тыс. кошек. Разумеется, собакам опыты также не доставляют удовольствия. Вот, например, до сих пор повторяющийся эксперимент. Его цель заключается всего лишь в том, чтобы добиться смерти собаки от перитонита — очень мучительной болезни, которая у людей возникает, например, от разрыва червеобразного отростка (в народе — разорвавшейся слепой кишки). Один из таких экспериментов был описан в журнале

Surgery (сентябрь 1947, с. 550–551), его производили доктор Сэнфорд Ротенберг (Sanford Rothenberg), доктор Генри Сильвани (Henry Silvani) и доктор Х. Дж. МакКоркл (H. J. McCorkle) в Институте экспериментальной хирургии, Медицинской школе университета Калифорнии (University of California Medical School). Эти врачи упоминают в своей статье, что уже имелся способ вызывать у собак перитонит — для этого животному перевязывали червеобразный отросток и вводили касторовое масло. Но, согласно их объяснению, они хотели «улучшить» этот способ — и не только выполнили поставленную цель, но и придумали еще более страшную пытку для животных.

«Хирурги» перевязали червеобразный отросток и раздавили его, а потом удалили часть кишечника и селезенку. При таких нарушениях пищеварительной системы, не дающих ей возможности нормально функционировать, собака должна была проглотить касторовое масло. Авторы гордо сообщили, что «таким способом у всех собак можно вызвать смертельный, молниеносный диффузный перитонит аппендикса».

В этом эксперименте было убито 56 собак, но он не увенчался находением метода излечения болезни. По общему признанию, единственная цель заключалась в том, чтобы вызвать перитонит и опубликовать статью, которая бы давала их авторам квалификацию «современных ученых», и из которой читатели узнают, что все подопытные собаки после эксперимента, длившегося в среднем 39 часов, умерли в мучениях.

Жажду острых ощущений испытывают также доктор Ханс О. Хатериус (Hans O. Haterius) и доктор Джордж Л. Мейсон (George L. Maison) из Психологического Института в Бостонском университете (Boston University), рассказавшие о таком же бессмысленном эксперименте в *Journal of Physics* (февраль 1948). Они поместили 21 собаку в ванну с ледяной водой, чтобы пронаблюдать, через какое время у животных случится коллапс. Когда он наступил, Хатериус и Мейсон отогрели этих собак в ванне с теплой водой. Потом их опять поместили в ледяную воду. У одной из собак коллапс наступал уже после 67 минут, другая держалась аж 193 минуты. Таким образом «ученые» выяснили, что лучшее лечение для переохлажденного животного — это обогрев. Об этом они говорят в своей статье, и к этому сводится весь ее вклад в науку.

Из 21 собаки в живых остались 13 — возможно, чтобы в дальнейшем покориться другим капризам вивисекторов.

*

Е. Лемпке (E. Lempke) и Харрис Б. Шумахер-младший (Harris B. Shumacher Jr.) с медицинского факультета Йельского Университета (School of Medicine of Yale) и Университета Индианы (Indiana University) описывают в *Yale Journal of Biology and Medicine* (май 1949) процедуру, с помощью которой они хотели «доказать» факт, уже известный из опыта работы с людьми: отморожения ног или ступней имеют менее серьезные последствия при перерезанных нервах. «На основании наших знаний была выдвинута гипотеза, что симпатэктомиа (оперативное рассечение нервов) дает некоторую защиту от обморожения», — пишут они. Но этот факт представляет академический интерес в такой степени, что даже вивисекторы, проводившие его, не стали делать предположения, что люди захотят разрушать себе нервную систему хирургическим путем для защиты от возможного обморожения. «Ученые» использовали десять собак, им «отсоединили» от нервной системы нервы на задних лапах. Животным дали восемь дней отдыха, а затем им удалили с лап шерстный покров и поместили конечности до берцового сустава в охлаждающее средство, состоящее из эфира и диоксида углерода.

Потом собаку с замороженной конечностью отходила в своей клетке от «легкого» (что значит несуществующего) наркоза, и испытывала, что это такое — оттаивающая и распухающая нога. У многих собак из-за разбухания лопалась кожа. «Научные» наблюдения продолжались до тех пор, пока у животных не развилась гангрена, либо же кто-то из них непостижимым образом выздоравливал. Все лапы были сильно повреждены. Некоторые из них отпадали.

Опыт, о котором Генри Д. Яновиц (Henry D. Janovitz) и М. И. Гроссман (M. I. Grossman) с кафедры клинической медицины Университета Иллинойса (University of Illinois) пишут в *American Journal of Physiology* (октябрь 1949, с.143–148), был произведен для ответа на глубокомысленный вопрос: почему живое существо при полном желудке больше не хочет есть?

Если бы читатель спросил, каким образом два нормальных взрослых человека додумались до такого эксперимента, не говоря уже о его целях, мы бы, возможно, ответили, что, по обычным меркам, они ненормальные и не взрослые. Так же, как нынешние директора лабораторий, допускающие подобную бессмыслицу и даже дающие деньги на нее. А какого мнения следует придерживаться о сделанных не в шутку, а всерьез «научных» публикациях.

Собакам через шланг наполняли желудок пищей или неудобоваримым набухающим веществом, которое давало ощущение сытости. Это привело к выдающемуся открытию: если собаке перед едой влить через шланг 40% пищи или вещества, имитирующего ее, она ест меньше обычного. И это всего лишь вступление. Потом собаке перерезали пищевод, и все, что она съедала, падало на пол через отверстие в нем. Это тоже привело к интересным результатам: в нормальном состоянии собака ест в течение 2,5 минут, а собака с перерезанным горлом перестает есть лишь через 14,1 минуты. Ученые сочли еще более удивительным тот факт, что уже через час собака начинает испытывать голод — наверное, потому что ее желудок пуст.

*

Перед следующим описанием эксперимента я хотел бы задать читателю такой вопрос: считаете ли Вы важным, чтобы Ваш лечащий врач точно знал, в течение какого времени голубь может обходиться без пищи при температуре ниже нуля? Если Ваш ответ будет утвердительным, значит, значит, тот эксперимент был необходим. О нем сообщают в *American Journal of Physics* (май 1950, с. 300–306) Юджин Штрейхер (Eugene Streicher), Дональд Б. Хакель (Donald B. Hackel) и Вальтер Фляйшмен (Walter Fleischmann) из Медицинского отдела Армейского химического центра (Army Chemical Center, штат Мэриленд).

Голубей поместили по отдельности в опечатанные сосуды и в морозильную камеру с температурой -40° по Фаренгейту. По прошествии 24–48 часов некоторых птиц вытащили оттуда, убили и изучили. Другие голуби продолжали мерзнуть и голодать. Наконец, ученые выяснили, что голуби в таких условиях могут жить целых 144 часа — 6 полных дней — прежде чем холод и голод убьет их.

*

Мы мало знаем о чувствах голубей, но нет никакого сомнения в том, что и они подчиняются естественному закону, согласно которому любое живое существо, умирающее не своей смертью, должно очень страдать. Гораздо больше нам известно о чувствах обезьян, сходных с людьми. Поэтому их используют во все больших количествах в лабораториях; не в последнюю очередь это происходит по той причине, что экспериментаторы все больше приходят к мыслям о ненадежности, противоречивости и во многих случаях опасности опытов на других животных. Разумеется, данный факт публикуется редко.

В одном из экспериментов самке макаки режус делали трансплантацию, при этом преследовалась цель направить менструальную кровь по другому каналу, чтобы она текла не так, как в нормальных условиях. Во всех случаях вскрывали живот и разрезали шейку матки. Нижнюю часть шейки матки оставляли в нормальном положении; матку и верхнюю часть шейки матки располагали так, что кровь вытекала через конец разреза. Многие из этих обезьян страдали годами, пока не наступала смерть.

Пример:

Обезьяне № 872 матку переместили в брюшную полость. В течение трех лет и 35 дней после операции она ежемесячно менструировала в брюшную полость, затем у нее развилась кишечная непроходимость, и она умерла от перфорации толстой кишки и перитонита. Обезьяна № 889 умерла от кровотечения, вызванного гангреной влагалища. Обезьяна №874 вынесла все осложнения: закупорку мочеточников, и, следовательно, опухание почек, кровотечение в шейке матки и фистулу; ее убили через 4 года и 4 месяцев после первой операции, когда у нее проявились серьезные повреждения внутренних органов. Обезьяне № 884 разрезанную шейку матки закрепили на передней брюшной стенке, и менструальная кровь текла через образовавшуюся фистулу. Через два года матку переместили таким образом, что менструальная кровь вытекала через область прямой кишки. За животным, находящимся в столь убогом состоянии, наблюдали еще 343 дня.

И каков же результат? Благодаря статье в *American Journal of Obstetrics and Gynecology* (том 666, ноябрь 1953, с. 1082), люди, которые придумали эти идиотизмы и обозначили их как «эпохальные», снискали себе славу «ученых». Они делают вывод, что «этот способ экспериментирования кажется многообещающим» и сводят все к общеупотребительной фразе — «необходимы дальнейшие исследования». Она стала рефреном, означающим: «Дайте нам больше денег!»

Со времени публикации это статьи прошло много лет. Проводились ли дальнейшие исследования? Оправдались ли ожидания? Общественность не может уследить за суматохой экспериментов, которые проводятся ежедневно.

Теперь мы посмотрим, что происходит при удалении почек. В. Ф. Гамильтон Этал (W. F. Hamilton Etal) из Медицинского Колледжа Джорджии (*Medical College of Georgia*) в Аугусте использовал с этой целью 17 собак и опубликовал выводы в *American Journal of Physiology* (том 194, №2, август 1958, с. 268). После удаления обеих почек собаки находились в «хорошем клиническом состоянии», но примерно половину животных пришлось умертвить, «потому что их рвало, и они были в плохом состоянии». Других приходилось принудительно кормить через зонд, что для них, конечно, означало дополнительную пытку. «При проведении некоторых экспериментам животным давали наркоз — но при этом никто не знает, насколько она была эффективна, потому что собаки с перерезанными голосовыми связками не могут выразить своих чувств, продолжительность эксперимента гораздо больше, чем действие анестезии. Под конец автор делает заключение, что собаки без почек реагируют иначе, нежели собаки с почками». На это выдающееся открытие в 1958 году был выделен грант в размере 20 700 долларов, а в 1959 году — в размере 24 491 доллар.

И сегодня животным делают инъекции в мозг и вскрытия разных органов, но теперь к излюбленным упражнениям в медицинских институтах относятся удары электротоком, так как они не требуют ловкости рук, не говоря уж об изнурительной работе и умственной деятельности. О большинстве экспериментов, конечно, никогда не сообщается. Тем не менее, журнал *Scientific American* счел важным, что в 1958 году некий Брэди (J. V. Brady) поместил обезьян в аппарат для фиксации и в течение шести часов каждые 20 минут наносил им удары. Через 23 дня обезьяны внезапно умерли от язвы желудка, при этом они испытывали сильные боли. Интересно, не правда ли?

Фабрики стресса

Ганс Селье (Hans Selye), канадец, родившийся в Праге, производил в Университете Монреалья (*Montreal University*) массовую пытку мелких животных и потом заявил об открытии, которое казалось очень важным ему и его коллегам: животные реагируют стандартным, стереотипным образом на разные виды жестокого обращения с ними.

Чтобы помочь этой «работе», Р. Л. Нобл (R. L. Noble) и Коллип (J. B. Collip) из того же самого университета создали в 1942 году названный в честь них барабан, который

используется в физиологических институтах по сей день и предназначен для того, чтобы кидать запертых в нем животных вверх и вниз, вперед и назад внутри крутящегося устройства. После такой «обработки» животные страдают от заворота кишок, ушибов, переломов костей, выбитых зубов, разрывов печени и селезенки, кровотечений в мозгу и в желудке. И через 20 лет после введения этого барабана можно было прочесть, что в Чикаго, в Медицинском университете Иллинойса (Illinois College of Medicine) несколько сотен крыс подвергались вращению примерно 2400 раз (см. статью в *Proceedings of the Society for Experimental Medicine and Biology*, март 1962, с. 674–675). И сегодня такие эксперименты продолжают.

Чтобы Ганс Селье написал свою толстую и якобы научную книгу «Стресс» (Stress, 1950), не сотни и не тысячи, а миллионы животных были подвергнуты пыткам, конец которым могла положить только смерть — отравлениям, ожогам, травматическим шокам, разным фрустрациям; их заставляли плавать до изнеможения, подвергали действию звукового оружия, им раздавливали кости и мускулы, удаляли железы внутренней секреции и органы, часто это делалось до вращения в барабан Нобла-Колиппа. И такое положение дел сохраняется в наши дни.

Селье ввел в оборот термин «стресс», известный во всем мире, но он и его коллеги и сейчас занимаются поиском объяснения, что же все-таки означает стресс. О его книге говорится в передовице *British Medical Journal* (22 мая 1954, с.1195) с типичной британской сдержанностью: «В ряде случаев идеи Селье трудно принять. И его терминология ни в коей мере не облегчает их понимание. Другие исследователи до сих пор не всегда могут воспроизвести своих экспериментальные данные, и объяснение результатов не всегда ясно, особенно когда речь об их использовании применительно к человеку... Вряд ли у крыс, которым удалили почку, и которых кормят очень соленой пищей, экспериментальные повреждения будут такими же, как у людей, имеющих проблемы с соединительными тканями».

В 1956 году Селье выпустил свою книгу под новым названием *The Stress of Life*. В ней он убрал разные нечеткие места и предпринял попытку уточнить остальной материал, но видимого успеха это не принесло. На странице 46 он говорит, что для научных целей стресс определяется как состояние организма, проявляющееся как Общий синдром адаптации (General Adaptation Syndrome, GAS для краткости). «К нему относятся повышение уровня адреналина, сжатие лимфатических органов, язва желудка и кишки, изменение химического состава организма и т.д. Все эти изменения составляют синдром, иными словами, группу одновременно встречающихся проявлений болезни».

Во время своих объяснений он все больше запутывается в том, что имеет в виду, и после долгого перечисления всего того, что *не* относится к стрессу, он опять пытается объяснить, что есть стресс (с. 54): «Стресс — это состояние, распознаваемое с помощью особого синдрома, и вызываемое через самые разные неспецифические раздражители. То есть, стресс имеет характерную форму, но у него отсутствуют определенные причины».

По поводу последнего предложения я как дилетант — на самом деле, книга Селье задумана для дилетантов — могу сказать только, что состояние стресса у миллионов маленьких животных все же имело определенную причину, а именно — доктора Ганса Селье и барабан Нобла-Коллипа.

Селье с большим успехом вызывал язву желудка у мышей и крыс. Разумеется, эти язвы, созданные с помощью вращающихся барабанов, ударов током и других видов жестокого обращения, имели мало общего с той язвой желудка и кишок, которая встречается у людей. Во-первых, человек — это не мышь, во-вторых, его не мучают так же, как мышь, следовательно, язва у них имеет совершенно другое происхождение, и, стало быть, через «исследования» такого рода нельзя найти ни методы лечения, ни способы профилактики. Но, к сожалению, люди, прошедшие идеологическую обработку в сегодняшних медицинских институтах, не в состоянии понять эту простую истину.

Ганс Селье особенно постарался убедить дилетантов в том, что экспериментаторы — это любящие и гуманные люди. «Никогда я не встречал профессионального исследователя, — говорит он на странице 69, — который не был бы озабочен страданиями животных и не старался избегать страданий животных... Даже если бы хирург-экспериментатор был садистом, он бы дал наркоз животному при проведении сложной операции, потому что, когда животное обороняется, делать серьезное вмешательство невозможно». Ну и что? Как только животное отходит от наркоза, для него словно начинается ад, который обычно заканчивается лишь с наступлением смерти, которую приходится ждать весьма и весьма долго. И необязательно быть садистом, чтобы подвергать других страданиями — для этого достаточно быть равнодушным и черствым.

На следующей странице Селье еще больше старается представить мерзость вивисекции как нечто незначительное: «В прошлом году мы в нашем институте использовали примерно по 400 крыс в неделю для исследований». 400 в неделю звучит гораздо меньше, чем более 21 000 в год, при условии что его цифры верны. А как обстоят дела с тысячами других «институтов», которые с начала 40-х годов, многократно увеличили число экспериментов?

И потом опять (с. 70) — сказка об обезболивании: «При стандартном эксперименте крысу усыпляют эфиром или другим наркотиком до тех пор, пока они не потеряют сознание и не утратят способность двигаться и чувствовать боль. Тогда экспериментаторы могут обнажать и удалять железу, чтобы узнать, как крыса будет реагировать на стресс без этого органа...» На самом деле, как только крысы приходят в себя и начинают испытывать ужасные последствия операции, их заставляют плавать в воде, подвергают действию экстремальной жары или холода и т.д., чтобы увидеть, как они в изувеченном состоянииотреагируют на стресс Ганса Селье.

То есть Селье и другие ученые установили, что у животных, подвергавшимся пыткам в лаборатории, происходит выделение гормона, и этот гормон можно воспроизвести химическим путем. Поэтому, когда сегодняшний врач диагностирует у пациента «нервный желудок», «состояние стресса» или (психосоматические нарушения) (любой опытный врач может придумать свое собственное определение), то возникает опасность, что ему пропишут какой-то синтетический «компенсационный гормон» — АСТН, препарат на основе кортизона или столь же токсичное средство — и таким образом назначат самое худшее лечение из всех возможных. Дополнительные токсины усугубляют и без того нарушенное физическое и душевное состояние (кортизон нарушает душевное равновесие, и в результате появилась новая психическая болезнь).

*

На странице 205 своей книги Селье утверждает: «Течение некоторых из последовавших болезней адаптации улучшилось... например, благодаря приему гормонов после удаления желез внутренней секреции либо благодаря препаратам, которые подавляют активность желез внутренней секреции или нервов».

Но все больше врачей приходят к осознанию того, что лекарства, предлагаемые Селье, причиняют несоизмерно больший вред, чем состояние, при котором они призваны помочь. Кажется, что текст Селье действительно не очень-то разъясняет положение вещей. На странице 73 он говорит: «Когда я в 1950 году публиковал книгу «Стресс», первый технический труд на эту тему, мне пришлось обсудить 5500 оригинальных статей и книг на сходные темы. С тех пор мои коллеги и я ежегодно публиковали том под названием «Ежегодный доклад о стрессе» (Annual Report on Stress). В каждом из этих томов нам приходилось сообщать о 2500–5700 публикациях».

У кого-то еще есть вопросы?

*

P.S. За свои труды в области стресса Ганс Селье получил не менее 16 академических почетных званий и около 50 разных медалей, премий, знаков отличия и званий почетного гражданина, а выплаты, которые он получил от американских государственных институтов здравоохранения — те помогли ему проводить массовую резню, предоставляя деньги налогоплательщиков — составили 728 926 долларов с 1950 по 1963 г.

Сегодня

С течением времени количество экспериментов увеличилось, были придуманы новые пытки, особенно такие, которые производятся с помощью ударов током и методами психологического воздействия. Одновременно все больше сгущалась завеса секретности и обмана, которая закрывает эксперименты.

В Европе секретность способствует проведению законодательно запрещенных опытов. Во многих странах были изданы законы, предназначенные для того, чтобы заставить молчать противников вивисекции; практически невозможно проинформировать общественность о вивисекции, потому что СМИ отказываются говорить на эту тему, а если все же иногда соглашаются, последнее слово остается за экспериментаторами.

В США не существует никаких законодательных ограничений. Экспериментаторы потребовали — и получили — полную «свободу вивисекции», так же, как в случае со свободой совести и слова. Они продолжают публиковать свои результаты, главным образом в специализированных журналах, и стараются писать статьи на смягченном языке, где постоянно упоминается «наркоз» или, как минимум, «легкая анестезия».

Кажется, что в США широкие массы менее чутки, чем в Европе, где происходит скрывание того, что делают вивисекторы. Американская общественность приучена безропотно принимать все то, что происходит под флагом науки.

Растущее число медицинских и косметических препаратов означает прежде всего новые страдания и смерть для миллионов животных. Биглей набивают компонентами пудры для лица, пока у них не начинает разрываться желудок. Чаще всего речь идет о нетоксичных веществах, собак убивает их огромное количество. Изготовители проводят эти тесты только для того, чтобы защитить себя в случае судебного иска. Так они могут отстаивать свою невиновность, ссылаясь на обширные исследования. Кроликов с выбритой шерстью неделями удерживают в аппарате для фиксации, в голые участки втирают раздражающие вещества, вызывающие сильные ожоги. Также химические вещества тестируются на глазу, который удерживают открытым с помощью зажимов.

Тесты на токсичность для установления токсичности нового вещества проводятся после так называемого теста ЛД50 (LD50 – летальная доза, который ведет к смерти 50% подопытных животных). Это не только самый жестокий метод, но и самый ненадежный, ученые везде выражали сомнения по поводу его достоверности. Но в большинстве стран органы здравоохранения предписывают этот тест, причем даже для самых обычных препаратов, таких как успокоительные, слабительные, снотворные средства, для лекарств от простуды и т.д.

Обычный тест ЛД50 состоит в том, что большое количество животных набивают до отвала проверяемым веществом, чтобы установить, при каком количестве половина животных умрет в течение 14 дней — разумеется, они испытывают непрерывные мучения, а вторая половина, пережившая процедуру, находится на грани смерти. Часто речь идет о таком большом количестве нового вещества, что животных приходится принудительно кормить, что само по себе означает пытку и часто ведет к травмам пищевода. Затем тест повторяют с меньшими дозами, пока так называемые исследователи не сочтут, что нашли «безопасную» дозу — хотя эта безопасность касается только конкретного животного. Но подобные мелочи «современных» ученых не смущают. Они просто умножают массу тела животного на среднюю массу тела человека и надеются на лучшее. Тест ЛД50

используется даже для проверки компонентов губной помады: крыс и мышей принудительно кормят, пока половина животных не умрет, либо же кролику наносят губную помаду сильной концентрации на анальное отверстие, которое, по мнению ученых, имеет тесную физиологическую связь с женскими губами. Johnson and Johnson, Mary Quant и многие другие фирмы, известные во всем мире, используют животных в своих «тестах на безопасность».

Хотя такие методы кажутся гротесковыми, это единственное, что ученые смогли придумать для установления токсичности и раздражающего действия. И именно такую проверку рекомендует Всемирная организация здравоохранения в Женеве в Техническом Докладе № 482 (Technical Report #482, 1971). Данный факт показывает, насколько увязли в болоте «официальные» медицинские органы, которые либо стоят на службе у фармацевтических и косметических гигантов, использующих их в преступных целях, либо введены ими в заблуждение. Когда рано или поздно что-то не удается — а обычно происходит именно так — производители всегда могут сослаться на то, что «были проведены обширные исследования».

В докладе Всемирной организации здравоохранения Evaluation and Testing of Drugs for Mutagenicity: Principles and Problems с подзаголовком Report of WHO Scientific Group на титульной странице мелким шрифтом напечатано примечание, что ведущие сотрудники ВОЗ не имеют полного доверия к группе ученых, которые составили этот доклад. В примечании говорится: «Этот доклад содержит обобщенную точку зрения международной группы экспертов и не обязательно представляет собой решения или официальную тактику Всемирной организации здравоохранения».

*

Столь же обманчивы и жестоки эксперименты, которые служат тому, чтобы доказать эффективность нового успокаивающего средства, появляющегося на рынке всякий раз с новым составом из-за неэффективности предыдущего варианта, либо из-за невозможности продавать старое лекарство по причине его отрицательного действия (например, талидомид и другие).

Psychopharmacology Abstracts — The National Clearing House for Mental Health Information — это журнал, который издается американским министерством здравоохранения, просвещения и социального обеспечения на деньги налогоплательщиков. Каждый номер содержит большое количество выдержек из трудов, представляющих собой исключительно результаты опытов на животных.

Эти резюме изобилуют химическими формулами и определениями, и у неспециалиста может сложиться впечатление, что авторы статей — светила науки и делают важную, толковую работу. При более тщательном рассмотрении их работа оказывается не такой уж толковой.

Например: «Крысы в обычных условиях не убивают мышей, но инъекция кристаллического карбахолина в боковые отделы гипоталамуса заставила их убивать... Карбахолин был неэффективен, когда его вводили в разные отделы гипоталамуса... (10 источников)» (февраль 1971, с. 81).

Если выражаться простым языком, это означает, что несчастному животному вводили в разные части мозга какое-то новое химическое соединение, а потом описывали его реакцию. Но на самом деле даже внезапная инъекция водопроводной воды в мозг вызвала бы изменения в поведении.

В том же самом номере, на странице 80 читаем следующее: «Наблюдение за поведением 26 котов во время и после ежедневного введения ингибитора триптофангидроксилазы и показало, что результатом этого является повышенная сексуальная активность, усиление агрессии и дезориентация... 26 источников».

Страница 83: «Взрослых кошек использовали для изучения действия леводопы. В течение 45 минут леводопа вызывала ярко выраженное возбуждение... Это состояние

имело сходство с бешенством, при этом доминировала тенденция к бегству... (62 источника)» (!)

И из выпуска за октябрь 1973 года, с. 137: «Химическое стимулирование хвоста у кошек посредством НМА, возбуждающего вещества, изучалось с целью определить степень участия хвоста в регулировании поведенческой и электрокортикальной активности. У кошек, постоянно участвующих в исследовании, получивших и не получивших анестезию, микроинъекции НМА в хвост вызывали широкий спектр возбуждающих реакций, в том числе ярость (лишь при отсутствии анестезии), дрожь и интенсивные движения тела, расширение зрачков и слюнотечение. При наличии анестезии введение НМА в хвост также вызвало стимулирующее действие: активизировало кору головного мозга, возбуждало животных с помощью открытия век, неконтролируемых движений, издавания звуков, учащенного дыхания и повышенной частоты пульса... Мы пришли к выводу, что хвост напрямую участвует в регулировании моторной, поведенческой и электрокортикальной активности, а деполяризующее действие НМА нарушает ингибиторный контроль в хвосте, вызывая сильное возбуждение центральной нервной системы. (19 источников)».

*

Показательно, что самые глупые и варварские эксперименты проводятся в лабораториях с наиболее высокопарными названиями, а сообщения о них печатаются в самых «научных» журналах. Нижеследующий эксперимент проведен в Больнице ветеранской администрации (Veterans Administration Hospital) в Нортпорте, (Нью-Йорк), и о нем сообщается в некоем Journal of Genetic Psychology.

Цель эксперимента была простая, сделать котят сумасшедшими. Для этого группа «ученых» под руководством некоего Эммануэля Сторера (Emanuel Storer) использовала два помета. Начиная с того дня, когда после рождения котят прошло семь дней. Они получили в течение 35 дней в общей сложности 5000 ударов током в задние лапы. Эти удары «постепенно усиливались», и в конце концов их число дошло до 700 в день. Наблюдатели сделали потрясающее открытие, что «иногда котята возвращались обратно, на другую сторону клетки».

Удары наносились во время кормления. Экспериментаторы пишут, что «поведение матери заслуживает внимания. Когда она замечала, что подопытные котята во время сосания получают удары током, то делала все возможное, чтобы помешать экспериментаторам при помощи когтей. Потом она пробовала перекусить кабель и, наконец, оставляла котят и убегала как можно дальше, заметив, что котятам на лапы прикрепляют электроды. Ее поведение после снятия с котят электродов свидетельствовало о глубокой материнской любви. Она бежала к котятам и стремилась их накормить или по мере возможности утешить».

Животным давали некоторое время на отдых, а затем снова начинали наносить удары по задним лапам, и «ученые» сообщают, что котята «были склонны к повторению своего прежнего шизофреничного поведения». Не надо быть профессором психиатрии, чтобы понять, что экспериментаторы всего лишь искали козла отпущения для своего собственного душевного состояния.

*

Доктор Колин Блейкмор (Colin Blakemore), 28-летний физиолог Кембриджского университета, рассказал Британскому Обществу продвижения науки (British Association for the Advancement of Science) в Лейстере, как он зашил глаза 35 котятам, чтобы, по его утверждению, найти средство против косоглазия. Он установил, что котята, которым вскоре после рождения зашили глаз, не могут видеть им после снятия швов. Так же как и те кошки, которым он зашил оба глаза. В интервью для лондонской газеты Daily Mirror (6

сентября 1972) Блейкмор, защищая свои эксперименты, назвал их «этическими», потому что «котят любят жить в темноте».

Он сказал, что является любителем животных, «как и большинство ученых, работающих с животными», и добавил следующее: «Кошки — это идеальный объект, так как их глаза имеют большее сходство с человеческими, чем у других животных».

Полная ерунда. Кошачьи глаза в корне отличаются от наших, как по структуре, так и по реакциям: кошки видят в темноте, а мы нет, у них зрачки вертикальные, а у нас круглые, их глаза должны фокусироваться на определенном объекте на расстоянии, а у нас широкий обзор, наши глаза открываются сразу после рождения, а у котят в течение недели остаются закрытыми, в кошачьих глазах, как недавно выяснилось, имеются клетки, которых нет ни у одного другого животного и т.д. На самом деле нет более непохожих глаз, чем у кошки и человека. Но под предлогом максимального сходства с человеком сейчас используются все виды животных — от мышей до свиней и слонов.

Котята, которые использовались в эксперименте Блейкмора, через 16 недель были убиты «гуманным» путем. «Я бы с удовольствием оставил их в живых для дальнейших исследований, как это делается в Америке, — сказал доктор Блейкмор с огорчением. — Но, к сожалению, мне их пришлось убить, в соответствии с нашими законами».

*

В отличие от английских экспериментаторов, которые пробуют оправдывать свои опыты этическим законодательством и, подобно Блейкмору, утверждают, что ими движет любовь к людям, американцы не тратят времени на подобное хитроумие. В США сама по себе «оригинальность» эксперимента считается заслугой. Когда в Университете штата Орегон (University of Oregon) пробовали ввести в практику новый метод, еженедельный журнал Science (16 февраля 1973) с гордостью писал для своих «научно настроенных читателей»: «Для эксперимента использовались шесть мышиних пометов, в каждом из которых было 5–6 мышат. Им ампутировали обе передние лапы и затем в течение пяти месяцев наблюдали за «действием ампутации на поведение при поддержании чистоты» В обычных условиях мыши для поддержания чистоты облизывают передние лапы и затем водят ими по морде и голове. Экспериментатор сообщает, что изувеченные животные пытались приводить себя в порядок таким образом, хотя «культя не удерживалась на языке», когда мышь пыталась ее лизать. Дальше он установил, что эти животные, которые «были лишены нормального соприкосновения между передними лапами и языком», облизывали пол и стенки клетки «и даже других мышей», как будто высывающийся язык ждал какое-то ощущение контакта. Он сделал заключение, что у мышей при поддержании чистоты «большое значение» имеют генетические факторы.

Мозг

Изучение мозга, которое, как правило, вызывает особый интерес у людей, очень беспокоящихся о своем душевном равновесии, производится сегодня все более сложными способами. Раньше ученые вроде Вейнгольда (Weinhold) довольствовались тем, что наливали амальгаму металлов бездомной кошке в опустошенную полость черепа. Сегодня для изучения мозга десятков тысяч кошек (а если экспериментаторы могут позволить себе более крупные расходы — то человекообразных обезьян, они ведь больше всего похожи на нас) используют сложные и дорогостоящие аппараты.

Настоящим медикам всегда было ясно (и они говорят об этом уже более полувека), что подобные эксперименты не приведут ни к чему, за исключением еще большей путаницы в мозгах у самого экспериментатора. Причину понять несложно.

У приматов, как и у людей, мозг представляет собой невероятно сложную электронную лабораторию. Его равновесие базируется на гармоничной взаимосвязи более

чем десяти миллиардов нервных клеток и ста миллиардов «глия»-клеток. Любое раздражение извне — речь вовсе не идет о грубом введении трубок и проволок — неизбежно должно нарушить это хрупкое равновесие. Кроме того, поскольку серое вещество влажное, а электроды — это именно электроды, между ними происходят непредвиденные контакты, фальсифицирующие любой результат. А «экспериментальный материал» состоит и животных, которые к моменту фиксации уже страдают от травм и страха, и у них душевное равновесие нарушено так же, как у их палачей.

Вновь и вновь ведущие медики указывали на то, насколько неэффективна вивисекция при изучении мозга, но тщетно. Доктор Бернард Холландер (Bernard Hollander) уже в 1931 году (20 мая, с. 411) писал в английском журнале *Medical Press*: «Шестьдесят лет назад с уверенностью предсказывали, что эксперименты на обнаженном мозгу живых животных быстро прольют свет на внутреннюю работу мозга и навсегда ликвидируют умственные расстройства. Эти невероятные надежды не сбылись. Странно было ожидать, что можно будет разобраться в работе человеческого мозга или открыть ключ к возникновению умственных расстройств с помощью стимуляции или разрушения кусочков мозговых тканей обезьян, собак или кошек».

Массовое убийство кошек, произведенное цюрихским университетским профессором и лауреатом Нобелевской премии Вальтером Р. Гессом (Walter R. Hess, он медленно мучил животных до смерти, а некоторые из них перенесли не одну операцию на мозгу и прожили еще несколько месяцев), осталось бесполезным для людей и для самих кошек. Но это позволило ему утверждать, что он произвел «исследования контроля тела над мозгом», и объявить, что он определил локализацию в кошачьем мозгу не менее 3500 разных очагов возбуждения. Португальский «ученый» Антониу Эгаш Мониш (Antonio Egas Moniz), который разделил с ним Нобелевскую премию, по недоразумению сказал, что он в состоянии лечить душевные болезни хирургическим путем. Оба они настолько ловко убедили своих коллег в том, что получили новые сведения о мозге человека, что в 1949 году им присудили Нобелевскую премию по биологии. Между тем дальнейшие эксперименты на кошках и обезьянах в корне опровергли эти «открытия». К сожалению, ни Гесс, ни его коллеги, воодушевленные кошачьим и обезьяньим мозгом, ни капли не добавили к тому, что британский специалист Хьюлингс Джексон (Hughlings Jackson, 1834–1911) уже открыл и описал, причем он сделал это исключительно через наблюдение за сумасшедшими пациентами и вскрытие трупов.

Например, Питер Хейс (Peter Hays) из Университета Альберты (University of Alberta) и старейший внештатный преподаватель психиатрии в лондонской Больнице Святого Георгия (St. George's Hospital) говорит по этому поводу в ведущем издании *New Horizons in Psychiatry* (Pelican Books, второе издание, 1971): «Помимо того, что не оправдалась надежда на локализацию функций в коре головного мозга, утратилась надежда и на то, что нейрохирургия сможет когда-нибудь значительно помочь при лечении психиатрических пациентов. Когда определенный функциональный узел в мозгу сверхактивен и из-за этого появляются симптомы, оперативное удаление может повредить — и повреждает — другие элементы».

Другой ученый У. Х. Уилер (W. H. Wheeler) пишет в *Science Digest* (ноябрь 1972): «Большая часть работ по изучению мозга производилась на кошках и обезьянах. Экстраполировать такую информацию на мозг человека — рискованно... Электроды могут просто ловить сигналы, идущие в какую-либо другую часть мозга — это похоже на прослушивание телефонной линии. Возможность слышать разговор не обязательно позволяет определить, где находятся разговаривающие. То же самое касается и электродов, имплантированных для контроля за поведением... Контроль поведения с помощью электродов не дает никакой определенной информации о том, как организованы функциональные области мозга. Само существование таких функциональных зон еще широко обсуждается, и твердых доказательств по этому вопросу до сих пор нет».

Но наших «исследователей» не обескураживают непрерывные неудачи, и они бодро продолжают эксперименты на мозгу, как в очередной раз показывает нижеописанный случай.

Стародавняя New Zürcher Zeitung всерьез сообщает в статье под названием «Загадки полетов птиц» (Mysteries of Bird Flight) о том, как зоолог Вернер Нахтигаль в Зоологическом институте Университета Саарбрюкена (Saarbrücken University – Саарский университет) образовал вместе с молодыми «учеными» рабочую группу, которые выбрали в качестве объекта исследования «биофизику» птичьего полета. «Исследователи» вставляли в мозг многочисленным пойманным перелетным птицам обычные электроды, чтобы с помощью сложных электронных аппаратов точно регистрировать физиологические реакции. Автор статьи не забыл успокоить читателя, что электроды вставлялись в птичьи головы «под анестезией», но он забыл упомянуть, что ни одна из птиц не говорила, насколько глубокой была анестезия.

Для введения электрода в мозг всегда требуется перфорация черепа — в высшей степени болезненная процедура, которая выводит из равновесия весь организм и его естественные реакции, не говоря уж о психике. Отпущенные на свободу птицы в столь жалком состоянии должны были лететь к своим гнездовьям (которые обычно находятся так далеко, что даже здоровые птицы могут по дороге умереть) и, кроме того, помочь группе запутавшихся механистических ученых раскрыть «загадки полетов птиц».

Вряд ли люди, читающие о новых чудесах, которыми медицинская наука готова удивить человечество, когда-нибудь осведомятся о том, что, собственно, получилось из этого исследования с птицами.

Когда я послал вопрос в Университет Саарбрюкена, то в качестве ответа получил длинное письмо, датированное 1975 годом, с множеством диаграмм, карт полета и алгебраических формул об аэродинамике птичьих полетов и птичьих крыльев, но в нем ни слова не было о таинственной биофизике птичьих полетов, которую группа молодых студентов должна была постичь с помощью электродов.

«Глубокое уважение»

«Опытный физиолог испытывает глубокое уважение к неприкосновенности биологических систем». (Из выступления президента на 71-м ежегодной сессии Объединенной хирургической ассоциации (Western Surgical Association) в Гальвестоне, штат Техас; опубликовано в журнале Archives of Surgery, апрель 1964. Президентом был знаменитый доктор Чарльз У. Мейо (Charles W. Mayo) из Рочестера, штат Миннесота). Эти высокопарные слова были сказаны доктором Мейо перед его тирадой против антививисекционистов.

Описанные ранее эксперименты и те, которые последуют, составляют лишь ничтожную долю опытов, которые проводятся годами. Их делают не из-за оригинальности, а наоборот, выбирают произвольно, чтобы получить типичное поперечное сечение. Что касается некоторых из нижеприведенных опытов, к ним *принуждали* студентов, желающих сдать экзамен, и они производили их под контролем преподавателя. То же самое касается и экспериментов в американских средних школах, когда ученики и учителя кооперируются для проведения образовательной попытки над беззащитным живым существом. Так что слова доктора Чарльза Мейо намеренно вводят в заблуждение.

*

Профессор Ричард Райдер (Richard Ryder) пишет в книге Animals, Men and Morals (Gollancz, Лондон, 1971), как исследователи Technology, Inc. в Сан-Сантонио, штат Техас сконструировали поршень, приводимый в действие с помощью сжатого воздуха, чтобы

воздействовать на наковальню, прикрепленную к особому шлему под названием HAD I. В эксперименте использовалось много обезьян. Поскольку удара не хватало для сотрясения мозга, был разработан еще более сильный инструмент под названием HAD II, и им наносили удар той же самой обезьяне. Таким образом устанавливали, что это вызывает повреждение сердца и кровоизлияния, а также повреждение мозга вследствие выпячивания пластикового кольца, находящегося под обезьяньим черепом. Обезьяну номер 49-2 еще раз обработали инструментом HAD II через 6 дней, а затем — через 38 дней, пока она не умерла. Некоторые из обезьян, которые пережили эти манипуляции, в результате стали страдать от припадков, и на ученых произвел «очень сильное впечатление» тот факт, что после эксперимента поведение обезьян «было явно аномальным. Поведение заключалось в том, что после припадка они сидели, съежившись, в углу клетки или свешивали голову вниз».

*

Journal of Surgery, Gynecology and Obstetrics сообщает в выпуске за март 1963, что доктор Эндрю (C. Andrew), доктор Л. Бассетт (L. Basset) и доктор Даниэль К. Крейтон-младший (Daniel K. Creighton, Jr.) отделили 16 собакам мясо от кости ноги и заменили ее на другое мясо. Четырех животных убили через 30 дней, при этом они находились в состоянии агонии, других — через 6 месяцев, у них тоже была агония.

Уже упоминавшийся перитонит, некогда опасная инфекция, которая возникает из-за разрыва кишечника или червеобразного отростка, уже много лет в значительной степени приводится под контроль, благодаря антибиотикам (они были открыты вовсе не через опыты на животных). Но три экспериментатора из Университета Миссисипи (University of Mississippi) сочли нужным вызвать перитонит у 923 собак, для этого им ввели в брюшную полость грязь. Перитонит сопровождается мучительными болями, рвотой и без лечения ведет к смерти. Экспериментаторы подтвердили эти хорошо известные факты: сотни собак, не получавшие лечения, умирали, в то время как другие, которых лечили, после долгих страданий выздоравливали. Единственным фактом, дополнившим существующие знания, стала статья в Annals of Surgery (май 1962, с. 756–767), которая признает в качестве экспериментаторов доктора Кёртиса П. Артца (Curtis P. Artz), доктора Уильяма О. Барнетта (William O. Barnett) и главного хирурга Грогана (J. V. Grogan). Доктор Барнетт в 1961 году получил грант в размере 22 750 долларов, а в 1962 году — в размере 20 450 долларов.

*

Доктор Самуэль В. Хантер (Samuel W. Hunter), доктор Дом-Бернардез (Dom-Bernardez) и старшая сестра Викторина Лонг (Victorine Long) из больницы Святого Иосифа (St. Joseph's Hospital) в Сент-Поль, штат Миннесота внесли разнообразие в повторяющиеся, монотонные эксперименты, калечащие собак и ставящие целью оценить вред курения. Они закрепили трансплантат на бронхах, проведя его через грудную клетку. Собаки с каждым входом втягивали в легкие табачный дым, пока не умерли от спадания легких, инфекций и пневмонии, как сообщает Diseases of the Chest (том 38, №2, август 1960).

*

В Гарвардском Университете (Harvard), учебном заведении, от которого ожидают подготовки лучших американских ученых и будущих лидеров американского народа, использовали 30 бездомных собак для опыта, ставящего целью оценить действие «предельно возможных» ударов током на перепрыгивание через барьер. Когда значение тока высокого напряжения было чуть ниже того, которое ведет к параличу мышц, то, по словам экспериментаторов, «собаки ползают кругом, натываются на стены или подпрыгивают; одновременно они пронзительно пищат, у них сильно течет слюна,

происходит мочеиспускание и испражнение, они быстро и судорожно закатывают глаза». Кроме того, у собаки взъерошивается шерсть, мускулы дрожат, дыхание становится поверхностным и нерегулярным, и рано или поздно «энергичное карабканье» к тому, что животное перепрыгнет через барьер и окажется в безопасности. Экспериментаторы заявляют о желании исследовать, что собака выучила в результате этого травматичного опыта. Они говорят, что не смогли без инструментов установить изменения во внутренних органах, но у собаки наблюдалась «примитивная оборона». Эта собака прятала голову и не могла видеть открытие решетки, сигнализирующей об ударе. В заключение экспериментаторы отметили, что, если бы они попробовали разъяснить свой опыт, здесь бы в некоторой мере «обнаружилась недостаточность современных теорий обучения». (Гарвардский Университет, при финансовой поддержке Лаборатории социальных отношений (Laboratory of Social Relations), фонд Рокфеллера (Rockefeller Foundation); Psychological Monographs, 67, 4; весь № 354, 1953).

*

Как минимум 40 собак было использовано, чтобы проверить «влияние ударов током на прыжки». Собаки заходили в ящик, который разделялся на две части подвижной преградой на высоте собачьей спины. В тестовой камере лапы через пол в виде электрической решетки получали сотни сильных ударов. Собаки, которые научились связывать звонок с ударом, стали перепрыгивать через перегородку, даже если не получали удара. Чтобы отучить собаку от прыжков, вивисекторы заставили ее прыгнуть с получением ударов сто раз. По их рассказу, собака «еще до удара начинала пронзительно лаять, а при приземлении на электрическую решетчатую тарелку лай превращался в вой». Потом они загородили проход стеклом и еще раз провели опыт с той же самой собакой. Когда раздавался звонок, «она прыгнула и расшибла голову об стекло», но через 10–12 дней «больше не сопротивлялась, когда ее сажали в аппарат». Экспериментаторы установили: «Картина имеет сходство с клинической картиной невроза навязчивых состояний». Они завершили свою статью словами о том, что комбинация стеклянной загородки и футштока «очень эффективна, если нужно ограничить прыжки собак» (Гарвардский Университет при финансовой поддержке фонда Рокфеллера (Rockefeller Foundation), деньги получила лаборатория социальных отношений в Гарвардском Университете; Journal of Abnormal and Social Psychology апрель 1953).

*

Сколько денег Вы бы потратили, чтобы узнать что-то о половой жизни крыс, на эту излюбленную тему экспериментаторов? Этот животрепещущий вопрос стал основой исследовательского проекта «Сохраняют ли самцы крыс половую активность в течение более длительного времени при большем числе самок?» Данная проблема настолько заинтересовала чиновников, которые распределяют огромные суммы денег, что в 1962 году для снятия завесы секретности над ней они выплатили грант №1951 в размере 22 885 долларов экспериментатору Алану Е. Фишеру (Alan E. Fisher) из Университета Питтсбурга (University of Pittsburgh). Он провел изобретательные тесты, и в Journal of Comparative and Physiological Psychology (том 55, №4, август 1962) мы можем прочитать его статью, объемом целых семь страниц, об исследовании, сделанном за счет налогоплательщиков.

*

Ее появление ни в коей мере не означало конец подобной практики. В 1962 году некий доктор Бич (Beach) после ряда продолжительных и похожих экспериментов согласился с Фишером, что самцы крыс возбуждаются при смене самок. Он также добавляет, что, когда речь идет о половой жизни, быки, обезьяны, индийские водяные буйволы и мужчины имеют сходство с крысами. По его словам, «многие женатые мужчины с удовольствием вступили бы в незаконную связь». Но здесь он указывает, что

по данному вопросу трудно собрать информацию, так как «половая жизнь людей ограничена общественными традициями и предписаниями морали». Доктор Бич тоже получил солидную поддержку. Он получил от государства на исследования половой жизни крыс 32 085 долларов (выплата №400 003). Его статья появилась в *Journal of Comparative and Physiological Psychology* (том 56, №3, июнь 1963, с.636–664).

*

Маленьких макак резус, содержащихся поодиночке, заставляли прыгать на доску — то было единственное надежное место, где они могли избежать неприятных ударов током. После того, как они выучили данный факт, экспериментаторы заперли двух обезьян вместе в клетке. Был включен ток, и обезьяны тотчас же подпрыгнули, чтобы оказаться на доске. И тут началось самое интересное, потому что на доске могло поместиться только одно животное. Экспериментаторы в своей опубликованной статье отдельно описали жалкие реакции проигравшей обезьяны и очень неприятное наказание, которое ей пришлось пройти. Они рассказывали о визге, воплях, съеживании и трогательных попытках ускользнуть от удара. «Проигравшие», можно сказать, умоляли победителей разделить с ними доску. Кроме того, как сообщают экспериментаторы Банкс (J. Banks) и Миллер (Robert Miller) из Университета Питтсбурга (University of Pittsburgh), часто происходили драки с многочисленными травмами. Выплата №487 С8 на это исследование составила 18 тыс. долларов (*Journal of Comparative and Physiological Psychology*, том 55, №1, февраль 1962, с. 137–141).

*

Экспериментаторы из Больницы Святого Иосифа (St. Joseph's Hospital) в Бербанке (штат Калифорния) получили не только государственные субсидии; служба ветеринарии администрации Лос Анджелеса предоставила им старых собак, которых они использовали в опытах, связанных с инфарктом.

Животных после четырехдневного голодания облучили: «Три собаки умерли в течение двух недель после сильных желудочно-кишечных кровотечений, которые, возможно, возникли из-за облучения».

Выжившие собаки получали пищу с избыточным количеством жира и холестерина и, кроме того, препараты для подавления деятельности щитовидной железы (несколько собак умерло еще до начала непосредственного эксперимента). Потом у них с помощью инъекции пилорессина и ударов током вызвали «стресс» (пилорессин — это гормон, который поднимает давление в артериях).

С двумя собаками после первой инъекции пилорессина случился коллапс, и они умерли в атаксии (атаксия — нарушение координации движений). Восемь собак выжили, и им пришлось, невзирая на сильную болезнь, вынести еще один стресс: их засунули в станок Павлова, аппарат для фиксации, изобретенный российским вивисектором Павловым.

Подопытные собаки не могли двигать головой, их туловище и ноги были пристегнуты ремнем. Аппараты, связывающие животных, регистрировали биение сердца, движение и дыхание. Этим старым больным собак в течение девяти часов удерживали в зафиксированном положении и наносили им удары током.

Две собаки умерли сразу после стрессового воздействия, одна «умерла от удушья» после экспериментирования на ней в течение 37 недель, когда «оборонялась в станке Павлова». Другими словами, старая собака задохнулась в приборе, пытаясь убежать.

Собака «К» умерла после экспериментирования на ней в течение 77 недель — после 60 циклов адских ударов. Когда у нее появились первые признаки повреждения сердца — экспериментаторы хотели этого — ее подвергали стрессу каждые несколько дней. Наконец, в ее правом глазу появились признаки инфаркта или инсульта.

Экспериментаторов это воодушевило, и они оказали на собаку максимальное стрессовое воздействие — 90 ударов в минуту. «Через час и 15 минут после первого удара, — значит, предположительно спустя 6750 ударов, — животное умерло», — сообщают экспериментаторы в своей статье.

Собака «А» умерла тоже после того, как ее подвергали предельно сильными ударами (40 недель). В результате 30 ударов током подряд у животного не наблюдалось признаков повреждения сердца, нужных экспериментаторам, поэтому «удары продолжились. Вскоре, у животного появились временные затруднения дыхания», — говорится в статье, — «вероятно, из-за их активного сопротивления при фиксации». После этого собаке начали делать искусственное дыхание и продолжили подвергать ее ударами тока до тех пор, пока ее старое сердце не отказало, и наступила мучительная смерть.

Во время экспериментирования умерли девять собак из 23. Остальных убили на разных стадиях болезни для проведения вскрытия. Экспериментаторами были доктор Гарри Соубел (Harry Sobel), заведующий отделением Карл Е. Мондон (Carl E. Mondon), доктор Рубен Штраус (Reuben Straus). Государственная выплата № 006 858, которую в 1962 году получил доктор Соубел на это «изучение сосудистых заболеваний», составила 21 646 долларов (Circulation Research, том XI, декабрь 1962, с. 971–981).

*

Другой экспериментатор установил, что собаки, которые на первые восемь месяцев своей жизни находились в изоляции в ящике, реагируют на боль иначе, нежели собаки, выращенные в нормальных условиях. Когда животных, наконец, выпустили, они почти всего боялись. У них бывали «приступы кружения», и они реагировали на посторонние предметы с большим волнением. Конечно, им чужд любой предмет, так как они в своем ящике вообще ничего не видели. Когда им наносили болезненный удар током, они приходили в состояние оцепенения, стоя на решетке, и не делали попыток спастись.

Экспериментатора потряс тот факт, что собаки не старались избежать боли. Он вновь и вновь проверял их реакцию и для этого держал у них перед носом горящие спички и «колол их продезинфицированными иглками». Казалось, что собаки с нарушенной психикой не замечали, что боль идет от экспериментатора. Этот псевдоученый затем «преследовал» замученных от страха собак с помощью маленького автомобиля с электричеством и успокоился тогда, когда машина наехала на них. При контакте с собакой автомобиль наносил удар током.

Нет, это не олигофрен, который играет в жестокую игру. Все это происходило официально под названием «научного исследования» в Университете Макгилла (McGill University) (экспериментатор Рональд Мелзак (Ronald Melzack), сначала работал в Университете Макгилла (McGill University) и в Университете штата Орегон (University of Oregon), затем в Массачусетском технологическом институте (Massachusetts Institute of Technology). В 1962 году он получил от государства грант в размере 22 370 долларов, а в 1961 году — в размере 34 251 доллар. Статьи об этом эксперименте, а также о более ранних, появились в Science, том 137, 21 сентября 1962, а также в Journal of Comparative and Physiological Psychology, том 47, 1944, с. 166/168, и там же, том 50, №2, апрель 1957, с. 155).

*

Surgery, Gynecology and Obstetrics (март 1968) сообщает об эксперименте, который заключался в нанесении надрезов длиной 1,7 мм на глазах 45 собак и 47 кроликов, чтобы пронаблюдать за процессом восстановления в течение 7 дней. А правомерность предположения о том, что эти процессы сходны у животных и у человека, не относится к делу, так как в течение многих лет было зарегистрировано и изучено множество травм глаза у мужчин и женщин.

*

Как можно прочитать в San Francisco Examiner (25 июня 1964), доктор Брус Р. Боделл описывал на Конгрессе Американского врачебного общества эксперимент, в ходе которого трем собакам было пересажено третье легкое. Все собаки умерли.

*

О. Рей (O. S. Ray) и Р. Баррет (R. J. Barret) из Питтсбурга наносили 1042 мышам удары током по лапам. Потом они вызывали судороги, нанося для этого еще более сильные удары через бокалообразные электроды, закрепленные на глазах животных, либо через пружинные зажимы, закрепленные на ушах. К сожалению, некоторые мыши, которые «успешно перенесли первое испытание, заболели либо умерли во время второго». (Journal of Comparative and Physiological Psychology, 1969, том 67, с. 110–116).

*

British Journal of Ophthalmology в 1969 году отмечает эксперимент господина Заубермана (H. Zauberman), который измерял силу, необходимую для того, чтобы сорвать сетчатку с глаза кошки. Доктор Зауберман не пытался даже приблизительно объяснить, каким образом подобные эксперименты могут помочь при лечении отслойки сетчатки у людей.

*

В психологическом институте шотландского Университета в Абердине (University of Aberdeen) вивисекторы провели эксперимент с целью выяснить, повышается ли или понижается храбрость крыс, когда у них берут влагалищные мазки.

Экспериментатор поделил 24 крыс-альбиносов женского пола на три группы. У первой группы из восьми животных брали влагалищные мазки, затем их клали на спину, и в это время экспериментатор стимулировал им влагалище стеклянной палочкой. С другой группой делали все то же самое, только вместо влагалища массировали прямую кишку. При работе с крысами из третьей группы экспериментатор не использовал стеклянной палочки, а гладил им живот. Четырех крыс из каждой группы стимулировали непосредственно перед испытанием на огороженной территории, других четырех — после испытания. Ограждение имело прозрачные стены и прозрачное стекло; пол был расчерчен на квадраты. Было зафиксировано количество квадратов, на которые крыса заходила в течение двух минут; этот показатель выступал в роли критерия предприимчивости. Крыс посадили в эту клетку и наблюдали за ними в течение 16 дней по 2 часа в день. Экспериментатор сделал вывод, что «возбуждение влагалища не оказывает влияние на храбрость крыс, хотя электроэнцефалограмма в течение определенного времени была ненормальной» (Animal Behaviour, 1968, том 16, с. 534–537).

А как насчет мозговой активности у самого экспериментатора? Тут кто-то проглядел возможность интересного теста.

*

Чтобы проверить «воздействие зрения на способность уклоняться от ударов», было использовано 105 морских свинок. Некоторым из них вырезали глаза и зашили отверстия. Другим повредили кору головного мозга. С третьей группой морских свинок проделали обе манипуляции. Нормальных животных проверяли в полной темноте, чтобы создать имитацию слепоты. Всех морских свинок научили ассоциировать жужжащий звук с ударом по лапам, а потом наблюдали за ними, рассчитывая увидеть, что они среагируют на этот звук попыткой спастись. Экспериментатор сообщает, что ослепленные крысы научились бегать вдоль стены и «вели себя более разумно, чем животные без повреждений, за исключением случаев, когда на пути им встречалась дверь или еще какое-то препятствие». (Диссертация, Государственный университет Нью-Йорка (State University

of New York) в Буффало; грант американской Национальной службы здравоохранения (National Institutes of Health); *Journal of Comparative and Physiological Psychology*, сентябрь 1971).

*

Чтобы проверить действие голода, было использовано 24 голубя. Нескольким голубям пищу не давали до тех пор, пока их масса не составила 70% от нормы. Экспериментаторы сообщают, что птицы при голоде более часто ели и съедали больше пищи, чем когда они не испытывали голода.... Они установили, что связь между лишением пищи и едой — это «чрезвычайно сложная» проблема. (Премиированная исследовательская работа; Городской колледж Университета г. Нью-Йорка (City College of the City University of New York); финансирование Американской национальной службы психического здоровья (National Institutes of Mental Health); *Journal of Comparative and Physiological Psychology*, сентябрь 1971).

*

38 кошкам хирургическим путем повредили мозг и имплантировали электроды в мозг. Потом животным наносили удары током в морду и мозг. Экспериментаторы выяснили, что из-за удара по мозгу кошки забывали про удар по морде, и что электрический ток, казалось, выступал в роли повреждающей силы, перепутывая импульсы мозговых клеток. (Университет Юты (University of Utah), грант Американской национальной службы психического здоровья (National Institutes of Mental Health), *Journal of Comparative and Physiological Psychology*, октябрь 1971).

*

Трое экспериментаторов использовали 12 обезьян, шесть из них — дважды. Животных поместили в аппарат для фиксации и наносили удары током по хвостам. Удары в 160–300 вольт наносились в течение 3–6 минут с промежутком 30–60 секунд. Обезьяны не могли изменить удары с помощью своего поведения. А затем, на основании того, как обезьяны давили на жердь или кнопку и кусали шланг, следовало оценить действие ударов. Во время эксперимента обезьяны заставляли передвигаться в шарнирном хомуте, «чтобы морда находилась рядом со шлангом». Экспериментаторы установили, что обезьяны более активно кусают шланг, «когда приближается время следующего удара», а когда у них отбирали шланг, они выражали агрессию и начинали сильнее нажимать на кнопку. Кусание было «преобладающей реакцией» обезьян, и при осмотре шланга часто выяснялось, что он прокусан. Шесть обезьян из двенадцати уже не участвовали в третьем эксперименте, потому что их использовали для других опытов, «либо же потому что они умерли». (Государственная больница Анны (Anna State Hospital) и Университет Южного Иллинойса (Southern Illinois University); грант службы психического здоровья штата Иллинойс (Illinois Department of Mental Health); *Journal of the Experimental Analysis of Behaviour*, май 1972).

*

Семи макакам резус 3–5 лет хирургическим путем разрушили чувство обоняния, а двум вырезали глаза. Им на морды направили рентгеновские лучи. По словам экспериментатора, его обезьяны могли видеть рентгеновские лучи. (Диссертация; Университет штата Флорида (Florida State University); грант Комиссии по атомной энергии Военно-воздушных сил США (US Atomic Energy Commission, US Air Force); *Journal of Comparative and Physiological Psychology*, февраль 1972).

*

Шестерых обезьян при рождении подвергали удушью в течение 7–10 минут и в возрасте 8–18 месяцев проверили на зрительные реакции. Экспериментаторы пришли к выводу, что обезьяны, почти задушенные при рождении, более чувствительны к световым раздражениям, чем те, кто этого не испытал (магистерская диссертация, еврейская больница и медицинский центр в Бруклине (Jewish Hospital and Medical Center of Brooklyn), грант Национального института детского здравоохранения и развития человека (National Institute of Child Health and Human Development), *Journal of Comparative and Physiological Psychology*, март 1972).

*

48 крысам удалили яичники и заклеили отверстия липкой лентой. Потом этих самок свели с крысами мужского пола. Экспериментаторы сообщают, что самки избегали самцов. Дальше они говорят, что самки, которым позволяли полную стимуляцию полового сношения, оказывались меньше чувствительными при дальнейшем приближении самца, и это «могло происходить вследствие повреждений тканей из-за многократного введения пениса». Их главный вывод заключался в том, что стимуляция полового сношения у самок крыс «переоценена» (Государственный колледж Долины Сан-Фернандо (San Fernando Valley State College); *Journal of Comparative and Physiological Psychology*, март 1972).

*

31 крыса не получали пищи в течение семи дней. Потом экспериментатор дал им живых мышей, двухнедельных крысят и крысят, недавно отнятых от матери. Голодные крысы одинаково часто съедали крыс и мышей. Экспериментаторы сделали из этого вывод, что голод для крыс служит мощным побуждением к убийству. (Университет Темпл (Temple University), *Journal of Comparative and Physiological Psychology*, январь 1972).

*

27 кроликам имплантировали электроды на кончики ушей и внешние уголки глаз. Петлю фиксирующей нити закрепили на подвижной внутренней мембране правого глаза, нитка была связана с фотоэлектрическим считывающим устройством. Крючки, закрепленные на голове, не давали смыкаться верхним и нижним векам. Кроликов посадили в темные ящики. Был включен электрический ток, и диаграмма показывала движения мембраны глаз. Вывод: движения мембраны напрямую связаны с болевым раздражением глазницы. (Университет Монтаны (University of Montana); грант Национальной службы психического здоровья (National Institutes of Mental Health); *Journal of Comparative and Physiological Psychology*, май 1972).

*

44 кошкам имплантировали в мозг поражающие электроды. Их также подвергли действию стимулирующих электродов, имплантированных в основание головного мозга. Из-за повреждений и ударов мозга животные кусали крыс, которых им давали, шипели, рычали, двигали ушами, у них вставала дыбом шерсть и расширялись зрачки. Дополнительные удары по лапам заставляли кошек поднимать лапы и пытаться отодвинуться. (Докторская диссертация, Университет Миннесоты (University of Minnesota), *Journal of Comparative and Physiological Psychology*, декабрь 1972).

*

Количество переломов лодыжки, увиденных, изученных и вылеченных врачами на протяжении ста лет, скорее всего, исчисляется в миллионах. Но, надо думать, благодаря опытам на животных, удалось получить принципиально новую информацию о том, что такое перелом.

Недавно в журнале *Surgery, Gynecology and Obstetrics* можно было прочитать об эксперименте с участием 27 взрослых кроликов. 18 кроликам с помощью пилы сломали ноги, кроме того, им хирургическим путем рассекли некоторые сухожилия. Оставшиеся 9 животных составляли контрольную группу — им только ломали лодыжку.

Через день, через три дня, через неделю и затем еженедельно в течение шести недель убивали по два кролика из экспериментальной группы и по одному из контрольной. В общей сложности все это длилось 9 недель. Перед убийством животного ему в сердце вставляли трубку и наливали краску, которая циркулировала по организму. За этим приемом следовали другие — кость делали прозрачной, и можно было видеть трехмерную картину сосудистого дерева. Целью эксперимента было пронаблюдать реакцию сосудов на процесс выздоровления — до тех пор, пока, в конце концов, кролики умирали, и оставались только кости.

Итак, сегодня мы знаем о переломе лодыжки примерно столько же, сколько древние египтяне, или же футбольная команда *Chicago Bears*.

*

Другой всегда любимый эксперимент заключается в том, что крыс приучают реагировать на определенный раздражитель, потом убивают их, размалывают их мозг и скармливают его другим крысам с целью увидеть, передаются ли «привитые навыки» в результате употребления в пищу «натренированного мозга».

Такие опыты производятся также в Технологическом институте Джорджии (*Georgia Institute of Technology*), в г. Атланта. Для этого берут партию из ста крыс и сажают их в стеклянные клетки, рядом с электрическим светом постоянно течет струйка воды. Когда свет не включен, по воде течет электрический ток, и при жажде крыса получает удар. Маленький компьютер подсчитывает соотношение «правильных попыток». Когда оно приближается к единице, крысу считают «обученной» — ей, так сказать, присуждают квалификацию. Потом ее убивают и ее мозг скармливают новому рекруту. (Эта серия экспериментов была описана в журнале *Computer World*, выпуск от 17 января 1973).

*

1000 биглей было использовано в радиобиологической лаборатории Калифорнийского университета (Дэвис) в крупном радиационном исследовании. При этом собаки страдали от мучительных ожогов, рака костного мозга и злокачественных опухолей костей. Всем животных перерезали голосовые связки, чтобы прекратить их неприятный вой. Для этого было две официальные причины: во-первых, вытье нарушает ночной покой жителей города, во-вторых, действует лаборантам на нервы. (Полное описание эксперимента можно прочитать в газете *National Enquirer*, выпуск от 7 января 1973).

*

Вот еще несколько примеров, если читатель еще не убедился, что с одной стороны, экспериментаторы и люди, защищающие их, нуждаются в психиатрическом лечении, а с другой стороны, против них следовало бы выдвинуть иск за неправомерное использование бюджетных средств.

Стаю голубей кормят так, чтобы они сохраняли 80% массы тела, а затем им на лобковую кость имплантировали электроды, чтобы наносить удары током. Голубей приучили нажимать на кнопку для получения пищи, а затем их «наказывали» за нажатие ударом током. В грудную мышцу им вводили препараты, в том числе морфий, пентобарбитал, амфетамин, мескалин, хлорпромазин, чтобы по количеству ударов клювом во время наказания проверять действие препарата. Экспериментатор сообщает, что большинство средств снижали частоту ударов клювом как при наказании, так и при отсутствии такового. Но он добавляет: «При поведении, возникшем вследствие наказания на действие препарата могут повлиять так много факторов, что каждое описание действия

препарата, вероятно, представляет собой грубое упрощение». (Университет Северной Каролины (University of North Carolina) в Чапел-Хилле; финансирование химической фирмы Hoffmann-La Roche, Inc и американской Национальной службы здравоохранения (Public Health Service); Journal of the Experimental Analysis of Behavior, январь 1973).

*

Экспериментаторы Тулейнского Университета (Tulane University) в Новом Орлеане, которым было очень любопытно увидеть, каким образом «интенсивные» удары током действуют на цыплят, в течение трех недель использовали трехнедельных цыплят, сохранявших неподвижность в течение 27 минут после удара током. Из этого вивисекторы сделали следующий вывод: «У домашних цыплят существенным компонентом реакции, выражающейся в неподвижности, является страх». (Journal of Comparative and Physiological Psychology, 22 января 1972).

*

Ученые из Университета Калифорнии (University of California) выяснили, что золотые рыбки являются «идеальным видом» для экспериментов, связанных со страхом, так как, в отличие от других животных, они не цепенеют. Эти ученые получили от государственного Института психического здоровья финансирование следующей работы. В аквариум с 10 сантиметрами воды поместили тестовые сосуды, разделенные на два резервуара 7,5-сантиметровой перегородкой. Поскольку вода была выше перегородки на 2,5 сантиметра, 156 золотые рыбки могли спастись из одного отсека в другой. Напряжение электрического тока составляло от 6 до 18 вольт. По сообщению экспериментаторов, 18 вольт хватало, чтобы убить рыб. Рыбы успешнее всего спасались при напряжении в 9 вольт, но при более сильных ударах они переставали плавать, потому что сильный удар «вызывает некое подавление». Экспериментаторы добавляют, что 12 вольт, по сравнению с 6, являются «сильными с психологической точки зрения» для рыбы но та же самая рыба сочла бы удар в 12 вольт «слабым с психологической точки зрения», если бы она получила также 18 вольт. (Journal of Comparative and Physiological Psychology, апрель 1971).

*

Потом мне встретились эксперименты на муравьях. Но, я полагаю, у читателя уже есть общая идея.

Часть 4

Факты и вымысел

В старину людям, сообщившим плохие новости, отрубали голову. Теперь их просто игнорируют.

Поскольку у большинства людей, которые наиболее охотно игнорируют плохие новости из лагеря вивисекции, совесть в целом нечиста, они используют в качестве спасения обман чувств: внушают себе, что опыты на животных проводятся во благо человечества и не означают никаких страданий для животных, а экспериментаторы — это благородные, удивительные люди, целиком посвящающие себя службе во благо человечества, и отказываются поставить под сомнение даже самые заметные абсурдности или взглянуть на аргументы против вивисекции.

Когда говорит вивисектор, он всегда находит большую аудиторию. Ему охотно верят, потому что «он ученый», обладающий магическими, божественными знаниями, в которых отказано простым смертным.

В современном мире естествознание стало своего рода учрежденной религией, а естествоиспытатели — ее служителями, которых надо слушать. *Encyclopedia Americana* в статье «Вивисекция» непринужденно уверяет читателя: «Нет ни одного важного медицинского открытия, которое не было бы так или иначе связано с опытами на животных». И это утверждение повторяется в «Британской энциклопедии» (с 1961 года ее издает редакция Университета Чикаго (*University of Chicago*) — в этом учебном заведении на медицинском факультете широко практикуются самые страшные опыты): «В современной медицине нет ни одного существенного открытия, которое не было бы совершено в определенной степени благодаря опытам на животных».

По-видимому, ни СМИ, ни медицинские институты не обеспокоены тем, что история медицины полностью опровергает эти заверения; они предпочитают внушать общественности, что сегодняшние исследования и информирование пребывают в полном порядке.

Линии обороны

Один из ведущих американских вивисекторов, доктор Эндрю Айви (*Andrew C. Ivy*) из Медицинской школы Северо-Западного Университета (*Northwestern University Medical School*) в Чикаго, однажды сделал неосторожное заявление. Он производил «исследование»: вводил резиновую грушу собаке в желудок и, наполняя ее водой, раздувал ее, до тех пор, пока собака после многочасовой агонии не умирала (согласно статье в *Archives of Internal Medicine*, 1932, с. 439). Доктор Айви также был крестным отцом кребиозена, химического продукта, который несколько десятилетий назад восхвалялся как окончательное решение проблем онкологии, но оказался обычным надувательством. Несмотря на сказанное, этот человек снискал в Америке такой большой авторитет, что выполнял роль «эксперта по вивисекции» на Нюрнбергском процессе против немецких врачей, которые ставили опыты на узниках концентрационных лагерей.

В трехстраничной передовице журнала *Clinical Medicine* (август 1976, том 53, с. 231), где противники вивисекции подвергаются критике, доктор Айви сожалеет о том, что на недопущение антививисекционного закона в штате Нью-Йорк ушло более 25 тыс. долларов, а многими годами раньше — не меньше денег на недопущение аналогичного закона в Калифорнии. Если принять во внимание то, что с тех пор произошло с американским долларом, это будет эквивалентно 100 тыс. долларов — любое антививисекционное общество было бы радо иметь в своем распоряжении эту сумму на обнаружение правды.

Еще одно проникновение в суть вещей можно прочесть в книге Марковица (*J. Markowitz*) *Experimental Surgery*: «Возможно, есть много людей, которые против использования автомобилей и охотно предложили бы закон, удаляющий автомобили с наших улиц; но их позиция с самого начала безнадежна, потому что у них нет возможности сопротивляться индустрии, располагающей миллиардами долларов».

Оба высказывания свидетельствуют о том, что вивисекция имеет в распоряжении много денег и готова потратить их на поддержание своего дальнейшего существования. Не говоря уже о том, что вивисектор Марковиц, по-видимому, не делает никакого различия между механическим продуктом и истязаемым живым существом.

США, которые кичатся своим господствующим положением в области технологий, определяют тенденцию медицинских исследований во всем так называемом цивилизованном мире, безоговорочно принимающем сказки Декарта и Бернара о том, что живые организмы реагируют точно так же, как неживая материя, а болезнями надо управлять при помощи компьютера, так же, как самолетами и космическими кораблями.

В вашингтонском Капитолии хорошо оплачиваемые лоббисты (уполномоченные, агенты) химической индустрии постоянно занимаются убеждением конгрессменов и

сенаторов в том, что всякое вмешательство в вивисекцию станет катастрофой для всего народа, а пиарщики влияют на СМИ, чтобы те убеждали общественность и правительство, что спасение человечества зависит от вивисекции либо от их работы на индустрию или медицинские учебные заведения.

Некоторые интеллигентные люди, которые занимают ответственные и влиятельные позиции, искренне убеждены, что вивисекторы (предпочитающие, чтобы их называли «учеными»), — это филантропы, добрые самаритяне, а против них лишь те, то предпочтет смерть ребенка, а не собаки.

Любимое возражение экспериментаторов в разговоре звучит так: «Кто это будет — собака или Ваш ребенок?» Вивисектор, который произносит столь благочестивые слова, чаще всего может отдыхать в тени, защищающей его. «Собаки или дети», — такая постановка вопроса создает впечатление, что экспериментаторы должны использовать детей, если не могут достать собак, а противники вивисекции хотят от них именно это.

Вместе с тем доказано, что большинство медиков, которых укусила вивисекционная блоха, ставили опыты на животных *и* на детях, причем особенно охотно на детях, если у них появлялась такая возможность. Об этой странице современных медицинских «исследований» речь пойдет в другой главе.

Обвинение в бесчеловечности, которое вивисекторы столь охотно выдвигают в адрес своих критиков, порой не лишены комизма. Марковиц во введении к своей 546-страничной книге *Experimental Surgery*, наполненной инструкциями по проведению на животных всех возможных хирургических процедур, посвящает шесть страниц обвинениям против антививисекционистов; он приписывает им все возможные нравственные пороки. В том числе садизм.

Вивисекторы не могут привести аргументов в оправдание своей практики — и заходят настолько далеко, что используют для самообороны религию.

Вот что однажды сказал профессор Леон Ашер (Leon Asher) во время дискуссии в Институте физиологии (Institute of Physiology) в Базеле, где он работал (31 января 1903): «Если досточтимый господин взывает к совести людей и к своему нравственному чувству, он должен задать вопрос, а не есть ли это святой долг совести — следовать потребности решения загадок жизни, не следует ли человеку *считать религиозным долгом* удовлетворение потребности в познании, которую Провидение заложило в наше сердце, не задумываясь о том, можно ли извлечь пользу из исследований для лечебного искусства или чего-то другого. Жизнь можно исследовать только на живых существах; поэтому физиолог вынужден проводить опыты на живых животных. *А когда ему при этом приходится причинять боль животным, то он сам испытывает гораздо больше боли, чем противник вивисекции, так как он знает жизнь животных, а непрофессионал — нет.*»

Сказанное, возможно, представляет собой высшую ступень лицемерия. А когда этот профессор назвал всех противников вивисекции «непрофессионалами», он умышленно проигнорировал то, что к ним относятся некоторые из выдающихся медиков.

Сам я слышал, как экспериментатор, чью фамилию я, к сожалению, забыл, заявил: «Невероятно, до чего же *глупы* противники вивисекции — они идут вразрез со своими интересами!»

*

Если ужасное преступление совершается необразованным человеком или душевнобольным, это не угрожает общественной морали: каждый придерживается мнения, что место такому человеку — за решеткой или в психиатрической больнице. Но вивисекция восхваляется как благородная гуманистическая деятельность. Кем? Директорами видных клиник и лабораторий, известными «учеными», важными личностями, лауреатами Нобелевской премии и университетскими корифеями. И именно это заставило Гамильтона Фиск Биггара (Hamilton Fisk Biggar), личного врача Джона Д. Рокфеллера, сказать следующее: «Для нашей национальной морали очень опасно то, что

эти варварства совершаются уважаемыми людьми, которыми все восхищаются. Очевидно, ожесточение сердца врача может отразиться на его пациентах и вылиться в нечуткое лечение. Тот же самый настрой, который превалирует в экспериментах на животных, близких к человеку, может подтолкнуть врача к проведению опытов на пациентах».

*

Чтобы получать понимание и поддержку от государства и СМИ, вивисекторы распространили следующее кредо.

Опыты на животных необходимы для развития биологии и медицины. Благодаря опытам на животных, в прошлом были совершены великие открытия, начиная от кровообращения, открытий Спалланцани, Гальвани, Вольты, Клода Бернара, Пастера, Коха, кончая новейшими препаратами, вакцинами, витаминами, антибиотиками, развитием хирургии, онкологическими исследованиями и так далее. В результате опытов на животных увеличилась продолжительность жизни и увеличится еще больше — до бесконечности. При помощи экспериментов на животных мы могли бы избежать трагедию с талидомидом. Через опыты на животных мы победим рак, сердечно-сосудистые, венерические и душевные заболевания. Эксперименты на животных подарят слепым зрение, глухим слух, плодовитость бесплодным, молодость старикам. Мы, экспериментаторы, в большей степени друзья животных, чем наши критики. Наша работа — благо не только для человечества, но и для животных. Наши противники — это всего лишь маленькая кучка истеричных старых дев, чудаков, нытиков, фанатиков, реакционеров. Медики, которые не идут с нами в ногу, — неучи. Кроме того, животные совсем не страдают — либо потому, что они неспособны чувствовать боль, либо потому, что к ним относятся с такой же любовью, как к нашим пациентам.

Я не добавил к этой сказке экспериментаторов ни одного слова и, надеюсь, не забыл ни одного их заверения.

*

Первое возражение — этическое. Если бы вивисекция была не вредна, а полезна, это было бы скорее отягчающее, а не смягчающее обстоятельство, так как оно бы утверждало принцип, что цель оправдывает средства — использованную отмычку, которая всегда открывала все двери для низости, в том числе в Освенцим и Бухенвальд. Когда человека принимает этот принцип, он уже не вправе считать себя высокоморальным существом.

Что касается «маленькой горстки отсталых, обманутых дураков», которые отвергают вивисекцию по всем пунктам, в нее случайно попали Леонардо да Винчи, Вольтер, Гете, Шиллер, Шопенгауэр, Виктор Гюго, Ибсен, Вагнер, Теннисон, Рёскин, Толстой, Марк Твен, Дж. Б. Шоу, Махатма Ганди, Клэр Бут Льюс, лауреат Нобелевской премии Альберт Швейцер и Герман Гессе — вот лишь несколько умерших людей, знакомых всему миру. Если у человеческой культуры есть голос, он принадлежит им. Если имеется какие-то аргументы в пользу человеческого существования на Земле, то имя ему — порождение этих людей, а не гоминидов, принадлежащих к лабораторной субкультуре.

К противникам вивисекции относились также выдающиеся люди дела, такие как Гарибальди, Бисмарк, лорд Даунинг. И все они осознавали реалии своего времени, многие из них даже внесли свой вклад в развитие науки.

Леонардо был не только универсальным гением и одним из величайших художников и технических изобретателей всех времен, но также одним из самых выдающихся анатомов. Дипломная работа Шиллера «Философия физиологии» (*The Philosophy of Physiology*) стала первым из известных исследований, посвященных психосоматической медицине. Физиология — это также к одному из многочисленных интересов универсального гения Гете, чьи наблюдения проливают новый свет на структуру человеческого черепа. Альберт Швейцер, всемирно известный гуманист, филантроп, философ и музыкант (лучший исполнитель на органе музыки Баха), был практикующим

врачом и посвятил себя работе с темнокожими людьми в своей лесной больнице. Маршал военно-воздушных сил лорд Даудинг (Dowding), который привнес борьбу против вивисекции в Палату лордов, возглавлял Королевские военно-воздушные силы в Лондонской битве. Эти имена, среди прочих, принадлежат к «маленькой горстке истеричных фанатиков».

Что касается медиков, которые отрицательно относились к опытам на животных по причине из бессмысленности и ненадежности, их имена могли бы образовать целую книгу. И это произошло: в течение более двух десятилетий Людвиг Флигель (Ludwig Fliegel), цюрихский зубной врач, процитировал высказывания более тысячи врачей в книге под названием 1000 Ärzte gegen die vivisection («1000 врачей против вивисекции», в русском переводе «Тысяча врачей против экспериментов на животных»).

Сейчас мы в свете истории рассмотрим утверждение вивисекторов и «официальной медицины о том, что опыты на животных были и всегда будут важны. История учит, что единственный путь к медицинским знаниям — это клинические наблюдения, и, соответственно, влиятельные СМИ систематически распространяют неверную информацию; только еще неясно, сознательно ли они обманывают или из-за незнания.

Исторические факты

Гиппократ считается величайшим врачом древности, и многие его рассматривают его также как величайшего врача современности. В наши дни наблюдаются все более значительные тенденции возврата к гиппократовской мудрости и принципам, которые, возможно, пришли в Грецию с далекого Востока, где были очень развиты врачебное искусство и хирургические знания.

Гиппократ жил в пятом веке до нашей эры, и все историки утверждают, что он как врач и учитель имел огромные знания: об эпидемиях, температуре, эпилепсии, переломах костей, о различиях между злокачественными и доброкачественными опухолями, о значении гигиены и медицинской этике. Будучи великолепным клиницистом, он внимательно наблюдал болезни, и ему в их излечении помогала *vis suprema guaritrix* — природа, лучший целитель. Основной акцент он делал на гигиену и диету, но при необходимости прибегал также к лекарственным травам и хирургическим вмешательствам.

Мы знаем, что он действительно существовал, так как его упоминает Платон в своих трудах. Его собственные сочинения не сохранились. Тем не менее, разные немецкие и французские издатели печатали «труды Гиппократа»; все это — апокрифы.

Швейцарец Генри Е. Сигерист (Henry E. Sigerist), который в Университете Лейпцига (University of Leipzig) и в Университете Джона Хопкинса (University of John Hopkins) возглавлял кафедру истории медицины, и который, по мнению многих, является выдающимся историком медицины нашего времени, описывает врачебную философию Гиппократа следующим образом: «Природа лечит. Задача врача состоит в том, чтобы укрепить целительные силы природы, направлять их и особенно не вмешиваться в них. Лучшие формы лечения — это диета и правильный образ жизни. Благодаря питанию, силы восстанавливаются. И при Гиппократе диетология достигла такого уровня, что и сегодня заслуживает восхищения» (Grosse Ärzte, издательство J. F. Lehmann, Мюнхен, 6 издание, 1969, с. 28).

В другом труде, *Krankheit und Zivilisation* (издательство A. Metzner, Франкфурт-на-Майне, 1952, с. 237) Сигерист пишет: «Диетические предписания, которые разрабатывались врачами школы Гиппократа для своих пациентов, в основе своей те же, что делаются в наши дни».

Не требовалось особой мудрости, чтобы постичь тот факт, что питание возвращает больным здоровье, а здоровым — поддерживает его, как в те времена, так и сейчас.

Но только сейчас стало действительно ясно, сколь ценно учение Гиппократов, основанное на его клинических наблюдениях и врачебной интуиции. Мы знаем, благодаря операциям и вскрытиям трупов, что печень, разрушенная вследствие неправильного питания, при условии, что нарушения не зашли слишком далеко, может сама восстановиться с помощью правильного питания за относительно короткий промежуток времени (1–2 года). Зато таблетки ухудшают состояние и еще больше отравляют печень. Если принимающий таблетки пациент с больной печенью выздоравливает, это происходит вопреки таблеткам, которые, к счастью, не подействовали.

Историк Сигерист не был ярко выраженным противником вивисекции. Когда мы читаем, что он написал про человека, бывшего, по его мнению, величайшим врачом нашего времени, а именно — Августа Бира (August Bier), изобретателя спинномозговой и внутривенной анестезии, вряд ли его можно заподозрить в пристрастности: «После 1920 года Бир полностью отказался от одиночных исследований... По его мнению, было бы ошибочно считать, что современная медицина находится на более высокой ступени развития, чем прежняя, и он призвал к созданию совершенно новой системы медицины, где под одной крышей находят место три способа лечения — аллопатия, изопатия и гомеопатия. Лабораторные исследования (имеются в виду опыты на животных) совершенно отодвинули на задний план настоящее врачебное искусство, большинство людей разучились мыслить... Медицине повезло иметь в качестве образца Гиппократов, самого древнего врача в истории... Он призывает вернуться к врачебным осмотрам, к своему киническому взгляду».

20 марта 1904 года парижское издание New York Herald Tribune привело мнения многих известных врачей, противников вивисекции, в том числе следующее высказывание доктора Саливаса (Salivas): «Бессмертный Гиппократ никогда не занимался вивисекцией, но поднял свое искусство до таких высот, до каких нам сегодня и близко не дотянуться».

Все историки говорят, что у Гиппократов было очень развито чувство морали, которое несовместимо с вивисекцией. То, что клятва врача носит имя Гиппократов, а не Галена, не есть случайное совпадение.

*

Гален (130–200) был страстным вивисектором и первым известным врачом, который трагическим образом показал опасность опытов на животных, не желая того. Он не только не узнал ничего о людях с помощью вивисекции, но также положил начало серьезным заблуждениям, игравших губительную роль в течение 15 веков. Все его ценные знания берут начало от клинических наблюдений.

Галену было 30 лет, когда он приехал из своего родного Пергамона в Малой Азии в Рим и снискал авторитет как врач гладиаторов. В последующие 30 лет он работает врачом шести императоров.

Он был также плодотворным писателем и написал много книг о врачебном искусстве, а его вера в одного бога привела к тому, что католическая церковь в дальнейшем объявила его научную доктрину единственно «правильной», и те, кто осмеливался усомниться в учении Галена, должны были отказаться от своих слов под инквизиторскими пытками.

В 192 году пожар уничтожил большую часть личной библиотеки Галена, включающей 400 его сочинений. Если бы сгорело все, мы должны были бы просто верить традиционным учениям, которые характеризуют Галена как крупнейшего врача древности. Но огонь пощадил 98 его трудов, и из них явствует, что знания Галена так же как и убежденность в зависимости органических реакций от душевного состояния, берут начало от его клинического опыта, контакта с пациентами, зато все его серьезные ошибки — от вивисекции. Он много знал о лечебных травах, как все греческие врачи, которые взяли эти знания из Азии.

По прошествии времени гуманные и гигиеничные предписания Гиппократы были подвергнуты осуждению. Плиний рассказывает, что до основания Римской Империи римляне были здоровым народом, благодаря гигиене и санитарным мерам, таким как водопроводу и общественным баням. Но со временем разумные и нетрудные для соблюдения правила, вроде простого питания и соблюдения чистоты, утратили свою привлекательность: новая порода врачей поняла, что можно заработать гораздо больше денег через проповедование магии, амулетов и астрологии.

Эрвин Лик пишет в «Размышлениях врача» (с. 40): «Особенно славилась искусными операциями древнеиндийская медицина — кишечные швы, камнесечение, ринопластика; врачи даже владели искусством удаления железных остриев (стрел) при помощи магнита».

Но хирургия была развита не только на Востоке и Древнем Египте, но также в Древнем Риме в начале Римской Империи. Тогда удаляли миндалины, катаракту, камни в желчном пузыре и в почках, опухоли и увеличенный зуб, производили трепанацию черепа, была даже пластическая хирургия и многое другое. Знаменитый римский врач Цельс (Celsus), который жил при Цезаре августе и был противником вивисекции, описал многие эти операции в своей энциклопедии. Но в последующие столетия, во время так называемого галенизма, произошел постепенный отказ от гигиены Гиппократы, которую тогда еще не называли асептикой, и операции стали настолько опасны, что их свели до минимума.

В Средневековье операции делали лишь в экстренных случаях из-за почти неизбежной инфекции и невозможности остановить кровотечение. Изобретенный древними греками прием перевязывать сосуды вышел из употребления в хирургии, и культы стали лечить раскаленным железом или кипящим маслом.

Значительная часть учения Галена оказалась катастрофической для человечества — как, например, его идея, что гной полезен при процессе выздоровления, а фрукты вредны. Гален заметил, что собаки и кошки избегают фрукты, и, к несчастью людей Средневековья, отец Галена никогда не ел фрукты, но дожил до глубокой старости. Гален увидел в сем факте подтверждение того, что для долголетия не следует есть фрукты.

Эти и другие неверные идеи Галена оказали трагическое влияние в Средневековье. Учителя анатомии располагали только текстами Галена: у женщин две матки, одна для мальчиков, другая для девочек. Моча вытекает непосредственно из поллой вены. Кровь течет через невидимые поры из правого желудочка сердца в левый. К этим и многим другим неправильным идеям Гален пришел через эксперименты на живых животных — или вопреки им.

Многочисленные исследования на животных не показали Галену, что кровь идет по кругу, хотя он занимался этой проблемой; ему приписывают открытие, что вены содержат не воздух (так считали его современники), а кровь.

Католическая церковь приветствовала упадок гигиены как устаревшего, языческого суеверия, потому что она ненавидела все обнаженное и сексуальное, и она стимулировала этот упадок, угрожая людям разными плохими последствиями. На большей части Европы не только разрушали, одевали или закрашивали классические греческие статуи, но также закрывали общественные бани, которые так способствовали оздоровлению греческого и римского народа. Купание и даже созерцание своего собственного обнаженного тела считались страшными грехами, а те немногие люди, которые должны были мыться по предписанию врача, садились в ванну во всей одежде. И до сих пор в некоторых католических интернатах, например, в южной Италии, надо носить непорочный купальный костюм, и там нет зеркал.

Все историки медицины (Сигерист (Sigerist), Дюбо (Dubos), Инглис (Inglis)) сходятся во мнении, что крупные средневековые эпидемии, в том числе бубонную чуму, скосившую половину населения Европы, удалось ликвидировать не с помощью определенного лечения, а благодаря введению гигиены, появлению чистой воды и канализации в городах. И эти массовые мероприятия повлекли за собой колоссальные улучшения, в результате,

продолжительность жизни значительно повысилась за много десятилетий до начала массовой вакцинации. Как ни странно, ни одному из этих историков не пришло в голову, что вспышки болезней, называемые ими «таинственными» были совсем не таинственными, а являлись неизбежным последствием галенизма, защищаемого церковью, иными словами, отказ от гигиены Гиппократов. Ужасные эпидемии Средневековья стали логичным порождением союза церковной сексофобии, всеми способами подавлявшей чистоплотность, и переноса на человека наблюдений, сделанных на животных. Примечательно, что детенышей животных после родов надо мыть не теплой водой с мылом, для предотвращения родильной горячки достаточно антисептического действия слюны. В наши дни эпидемии снова и снова происходят там, где царит перенаселение и отсутствует чистота. Из-за недостатка гигиены в южной Италии смертность от родильной горячки такая же, как сто лет назад.

Древние греки и римляне, которые считали вполне нормальным ослеплять мятежников, сажать на кол солдат из вражеского стана и устраивать резню среди поработанных народов, запретили вскрытия трупов под страхом смерти — но не препарирование живых животных; и в дальнейшем Церковь сохранила это положение. Вот почему врачи западного мира, которые, точно так же, как и сегодняшние вивисекторы, «стремились познать тайны человеческой жизни» и резали живых животных, двигаясь при этом не вперед, а назад и все больше погрязая в галенизме с его магией, астрологией и религией. А большинство людей бездумно шло за ними, как и в наши дни.

*

Кое-что из греческой культуры и медицинской науки, утраченной в Европе в Средневековье, сохранилось на Востоке, потому что греческие тексты были переведены на сирийский, а с сирийского — на арабский. Несколько восточных ученых стали лучом света во мраке Средневековья — в десятом веке Аль-Буруни из Центральной Азии, его переводили западные историки, в одиннадцатом веке персидский врач Разес и арабский врач и философ Авиценна. Но значительные перемены настали только тогда, когда Мартин Лютер (Martin Luther) помог приподнять завесу мрака.

Первый шаг из темноты сделал Андреас Везалий (Andreas Vesalius), бельгийский анатом, который с детства разрезал и рассматривал живых мышей, крыс и собак, а его любимым животным была свинья, потому что она под ножом не переставала визжать, в то время как другие животные в определенный момент замолкали и переставали сопротивляться.

Вивисекция не дала Везалию никаких сведений о человеке. Только когда он начал вскрывать трупы повешенных, украденные из крепости Люттих, то выявил заблуждения Галена и обнародовал свои открытия в труде, который до сих пор считается шедевром анатомического описания, — «О строении человеческого тела» (*De humani corporis fabrica*). Его выпустили в 1543 году в Базеле, и иллюстрации к ней делал ученик Тициана.

Но было все еще опасно намекать, что Гален ошибался. Несколькими годами раньше Парацельс (Paracelsus) потерял свою должность в Университете Базеля (University of Basel) из-за публичного сожжения трудов Галена. Студенты сами добились его увольнения — они пришли в ужас из-за такого пренебрежения к признанным директивам. А в 1560 году англичанин, который хотел стать врачом, заставили отказаться от высказываемых им сомнений по поводу учения Галена.

Да, Везалий, преподававший анатомию в Университете Падуи (Padua University), чуть не заплатил жизнью за свою ересь. Десятью годами позже Мигель Сервет (Miguel Servetus), врач и священник, попал на костер за вскрытие трупа. Но Везалий объяснил, что он не опровергает Галена, а напротив, хочет показать, как правильны его описания, за исключением маленькой простительной ошибки, заключающейся в предположении, что для животного и человека верно одно и то же. Но большинство ученых мужей, в том числе

и его учитель Якоб Сильвий (Jakobus Sylvius), дистанцировались от него и обвинили его в «ереси и глупости».

Тем не менее, правда начала выходить на поверхность, хотя галенизм и оказался очень толстокожим. С давних пор невежество, особенно невежество ученых, изживалось с большим трудом. Гален, основываясь на своих наблюдениях за четвероногими, утверждал, что человеческая бедренная кость расширяется снаружи, как у быка. Когда труды Везалия открыли правду, университетские ученые не хотели соглашаться с тем, что они перенимают ошибку тысячелетней давности, и заявили, что человеческое бедро со времен Галена изменилось, так как человек теперь вместо тоги носит штаны.

Почти два века прошло после публикации труда Везалия, прежде чем рассеялся туман галенизма — чтобы уступить место другой доктрине, столь же неправильной и тираничной, но еще более вредной.

*

В 1628 году, менее чем через сто лет после выхода труда Везалия, появляется другое известное произведение — работа о кровообращении, написанная англичанином Вильямом Гарвеем (William Harvey), который учился в Падуе. Историки называли его «открывателем» кровообращения и таким образом создали шаблон для всех последующих историков, чья работа состоит главным образом в списывании друг у друга. Открытие, якобы сделанное Гарвеем, должно было стать боевым конем вивисекторов.

О том, что кровь циркулирует, известно в течение тысячелетий. Ученые Востока знали об этом, хотя Гален не знал. Уже в Nei Cing («Книга об искусстве излечения»), основе китайской медицинской литературы, которую в 2650 году до нашей эры составил император и ученый Хванг Ти, есть следующие слова: «Вся кровь в организме подчиняется сердцу... Поток крови постоянно движется по кругу и никогда не прекращается».

Даже сегодня на Запад проникли отнюдь не все восточные знания в области медицины. А в Средние века — еще меньше. Достаточно вспомнить, что Марко Поло, который привез спагетти из Китая в свою родную Италию, забыл рассказать, что китайцы уже много столетий умеют производить бумагу и печатать. Однако для средневековых ученых кровообращение не было тайной. О нем слишком много говорили. В 13 веке араб Ибн-ан-Нафиз писал, что кровь течет от правой стороны сердца через легкие к левой стороне (его труд был воскрешен из забвения незадолго до Второй Мировой войны).

Леонардо да Винчи тоже был знаком с кровообращением: он ради своего искусства изучал трупы повешенных и открыл функции многих внутренних органов. На самом деле, отцом современных анатомических знаний следовало бы считать Леонардо, а не Везалия, но ученик, который должен был воспроизводить рисунки для книги, умер, и оригинальные рисунки Леонардо теперь разбросаны по разным странам. Леонардо выяснил, что крупные артерии, проводящие кровь от сердца, снабжены клапанами, которые предотвращают обратное течение крови.

Вопрос о кровообращении так медленно эволюционировал в западном мире, потому что он не совпадал с «официальными» представлениями — с идеями Галена, согласно которому, кровь всегда течет туда и обратно, подобно приливу и отливу. Еретик Сервет (Servetus) тоже пишет в своем труде «Восстановление христианства» (Christianismi restitution), что кровь течет с правой стороны сердца через легкие к левой стороне, и во время этого протекания «освежается» чем-то взятым из воздуха. Это совершенно правильное описание процесса. Неудивительно, что утверждение Гарвея о якобы его открытии кровообращения сразу же вызвали противоречие.

Ясно, что теория его труда основывалась не на опытах на животных, а на его экспериментах на трупах и на самом себе. Он делал удивительно простые эксперименты: перевязывая себе руку и наблюдал, с какой стороны застаивается кровь. Таким способом он «обнаружил» то, что знали издавна безо всяких опытов на животных. Потом он пускал

воду в труп повешенного, сначала в правую сторону сердца, затем в левую и всякий раз наблюдал за направлением и течением жидкости. (Life and Works of William Harvey, Sydenham Society, издатель — Willis, с. 507).

В труде, посвященном королю Англии, Гарвей не мог признаться, что нарушил закон и ставил опыты на трупах, поэтому он утверждает, что пришел к своим выводам с помощью препарирования 40 разных видов животных — смешное заявление. Было бы весьма бессмысленно производить один и тот же эксперимент 80 раз после получения главного результата. Но это помогало снискать репутацию серьезного ученого. Гален постоянно проводил опыты на животных, чтобы «узнать правду о крови», и пришел к неправильным выводам.

Лоусон Тейт (Lawson Tait), великий новатор в области хирургии, 20 апреля 1882 года прочитал доклад в Бирмингеме, в Философском (так в то время называлось «научное») обществе (Birmingham Philosophical Society) и сказал по этому поводу следующее: «Возьмем случай, как Гарвей якобы открыл кровообращение. Можно ясно доказать, что многое из того, что знал Гарвей, было известно еще до него. Последовательно опровергнут тот факт, что он сделал какой-либо серьезный вклад в знания с помощью вивисекции, и это признали перед Комиссией такие авторитеты как доктор Акланд (Acland) и доктор Лаудер Брентон (Lauder Brunton). Окончательно кровообращение доказал Мальпиги (Malpighi) с помощью микроскопа. Он прибегал к вивисекционному эксперименту, но в этом не было необходимости, так как вместо легких лягушки лучше и проще было бы использовать перепонку лягушачьих лап. Кроме того, ясно: если бы сегодня кому-то пришлось в голову доказывать, что кровообращение — это новая тема, это удалось бы сделать с помощью трупов и шприца, но не вивисекции. Должен сказать, что систематическое кровообращение было полностью доказано тогда, когда под микроскопом исследовали инжесктированные ткани».

*

Для ученых действительно важным стало изобретение микроскопа Антони ван Левенгуком (Antony Leeuwenhoek, 1632–1723), голландским торговцем сукном. Он в свободное время вытачивал все более сильные линзы и стал первым человеком, который увидел одноклеточный организм, называемый сегодня микробом, с помощью инструмента, называемого сегодня микроскоп.

Вскоре после смерти голландца в Италии родился Ладзаро Спалланцани (Lazzaro Spallanzani, 1729–1799), он занимал должность профессора в Реджо, Модене и Падуе. Хотя Спалланцани был священником, он неустанно экспериментировал во всех сферах, в том числе на живых животных. Чтобы «раскрыть тайну жизни», он отрезал жабам лапы во время спаривания.

Большинство тогдашних «натурфилософов»¹, в том числе известный француз Бюффон, считали, что все маленькие существа, такие как насекомые, лягушки, мыши, возникают спонтанно — выпрыгивают из коровьего навоза или грязи. Спалланцани впервые доказал, что даже микроб не может возникнуть из ничего. Однажды при наблюдении микроба под микроскопом он заметил, что он сужается в середине, делится, и так много раз. В результате большого количества экспериментов ученый доказал, что все микробы погибают в нагретой жидкости, и ни один новый микроб не возникает до тех пор, пока сосуд запечатан (чтобы достичь этого, он расплавил горлышко бутылки, держа ее над огнем).

Выводы данного открытия оказались слишком невероятны для всеобщего немедленного осознания, в том числе и самим Спалланцани, не говоря уж об их

¹ Термин «ученые» еще не появился. Считается, что он был введен британским философом **Вильямом Вивеллом (William Whewell, Уильям Уэвелл)**, который интересовался естественными науками. В начале XIX века те, кого мы сегодня называем «учеными», назывались «философами», а их инструменты — «философскими инструментами». Впервые слово «наука» в его современном значении было использовано в Оксфордском словаре английского языка (Oxford English Dictionary) в 1867 году.

практическом применении. По сути, они содержали в себе основу для будущих трудов Пастера и Коха, а также для консервации продуктов. Последняя дала бы возможность Наполеону победоносно завершить свой поход на Россию и, возможно, изменила бы ход истории.

Со смертью Спалланцани в 1799 году мы достигаем рубежа нового века, нового периода истории человечества. Мир освободился от предрассудков Галена, за исключением одного — который, подобно микробам, наблюдаемым Спалланцани, начал множиться и принимать все более чудовищные формы.

Но тогда, казалось, этого никто не замечал.

Достижения

Прежде чем оставить XVIII век, давайте взглянем вкратце, какие еще важные достижения были сделаны в этот промежуток времени.

В 1757 году цинга косила британских моряков в таких масштабах, что встал вопрос об эффективности военно-морского флота, и в это время Джеймс Линд (James Lind), врач в морском лазарете в Портсмуте, рекомендовал главному морскому штабу добавлять в питание тех, кто должен проводить много месяцев в море, лимонный сок. С XVI века голландские торговые суда всегда имели на борту лимонный сок при возвращении из Ост-Индии, и экипаж никогда не страдал цингой; в дальнейшем британские торговые суда тоже стали с успехом использовать лимонный сок. Но главы штаба не верили, что столь простое и дешевое средство способно предотвратить или вылечить смертельную болезнь. Однако капитан Кук (Cook) последовал совету Линда, и в течение трехлетнего плавания на борту его корабля не было ни одного случая цинги. Только когда в 1784 году сэр Гилберт Блейн (Gilbert Blane) подавил вспышку цинги, главный морской штаб всерьез задумался на эту тему, и в 1795 году, наконец, было издано распоряжение на протяжении всего пути давать экипажам королевского флота лимонный сок.

Лимонный сок содержит витамин С, мощное средство против цинги, и это было выявлено не через опыты на животных (для многих животных витамин С токсичен). Позднее вивисекторы вызывали у бесчисленных животных смертельную цингу, держа их на неправильной диете, и этим они занимаются и поныне, чтобы вновь и вновь доказать факты, известные голландцам еще в начале XVI века. Но о том, как нашим современным медикам удалось *вызвать у людей цингу с помощью введения витамина С*, мы поговорим в другой главе. Сейчас мы рассматриваем достижения.

Венский медик Леопольд Ауэнбруггер (Leopold Auenbrugger) в 1791 году ввел диагностический метод перкуссии: простукивание поверхности тела с целью выявить по звуку состояние его внутренних частей. Таким образом можно распознать увеличение печени, желудка или отек легкого. Эти методы стали предшественниками аускультации, которая сегодня столь же важна при диагностике.

Первым крупным важным шагом в лечении сердечно-сосудистых заболеваний стало открытие в 1785 году дигиталиса Вильямом Визерингом (Уильям Уизеринг – William Withering), английским врачом и ботаником. Он проверил настой сушеных листьев наперстянки — которое крестьяне использовали в качестве средства от водянки и отеков — на своих пациентах с больным сердцем, и с таким успехом, что дигиталис был сразу занесен в Эдинбургскую фармакопею (официальный перечень медикаментов).

Дигиталис — это одно из немногих лекарств с доказанной ценностью, и, как все основные средства, он был открыт без опытов на животных. И сегодня при мерцании предсердий нет ничего лучше дигиталиса.

Йод, тоже давно испытанный медикамент, уже 150 лет используется как лечебное средство при воспалительных процессах, то есть его начали применять раньше, чем была

обнародована теория о бактериях и признано существование инфекции, которое Гален отрицал.

В *Antiseptic Surgery* (1882) Уотсона Чейна (Watson Cheyne), первом образцовом произведении о применении антисептики, говорится, что йод использовали еще в 1859 году для дезинфекции ран. Процитированным авторитетом является хирург Луи Вельпо (Louis Velpeau), который в том году утверждал, что данной практике уже как минимум 30 лет. Это отводит нас в 1829 год, на тот момент прошло 18 лет с тех пор, как Бернар Куртуа (Bernard Courtois) изолировал химический элемент йод.

Аборигены Южной Америки против «болотной лихорадки» (малярии) использовали хинин, и с помощью этого природного лекарства в Европе тоже удалось удержать болезнь под контролем. А некоторые думающие люди намного раньше заметили, что малярия чаще всего встречается вблизи болот, и поэтому многие болота были осушены. Но гораздо позднее появилась догадка, что малярию переносят определенные комары, откладывающие яйца в стоячих водах, где и развиваются личинки.

Первую «современную» вакцинацию якобы произвел Эдвард Дженнер (Edward Jenner), который в 1796 году ввел привил мальчику разработанное им средство для защиты от оспы (оспенную вакцину), и, благодаря ей, выработался иммунитет к человеческой оспе. Следует упомянуть то, что Дженнер пришел к своему выводу после 21 года тщательных наблюдений — сейчас мы называем это «клиническими наблюдениями».

Дженнер за 80 лет предвосхитил Пастера, но его вакцинация была отнюдь не первой в истории. На Востоке вакцинацию практиковали с древних времен. А в Англию вакцина от оспы была впервые привезена с Востока в 1717 году: тогда ее ввели леди Мэри Уортли Монтегю (Mary Wortley Montagu), жене британского посланника в Константинополе.

Турецкий метод заключался в том, что из гнойничка больного оспой берут столько жидкости, сколько помещается на острие иглы, а затем с помощью иглы царапают кожу. Иногда такая вакцинация вела к смерти, как и сегодня. Поэтому придумывали разные методы снизить токсичность жидкости: ее или корку мацерировали в воде несколько дней. Китайцы помещали в нос прививаемому человеку растертые корки.

Благодаря общественному положению леди Мэри, турецкий метод достиг британской королевской семьи, которая панически боялась оспы — от нее в конце предшествующего века умерла молодая красивая королева Мэри. Тем не менее, король для надежности приказал сначала проверить вакцину на шестерых заключенных, которые ждали смертной казни в тюрьме Ньюгейта.

Итак, открытие и разработка защитных вакцин не имеют никакого отношения к опытам на животных. Впрочем, это было бы просто невозможно, потому что самые серьезные человеческие инфекции животным не передаются либо имеют у них совсем другую форму. Позднее индустрия стала использовать животных, чтобы изготавливать вакцины в более крупных масштабах и получать прибыль: медицинское мышление уже оказалось ориентировано в этом направлении, и это давало печальные результаты, которые мы рассмотрим в одной из следующих глав. Когда в дальнейшем при изготовлении вакцин потребовались более надежные инструменты, чем животные, их удалось найти. В очередной раз использование животных только задержало прогресс медицинской науки и вызвало серьезные проблемы у людей.

Но прежде чем мы этим займемся, нам надо посмотреть, каким образом хирургию освободили от обеих основных зол, из-за которых во времена галенизма она не только переживала застой, но и вернулась на доисторический уровень.

Хирургия

В тот период, когда в западном мире естественные науки и техника быстро эволюционировали, благодаря новым открытиям, хирургия находилась в трясине. Более

того, хирургическое искусство, практиковавшееся в Средневековье и вплоть до первой половины XIX века, представляло собой радикальный шаг назад, по сравнению с гораздо более сложными операциями, которые проводились тысячелетиями раньше, сначала в Индии, Египте и Вавилоне, а потом в Греции и Римской Империи.

Хирурги античности, должно быть, владели высокоразвитыми приемами, но они утрачены — также как и строительная техника древнеегипетской, римской и южноамериканской культур. Мы не знаем, как люди использовали некоторые из сохранившихся хирургических инструментов. Но мы знаем, что еще до времен Гиппократов гигиена при операциях играла такую же важную роль, как и во всем врачебном искусстве. Индийских хирургов учили очень тщательно мыть руки и ногти и во время операции не открывать рот, чтобы не занести инфекцию.

Вероятно, медицинская школа двух индийцев по имени Атрея и Сушрута в шестом веке до нашей эры повлияла на греческую анатомию и лечебное искусство. Труд Сушруты, одно из крупнейших в своем роде произведений санскритской литературы, был особенно важен для хирургии. Автор описывал операции, выступал за вскрытия трупов с целью обучения хирургии и стерилизацию ран с помощью фумигации.

Поистине, современный хирургический прогресс заключался в поиске обратного пути к тому, что было известно тысячи лет назад и оказалось забыто.

Историки медицины заявляют, что они не могут объяснить, почему и каким образом древнее хирургическое искусство было забыто, но причина ясна. Из-за нее же в Средневековье происходили эпидемии. Поскольку гигиена отвергалась как суеверие, и ею пренебрегали, после операций возникали настолько серьезные инфекции со смертельным исходом, что от всех серьезных операций приходилось отказываться, за исключением неизбежных случаев при происшествиях и во время войн. Искусство перевязывать кровяные сосуды также было забыто; на смену ему пришло более быстрое и легкое разрушение тканей с помощью горячего масла или раскаленных углей. Это предположительно произошло во время крупных войн Средневековья.

Мы точно знаем, что вплоть до середины XIX века хирургические операции не практиковались, во-первых, из-за страха боли, во-вторых из-за послеоперационной смертности, очень высокой даже при простых операциях.

*

Пациенты испытывали такие мучения в руках хирургов, что некоторые предпочитали операции самоубийство. Те немногие, кто оказывался безрассуден или достаточно храбр, кричали и отбивались на операционном столе, сходили с ума или теряли сознание. Поэтому хирургов оценивали по их скорости. Максимальная продолжительность операции по удалению желчных камней должна была составлять 54 секунды. Гийом Дюпюитрен (Guillaume Dupuytren, 1777–1835), который был самым быстрым и поэтому самым высокооплачиваемым хирургом во Франции, имел обыкновение говорить, что боль способна так же убить, как кровотечение.

В те времена у хирургов имелось много свободного времени, потому что люди не могут выносить боль, даже если безразличны к страданиям других, и не хотят умирать. Большую часть операций делали цирюльники, и чаще всего они ограничивались наложением шин на переломы костей, вырезанием внешних опухолей и в неизбежных случаях ампутациями, которые вследствие инфекции часто кончались смертью. Когда французский парикмахер Амбруаз Паре (Ambroise Paré, 1509–1590) вновь изобрел перевязывание кровоточащего сосуда, то смертность от кровотечений снизилась, но количество смертей от «заражения крови» или инфекций возросло. Теперь мы знаем, почему.

Прижигание, которое в Средневековье заменяло перевязывание сосудов, дезинфицировало раны. Но поскольку хирурги тогда еще ничего не знали о бактериях, они не уделяли внимания чистоте. Для защиты одежды они носили старые мужские пальто,

которые никогда не чистились, так как кровавые и гнойные корки указывали на опыт владельца: чем толще корки, тем выше гонорар.

Два серьезных препятствия в виде боли и инфекций стали исчезать почти одновременно в середине XIX века.

*

Непонятно, почему прошло столько времени, прежде чем обезболивание в западном мире стало общеупотребительным, ведь обезболивающее действие экстрактов некоторых растений, таких как опиум и гашиш, было известно уже в древности среди многих примитивных народностей. Не поддается сомнению, что древние восточные врачи при проведении сложных операций использовали какие-то обезболивающие средства. Сегодня сохранилась только китайская акупунктура, и ее польза как анестезирующего средства не вызывает сомнений даже у современных медиков.

В 13 веке шотландский астролог и алхимик Майкл Скот (Michael Scot), который переводил медицинские труды с арабского языка, дал рецепт болеутоляющего средства, состоявшего из мандрагоры, опиума и белены. Но никто не отважился его использовать, потому что Скот считался волшебником, и за это Данте определил ему место в аду: «А следующий, этот худобой, звался Микеле Скотто и большим в волшебных плутнях почитался докой» («Ад», XX, 115 Перевод: Данте Алигьери «Божественная комедия», М.: Интерпракс, 1992. — с. 103).

Через три века Парацельс (Paracelsus) привез с Востока другой опиат, лауданум, и после его смерти в его материалах был найден рецепт под названием «сладкий купорос», который при проверке оказался эфиром. На самом деле, в Средневековье имелись разные снотворные и наркотики: в литературных трудах, в том числе в пьесах Шекспира, есть много указаний на лекарства, вызывающие глубокий сон, напоминающий смерть.

Первые современные анестетики были обнаружены случайно — иначе быть не могло — и через личный опыт. Уже в 1800 году химик сэра Гемфри Дэви (Humphry Davy) полагал, что для этой цели можно использовать оксид азота (веселящий газ), а в 1803 году немецкий аптекарь Фридрих Сертюрнер (Friedrich Serturmer) получил из опиума морфий. Вероятно, он испытывал его на собаках, у которых морфий может вызвать маниакальное возбуждение. Большую ценность морфия как анестезирующего средства для человека признали лишь через несколько десятилетий.

Хорас Уэллс (Horace Wills), американский зубной врач при удалении зуба своему коллеге использовал, наконец, оксид азота, предложенный Хамфри Дэви, и таким путем веселящий газ нашел путь к практическому применению. Потом, в 1846 году, другой американский стоматолог Уильям Мортон (William Morton), первый анестезиолог, дал возможность бостонскому хирургу Джону Коллинзу Уоррену (John Collins Warren) провести в Массачусетской больнице перед многочисленными врачами и студентами первую операцию под наркозом. Операция прошла успешно. Битва с болью была побеждена.

Годом позже Джеймс Симпсон (James Simpson) из Эдинбурга после тестов, проведенных на себе и на своих друзьях, впервые использовал при операции хлороформ (известный с 1828 года). Но поскольку тогда научная информация распространялась менее свободно, чем сейчас, французский физиолог Флуранс (Flourens) решил испытать хлороформ на животных, и результаты экспериментов натолкнули его на мысль, что это вещество не годится в качестве анестетика. Одновременно в Англии все ведущие врачи анестезиологи высмеяли результаты, которые были получены сэром Лаудером Брентоном (Lauder Brunton) при работе с 490 собаками, лошадьми, обезьянами, козами, кошками и кроликами (Lancet, 8, 15 и 22 февраля 1890).

Итак, опыты на животных в очередной раз затормозили признание и применение лекарств, важных для любого времени.

Изобретателем спинномозговой анестезии является уже упоминавшийся немецкий доктор Август Бир (August Bier), который сделал себе в спину инъекцию однопроцентного раствора кокаина, чтобы пронаблюдать его действие. Историк Сигерист (Sigerist) пишет в своем труде (о нем см. выше): «В 1899 году Бир представил бессмертную спинномозговую анестезию, изобретение, которое вошло в историю медицины».

Второй доклад Королевской Комиссии по вивисекции (British Royal Report on Vivisection) был вынужден официально признать: «Изобретение анестезирующих средств никак не связано с опытами на животных» (с. 26).

*

Но те временем лечебное искусство достигло уже наибольших успехов, произошло это, благодаря возврату к давно забытым принципам гигиены. 1847 год, благодаря венгру Игнацу Филиппу Земмельвейсу (Philip Ignaz Semmelweis), ассистенту в венском роддоме, ознаменовался началом борьбы с инфекцией. В той городской клинике каждая четвертая женщина умирала от родильной горячки — такая же статистика смертности наблюдалась в больнице Массачусетса при проведении ампутаций. В Париже ситуация была еще хуже: после ампутации умирали 59% пациентов. До появления обезболивающих средств операции на брюшной полости проводились редко, а если к ним прибегали, смертности еще возрастала. В Англии умирало 86% женщин, чей ребенок появлялся на свет с помощью кесарева сечения.

Земмельвейс, так же как и Гиппократ, не видел бактерий и ничего не слышал о бактериологической теории, появившейся позднее; но оба врача, благодаря подлинной медицинской интуиции и логическому мышлению, пришли к одинаковым выводам. Им это удалось сделать, на основании грамотных клинических наблюдений, с помощью которых было решено так много медицинских проблем.

Многие еще до Земмельвейса высказывали мнение, что родильная горячка — это инфекционная болезнь, и ее можно предотвратить с помощью гигиенических мер, но их высмеивали. Млекопитающие после родов не заболевают горячкой и не умирают — так почему это должно происходить с людьми? В 1795 году шотландец Александр Гордон (Alexander Gordon) в труде под названием «Трактат об эпидемической родильной горячке в Абердине» (Treatise of the Epidemic Puerperal Fever of Aberdeen) приводит доказательства того, что данная болезнь инфекционная, и подчеркивает, что повивальным бабкам и врачам, работающим с родильницами, необходимо делать дезинфекцию. Хотя его аргументы были неопровержимы, тогдашние медицинские корифеи их высмеяли.

В 1843 году Оливер Уэнделл Холмс (Oliver Wendell Holmes), профессор анатомии и физиологии Гарвардского университета, написал труд «Заразность родильной горячки» (The Contagiousness of Puerperal Fever). Но сначала он столкнулся с сильной оппозицией со стороны акушеров, и выдвигаемые им факты были признаны только после появления нового издания (1855). Английский историк лорд Мойнихен (Moynihan) назвал эту публикацию «одной из самых важных в истории медицины». Очевидно, Земмельвейс не знал о данном английском трактате — он пришел к тем же выводам и использовал их на практике.

Это произошло в день, когда Земмельвейс говорил с только что родившей пациенткой. Она была в отчаянии, потому что ее направили в палату, где работали не повитухи, а студенты. Земмельвейс узнал от нее, что, по убеждению венских женщин, они больше рисковали жизнью со студентами, чем с повитухами. В этот момент у Земмельвейса молниеносно сработала интуиция, которая привела к крупнейшей победе современной медицины — возврату к догаленовской гигиены. Это произошло задолго до Пастера.

Несколькими днями раньше Земмельвейс видел смерть коллеги, который делал вскрытие умершей роженицы и занес себе инфекцию — у него наблюдались те же синдромы, что у женщины, умершей от родильной горячки. Студенты тоже делали

вскрытия умерших, а повитухи нет. Земмельвейс сделал из этого факта заключение, что родильная горячка заразна. По этой причине студенты разносили больше инфекции, чем повитухи — а не из-за отсутствия опыта.

С того дня Земмельвейс начал борьбу с инфекцией. Он требовал абсолютной чистоты и дезинфекции хлором всего, что имеет отношение к родильному дому. Врачам не нравились эти новшества — они казались им унижительными и смешными. Но в течение двух лет Земмельвейс снизил смертность в роддоме на 90%. Тем не менее, ему не удалось завоевать доверие, потому что он не мог доказать свою теорию через эксперименты на животных, которые тогда уже вошли в моду. А когда он назвал убийцами акушеров, до сих пор отказывающихся мыть руки, австрийские врачи объединились и изгнали венгра.

Земмельвейс вернулся в Будапешт, где он учился, и опубликовал книгу о своем открытии. Но его земляки тоже издевались над ним. Он умер в 1865 году в психиатрической больнице и не застал победу своей идеи.

*

Земмельвейс и его немногие единомышленники снискали признание только через четверть века, когда была обнародована теория бактерий — очередной принципиально важный шаг вперед, не связанный с экспериментами на животных. Таким образом был преодолен еще один опасный аспект хирургии — послеоперационные инфекции.

Как только исчезли оба препятствия, которые мешали прогрессу хирургии — страх боли и инфекций — эта отрасль начала развиваться очень быстро. А также стали возможными операции, на которые в Новое время ни за что не решились бы. Хирурги после упражнений на трупах переходили к живым пациентам и за небольшое количество лет усовершенствовали приемы, которые в основе своей используются и поныне.

К тому моменту вивисекторы уже более ста лет оперировали животных и не были обязаны беспокоиться по поводу их страданий или опасности инфекции; но, невзирая на это, хирургия не могла вылезти из средневековой трясины. Она смогла за два десятилетия наверстать упущенное лишь тогда, когда, благодаря анестезии и асептике, появилась возможность лечить людей.

А вскоре хирурги получили еще одно изобретение, которое никак не связано с опытами на животных. Это рентгеновские лучи, которые точно показывают медикам, что надо вырезать.

Подготовка хирургов

«Возможно, практика на собаках действительно делает человека хорошим ветеринаром, если вашей семье нужен именно такой специалист». Эти слова написал доктор Уильям Гелд (William Geld), всемирно известный чикагский врач — один из многих известных медиков, который считал, что опыты на животных — это опасный обман для врачебного искусства.

Нетрудно понять, почему при упражнениях на собаках — излюбленном объекте хирургов-экспериментаторов — невозможно приобрести никаких хирургических умений в расчете на пациентов-людей. При оперировании человека поле работы настолько отличается от узкой, острой груди собаки, что для хирургического вмешательства порой требуются особым образом сконструированные инструменты. Кроме того, все органы имеют совершенно иное строение и форму. Поэтому хирургам, которые, например, научились находить бедренную артерию у собаки, будет впоследствии трудно определить ее местонахождение у человека. И кожа, ткани, сухожилия — короче, все части тела собаки — реагируют под ножом иначе, они оказываются либо эластичнее, либо жестче, чем у людей. Точно также отличаются и послеоперационные реакции. Например, все животные гораздо менее чувствительны к инфекциям, и хирург, который смог разрезать

собаку и при этом не убить ее, приписывает успех скорее своим умениям, а не большей сопротивляемости животного. Опасная иллюзия.

Столь же абсурдно утверждение вивисекторов, что все наши знания об операциях на сердце имеют в своей основе опыты на собаках. Ведь у собаки в высшей степени нерегулярное, прерывистое биение пульса, и поэтому эксперименты на них не могли бы стать надежным руководством к работе с человеческим сердцем. Все знания о человеческом сердце основываются на вскрытиях трупов, на несчастных случаях, требующих немедленного вмешательства врача для спасения жизни пациента (это, например, травмы на войне или в ДТП) — и на радиологических наблюдениях. Хирурги, которые утверждают, что обрели свои умения через эксперименты на животных, — опасные, безответственные люди, не имеющие жалости.

То же самое касается хирургии мозга. Миллионы опытов на животных, которые должны были определить местоположение функций мозга, только вызвали путаницу и не добавили ничего нового к учению Хьюлинга Джексона (Hughlings Jackson, 1834–1911), ни разу не прибегавшего к вивисекции. И Жан-Мартен Шарко (Jean-Martin Charcot, 1825–1893) отец современной хирургии мозга, четко предсказал это: «Эксперименты на животных, ставящие целью установить локализацию функций мозга, в лучшем случае могут дать нам топографию разных видов животных, но никогда — топографию человека». Даже Клод Бернар согласился с данной мыслью.

А сейчас давайте взглянем на «боевого коня» вивисекторов — цианотичных детей.

*

Цианоз — это врожденный порок сердца, который чаще всего возникает из-за дефекта клапана сердца. Из-за него венозная кровь по артерии идет в легкие. Поскольку в крови ребенка не содержится достаточного количества кислорода, кожа становится синеватой и появляется одышка. Если болезнь не лечить, ребенок редко доживает до взрослого возраста.

Для устранения этого порока сердца американский хирург Альфред Блэлок ввел операционный прием, который базировался на наблюдениях немецкой эмигрантки Хелен Б. Тауссиг (Helen B. Taussig). Блэлок (Blalock) утверждал, что его методика разработана на основе многочисленных опытах с собаками — хотя такое заявление звучало очень непонятно для каждого, кто знал об анатомических, органических и функциональных различиях между человеческим и собачьим сердцем.

Почти в то же самое время Р. Брок (R. C. Brock), лондонский хирург из больницы Гая (Guy's Hospital), разработал совсем другую технику, и опять же, через тщательные исследования после смерти в комбинации с прижизненными наблюдениями. Из его статьи в *British Medical Journal* (12 июня 1948) ясно следует, что он ни разу не прибегал к опытам на животных.

Третью методику разработали два других английских хирурга, Н. Р. Барретт (N. R. Barrett) и Раймонд Дейли (Raymont Daley) из лондонской больницы Святого Томаса (St. Thomas Hospital). Они тоже не делали экспериментов на животных. Эта методика, согласно описанию в *British Medical Journal* (23 апреля 1949) представляет собой результат логических заключений.

Во всех случаях прогнозы одинаковые, и данный факт вновь свидетельствует о том, что те, кто сначала прибегает к экспериментам на животных, делает это не из-за необходимости, а из-за собственного желания. Так происходило в случае с Блэлоком, изобретателем «зажима Блэлока» — устройства, которое без труда раздавливает собачьи лапы.

Английский хирург и историк М. Беддоу Бейли (M. Beddow Bayly) пишет по этому поводу в своей книге *Great Medical Discoveries* (1961): «Примечательно, что ценность обоих вышеупомянутых методов доказана для всех случаев, когда метод Блэлока не годился... Нет оснований предполагать, что операцию Блэлока, которая основывается на

логическом мышлении, нельзя было бы с тем же успехом применять к людям без предварительных испытаний на собаках. Если в Англии этого не потребовалось для операции Брока, то, несомненно, было бы логично сделать вывод, что в США они также не нужны».

В Великобритании хирурги уже сто лет получают опыт работы только с людьми, потому что законодательство в защите животных, принятое в 1876 году, запрещает опыты на животных для упражнений и образования. И даже сегодня было бы очень трудно опровергнуть сэра Хинейджа Огилви (Heneage Ogilvie) старшего врача и хирурга-консультанта в больнице Гая (Guy's Hospital) и в Королевском масонском обществе (Royal Masonic Hospital). Он заявил в *British Medical Journal* (18 декабря 1954, с.1438) следующее: «Британская хирургия всегда высоко ценилась, и можно с полным правом на то сказать, что все особо важные успехи в хирургии были достигнуты именно в этой стране».

*

Но еще более важное значение имеет то, сами вивисекторы, потеряв бдительность, говорили о пользе своего дела для медицинской науки.

Дж. Марковиц (J. Markowitz) пишет прямо во введении к своему знаменитому учебнику вивисекции, *Experimental Surgery*: «Описанная здесь методика операций подходит для животных, особенно для собак. Из этого не следует, что она подойдет также для людей. Студентам не следует думать, что он оперирует для лечения болезни».

Таким образом, этот известный специалист недвусмысленно указывает, что на самом деле хирургам не помогают упражнения на животных; он даже дает понять, что эти эксперименты ненадежны, и приводит показательный пример: «Когда мы были студентами, внутригрудная хирургия казалась нам очень таинственной и трудной. Стандартные сложности возникали потому что, согласно предположениям стандартных хирургов, сущность пневмоторакса у собак аналогична заболеванию, которое развивается у человека. Это верно только для той стороны, которая вскрыта, потому что у человека есть две отдельные грудные клетки, в каждой из них находится легкое, и каждое из них способно поддерживать жизнь... У собаки даже маленький прокол одной плевральной полости вызывает смертельное спадание стенок обоих легких».

Если бы хирурги руководствовались исключительно опытами на животных, они бы никогда не испробовали искусственный пневмоторакс, который за много лет спас бесчисленное количество человеческих жизней.

Марковиц постоянно доказывает, что экспериментирование стало для него параноидной идеей фикс, например, когда он приводит следующее замечательное воспоминание (с. 446): «Было бы интересным упражнением удалить у собаки обе почки, а через 3 дня, когда она будет на пороге смерти, имплантировать ей в шею почку другой собаки».

Со страницы 440 явствует, что он не ждал от всех этих «практикумов» никаких ценных результатов: «В целом хирургия достигла всего возможного через асептику, ловкость рук и тщательный предоперационный и послеоперационный уход. Кажется, что хирургия достигла предела своих возможностей, если только не появится что-то принципиально новое».

Так какой же был проводить все эти хирургические «эксперименты» на животных? Автор дает ответ на загадку лишь на странице 532, в конце книги, в лучших традициях триллеров. Там он говорит: «Никакое обучение не может быть более пленительным, удовлетворяющим и прибыльным».

Слово — великим хирургам

Шотландец сэр Чарльз Белл (Charles Bell, 1774–1842), анатом и хирург, известен за свой вклад в изучение мозга и нервной системы. Он был университетским профессором анатомии, физиологии и хирургии в Лондоне и Эдинбурге. В 1807 году он объявил о своем открытии, которое заключается в том, что передние корешки спинномозговых нервов имеют моторную функцию, а задние — чувствительную (закон Белла). Энциклопедия Britannica пишет по этому поводу: «С открытия Гарвеем кровообращения это открытие считается важнейшим в физиологии».

Белл говорит в своей основополагающей книге о нервной системе человека: «Эксперименты никогда не были способом совершения открытий; и попытки последних лет сделать обзор в области физиологии свидетельствуют о том, что вскрытие живых животных больше увековечивало ошибки, нежели подтверждало идеи, полученные при изучении анатомии и естественных движений». (An Exposition of The Natural System of the Nerves of the Human Body, Лондон, 1824, с. 337)

*

Чарльз Клей (Charles Clay), доктор медицины, согласно британскому Dictionary of National Biography (Supplement II, p. 30), «...может быть справедливо охарактеризован как основоположник овариотомии в Европе... Он был первым (1843), кто использовал дренаж в брюшной хирургии и ввел в употребление термин «овариотомия...» Будучи президентом Медицинского общества Манчестера (Manchester Medical Society) и действительным членом Акушерского общества Лондона он сделал следующее заявление, как сообщает лондонская газета Times (31 июля 1880): «Я хирург и провел очень большое число операций, но я не обязан вивисекции даже малой доли своих знаний. Не думаю, что какой-то представитель моей профессии сможет доказать, что вивисекция имела какое-то значение для прогресса медицинской науки и терапии».

*

Имя гинеколога из Бирмингема Лоусона Тейта (Lawson Tait), выполнившего более 2000 лапаротомий во времена, когда к вскрытию брюшной полости прибегали редко, выделяется больше, чем чье-либо еще, в период, известный как эпоха гигантов в хирургии. Многие сегодняшние приемы хирургии берут начало от него. Он произвел свою первую овариотомию в 1868 году, когда ему был всего 21 год, а к 1872 году его имя вошло в историю медицины благодаря тому, что стало известно в Англии и Америке как «операция Тейта» — удаление придатков матки при хроническом воспалении яичников. В 1877 году он начал удалять больные фаллопиевы трубы, а в 1878 описал новый метод лечения хронического выворота матки. Всего этого он достиг до 35-летнего возраста. В 1879 году он сделал первую холецистотомию, операцию на желчном пузыре. В 1880 году он впервые успешно удалил червеобразных отросток аппендикс при аппендиците (в Германии обычно честь проведения этой операции впервые приписывают швейцарскому хирургу Рудольфу Ульриху Кренлейну (Rudolf Ulrich Krönlein), который в первый раз сделал ее пятью годами позже). В 1883 году Тейт сделал первую успешную операцию при внематочной беременности. Он также был решительным сторонником современной асептической хирургии и оспаривал вредный антисептический метод Листера (Lister). В 1887 году его избрали на пост президента вновь основанного Британского Гинекологического общества (British Gynaecological Society).

Если медик имеет достаточную компетентность, чтобы рассуждать о хирургии, то он будет говорить о Лоусоне Тейте. И все, что прозвучало из уст и вышло из-под пера Лоусона Тейта о вивисекции (к которой он поначалу прибегал), представляет собой безжалостное осуждение ее, потому что он считал ее не только губительной для медицинской практики в целом, но и для сознания медиков. Сегодня мнение Тейта не может быть отклонено как несущественное, по причине того, что он высказывал его много лет назад. Напротив, оно многозначительно, так как Тейт его высказал в период

наибольших хирургических успехов — успехов, за которые, по уверениям вивисекторов, мы должны благодарить их. И их намеренную ложь необходимо немедленно и для всех разоблачить.

«Базовые переводы» (Basic Translations) Бирмингемского Философского общества (Birmingham Philosophical Society) включают в себя очень длинный доклад, который был прочитан Лоусоном Тейтом для его коллег 20 апреля 1882 года, и в котором осуждаются все стороны вивисекции. Вот для примера лишь несколько выдержек:

«Я против экспериментов на живых животных, которые проводятся просто для обучения, так как в них нет никакой необходимости, и их нужно законодательно запретить без каких-либо оговорок...»;

«Должно быть совершенно ясно, что для ответа на эти вопросы надо привести конкретные случаи, и требуется провести их тщательный исторический анализ. Это уже сделано по многим пунктам, и надо сказать, что во всех известных мне случаях имело место полное противоречие заявлениям вивисекторов... Как метод исследования она постоянно заставляла делать неправильные выводы тех, кто занимался ею, и зафиксировано огромное количество примеров, когда не только животные погибли бесцельно, но и люди пополнили список жертв из-за неверных заключений».

В Birmingham Daily Post (4 октября 1892) Лоусон Тейт пишет: «Несколько лет назад я начал иметь дело с одним из самых больших бедствий, с которым человечество сталкивалось при операциях, и которое было предложено наукой почти 200 лет назад. Я имею в виду внематочную беременность. Доводы в пользу операции были полностью объяснены примерно 50 лет назад, на эксперименты французского физиолога на кроликах и собаках представили в ложном свете всю физиологию нормального процесса и патологию искаженного. Я вышел за пределы выводов экспериментатора, вернулся к подлинной науке старого патолога и хирургов и провел десятки операций, которые почти неизменно оказывались удачными. Моему примеру сразу же последовали во всем мире, и за последние 5–6 лет были спасены жизни сотен, если не тысяч женщин, в то время как в течение почти 40 лет глупость вивисекторов закрывала простой путь к этому огромному успеху».

Тейт добавляет информацию, которая помогает понять искаженное мышление вивисектора: «Один из выводов, полученных при моих операциях — физиологический, он предельно прост и следует из фактов столь же уверенно, сколь ночь следует за днем. Он заключался в том, что брюшная полость способна лизировать мягкую, студнеобразную ткань эмбриона. Но это не устроило наших немецких людей науки, и один из них немедленно занялся тем, что стал удалять незрелые плоды из маток многочисленных животных и пересаживать их в брюшную полость тех же самых животных. И он заявляет, что «подтвердил» мое мнение. Я не буду мучить читателей описанием того, что пережили эти маленькие существа, поскольку речь не идет о так называемой сентиментальной стороне вопроса; я обращаю внимание на то, что нелепость и смехотворность всей этой сомнительной процедуры».

*

Сэр Фредерик Тревс (Frederick Treves), директор Лондонской больницы (London Hospital), хирург королевской семьи, специалист с мировым именем в области хирургии брюшной полости, пишет в British Medical Journal (5 ноября 1898, с. 1389): «Много лет назад на Континенте я проводил разные операции на кишечнике собаки, но разница между собачьим и человеческим кишечником настолько велика, что, когда я приступил к оперированию людей, то обнаружил, что мне мой новый опыт очень мешает, во всем надо переучиваться, и единственное, что мне дали те эксперименты — это сделали меня неспособным к работе с человеческим кишечником».

*

Доктор Стивен Смит (Stephen Smith), хирург, который работал в Институте Пастера (Pasteur Institute) и Физиологическом институте Страсбурга (Physiological Institute of Strasbourg), писал в книге «Научные исследования: взгляд изнутри» (*Scientific Research: A View from Within*) (Elliot Stock, Лондон, 1899): «Я согласен со знаменитыми английскими хирургами, которые официально выступили со своим утверждением, что вивисекция не представляет ценности для человека».

*

А теперь перейдем на полвека вперед.

Доктор Сальвадор Гонсалес Херрежон (Salvador Gonzales Herrejon), декан медицинского факультета Мексиканского Университета, опубликовал в *New York Journal American* (13 июля 1947) длинную статью, осуждающую вивисекцию. В ней есть такие слова: «Все знания по анатомии, которые студенты могут получить, работая с собаками, не имеют никакого значения при лечении людей, потому что расположение внутренних органов, селезенки, нервов и т. д. у животных другое, несмотря на некоторые сходства. Мы ясно видим, что при вивисекции студенты выполняют серьезные хирургические вмешательства, которые возможны только при условии хорошей физической выносливости животного, но они оперируют, не имея той ответственности, которая необходима чтобы обеспечить эту выносливость. Разумно ли учить студента, что он может вскрывать человеческий желудок с такой легкостью? И не есть ли это неоправданная жестокость — разрешать студентам проделывать на собаке ненужные калечащие операции сегодня, завтра, послезавтра и так далее, пока она не умрет? Не является ли этот метод обучения аморальным, убивающим уважение к жизни, присущую человеку чуткость и добродетель? Очевидно, что да».

Еще много лет спустя Фернандо де Лео (Fernando de Leo), главный врач знаменитой неаполитанской больницы Пеллегрини (Ospedale Pelegrini) и профессор хирургии Университета Неаполя во время круглого стола, проводившегося в пресс-центре Неаполя, безоговорочно осудил вивисекцию и назвал ее «бессовестной, ненужной практикой».

Чем же тогда объяснить расхождение в высказываниях некоторых современных медицинских авторитетов, которые отрицательно относились к опытам на животных со всех сторон, и заверениями вивисекторов, что их дело является неизбежным инструментом для медицинского прогресса? Опять же, в качестве отчета я могу привести только высказывание Джорджа Бернарда Шоу: «Кто без сомнений занимается вивисекцией, тот будет без сомнений врать о ней».

*

Как же происходит подготовка хорошего хирурга? На этот вопрос отвечает, наряду с другими людьми, Абель Дежарден (Abel Desjardin), главный хирург наиболее престижного французского заведения, где готовят хирургов, Хирургического Колледжа Парижского факультета (College of Surgery of the Faculty of Paris). Вот выдержки из его речи на Конгрессе против вивисекции в Женеве, 19 марта 1932 года:

«Единственное преимущество, которое может быть отнесено к этой жестокой массовой бойне («экспериментам на животных») заключается в том, что они вызывают у кого-то отвращение к физиологическим исследованиям. Признаюсь, что я сам занимался этим при изучении физиологии; у меня выработалось к этой работе такое отвращение, что я продолжать не стал. Я бы скорее отказался от изучения медицины.... Тем не менее, на выпускных экзаменах я получил наивысший балл, и экзаменаторы пожелали мне успеха. Моего примера достаточно, чтобы доказать пользу данной работы в качестве учебной дисциплины; и категорическое осуждение ее справедливо»;

«Так называемые демонстрации происходят следующим образом. Профессор делает собаке, морской свинке или кролику сложную операцию. В первом ряду стоят десять

студентов; в некотором отдалении, на ступенях, находятся около 200 студентов. Они не могут видеть операцию, потому что головы стоящих ассистентов все загораживают...»;

«Основа хирургии — анатомия. Поэтому анатомию надо изучать прежде всего из анатомических трактатов, а также через вскрытие очень большого количества трупов. Таким образом, Вы не только учитесь анатомии, но обретаете необходимую ловкость рук. От этого Вы переходите к изучению практики хирургии; она включает в себя диагностику и последующее оперативное вмешательство. Такую практику можно получить только в больнице, через ежедневный контакт с пациентами. Поэтому, прежде чем стать хирургом, необходимо побыть ассистентом»;

«Сейчас давайте рассмотрим путь к непосредственной хирургической операции. Сначала Вы наблюдаете, затем ассистируете хирургу. Вы делаете это бесчисленное количество раз. После того, как Вы поймете основные фазы операции и могущие возникнуть в их ходе трудности и научитесь их преодолевать, тогда и только тогда начинаете оперировать. Поначалу Вы будете иметь дело с легкими случаями и работать под наблюдением опытного хирурга, который сможет предупредить о любом неправильном шаге и даст совет, как продолжать. Такова истинная школа хирургии, и я заявляю, что других нет...»;

«...После того, как я рассказал Вам об истинной школе хирургии, легко понять, почему все курсы хирургии, основанные на оперировании собак, были обречены на провал. Хирург, знающий свое искусство, ничего не узнает на этих курсах, а начинающий не учится на них подлинной хирургической работе, зато *становится опасным хирургом*... К тому же, вивисекция портит характер, так как учит не обращать внимание на причиняемую боль».

*

Статья в Time (17 декабря 1973) очень точно указывает на бессмысленность и опасность опытов, ставящих целью оттачивать хирургическое мастерство на животных — это практикуется в Соединенных Штатах. В качестве заглавия Time использовала вердикт Верховного суда (Supreme Court) США, вынесенный в 1898 году: «Характер — это такая же важная квалификация, как знания». Что касается характера и знаний среднего американского практикующего врача, почти все они при получении образования занимались вивисекцией. В статье — без каких-либо упоминаний о вивисекции — говорится, среди прочего, следующее: «Ежегодно в США тысячи пациентов из-за неправильного лечения напрасно умирают, либо же до конца имеют необратимые проблемы со здоровьем... Растет количество судебных процессов по этому поводу... Научная сторона медицины никого не заботит... Хирургические операции делаются некомпетентно и безответственно. Одна из причин все более распространяющихся гистерэктомий (удаления матки) для стерилизации и других сомнительных операций заключается всего лишь в том, что в стране слишком много хирургов. В США вдвое больше хирургов, чем в Великобритании, в сравнении с численностью людей, и американцам делают вдвое больше хирургических вмешательств, чем британцам. Но американцы в среднем умирают в более молодом возрасте».

Как обычно, врачебное сообщество не было впечатлено этим, что уж говорить о каких-то изменениях с его стороны.

17 июля 1975 года в швейцарской Tages-Anzeiger появилось следующее сообщение под заглавием «Ненужные операции»: «Американцы отдают около 5 миллиардов долларов за совершенно ненужные операции, сообщает медик Сидни Вольф (Sidney Wolfe) для исследовательского комитета американского Конгресса. По свидетельству доктора Вольфа, ежегодно от этих ненужных хирургических вмешательств умирают 16 тыс. человек. В качестве примера подобной бессмысленной хирургии он приводит случай с Дороти О'Грейди (Dorothy O'Grady) из Форт-Лодердейла (Флорида). Пациентка жаловалась своему домашнему врачу на боли в спине. Он тотчас же схватился за нож и удалил ей

матку. Из-за осложнений женщина в течение года находилась в больнице. В дальнейшем исследование, произведенное другим врачом, показало, что для избавления от боли в позвоночнике ей всего лишь требовалось увеличить высоту каблука на 1 см».

Вакцины и другие неясности

Только для того, чтобы не оставлять без ответа никакие утверждения вивисекторов, внесем такое уточнение: Гальвани и Вольта в своих экспериментах — которые, кстати, касались не медицины, а исследований электричества — использовали не живых лягушек, а мертвых. В итальянском словаре (*Enciclopedia Italiana*) в статье «Гальвани» говорится следующее: «Металлическая пара электродов раздражает у мертвой лягушки нерв, под действием которого происходит сжатие мускулов». Про Вольта там можно прочитать, что вскоре он отказался от работы с лягушками, так как нашел неорганические вещества, представляющие собой более подходящий материал для эксперимента.

Невероятная путаница, которая сегодня господствует в медицине, распространяется на исторические изложения и учебники. Например, в *Encyclopedia Americana* (1972) можно прочитать, что в 1807 году сэр Чарльз Белл открыл, что передние корни спинномозговых нервов моторные, а задние — чувствительные (закон Белла), а в статье «Мажанди»: «...доказал так называемый закон Мажанди (Magendie) — передние корни спинномозговых нервов моторные, а задние чувствительные». Если сейчас проверить доклады и труды этих людей, то можно установить, что Мажанди хотел отобрать у Скотта честь открытия, после того, как он, невзирая на многочисленные опыты с животными, ничего не привнес в физиологию человека.

«Британская энциклопедия» (*Encyclopedia Britannica*) увеличивает путаницу, утверждая, что это открытие совершил Гален примерно за 1700 лет: «Он делал надрезы на разной высоте спинного мозга и таким образом наблюдал чувствительные и моторные нарушения и нерегулярности».

Но в той же самой *Encyclopedia Britannica* в статье про естественные науки (*Science*) мы с удивлением узнаем, что другой специалист приписывает это открытие целой школе: «В Александрии ученые с помощью экспериментов на животных учились различать корни задних спинномозговых нервов, передающих чувства, и передних, передающих моторные импульсы».

Что касается Пастера, большинство словарей, в том числе американских и британских, приписывают ему открытие того, что бактерии возникают не из ничего, а вследствие деления на две части, и их убивает жар. На самом деле это доказал Спалланцани столетием раньше.

Достижение Спалланцани (*Spallanzani*) стало вторым по важности в бактериологии после открытия Левенгуком (*Leeuwenhoek*) бактерий. Пастер сделал следующий шаг, точно выяснив, какой должна быть температура, чтобы бактерии более не могли размножаться, и как долго следует подвергать бактерии ее воздействию. Антуан Бешамп (*Antoine Véchamp*, 1816–1895), доктор медицины и естественных наук, профессор биохимии и физики в Парижском Университете, был предшественником Пастера в сфере разработки бактериологической теории. В противоположность Пастеру, Бешамп был гуманным исследователем. Так же складывалась картина в недопонимании между Беллом и Мажанди, Тейтом и Листером (асептика и антисептика), и время доказало правоту гуманных ученых.

Для Пастера и Коха бактерия была болезнью, а болезнь бактерией. Сегодня мы знаем, что бактерия не обязательно вызывает болезнь, болезнь же может возникнуть при отсутствии определенных бактерий. Бешамп относился к предшественникам, которые больше внимания уделяли «почве» (организму), чем семени (бактерии). Кроме того,

официальные записи показывают, что Бешамп первым совершил множество открытий, которые приписывают Пастеру, например, выявил болезнь шелкопряда.

На самом деле, Пастер, как никакой другой ученый, добился признания за счет открытий других. Голландец Левенгук впервые увидел бактерию. Итальянец Спалланцани доказал, что бактерии могут образовываться только как бактерии. Француз Каньяр де Латура (Cagniard de la Tour) уже в 1837 году доказал, что ферментация пива происходит под воздействием открытых им бактерий. Немец Швамм (Schwamm) опубликовал труд, где доказывается, что мясо гниет только в присутствии бактерий. Но Пастер в 1864 году приписал себе все эти заслуги, когда обнародовал *свою* «бактериологическую теорию» и даже не упомянул своих предшественников. Все это звучало так убедительно, что Листер, великий лондонский хирург, написал ему благодарственное письмо, а сегодняшние лексикографы относят к Пастеру достижения, которые на самом деле принадлежат другим.

Роберт Кох впервые получил чистую культуру сибиреязвенных палочек, возбудителя сибирской язвы, а Пастер изготовил из нее вакцину, для этого он ослабил бактерии. Многие историки называют ее первой вакциной в истории, как будто никогда не существовало Дженнера и восточных врачей. Врачи Востока снижали токсичность вакцины, прежде чем делать прививку. Между Пастером и Кохом сразу же возник спор, и оба они обвиняли друг друга в плагиате.

Пастеровскую вакцину от бешенства, так же как и от сибирской язвы, восхваляют как спасительное средство, хотя обе они стали большим бедствием. Известно, что с ней боролись, главным образом в Германии, и что она неоднократно становилась причиной больших жертв. Если вакцина слишком сильна, то она может стать причиной катастрофы; если она слишком слаба, то в ней нет нужды. Об этом можно было прочитать еще в 1906 году в *Zeitschrift für Hygiene und Infektionskrankheiten* (выпуск 54).

Согласно сообщению в *The Standard* (9 июля 1892), в Новом Южном Уэльсе представитель Пастера привил стадо из 12524 овец; в результате, 3174 овец погибли. Если подобного несчастья не происходит, это потому, что вакцину разбавляют водой до безопасного состояния, и, в результате, от нее нет ни пользы, ни вреда.

В своем труде «Разоблачение Пастера» (*Pasteur Entlarvt*) (1939) цюрихский зубной врач Людвиг Флигель пишет: «Биограф Пастера, его зять Рене Валлери-Радо, умалчивает по поводу владельца стада, которому Пастер должен был заплатить за животных, убитых вакциной. Невзирая на очевидный неуспех пастеровской вакцины от сибирской язвы, все институты и бактериологи, заинтересованные в бизнесе, начали расхваливать свой товар и привлекать крестьян неверной статистикой. Что до традиционных медиков, их нечего было бояться, они легко поддаются влиянию, и каждый из них передает другому чепуху. Если бы живодеры были нормальными людьми, они не могли бы заниматься своим позорным ремеслом, на такое способны только люди со значительными отклонениями в мозгу. С помощью титула «профессор» или «доктор» не очень сложно обманывать правительство и других доверчивых людей».

Потом Пастер разработал так называемую вакцину против бешенства, которая представляет собой самый запутанный случай в столь запутанной сфере вакцин.

Бешенством заражается лишь малый процент людей, укушенных бешеным животным. Но когда это происходит, болезнь чаще всего оказывается смертельной. Поэтому ради безопасности всех тех, кого покусало бешеное животное, подвергали лечению, разработанному Пастером. Тем не менее, иногда умирает и вакцинированный человек. В этом случае смерть приписывают недоброкачественной вакцине. Очень часто оказывается, что причиной инфекции стала вакцина, а не укус — например, если в дальнейшем выясняется, что животное было здорово. Даже укус бешеного животного вызывает инфекцию очень редко. Этого не происходит практически никогда при соблюдении обычных правил гигиены, то есть, при немедленном промывании раны водой.

Поль де Крюи (Paul de Kruif) в своем бестселлере «Охотники за микробами» (Microbe Hunters, Harcourt, Brace, 1926–1953) рассказывает невероятную историю о девятнадцати русских крестьянах, которые после укуса предположительно бешеным волком отправились в Париж, чтобы сам старый Учитель ввел им новоизобретенную вакцину. Согласно Полю де Крюи, 16 русских пациентов были «спасены», благодаря пастеровской вакцине, шестнадцать русских пациентов были спасены и «всега трое» умерли. После своего героического поступка Пастер стал знаменитостью мирового масштаба и внес большой вклад в прославление «современной» лабораторной науки. Три смерти из девятнадцати — это приблизительно составляет 14% смертельных случаев. Но сегодня мы знаем, что из ста человек, которых укусило бешеное животное, в среднем инфекцию получают меньше одного, следовательно, можно предположить, что как минимум два, а, вероятно, и все три русских крестьянина умерли *из-за* вакцины Пастера, так же как и множество людей после них. Кроме того, в те времена в России не было возможности выяснить, страдал ли волк бешенством. Часто случалось так, что зимой голодные волки нападали на жителей деревни; и сегодня многие люди, например, в Италии все еще думают, что каждая собака, кусающая человека, *должна* быть бешеной, иначе бы она не стала кусаться.

Многие врачи-специалисты даже придерживаются мнения, что бешенство как отдельная болезнь встречается только у животных, и что часто диагноз бешенство ставят тогда, когда на самом деле речь идет о столбняке, остром и серьезном заболевании, имеющем сходные симптомы. Каждая инфицированная рана может вызвать столбняк, и, что примечательно, в Германии люди после укуса собаки должны сделать только противостолбнячную инъекцию. В Spiegel (1972, №18, с. 175) написано, что в течение 20 лет в Германии от бешенства умирают пять человек. От столбняка ежегодно умирают сотни людей.

Среди многих врачей, с которыми я беседовал в Европе и Америке, не было ни одного, кто гарантированно когда-либо видел человека, больного бешенством. Количество случаев, о которых сообщает Национальная Служба здравоохранения США в Ежегодном приложении о болезнях и смертности (Morbidity and Mortality Annual Supplement), составляет два — из 205 000 000 человек. При условии, что диагноз был правильным. Для сравнения: 148 человек умерли от столбняка, 22 096 — от сальмонеллеза, 56 797 — от желтухи, 433 405 — от стрептококковых инфекций и скарлатины.

Врачи, которые впервые сталкивались с подозрениями на бешенство, жаловались, что им не на что было ориентироваться. Когда Пастер захотел усовершенствовать свою якобы защитную вакцину, которая часто вызывала параличи, его основной трудностью стал поиск больных бешенством собак. В конце концов ему пришлось брать здоровых собак, вскрывать им череп и инфицировать их с помощью мозговой субстанции немногих бешеных собак, которых ему удалось найти.

Пастер так и не нашел возбудителя бешенства. В наши дни все, что касается этой болезни, еще более туманно, чем во времена Пастера. Доказано только одно: с тех пор, как Пастер разработал свою «вакцину», количество смертельных случаев среди людей увеличилось, а не уменьшилось.

В настоящее время при вскрытиях бешенство устанавливают при наличии «частиц Негри», названных так в честь итальянского патолога и бактериолога Негри, который в 1903 году заявил, что эти тельца-включения обнаружены в плазме нервных клеток и спинномозговых нервах у бешеных собак. Но Джон А. МакЛафлин (John A. McLaughlin), выдающийся американский ветеринар, которого в 60-е годы вызвали на Род-Айленд для исследования крупной эпидемии бешенства, будто бы вспыхнувшей там, и который провел многочисленные вскрытия собак, установил, что собаки с симптомами «бешенства» не имеют телец Негри, зато их множество у собак, умерших от других заболеваний. Один ветеринар и Неаполя, где страх бешенства превратился в одержимость, показал мне изображение телец Негри в учебнике — единственное виденное им — и они выглядели

точно так же, как тельца Ленца-Синигаллия (Lentz-Sinigallia), встречающиеся у собак с чумой. Никто не знает, сколько было убито больных чумой собак — по распоряжению властей, рвение которых превышало их уровень знаний.

Несколько лет назад доктор Чарльз В. Даллес (Charles W. Dulles), известный врач в Филадельфии и преподаватель истории медицины в местном университете, сказал по этому поводу следующее: «Я хотел бы сослаться на свой собственный опыт в лечении людей, которых якобы покусали бешеные собаки. За 30 лет я не столкнулся ни с одним случаем бешенства, вместе с тем я, наверное, видел больше случаев так называемой водобоязни, чем какой-либо другой медик».

Почти каждый настоящий специалист понимает, что несомненен тут лишь один факт, известный еще Гиппократу: лучшая защита от этой (и не только этой) инфекции — чистота. В сообщении № 523 (1973) под названием «Экспертная комиссия ВОЗ по бешенству, шестой доклад» (WHO Expert Committee on Rabies, Sixth Report, — следовательно, на эту тему ранее было не менее пяти докладов ВОЗ) говорится о все большем количестве доказательств в пользу того, что парентеральное введение людям вакцины против бешенства «при определенных условиях» приводит к смерти (с. 20). Ранее (с. 17) указывается: «Комиссия не рекомендует производство вакцины типа Ферми, потому что она содержит остаточную жизнеспособность вирусов».

Остаточная жизнеспособность вирусов — это поистине серьезное обвинение высокопоставленных лиц против вакцины; но, кажется, никто не принял его во внимание и не понял. Это просто означает, что очень немногочисленные люди с диагнозом «бешенство», возможно, умерли не от укуса собаки, а от укола врача.

Кульминационный момент доклада ВОЗ можно найти на странице 27: «Комиссия подчеркивает, что лучшее лечение состоит в местной обработке раны. Она должна производиться через тщательное промывание водой с мылом». Этот пункт повторяется на следующей странице: «В качестве срочной меры и первой помощи рекомендуется промывание раны водой с мылом». Потребовалось не менее шести докладов «экспертов» Всемирной Организации здравоохранения, чтобы прийти к заключению, которое отстаивал еще Гиппократ.

Кто внимательно читает этот и другие доклады ВОЗ, тому действительно бросается в глаза, что серьезные студенты-медики почти ничего не имеют в качестве опоры, кроме медицины Гиппократа и здравого смысла. Но ВОЗ не может этого признать, в противном случае от людей следует ждать вопроса: «А для чего вообще нужна ВОЗ?». ВОЗ, которая находится в одном из самых больших и дорогих зданий в мире, с большими, светлыми и пустыми залами, библиотеками, где мне на потеху собраны все медицинские публикации со всего мира, с бесчисленными служащими, получающими большую зарплату за «ничегонеделанье» и ордой холеных секретарш, помогающих им в этом занятии. Этот огромный комплекс зданий, находящийся в окружении газонов и цветников в одном из самых красивых районов Женевы, представляет собой противоположность тысячам лабораторий во всем мире, где миллионы животных погибают в научных пытках.

Недавно была разработана новая вакцина от бешенства, и служащие ВОЗ описывают ее как «фантастический прорыв». Time (27 декабря 1976) пишет про нее: «Группа американских и иранских врачей сообщила на прошлой неделе в печатном органе американского врачебного общества, что 45 иранцам, которых покусали бешеные собаки, сделали всего лишь шесть уколов этой вакциной. Ни у одной из жертв не развилось бешенство и не наблюдалось аллергических реакций. Причина: новая вакцина, в отличие от старой, культивировалась на человеческих клетках, а не на животных. В то время, когда у пациентов формировались антитела против бешенства, они не страдали от болезненных реакций, вызванных чужеродным животным белком».

В течение последних 100 лет антививисекционисты и другие здравомыслящие люди говорили, что должны быть более качественные пути для медицинской науки, чем завещанные Клодом Бернаром, и пастеровская «вакцинация против бешенства» — это

чушь. Официальная наука в кои-то веки начинает понимать эту очевидную правду, и в работу включаются сильные мира сего.

Гиганты с глиняными ногами

Кох по сравнению с полным энтузиазма Пастером был тихим человеком. Как и Пастер, он привнес свой вклад в науку через микроскоп, но все его попытки приравнять животных к человеку проваливались и замедляли либо сбивали с пути медицинские исследования. В учебниках по медицине Пастер и Кох до сих пор преподносятся как одни из самых крупных медиков нашей эры.

На самом деле Кох также совершил одну из самых крупных медицинских ошибок эпохи, потому что полагался на эксперименты на животных, ошибку, которая обнаружилась лишь много лет спустя, после того как он получил за нее Нобелевскую премию и из-за нее же умерло множество людей.

До конца XIX века в крупных промышленных городах Севера каждый седьмой человек умирал от туберкулеза, притом обычно в молодом возрасте. Когда Кох в 1882 году объявил, что открыл и изолировал возбудителя болезни, его стали радостно восхвалять во всем мире. На этой ранней стадии игры никто не замечал, что у восприимчивых к туберкулезу животных болезнь имеет совершенно другую форму.

Открытие палочек Коха поставило крест на всех других причинах, которые раньше назывались: экология, воздух, питание, индивидуальная физическая или психическая предрасположенность. Появилось стойкое убеждение, что медицина это точная наука, и что шесть постулатов, выдвинутые в 1840 году учителем Коха Якобом Генле и позднее названные постулатами Коха, правильны.

Эти постулаты можно резюмировать следующим образом.

1. При всех инфекционных заболеваниях должен быть найден возбудитель.
2. При других заболеваниях его нельзя обнаружить.
3. Его следует изолировать.
4. Он должен быть получен в чистой культуре.
5. При введении его подопытным животным он должен вызывать у них ту же самую болезнь.
6. Его нужно вновь обнаружить у подопытных животных.

Даже сегодня в «Британской энциклопедии» говорится: «Каждый современный студент при изучении бактериологии изучает постулаты Коха в рамках базовой подготовки».

В наши дни известно, что все эти утверждения есть самая настоящая чепуха, но учебники не исправляют их, а повторяют в новые изданиях. Современные специалисты в области истории медицины, например, профессор доктор Эрвин Акернехт (Erwin Akernecht), преподаватель в Университете Цюриха, до сих пор на полном серьезе выставляют как безусловную истину то, неправильность чего уже давно доказана (см. *Kurze Geschichte der Medizin*, издательство F. Enke, Штутгарт, 1975, 2 издание, с. 157).

Мы знаем, что «особые возбудители» болезни никогда не вызывают то же самое заболевание у животных: животные не могут заразиться холерой, тифом, желтой лихорадкой, проказой, оспой, бубонной чумой и т.д. Даже нашим обычным насморком. Современники Коха и те «ученые», которые выдвинули его на Нобелевскую премию, этого не знали.

До конца XIX века считалось следующее: поскольку каждую болезнь вызывает определенный возбудитель, нам всего лишь нужно найти этого возбудителя, культивировать его, инфицировать им животных, взять лимфу и заболевших животных и привить людей вакциной. Данная идея стала на долгое время догмой традиционной медицины, а кто в ней сомневался, тот становился еретиком, отсталым дураком. Никто не

имел права сомневаться в том, что все болезни человечества будут ликвидированы к концу века — до него оставалось еще 18 лет.

Возможно, в Пастере никто не сомневался, когда он напыщенно и высокопарно объявлял: «Если Вас не оставляют равнодушными полезные для человечества достижения, если Вас удивляют последствия электрической телеграфии и многих других чудесных изобретений, тогда Вы также должны интересоваться священными объектами под названием лаборатории. Это храмы будущего, богатства и благополучия... Там человечество улучшается...»

Как только Пастер произнес эти красивые слова, человечество впервые в истории начало притягивать смертельные болезни, которые создавались в лабораториях через пытки животных и с большим трудом. Через восемь лет после идентификации палочек Коха их открыватель возвестил восторженным людям, что он разработал вакцину под названием туберкулин и с ее помощью морские свинки, больные туберкулезом, чудесным образом выздоровели. А в последующие годы тысячи людей спешили сделать себе вакцинацию, которую можно определить как первое современное «чудодейственное средство».

Оно творило те же чудеса, что и бесчисленные чудодейственные средства будущего. Благодаря нему, совершалось финансовое чудо для производителя и врачей, в том числе и для Роберта Коха, который в 1905 году был удостоен Нобелевской премии; однако оно означало катастрофу для доверчивой общественности. Прошло еще много лет, прежде чем другие медики, наконец, согласились, что туберкулин лечит только морских свинок. Вместо того, чтобы уберечь людей от заражения туберкулезом, он зачастую *вызывает* болезнь у здоровых и неизбежно активизирует скрытые формы. От туберкулина уже давно отказались при вакцинации, но его используют при диагностике: человеческий организм так сильно реагирует на это средство, что при пробе он может показать предрасположенность к инфекции.

Сегодня мы знаем, что на самом деле туберкулез зависит от экологии, пыли в воздухе, питания, физической и психической предрасположенности; это доказали миллионы людей, которые ежедневно соприкасаются с больными туберкулезом. Также известно, что и в наши дни туберкулез гораздо чаще встречается среди бедных и плохо питающихся людей, чем среди тех, кто получает нормальное питание.

*

В 1883 году в Александрии (Египет) началась эпидемия холеры, и Германия и Франция сразу отправили туда своих охотников за микробами, выслеживать и уничтожать возбудителей. Немецкую группу возглавлял Кох, а французскую — ассистенты Пастера Ру (E. Roux) и Тюилье (L. Thuillier), каждая группа работала на себя и против другой. Это в определенной мере стало продолжением немецко-французской войны — на поле боя вышли Кох и Пастер.

В Александрии обе группы собирали кишечный сок людей, которые умерли от холеры, и вводили его собакам, сошкам, обезьянам, курам и мышам. Но животные прекрасно себя чувствовали. Пока охотники за микробами размышляли над вопросом, как это объяснить, та эпидемия — как и все эпидемии — закончилась столь же таинственно, как и вспыхнула, и они отправились домой. Но не все: в день отъезда утром у Тюилье появились симптомы холеры, и вечером он умер.

На самом деле, Кох получил из кишок мертвых жителей Александрии вибрионы, предполагаемых возбудителей холеры, но поскольку вводимые культуры не причинили никакого вреда животным, он исключил их из круга возможных возбудителей. Сегодня мы знаем, что вибрион сразу же погибает у любого животного.

Затем Кох убедил кайзера отправить его в Калькутту, где среди людей, живущих в скученном состоянии и в негигиеничных условиях, постоянно вспыхивали эпидемии холеры. Он опять обнаружил в кишечнике умерших от холеры вибрионы, но не у здоровых

индусов, которых он обследовал. Так Кох пришел к выводу, что вибрион безвреден для животных, но у людей вызывает холеру.

Сегодня мы знаем, что это не соответствует действительности: иногда вибрион обнаруживается не у умерших от холеры, а у здоровых людей, у так называемых носителей бацилл. Во всяком случае, вера Коха в опыты на животных задержала победу над холерой, которую некоторые связывают с вакцинацией, другие — с улучшением гигиены.

После возвращения из Индии Кох воспринимался как герой, и он получил орден за заслуги из рук кайзера. Но в Мюнхене его ждал зануда в лице старого профессора гигиены Макса фон Петтенкофера (Max Pettenkofer), который, благодаря введению санитарных служб, сделал Мюнхен самым здоровым городом в Европе и придерживался мнения, что в инфекциях виновата не плохое качество семени, а недоступность почвы.

«Ваши бациллы ничего не могут сделать, дорогой Кох! — старый лев рычал на смущенного героя. — Что имеет значение, так это организм. Если бы Ваша теория была верна, я бы через сутки умер». Он выхватил у Коха пробирку с культурой холерных бацилл, которой бы хватило для заражения полка, и перед своим ошеломленным коллегой проглотил ее.

Но плохо себя почувствовал только Кох.

*

Почему в одном организме микроб вызывает болезнь, а в другом нет? Кох и Пастер еще не задали этого вопроса, а ответ требуется и поныне, хотя традиционная медицина пробовала решить его жестоким способом, используя миллионы животных. Между тем, известно, что вредные бактерии могут находиться повсюду в человеческом организме, не вызывая симптомов болезни. Журнал *Lancet* указывал на это еще в 1909 году (20 марта, с. 848): «Многие болезнетворные организмы обнаруживаются также в большом количестве у здоровых людей. В качестве примера можно назвать возбудителей тифа, холеры и дифтерии».

*

Просто невероятно, как традиционная медицина догматически придерживается одной теории, невзирая на все контраргументы. Постулаты Коха считались правильными, хотя экспериментаторы сами привели доказательства против них. То, что их до сих пор не изъяли из учебников, возможно, связано с осознанием факта, что следующая теория тоже может оказаться неверной еще до появления нового тиража учебных пособий. Зачем тратить время и деньги, если на смену старому заблуждению всего лишь придет новое?

Всегда бывает трудно доказать эффективность вакцинации, потому что в каждом случае отсутствуют контраргументы. Мы не можем понять, связан ли спад инфекции с вакциной или нет. Мы с уверенностью знаем только то, что знал уже Гиппократ: самым эффективным и безвредным средством профилактики является гигиена.

Бубонная чума, которая в Средневековье выкосила миллионы людей, исчезла без вакцинации. Проказа, свирепствовавшая в Европе с 6 по 13 век, ушла из нее, хотя никакой особой обработки не применялось. Сифилис, который, кстати, прежде часто путали с проказой, утратил свою прежнюю вирулентность. Многие другие инфекционные заболевания изменились, и на смену им пришли другие. Все сказанное свидетельствует о том, что серьезные болезни человечества имеют свой собственный жизненный цикл — они без видимых причин возникают, разрастаются и уходят. Как обычно, человек льстит себя иллюзией, что он есть протагонист во Вселенной; однако протагонистом является природа. То, что сегодняшние люди знают с *уверенностью*, было известно еще раньше.

Парижская газета *Le Matin* в 1931 году напечатала статью, в которой, среди прочего, говорится следующее: «Перепись населения вновь показывает, что снижение численности населения во Франции вызвано не падением рождаемости, а ростом смертности... Самая

большая смертность среди детей, хотя все они проходят профилактическую вакцинацию. А недавно в своем исследовании, посвященном воздействию профилактической вакцинации от оспы, старший медработник из Германии доктор Бухвальд (G. Buchwald) подтвердил, что эта прививка может привести к энцефалиту (воспалению мозга) и, таким образом, способствовал отмене обязательной вакцинации в Германии. В нескольких трудах он сообщал о своих подозрениях, что рассеянный склероз также может быть следствием вакцинации от оспы. (*Der Deutsche Arzt*, 1971, том 19, с. 100; там же, 1972, том 3, с. 58 и *Medizinische Welt*, 1972, с. 758).

Профессор Рене Дюбо (René Dubos) уже писал в *Man, Medicine and Environment* (Praeger, Нью-Йорк, 1968, с. 107): «Вакцинация от оспы вызывает у некоторых людей энцефалит, даже если ее делают с большой осторожностью. Сегодня вероятность заболевания оспой настолько мала, что риск серьезных осложнений вследствие вакцинации гораздо больше, нежели опасность самой инфекции».

Французский журнал *Vie et Action* (март/апрель 1966, с.9) отмечает следующее: «В Великобритании с 1898 года нет обязательной вакцинации, и тем не менее, в Великобритании от оспы умерло в 5 раз меньше людей, чем во Франции, где закон предписывает вакцинацию. То же самое касается Голландии» (где в 1928 году после отмены обязательной вакцинации произошел колоссальный спад инфекционных заболеваний, и статистика это охватывает). «Но именно Великобритания и Голландия находятся в постоянном соприкосновении с сотнями тысяч моряков из всех стран мира, особенно из тех мест, где оспа встречается часто. Отказ от обязательной вакцинации и усиление гигиенических мероприятий четко показали, что этих мер достаточно для искоренения оспы и так называемых инфекционных заболеваний».

Мощная американская фармацевтическая индустрия могла возражать против обязательной вакцинации гораздо дольше, чем британская химическая индустрия. До 1971 года все, кто въезжал в Соединенные Штаты, должны были сделать прививку против оспы, и вакцинация считалась действительной всего в течение 5 лет. В этот период увеличилось число заболевших оспой, и вашингтонским лоббистам пришлось в голову убедить американскую службу здравоохранения, что вакцина действует всего два года — благодаря чему производители вакцины получили баснословную прибыль, а еще произошел рост энцефалита и других осложнений у привитых. Оставались незамеченными отдельные протесты, например, возражение доктора Чарльза Генри Кемпе (Charles Henry Kempe), известного исследователя из Университета Чикаго. Он еще в филадельфийском издании *Evening Bulletin* (7 мая 1965) рекомендовал срочно отменить вакцинацию против оспы и указывал на то, что с 1948 года в США не было ни одного случая смерти от оспы, зато в тот же самый промежуток времени более 300 человек умерли от последствий профилактической вакцинации, в том числе от энцефалита.

Все-таки через несколько лет обязательную вакцинацию все-таки незаметно отменили: было уже невозможно скрывать от общественности, что от оспы умирают меньше людей, чем от последствий прививки. Многие другие страны вскоре сделали то же самое.

Американские вивисекторы очень старались объяснить, что вакцинация в США уже не требуется, так как, благодаря ей, болезнь уже ликвидирована. Они забыли, что ежегодно границу пересекают миллионы иностранцев — среди них сотни тысяч нелегальных и не прошедших вакцинацию мигрантов из Канады, Мексики, Африки и восточных стран.

*

Все историки медицины нашего времени, от Генри Сигериста (Henry Sigerist) до Брайана Инглиса (Brian Inglis), от Рене Дюбо (René Dubos) до Беддоу Бейли (Beddow Bayly) и Ивана Иллича (Ivan Illich), сходятся во мнении, что спад средневековых эпидемий связан не с вакцинацией, а с гигиеной, так как он начался задолго до всеобщей вакцинации. А гигиена в самом широком значении этого слова, применительно к

организму, психике и питанию, служит единственным ключом к здоровью, и доказательство тому — средневековые эпидемии, возникшие после того, как Гален отменил старые гигиенические принципы. Но большинство сегодняшних медицинских корреспондентов, которые либо не обладают информацией, либо находятся на службе у индустрии, изящно обходят уважаемых историков и статистические доказательства и продолжают внушать общественности, что эпидемии были побеждены через вакцинацию.

Невозможно опровергнуть то, что вакцинация приносит финансовую прибыль фармацевтической индустрии.

Солк (Salk) разработал вакцину от полиомиелита, и это приветствовалась так же воодушевленно, как в свое время коховский туберкулин. Эта аналогия не надумана. Полиомиелит начал неуклонно сходить на нет еще до того, как Солк создал свою вакцину. Если в 1942 году было зарегистрировано 39 случаев на 100 000 человек населения, то из года в год эта цифра уменьшалась и в 1952 году, когда началась вакцинация, составила лишь 15 (данные доктора М. Беддоу Бейли (M. Beddow Bayly), английского хирурга и историка медицины).

А вскоре вакцину Солка стали считать опасной и заменили на вакцину Сейбина (Sabin), и в связи с последней всплыли новые опасности. Возникло подозрение, что она может вызывать рак — об этом мы поговорим позже.

Еще больше неясностей всплывает в связи с полиомиелитом, если посмотреть на статистику Нью-йоркского Офиса по биостатистике (New York State Office of Biostatistics) с 1922 по 1962. В тот период смертность на 100 000 человек населения колебалась лишь незначительно. Массовая вакцинация началась в 1958–1962 гг. в крупных центрах, где заболеваемость полиомиелитом уже спадала. Однако, в сельских местностях, особенно в штатах, находящихся в районе Скалистых гор, где вакцинация практиковалась очень мало, смертность упала так же, как и в крупных центрах, проводивших ее массово. В национальных дебатах по радио и телевидению участвовало 38 американских докторов, и никто из них не мог этого объяснить; еще менее им было понятно, каким образом полиомиелит почти полностью исчез из Европы, хотя абсолютное большинство населения там никогда не прививалось.

Никто не знает, полезна ли вакцина или вредна. Еще меньше известно, сколько она действует, если это вообще происходит. «Руководство по инфекционным заболеваниям», которое было опубликовано Лигой наций в Женеве, утверждает, что после прививки от холеры иммунитет формируется всего на шесть месяцев, а в журнале *Lancet* (11 октября 1947, с. 551) говорится следующее: «Срок защиты очень короток, поэтому вакцину надо повторять в течение всего промежутка времени, пока есть опасность». Три недели позже (1 ноября 1947, с. 657–8) журнал счел необходимым добавить, что «возможно, иммунизация эффективна для профилактики болезни у отдельных людей, но она не уничтожит холеру».

А летом 1975 года, после того, как португальские власти сообщили о новых случаях заболевания холерой в Порто, представитель швейцарских органов здравоохранения в Берлине сказал, что, отдельным лицам, въезжающим в Португалию, рекомендуется вакцинация, *но она не гарантирует обширной защиты*» (базельская *National Zeitung*, 1 августа 1975).

Через год в Швейцарии заявили, что вакцинация от холеры эффективна лишь в 50% случаев. Таким образом, к бессмыслице добавляется бессмыслица, к обману — обман. Если задуматься над тем, что при каждой эпидемии холеры заболевает лишь малый процент населения, умирает — еще меньший, а вакцина, как вдруг выясняется, эффективна лишь отчасти, то относительно этой частичной эффективности невозможно привести ни аргументы, ни контраргументы.

Кто считает, что вопрос о вакцинации прояснен, тем следовало бы побывать летом 1973 года в Неаполе, когда там при незначительной вспышке холеры началась абсолютная паника. Органы здравоохранения потеряли голову, метались по кругу и обвиняли службу

здравоохранения в Риме в халатности. И наоборот: один перепуганный врач для надежности сделал себе три раза друг за другом прививку от холеры и умер в тот же день — неизвестно только, от холеры или от страха. Люди, которые хотели найти козла отпущения для своей нечистоплотности, тысячами уничтожали бездомных собак и кошек, хотя бродячие животные в Неаполе проявляли большее усердие в очистке города от отходов, чем муниципальные санитарные службы. По старой доброй традиции население возложило вину за эпидемию на животных, а не на собственную нечистоплотность. В последующие годы многие новорожденные умерли от сальмонеллеза и вирусного гепатита, и представление началось по новой.

*

На протяжении веков среди врачей было модно пускать кровь, и вследствие этой процедуры пациенты одинаково часто выздоравливали и умирали от кровопотери. Сегодня мода требует диаметрально противоположных действий, а именно, переливать пациентам кровь, и все больше медиков задаются вопросом, полезны ли эти переливания или вредны. Некоторые убеждены, что организм, сохраняющий жизнедеятельность после столь массивного введения чужой крови, свидетельствует об одном: о невероятной выносливости, которую человек получил от Природы-матери.

Несколько поколений американских детей проливали горькие слезы в ненавистный шпинат, а им говорили, что без шпината они станут физически и умственно отсталыми. Потом один ученый объявил, что шпинат выводит кальций из организма и таким образом причиняет вред костям и мозгу, отравляет печень и из-за присутствия в нем щавелевой кислоты способствует образованию камней в почках и желчном пузыре. Затем посыпались проклятья в адрес цветной капусты. Потом пришла очередь молока — многие ученые сочли его вредным не только для некоторых взрослых, но и для целых народов, например, для жителей Южной Америки.

В течение долгого времени считалось, что нет более полезного продукта, чем мясо; якобы оно дает физическую и душевную силу. Потом новые медицинские школы отнесли мясо к неподходящим продуктам, потому что у человека кишечник растительноядного и не может правильно переваривать мясо, в отличие от короткого кишечника плотоядных, в результате, потребление мяса вызывает опасное брожение, а из-за последнего возникают все возможные человеческие болезни, среди них — артрит, рак, печеночные и сердечно-сосудистые заболевания. Эти ученые ссылались на лучшее здоровье и большую продолжительность жизни вегетарианцев. Но все те врачи и ученые, которые любят мясо, насмеяются над подобными обвинениями.

На протяжении десятилетий нам внушали, что курение вредно для сердца, до тех пор, пока один американский «эксперт» не заявил на своей лекции в Университете Цюриха, что это бессмыслица. По сообщению цюрихской ежедневной газеты *Blick* от 10 ноября 1975 года, доктор Карл Зельтцер (Carl Seltzer) из США поведал ошеломленным швейцарским слушателям о том, что обширные исследования в США, Финляндии, Голландии, Югославии, Италии, Греции и Японии показали отсутствие связи между курением и сердечно-сосудистыми заболеваниями. По его мнению, неправильную позицию распространили разные организации по борьбе с курением. Но дело в том, что доктор Зельтцер сам был заядлым курильщиком (он выкуривал в день по пачке сигарет и 10 сигарилл), и могут возникнуть предположения в подмене с его стороны трезвой оценки действительности субъективными желаниями.

От «официальной» медицины пришла еще одна новость, которая показывает путаницу, выражающуюся в том, что вчерашняя священная правда сегодня аннулируется: «Спирт не является дезинфицирующим средством. Необходимость его присутствия в аптеках сомнительна». Кто это сказал? Согласно миланской газете *Corriere d'Informazione* (8 апреля 1974), то был Карло Грасси (Carlo Grassi), президент Итальянского общества

химиотерапии (Italian Society of Chemotherapy) и профессор фтизиатрии (науки о туберкулезных заболеваниях) в Университете Павии (University of Pavia).

Он добавил: «Мы верим в спирт только потому, что он горит. Это слабое оправдание. Его горение означает только его воспламеняемость, а не то, что он побеждает бактерии... С мифом о спирте покончено».

Продолжительность жизни

Важные средства диагностики, вроде термометра, микроскопа, бактериологии, стетоскопа, офтальмоскопа, рентгеновских снимков, перкуссии, аускультации, так же, как нововведения, обеспечившие прогресс хирургии — асептика, антисептика, эфир, опиум, кураре, кокаин, морфий, хлороформ и другие средства анестезии — никак не связаны с опытами на животных.

То же самое касается разработки профилактических вакцин и всех основных лечебных средств, например, в частности (он остается непревзойденным лекарством при болезнях сердца и через два десятилетия после открытия), строфантин, атропина, йода, хинина, нитроглицерина, радия, пенициллина — и это лишь самые известные примеры. Нет ни одного важного терапевтического открытия, которое можно было бы неоспоримо приписать опытам на животных. Зато про случаи, когда эксперименты на животных принесли людям однозначное зло, можно написать целые книги, не говоря уже о том, что они задержали, либо направили в неверное русло клинические исследования.

Увеличение продолжительности жизни тоже никоим образом не связано с опытами на животных. Совершенно очевидно, что упомянутые достижения увеличили продолжительность жизни. Это касается также развития хирургии. Ранее из-за аппендицита развивался смертельный перитонит. Сегодня такая операция как удаление червеобразного отростка, наряду с кесаревым сечением, спасет большинство человеческих жизней — ее впервые произвел Лоусон Тейт (Lawson Tait) без обращения к опытам на животных о той простой причине, что у животных не происходит спонтанного развития перитонита. Многим другим людям жизнь спасли полостные операции. Впервые их проводили британские хирурги Клей (Clay), Фергюссон (Fergusson), Тейт и другие, и все они были противниками вивисекции. Но еще больше на увеличение продолжительности жизни повлияло снижение детской смертности вследствие соблюдения правил гигиены.

До середины XIX века люди безвременно умирали от шести инфекционных болезней: родильной горячки, дифтерии, скарлатины, тифа, холеры и оспы. Все шесть заболеваний удалось ликвидировать после выявления их причины — нечистоплотности, в которой был виноват Гален. Ведь в результате опытов на животных он сделал вывод, что гигиена не важна, и отнес ее к суевериям. Самые большие перемены произошли благодаря соблюдению личной гигиены и строительству в городах санитарных сооружений — канализации и т.д. На это следует обратить внимание еще и еще раз.

Даже биограф Пастера, Рене Дюбо, не считал, что инфекционные заболевания были побеждены через лекарственную терапию. Он писал, что их спад произошел «в значительной степени благодаря кампании за незагрязненную пищу, свежий воздух и воду».

И в наши дни детская смертность очень высока там, где не уделяют внимания гигиене. В некоторых районах южной Италии она находится на том же уровне, что и в XIX веке.

Рост благосостояния и улучшение гигиены также значительно снизили некогда столь высокую смертность от туберкулеза. Новое доказательство в пользу того, что на эту болезнь влияет питание — то есть, финансовое положение — появилось во время Второй мировой войны. При недостатке продуктов происходил спад многих болезней, особенно сердечно-сосудистых и диабета, но заболеваемость туберкулезом росла.

31 марта 1973 года ежедневное римское издание *Messaggero* процитировало профессора Арриго Коларици (*Arrigo Colarizi*), директора Педиатрической клиники при Римском университете (*Pediatric Clinic of the University of Rome*) и члена Международного педиатрического общества (*International Society of Pediatrics*): «Физические улучшения, которые мы наблюдаем, произошли спонтанно, а отчасти — благодаря улучшению социальных, экономических и гигиенических условий. Лекарства не имеют к этому никакого отношения».

Тот факт, что сегодня дольше всех живут те люди, которые живут далеко от аптек, вряд ли является простым совпадением. Часто высказываемое утверждение, что во времена Римской империи средняя продолжительность жизни составляла 20 лет, а в Средневековье 30 лет, есть не что иное, как сказка: оно не имеет статистических доказательств. Если судить по историческим личностям, в прошлом, когда никто еще не слышал о чудодейственных лекарствах, многие люди достигали почтенного возраста. Римский император Тиберий прожил 79 лет, хоть и болел почти всю жизнь, Микеланджело — 89, философ и математик Пифагор — 91, трагик Софокл — 92, оратор Сенека — 94, философ Гераклит — 96, аттический оратор Исократ — 98, Тициан — 99. Выдающиеся люди прошлого, которые умерли рано, были казнены, отравлены, либо погибли на поле боя. А исключительное долголетие в наши дни, пожалуй, даже меньше распространено, чем в прежние времена.

Профессор Рене Дюбо, который преподавал микробиологию в Институте Рокфеллера, пишет в своей книге *So Human an Animal* (издательство *Scribner*, 1968, с.150): «Нигде в мире не произошло значительного увеличения продолжительности жизни после 45-летнего возраста, а в наибольшей степени этого не произошло среди тех категорий населения, которые наиболее обеспечены и могут позволить себе получение наиболее качественное медицинское обслуживание... Сегодня процентная доля 90-летних и 100-летних по отношению к взрослому населению не больше, чем в прошлом».

Невзирая на все исторические факты, у Аарона Блюментала (*Aaron Blumenthal*), докторанта и главы исследовательского проекта в Психологическом институте, Университете Темпл (США), хватило наглости заявить в *Temple University News* (17 сентября 1976): «Средний возраст составляет 72 года благодаря тому, что при медицинских исследованиях используются животные модели». На такие заверения Джордж Бернард Шоу дал окончательный ответ:

«Не было такой эпохи, когда мы через пытки животных сумели бы узнать что-то о физиологии человека; мы узнавали что-то только о животных. И я знаю, что если мы можем узнать что-то о них на уровне физиологии, то не через сталь или электричество и уж тем более не через психическое насилие.

Систематические пытки чувствующих существ под любым предлогом и в любой форме не могут ничего добавить к тому, что с их помощью уже достигнуто: показать нам низшую точку деградации, которой человек может достигнуть. Если мы должны это знать».

Часть 5

Новая религия

Выбор точки отсчета для начала нового периода всегда происходит в определенной мере произвольно, и решение оказывается сомнительно. В каком году начался ренессанс в медицине? Швейцарец Парацельс был типичным человеком Ренессанса, но личность его формата еще ни разу не смогла в одиночку начать эпоху. Поэтому Парацельса следует рассматривать как предтечу, опережавшего свое время, но только на несколько лет. Что касается медицинской науки, мы обозначить 1543 год как время начала ее второго возрождения: в тот год появилась книга Везалия «О строении человеческого тела» (*De*

humani corporis fabrica), а также — вряд ли это случайное совпадение — труд Коперника «О обращениях небесных сфер» (De revolutionibus orbium coelestium).

В мрачном Средневековье блистательный интеллект Парацельса (Paracelsus) ослепил бы его современников. Когда на сцену вышли Везалий и Коперник, зоря нового дня уже была видна во многих местах Европы, и современники этих людей могли без страха видеть восход солнца.

Что касается нового галенизма — учения, которое имеет в качестве основы опыты на животных и которое до сих пор рассматривается традиционной медициной как правильный метод исследования, невзирая на контраргументы, — мы можем принять за его начало 1865 год. Тогда в Париже вышла Introduction à l'étude de la médecine expérimentale Клода Бернара — книга, которая во Франции до сих пор считается одним из крупнейших шедевров французской научной литературы, наряду с Discours de la méthode.

Клод Бернар извлек вивисекцию из темных подвальных лабораторий узкого круга физиологов и поднял ее на академический уровень. С тех пор вивисекция начала медленно и безостановочно распространяться, подобно онкологическому заболеванию.

Доктрину невозможно оторвать от ее основателя. Чтобы правильно оценить этот новый галенизм, который можно также назвать бернардизмом, надо познакомиться не только с трудами, но и с личностью Клода Бернара.

Ученик

Все биографы восхищались Клодом Бернаром, но, если проанализировать его доклады и прислушаться к тому, что говорят о нем критики, то может сформироваться правильная картина его личности. Две биографии, которые цитируются здесь под названием «Клод Бернар», оказались единственными, опубликованными во Франции за последние годы, и они представляют собой дистиллят всех более ранних биографий. Автор одной Пьер Мориак (Pierre Mouriak, издательство Бернара Грассе (Bernard Grasse), Париж, 3 издание, 1954), другой — Роберт Кларк (Robert Clarke, издательство Сегерс (Seghers), Париж, 1966).

Ожесточенные споры Клода Бернара с каждым, кто не разделял его готовности использовать всякое животное, в том числе щенка своей дочери, для доказательства положений, в которых кто-то осмелился усомниться, и обычно небезосновательно, его неумение видеть свои ошибки, — все это говорит о его тщеславии и душевной ограниченности.

Все по-настоящему великие люди имели одно общее качество — скромность. Клод Бернар не был обременен им, и от этого его бесчисленные ошибки становятся еще более непростительными. Например, на основе многочисленных экспериментов с собаками Клод Бернар объявил, что в воротной вене, иными словами, в вене, которая несет кровь от кишечника через поджелудочную железу и селезенку к печени, невозможно найти сахар. На этом неправильном наблюдении основывается его идея о том, что «печень производит сахар», так как он нашел сахар в венах, несущих кровь от печени.

Как сообщают оба биографа, он своим авторитетным голосом заставил молчать всех других ученых, которые осмелились возражать ему, и властно заявил трепещущим членам академии следующее: «Это постоянный и абсолютный эксперимент. В воротной вене никогда, никогда не было обнаружено ни малейшего количества сахара. Считаю своим долгом выступить против всех учений, которые доказывают обратное и своей поверхностностью возбуждают недоверие к экспериментальной физиологии».

Конечно, такое нельзя назвать речью скромного человека. Но самое худшее заключается в том, что Клод Бернар ошибался. Пьер Мориак отмечает по этому поводу: «среди его экспериментов есть такой, который он называет фундаментальным, и ради которого он бы охотно отказался от других. Когда животные не получают пищу, в

воротной вене не обнаруживается следов сахара, они присутствуют лишь в кровеносном сосуде, который выходит из печени. Значит, источником сахара должна быть печень» (с.138).

Пьер Мориак добавляет: «Эксперимент, который Клод Бернар приводит как гарантию, не имеет смысла; он считает его фундаментальным, а в действительности это опыт бесполезен. Бернара ввела в заблуждение религия экспериментирования, она же ввела его в заблуждение, когда он утверждал, что во время систолы после прокалывания блуждающего нерва происходит остановка сердца. То же самое касается его анализа работы зрачковых нервов и мышц».

А вот что говорит Кларк об этих ошибках, столь примечательных, что целые поколения физиологов из-за них пошли по неправильному пути: «Какая жестокая ирония! Сегодня мы точно знаем, что сахар встречается в воротной вене. Клод Бернар попал в собственную ловушку, от которой предостерегал других».

Согласно представлениям, которые еще несколько лет назад считались окончательными, но сегодня уже вызывают сомнения, печень аккумулирует гликоген и расщепляет его, когда организм в нем нуждается. Мы знаем, что печень *не производит* сахар. Но слава Клода Бернара зависела от этого «открытия», которое тем не менее оказалось неверным. Однако все его бесчисленные заблуждения, происходившие от опытов на животных, преподносились с такой непоколебимой уверенностью, что большую их часть развенчали лишь спустя годы после его смерти.

Через сто лет, 5 июля 1951, Ф. Янг (F. G. Young), профессор биохимии Кембриджского Университета, прочитал доклад в Медицинской школе Больницы Гай и рассказал в нем о заблуждениях Бернара: «Поскольку Бернар установил, что укол все еще эффективен после пересечения блуждающего нерва, и вследствие доминирования идеи о рефлекторной секреции, он выстроил совершенно неверную теорию, согласно которой, нервное возбуждение, заставляющее печень секретировать сахар, начинается в легких...» (British Medical Journal, 29 декабря 1951, с.1537).

*

Клод Бернар, посредственный драматург, нашел свое истинное призвание случайно. Он родился в 1813 году близ Лиона в семье крестьянина и учился в иезуитской школе в Виллефранче, где был плохим учеником. Затем он приехал в Лион на выучку а аптекарю, который научил его делать чудодейственный эликсир от всех болезней. Это вызвало у молодого помощника презрение ко всему врачебному искусству и практикам.

В возрасте 21 года он поехал в Париж с намерением снискать литературную славу с помощью двух написанных им пьес. Первый влиятельный человек, который прочитал его пьесы, убеждал его выбросить из головы мысли о театре и заняться изучением медицины, поскольку он уже работал в аптеке.

При изучении медицины его успеваемость была такой же слабой, как и в школе. Пьер Мориак пишет: «После разочарования в поиске славы на литературном поприще он решил изучать медицину... Он оказался посредственным учеником, пунктуальным, но ленивым, плохо подготовленным к зачетам и экзаменам» (с.20).

Но внезапно произошло чудо: в Collège de France, физиологической лаборатории университета, Клод Бернар впервые увидел, как разрезают живое животное — и в нем так разгорелась страсть (ее он впоследствии всегда испытывал при занятии вивисекцией), что глава лаборатории, Франсуа Мажанди (François Magendie), вскоре назначил его своим ассистентом

Роберт Кларк описывает это следующим образом: «Медицина его никогда не интересовала, а исследования пробуждали в нем страсть» (с.12). И Пьер Мориак: «Больницами он интересовался гораздо меньше, чем лабораториями, за исключением случаев, когда влюблялся в пациентку».

В 1843 году, в возрасте 30 лет, Клод Бернар, наконец, сдал экзамены — отнюдь не с отличными оценками, 26-м в группе из 29 студентов — а год спустя он не сдал экзамен на допуск к практике. Профессор Форе (J. L. Faure), другой его биограф, пишет, что его докторская была «ниже среднего уровня». Потом он полностью посвятил себя вивисекционной лаборатории, заняв со временем место Мажанди́, и тем самым стал образцом для многих сегодняшних студентов-медиков, которые проваливаются на выпускных экзаменах.

Мажанди́, который сформировал не только мировоззрение Клода Бернара, но и его профессиональную этику, с тех пор и поныне вызывает восхищение у вивисекторов и лексикографов. «Выдающийся экспериментатор и смелый вивисектор...» Так его описывает Encyclopaedia Britannica.

Тем не менее, есть и такие свидетели, которые заглянули дальше, чем лексикографы. Доктор Джон Эллиотсон (John Elliotson), профессор физиологии в Лондоне, посещал курс Мажанди́ и пишет: «Доктор Мажанди́ разрезал живых животных без какой-либо цели, просто чтобы посмотреть, что произойдет». И именно это, должно быть, побудило лексикографов обозначить Мажанди́ как «смелого вивисектора».

Между Мажанди́ и сэром Чарльзом Беллом (Charles Bell), шотландским ученым, который только через наблюдения за нормальным функционированием и задействование своего интеллекта открыл одну из важнейших физиологических закономерностей, закон Белла, происходили серьезные разногласия.

Белл был гуманным исследователем. Но над ним насмеялись вивисекторы, потому что он делал утверждения без проверки их на животных. Когда он, наконец, решил доказать экспериментальным путем то, что уже ему было известно, то надеялся таким образом положить конец всяким разногласиям и предотвратить дальнейшие эксперименты. В книге «Системы оперативной хирургии, основанные на анатомии» (A System of Operative Surgery Founded on Anatomy) он пишет (с. 29): «Мое понимание этого вопроса сформировалось через выводы об анатомической структуре, и несколько экспериментов предназначались только для подтверждения фундаментальных принципов, на которых основана система. Во Франции бесчисленные эксперименты проводятся на живых животных безо всякой жалости к ним; это делается с большой жестокостью и без опоры на анатомические знания или по меньшей мере индукцию, в надежде ухватить какие-то случайные факты из системы, которую, как представляется очевидным, вивисекторы не полностью осмысливают. Я долго откладывал операцию из-за ее неприятной сущности, а потом вскрыл позвоночный канал кролика и перерезал корешки спинномозговых нервов у задних конечностей; животное начало ползать, а я не стал повторять эксперимент из-за его жестокости».

В конце этой классической работы (с. 377–378) Белл пишет: «В иностранном обзоре моих более ранних трудов их результаты рассматриваются как дальнейшее доказательство пользы экспериментов. Но, напротив, они являются логическими выводами из анатомии; и я обратился к экспериментам не для того, чтобы сформировать свое собственное мнение, а чтобы убедить других. Я должен признаться, что все мои попытки убедить оказывались тщетны, когда я доказывал свои утверждения, исходя из анатомии. Я провел несколько экспериментов; они простые, и их легко выполнять; и, надеюсь, они все решат».

Они действительно сыграли решающую роль, но Белл не решил проблему с одержимостью вивисекторов и не справился с болезнью, которая свирепствует в мире физиологов и заключается в бесконечном ритуальном повторе хорошо известных экспериментов, описанных во всех учебниках.

В отличие от Белла, Мажанди́ не извинялся и не испытывал терзаний совести: «Он убил 4000 собак, чтобы доказать правоту Белла по поводу различия чувствительных и моторных нервов. Но потом он убил еще 4000 животных, чтобы доказать, что Белл не прав». Чьи это слова? Не кого иного, как будущего преемника Бернара, Флуранса, по

сообщению другого вивисектора того времени, Блатена (H. Blatin), в *Nos Cruautés* (1867, с. 201). Блатен также говорит, что Белл с самого начала был прав, и добавляет: «Я тоже выполнял эксперименты на эту тему, работал с большим количеством собак и продемонстрировал, что первое мнение — единственно верное».

Об истинной личности Мажанди рассказывают и другие его современники, но лексикографов это уже не интересовало. Французский доктор Ла-Тур (Latour) пишет в *L'Abeille Médical* следующее: «Мажанди проводил эксперименты публично. Среди прочего, я помню несчастную истекающую кровью и изувеченную собаку, которая пыталась убежать от своего беспощадного мучителя, и я дважды видел, как она клала передние лапы на плечи Мажанди и лизала ему лицо. Должен признаться, что я не мог вынести этого зрелища — господа вивисекторы, вы можете смеяться надо мной, если хотите» (*British Medical Journal*, 22 августа 1863, с. 215).

В другой раз Мажанди прибил гвоздями к операционному столу маленького кокер-спаниеля за уши и за лапы, чтобы показать своим ученикам разрезание зрительного нерва, распиливание черепа, рассечение позвоночника и обнажение оснований нервов. Щенок не умер после всего этого, и Бернар оставил его в таком же положении, чтобы на следующий день использовать его дальше.

А ученик Мажанди Клод Бернар, герой и образец для всех экспериментаторов, во всех отношениях превзошел своего учителя.

*

Клод Бернар считал физиологические исследования самоцелью. Он повторял это неоднократно, эта мысль присутствует и в *Principes de médecine expérimentale*, его крупной работе, которая была опубликована после его смерти (издатель Presses Universitaires de France, Париж, 1947), и которая передает его последние мысли и окончательное мировоззрение. В ней говорится: «Нам хотелось бы закрепить мысль, что профессиональная медицина должна четко отличаться от научной медицины, как теоретической, так и практической, и в качестве таковой не должна проникать в рамки нашей чисто научной школы» (с. 35). Он также выражает свое пренебрежение к практической медицине: «Большинство практикующих врачей считают медицину самоцелью. Они считают необходимым лечить так, как лечат. Я думаю, именно ввиду этого они иногда способны посмотреть друг на друга без смеха (с. 18).

О деятельности Клода Бернара пишет в своем известном и сегодня письме, опубликованном 1 февраля 1875 года в *Morning Post*, его бывший ассистент доктор Джордж Хогган (George Hoggan): «После четырехмесячного опыта и пришел к мнению, что никакие из этих опытов на животных не оправданны и не необходимы». А в «Докладе» исследовательской комиссии, которой премьер-министр Дизраэли (Disraeli) поручил в тот год изучение вивисекции, имеется свидетельское показание доктора Артура де Ноэ Уолкера (Arthur de Noë Walker), очень известного английского врача, когда-то работавшего в лаборатории Бернара. После описания одного из экспериментов Бернара (абзац 4888) Уолкер заявляет: «Сам я отказываюсь критиковать тот ужасный эксперимент. Я испытываю слишком большое презрение к экспериментатору и отвращение к опыту. Я бы лишил этого человека работы лектора и преподавателя физиологии».

Бернарские опыты на животных всегда давали переменчивые результаты, и это побудило его увеличить число экспериментов, что усугубляло путаницу. И подтолкнуло его преемников делать то же самое, чтобы опровергнуть учителя и снискать собственную славу.

Клод Бернар постоянно критиковал эксперименты своих коллег или смеялся над ними. Но когда они разоблачали его ошибки, он имел наглость отречься от своих слов. Пьер Мориак пишет (с. 143): «Его заблуждения происходят из культа подопытных животных. Он обращал мало внимания на возражения своих коллег и во время дискуссии мог отрицать доказательства и нагло противоречить самому себе. В 1854 году он уверял,

что легкое разрушает сахар, вырабатываемый печенью, и приводил рисунок, изображающий, как кровь по капиллярам подступает к легким и там почти полностью разрушается. Но в 1859 году он пишет: „Мне в уста вкладывают мнение, которое я никогда не высказывал, и о котором никогда не писал. Я не отрицаю, что сахар разрушается легкими — я этого не знаю и никогда не высказывал мыслей об этом”».

Хотя многие врачи и даже коллеги Бернара — Фигье (Figuier), Пави (Pavy), Шифф (Schiff) — разоблачали его ошибки, никто к ним не прислушивался, потому что они находились в тени его славы.

*

Когда из Южной Америки пришли новости о кураре, смертельном яде для стрел, Бернар сразу заказал его. Он испробовал яд на животных и установил, что кураре действует иначе, нежели любой другой известный яд. Это вещество вызывает паралич, но действует только на моторные нервы, не затрагивая чувствительные. Кроме того, у жертвы, невзирая на паралич, сохраняется способность испытывать боль. На современном научном языке «кураре блокирует импульсы торможения и таким образом позволяет импульсам возбуждения сделать нервные клетки более чувствительными» (см.: *Effects of Curare on Cortical Activity*, Морлок (Morlock) и Уорд (Ward), Университет Вашингтона (University of Washington), Сиэтл, *E. E. G. Journal*, февраль 1961, с.60).

Иными словами, кураре является миорелаксантом; он не притупляет восприимчивость к боли, даже повышает чувствительность, и под действием кураре животное страдает от боли еще сильнее, чем безо всяких медикаментов — это открытие вдохновило нашего героя на лирику. Вот выдержка из статьи Бернара в *Reveu des deux mondes* (1 сентября 1864): «У каждого известного нам смертного вида вплоть до последнего момента наблюдаются судороги, вопли и стоны, свидетельствующие о страданиях — борьбе между жизнью и смертью. При смерти от кураре ничего подобного не происходит: тут нет предсмертной борьбы, и выглядит это так, как будто жизнь просто угасает. Кажется, что переходом от жизни к смерти становится просто сон. Но это не так: данная картина обманчива. Если мы посередине эксперимента произведем органический анализ конца жизни, что такая смерть, напротив, происходит в самых страшных мучениях, какие только можно представить... При отравлении кураре яд не влияет на сознание, чувствительность и волю, но постепенно теряются моторные инструменты — они перестают подчиняться. Первыми утрачиваются самые экспрессивные способности: сначала голос, потом движения конечностей, а в последнюю очередь — глаза, которые у умерших функционируют дольше всего. Можно ли себе представить более ужасное страдание, чем понимание того, что все органы, призванные служить, отказывают один за другим, и ты, так сказать, оказываешься заперт в труп? Когда Клоринда, героиня Тассо, оказалась заточена в волшебный кипарис, автор по меньшей мере оставил ей возможность плакать и растапливать сердце тем, кто причинял ей страдания, повреждая ее чувствительную кору».

Описание страданий явно делает Бернара поэтом; но как добросовестный ученый он не позволял себе плакать и рыдать, если его непарализованная жертва была в состоянии показать мучения. После обнаружения свойств кураре он стал отдавать предпочтение этому средству, делающему жертву беспомощной.

Поскольку в лаборатории *Collège de France* не было места для более крупных животных, Бернар и Мажанди иногда совершали прогулки в ветеринарную школу за пределами Парижа, где они могли «работать» с лошадьми и лошадками, или посещали городскую бойню, где можно было делать что угодно со скотом. Кроме того, чтобы не скучать по субботам и воскресеньям, Бернар соорудил частную лабораторию в подвале своего дома.

Мы узнаем от востоковеда Жозефа Эрнеста Ренана (Ernest Renan), одного из его лучших друзей, преподававшего иврит в *Collège de France* и написавшего известную книгу

«Жизнь Иисуса» (Life of Christ), какие жестокие ритуалы и представления происходили в бернардовском личном застенке. Каждый понедельник вечером Клод Бернар давал «прием» в своем подвальном театре, которую его биограф Кларк называет «научным салоном». Здесь собирались четверо-пятеро физиологов; иногда к ним присоединялся Ренан, единственный литератор, посещавший эту лабораторию. Кларк больше ничего не рассказывает об этих «приемах». Тем не менее, мы знаем, что в каждом углу в муках умирали собаки, а органы их изымались. А о том, какое вино подавали в этом салоне (что делало его очень отличным от других парижских салонов), какая музыка там звучала, мы узнаем из речи Ренана, произнесенной им 3 апреля 1879 года на приеме во Французскую Академию. В этом выступлении он упоминает своего недавно умершего друга: «То, как он работал в своей лаборатории, с задумчивым, печальным, погруженным в себя видом, без усмешек, ни на что не отвлекаясь, представляло собой убедительное зрелище. У него было ощущение, что он выполняет священнодействие и совершает своего рода жертвоприношение. Казалось, что его длинные пальцы, погружаемые в кровавые раны, принадлежат античному авгуру, который ищет тайны во внутренностях жертвы...»

*

Клод Бернар научился от Мажанди своему любимому методу, «добираться до тайн жизни». Он заключался, по словам самого «ученого», в «разрушении органа», то есть, полном или частичном его разрезании и дальнейшем наблюдении за изувеченным животным, для этого он как можно дольше поддерживал им жизнь. Он прибегал к искусственному дыханию или использовал аммиак, чтобы вновь оживить страдающий комочек мяса, который мог просить только об одной милости — в виде смерти. Он безрезультатно убил тысячи собак, чтобы разгадать «тайну диабета», и даже опубликовал труд о «сахарной болезни». Его современники были впечатлены, но сегодня мы знаем, как сильно он заблуждался и в отношении диабета.

Иногда ему удавалось через повреждение четвертого желудочка собакам (Кларк, с.85) или просверливание большой иглой кроличьего черепа вызвать «искусственный диабет», то есть, в моче жертвы присутствовал сахар; но в другой раз у него не получилось, и он не знал, почему. Точно так же он не догадывался даже приблизительно о причине болезни. «Диабет это нервное расстройство» — заявил он однажды с непоколебимой уверенностью, после того, как ему удалось вызвать у одной из собак симптомы болезни через повреждение спинного мозга. Но при повторении эксперимента ему уже не повезло.

Клоду Бернару в течение многих лет была доступна одна из важнейших тайн диабета, и он мог бы с легкостью поднять над ней завесу: она имела образ многочисленных собак, которым он без наркоза вырывал поджелудочную железу вместе с окружающими ее нервами, и на которых он проводил всевозможные эксперименты до самой их смерти.

Бернар добросовестно изучал все состояния, связанные с удалением поджелудочной железы, но он не сделал анализ мочи собак. В результате, от него ускользнуло главное — связь этой железы с диабетом.

*

Личная жизнь доставала Бернару меньше удовлетворения, чем его «научная» деятельность. В те времена вивисекция приносила больше славы, чем денег, и он женился на состоятельной дочери врача, чтобы иметь возможность полностью посвятить себя лаборатории и не беспокоиться о пропитании.

У них родились два сына и две дочери, но мальчики умерли через несколько месяцев после рождения. Клод Бернар не понимал, почему это произошло, медицина для него была тайной за семью печатями, и осознание этого задевало его, ведь он мучил тысячи животных под предлогом решения загадок природы. Эти мысли так сильно одолевали его,

что после смерти второго сына Бернару потребовался козел отпущения, и его жена, не думая в тот момент о своей собственной печали, бросила в его адрес жестокий, но примечательный упрек: «Если бы ты присматривал за нашим сыном так же, как за своими собаками, он бы не умер!»

Невероятно, но их брак просуществовал целых 17 лет. Кларк с негодованием сообщает, что жена Бернара старалась саботировать его опыты и даже побуждала общества в защиту животных подать на него жалобу. Пьер Мориак также с возмущением рассказывает, что из-за любви к животным его жена и дочь основали в Аньере приют для собак, спасенных от опытов.

Иногда Клод Бернар брал свою страдающую жертву в спальню, чтобы проводить наблюдения ночью, не вставая. Его жену это не радовало. Мориак пишет (с. 26): «Его жена протестовала, когда он навязывал ей в качестве соседей грязных, вонючих подопытных животных». Очевидно, биографу, имеющему звание профессора, не приходило в голову, что, возможно, Мари-Франсуа возражала не столько против грязи от животных, сколько против мучений, с которыми ей приходилось сталкиваться.

О жестокости ее мужа свидетельствует и тот факт, что Бернар проводил все свои эксперименты, длившиеся обычно очень долго, без малейшей анестезии. Из его трудов можно узнать, что собак, которые, очевидно, служили для демонстраций, он разрезал как минимум часом ранее, а после не убивал, так как оставлял их студентам «для других операций».

Еще одно проникновение в характер Бернарда сделано Кларком, и произошло это случайно. Он рассказывает, Бернар во время своих лекций в Collège иногда так отвлекался, что терял нить. Потом он обычно спрашивал своего препаратора Д'Арсонваля (d'Arsonval), нет ли у него под рукой кролика с разрезанным спинным мозгом.

«Такое животное всегда было в наличии», — пишет Кларк в своей достопримечательной биографии. — Клод Бернар велел его принести и проводил эксперимент, а во время него собирался с мыслями, так что мог продолжить лекцию».

Беспомощное животное с поврежденным позвоночником должно было претерпеть еще дополнительные страдания, а на Клода Бернара это оказывало такое же действие, как на нормального человека чашка чая или сигарета.

*

Вопрос о садизме будет обсуждаться в другой главе, и мы увидим, что, возможно, не все вивисекторы садисты, но из-за духовной ограниченности не осознают своих действий, либо же страдают психической болезнью. Давайте еще раз рассмотрим Клода Бернара с этой точки зрения.

Слабый ученик, циничный и высокомерный помощник аптекаря, посредственный драматург, безнадежный, ленивый студент-медик (медицина никогда его не интересовала), провалившийся во время окончательной проверки, Клод Бернар внезапно пробуждается от летаргии после того, как впервые побывал на вивисекции. С того момента в нем навсегда поселяется «жажда исследований», и он полностью посвящает себя мучениям животных. Его никогда не интересовали никакие иные отрасли знаний, никакие иные дела. Благодаря этим фактам, нетрудно проанализировать душевное состояние Клода Бернара.

Как и все садисты, которые поддаются своим слабостям, с течением времени он утратил чувствительность ко всему, за исключением своей собственной славы и признания со стороны богатых и могущественных. Его избрали в Академию наук, он четыре раза получал премию по экспериментальной физиологии, при Наполеоне III он входил в состав Сената и его приняли в круг бессмертных Французской Академии — высшая цель каждого честолюбивого француза. А писательский талант позволил ему нарядить свое жалкое учение в красивую одежду, изношенность которой обнаружится лишь со временем.

*

Декартовское «Рассуждение о методе» и бернардовское «Введение в экспериментальную медицину» представляют собой две приметы французской мысли. Нужно еще добавить, что французский дух, который смог получить из древних языков красивейшую в мире форму выражения человеческой мысли, а именно — французский язык XVII века, породил и самый красивый научный язык — прозаические труды «Рассуждение...» и «Введение...».

Эта речь принадлежит Фердинанду Брюнетьеру (Ferdinand Brunetière), выдающемуся французскому литературному критику; он произносил ее в 1894 году на торжественном открытии в Лионе памятника Клоду Бернару. Спустя полвека доктор Леон Делюм (Léon Delhoume), член той же медицинской академии, что и Клод Бернар, произносил столь же помпезные слова в предисловии к посмертной работе Бернара *Principes de médecine expérimentale* (издатель — Presses Universitaires de France), которая была опубликована только в 1947 году: «Декарт! Клод Бернар! Какое утешение несут с собой голоса этих двух гениев в стране, терпящей бедствие! В их мыслях пред нами предстает истинный дух Франции в течение веков; в их мыслях для нас сохранились вечные истины искусства, красоты, разума, чувств и справедливости, телесного и душевного здоровья, человеческого прогресса...»

Когда литературный критик Брюнетьер в XIX веке пел дифирамбы, он мог еще не догадываться, на каких слабых ходулях держалось учение героя; он также не знал, что Бернар в своих последних, еще неопубликованных трудах отстаивал вивисекцию людей — возможно, потому что он понял бесполезность опытов на животных — а знавший это доктор Делюм не упомянул сего факта в своем введении.

А теперь давайте посмотрим, что кроется за роскошной одеждой, которую так восхваляли разные Брюнетьеры и Делюмы, и познакомимся с высказываниями самого Клода Бернара.

Учение Бернара

Сначала мы полистаем *Introduction à la médecine expérimentale*, которое сегодня сокращенно называется *Introduction* (номера страниц соответствуют изданию Garnier-Flammignon, вышедшему в Париже в 1966 году):

«Все, что получено от животных, действительно и для человека» (с. 153);

«Эксперименты, которые проводятся на животных с использованием опасных веществ, неопровержимы для человеческой токсикологии. Кроме того, результаты экспериментов с медицинскими или токсичными веществами применимы к людям с терапевтической точки зрения» (с. 180).

Ни одно из заблуждений, которые галенизм в течение 15 веков накладывал на медицину, не сравнимо с этой принципиальной ошибкой, лежащей в основе учения Галена и имеющей серьезные последствия. Он повторял и укреплял эту ошибку во всех мыслимых формах, пока следующие поколения врачей, физиологов и биологов не начали ее бездумно перенимать; и эта ошибка, невзирая на все контраргументы, прочно утвердилась в качестве догмы современной медицины.

Слово «эксперимент» включает в себе специальное вызывание болезненного состояния. Это патологическое состояние вызывается искусственным путем, и оно не имеет ничего общего со спонтанным нарушением здоровья. Кроме того, животные реагируют совершенно иначе, нежели люди.

Сегодня любой врач знает, что на реакции каждого живого существа влияют разными способами индивидуальная жизнеспособность, психика и другие факторы. Но, несмотря на это, догмы Бернара не отрицаются, и бернардизм стал новым галенизмом — он так же изобилует ошибками и неправильными идеями, но еще более опасен, чем последний. Мир, разбуженный Декартом от долгого средневекового сна и приготовившийся для

механистических идей, воодушевленно приветствовал убеждение Бернара, что медицина это точная наука, вроде математики, и любое медицинское завоевание не просто возможно, но и близко. Для этого только нужно отказаться от идеи, что «жизнь» или индивидуальная «жизнеспособность» имеют какое-то влияние на организм, так как это всего лишь абстрактные понятия, обозначающие нечто непостижимое, что нельзя вычислить математическим путем либо взвесить, нечто чуждое механизму, новому божеству.

«Витализм, который может иметь так много нюансов вследствие существования индивидуумов, — это отрицание науки и отказ от каких-либо исследований, с целью предаться фантазиям», — пишет Бернар на странице 32 своего Introduction, а на странице 258 критикует своего «виталистического» коллегу следующим образом: «Согласно Герди, жизнеспособность одного человека не такая же, как у другого, следовательно, я должен делать между индивидуумами различия, которые невозможно определить. Он отказался изменить свое мнение, он отделался словом «жизнеспособность», и было невозможно объяснить ему, что это слово не имеет совершенно никакого смысла и не отвечает ни на какой вопрос».

Согласно Клоду Бернару, все, что относится к живым организмам, можно сократить до четкой формулы, подобно неживой материи. И еще до публикации Introduction в Париже было модно посещать лекции человека, который высказывает столь революционные идеи. Среди его знаменитых вольнослушателей были принц Уэльский и даже император Бразилии. Разумеется, они не присутствовали на бессмысленных экспериментах. Они только слушали абстрактные теории Бернара. И эти лекции, некоторые из которых печатались в *Revue des deux mondes*, составили фундамент и ядро Introduction, книги, принесшей славу Бернару. Славы, которую он не получил в театре.

*

Бернар быстро покончил с этическим аспектом вивисекции: поскольку человек использует животных во всех сторонах жизни, запрет на их использование «в обучении» был бы «очень странен». Кажется, что мысль о страданиях, причиняемых специально, ему не приходила в голову.

Нужно ли говорить, что сам Клод Бернар не мог выносить боль и неприятные чувства? Нужно, потому что это общая для всех вивисекторов черта. «Вы бы видели этих несчастных, — сказал мне один французский стоматолог. — Они входят ко мне в кабинет, бледные и дрожащие, и умоляют меня ради всего святого не делать им больно!»

Разумеется, никто не получает удовольствия от собственных страданий. Но все же боль и дискомфорт можно переносить с мужеством и терпением. Было бы действительно странно, если бы вивисекторы не относились к той категории людей, которые громко причитают из-за мелких неприятностей каждодневной жизни. Мориак пишет про Клода Бернара: «С 1877 года его корреспонденция стала не чем иным, как одним большим стенанием. «Я продолжаю жить, значит, продолжаю страдать». Из-за болей седалищного нерва, хронического воспаления тонкой кишки, ненормальной раздражительности, чрезвычайно скептического отношения ко всей терапии он был пораженческим пациентом».

В одном месте он связывает свои тайные страдания с психическими факторами, а именно, с горем по причине того, что Германия победила Францию в войне, но он не указывает на то, что этим диагнозом, который, возможно, правилен, разрушает главный столп своей механистической доктрины.

*

Principe de Médecine expérimentale, *Médecine* для краткости, работа Клода Бернара, опубликованная посмертно, состоит из записей, сделанных им с 1862 по 1878 год, вплоть до самой смерти, и рассказывает о нем больше, чем книга, которая принесла ему славу «исследователя».

В начале апостол останавливается на своих прежних, еще не изменившихся убеждениях: «Я покажу, что с живым организмом можно обращаться так же, как с неживым объектом; в этом заключается основной принцип» (с. 19). Но с годами накапливается опыт, из-за которого возникает все больше сомнений, и Бернар уже не может так просто сбросить со счетов индивидуальную жизнеспособность.

Клод Бернар сделал ошеломляющее для себя открытие, что «неживая материя» и «живые организмы» — не одно и то же. Он пишет (с. 145): «Неживая материя не обладает спонтанностью, индивидуальными различиями, и в получаемых результатах можно не сомневаться. Но когда мы имеем дело с живым существом, индивидуальные особенности приносят элемент ужасной сложности. Необходимо помнить не только о внешних условиях, но и о внутренних, индивидуальных предпосылках, тех, которые я называю внутренней обстановкой (*le milieu intérieur*)».

Итак, наконец на него снизошло озарение. Очевидно, он совершил свое открытие, благодаря череде неудачных экспериментов, в ходе которых он ни разу не получил два одинаковых результата подряд; это открытие должно было его напугать, ведь оно могло раскрыть бесполезность его жизни как ученого.

Вероятно, его выводили из равновесия уже те беспощадные контраргументы, которые постоянно возникали в результате его опытов. Они наверняка вредили его литературному таланту, лишали его красноречия и сковывали рассудок. В *Introduction* он четко высказывал мысли, неправильность которых выявилась лишь со временем, а в *Médecine* мысли часто расплываются и не заключают в себе смысла, как в конце следующего абзаца (с. 249): «Было сказано: можно ли прийти к каким-либо выводам, когда существуют вещества, опасные для одних животных и неопасные для других, а также вещества, ядовитые для человека, но не для животных. Упоминается, что синильная кислота не отравляет дикобразов, козы едят белладонну, овцы проглатывают чудовищное количество мышьяка, жабам их собственный яд не причиняет вреда, электрические рыбы переносят свое электричество, морские животные не страдают от соли. Все эти факты представляют собой неправильные объяснения. Если бы их признали, наука была бы невозможна».

При просмотре этого вывода Бернар, наверное, заметил, что здесь требуется уточнение, и он добавил сноску, которая только усугубила ситуацию: «Необходимо быть рабом факта; о существовании непреложного факта говорят так, будто бы рассуждают о чем-то научном. Разумеется, в факты надо верить, но не верить слепо. У нас есть разум для пролития света на факты, и у нас есть факты, чтобы усмирить воображение и мышление. Значит, экспериментатор, который безрезультатно травит жабу ее собственным ядом или козу белладонной, скажет: я последователен, но существуют факты, в которые я не могу верить, так как рассудок уверен в ином положении вещей. На этом основании я не могу поверить в результат работы с жабой. Если бы мне это удалось, я бы объявил о своем отказе от работы физиологом».

Доктор Делюм (*Delhoume*), который снабдил том многими примечаниями, предпочел не заметить эту бессмыслицу. Возможно, он это сделал в надежде, что это место не бросится в глаза, ведь, невзирая на нечеткость и запутанность текста, из него следует, что автор понимает, насколько факты противоречат его теории. Поэтому он решил попросту игнорировать «факты», связанные с козой и жабой, иначе ему пришлось бы отказаться «от работы физиологом». Как и у многих вивисекторов, у Бернара не хватало мужества признать, что вся его псевдонаука держится на огромных ошибках.

И именно он делает самое выдающееся заявление: «Существуют факты, в которые нельзя верить, так как умом мы понимаем, что порядок вещей иной. Что же это тогда за «факты»? Или что за «ум»? Вряд ли тот же, который, прежде чем сбиться с толку, утверждал: «Если факт противоречит господствующей теории, то факт должен быть принят, а от теории следует отказаться даже в случае, когда она получила широкое распространение и имеет опору в виде великих имен».

*

«Я не признаю, что испытание опасных лекарственных средств на больных без предварительного испытания на животных приемлемо: я продемонстрирую, что все, полученное на животных, в полной мере касается и человека, если ученый разбирается в экспериментах». Это Клод Бернар писал в *Introduction* (с.153).

Его современники, воспевавшие дифирамбы книге, могли, в отличие от нас, не знать, что это догматическое заверение Бернара неверно по двум аспектам. С точки зрения науки оно неправильно, так как впоследствии Бернар показал ровно противоположное; его эксперименты свидетельствовали о том, что ничто из полученного на собаках не касается человека в полной мере. А с точки зрения этики то было лицемерие, потому что Клод Бернар безо всяких угрызений совести оправдывал опыты на людях. Столь же ханжеские отговорки используют и современные псевдоученые. На самом деле, в *Médecine* — эта работа, содержащая его личные заметки и истинные мысли, еще не была готова к публикации — Бернар показывает совсем другую мораль. После странного замечания о том, что «патологическая анатомия не имеет важности, которую некоторые люди придают ей» — хотя, надо думать, пока что никто не придавал ей такого большого значения, как Клод Бернар — на странице 147 он провозглашает конечной целью экспериментальной медицины вивисекцию людей.

В то время Бернар мог не догадываться, что примерно через 60 лет очерствение, которому он так способствовал словами и делом, приведет к десяткам тысяч экспериментов на людях, столь же незащищенных, как несчастные животные в его лабораториях — политических пленниках в нацистских концентрационных лагерях. И делали их не эсэсовцы, а научные наследники Клода Бернара, титулованные доктора, ученики вивисекционной школы, где он был самым именитым апостолом.

*

Ввиду непрерывных неудач воспоминания о горячих спорах с виталистическими врачами и исследователями терзали Бернара. Среди его оппонентов были известные имена, такие как известный естествоиспытатель Кювье (Cuvier) и даже Пастер. Бернар в своем *Introduction* насмеялся над всеми противниками органических механизмов. А теперь эти слова были напечатаны черным по белому, они оказались опубликованы, неизгладимы, неоспоримы.

Но первосвященник вивисекции не мог отречься от фальшивого божества, которое он навязал верующему миру. На карту была поставлена честь Франции, престиж науки, но прежде всего — тщеславие человека, которого за счет страданий других существ объявили основоположником новой эпохи и увенчали лаврами.

Бернар исповедуется лишь в одном письме к мадам Раффалович (Raffalovich), своей близкой подруге (которая потом передала эту личную переписку в *Académie des Sciences*): «Осенью жизни иллюзии спадают с души, подобно листьям, опадающим с деревьев осенью года».

Эти слова могли бы показаться очень трогательными, если бы не знали, насколько испачканы кровью руки его автора, и какие провалы потребовались, чтобы его тщеславная и жестокая душа избавилась от иллюзий. А они все продолжали и продолжали опадать, подобно мокрым листьям, пока дерево совсем не оголилось, и Клод Бернар на смертном одре, возле которого стояли не родственники, а вивисекторы, в том числе и его препаратор Д'Арсонваль (d'Arsonval), признался: «Наши руки пусты, у нас только много обещаний сходит с уст».

Может быть, для всех вивисекторов час правды настает лишь перед лицом смерти? Слишком поздно, дамы и господа.

Клод Бернар был первым французским ученым, которого хоронили как государственного деятеля, и, по словам биографов, в день его смерти «вся Франция

плакала». Но тут есть преувеличение. В тот день во Франции как минимум три человека не плакали — его жена и дочери.

Постскриптум про Клода Бернара, диабет и печень

Крупные словари и учебники до сих пор называют Клода Бернара «гением» и указывают на якобы его открытия, касающиеся функционирования поджелудочной железы и «гликогенной работе» печени.

Но многочисленные замученные им собаки ничего не добавили к известным на тот момент фактам, гораздо более правильным, которые описывает американский военный врач Уильям Бомонт (William Beaumont) в книге, вошедшей в 1833 году в историю медицины (ее также упоминает Сигерист в *Grosse Ärzte* на с. 364). На самом деле, Вильям Бомонт узнал про пищеварение больше, чем все вивисекторы мира, вместе взятые, и сделал он это благодаря наблюдениям за пациентом со спонтанно возникшей фистулой желудка — отверстием, через которое можно было наблюдать за процессом пищеварения, избегая многочисленных ошибок вивисекторов.

Клод Бернар так же, как и современные вивисекторы, плохо осознавал, что при удалении без анестезии поджелудочной железы (одном из самых жестоких вмешательств) возникает не обычная сахарная болезнь, а совершенно иное состояние. Чрезвычайно болезненные травмы становятся причиной органических реакций, которые в корне отличаются от явлений, развивающихся вследствие неправильного питания или дефектов железы.

Сегодня, как и во времена Гиппократы, диабет реально предотвратить с помощью правильного питания и даже вылечить, если болезнь не зашла слишком далеко.

Диабет это очень серьезное заболевание, которое может привести к уремии, закупорке артерий, гангрене, стенокардии, слепоте и серьезным инфекциям. Причина болезни понятна всем врачам, мозги которых не затуманены экспериментами на животных. Больше всего диабетиков живут в США, где смертность от этого заболевания за последнее время достигла показателя 27,8 на 100 000 жителей. Наименьшая смертность — в Японии: 2,4 на 100 000 жителей. Пища японцев содержит примерно 5% животных жиров и мяса, а американцев — 35%. Когда японцы перенимают американские пищевые привычки, у них так же возрастает заболеваемость диабетом. Итак, причина болезни связана с питанием. В Индии смертность от диабета среди обеспеченных людей (мясоедов) очень высока, а среди бедняков (вегетарианцев) очень низка. Итак, статистика подтверждает главные выводы, к которым врачи школы Гиппократы пришли своим умом, в то время как опыты на животных вновь и вновь затемняют результаты либо направляют по неверному пути.

Факты и статистика четко показали, что вследствие неправильного питания часто развивается неизлечимая болезнь поджелудочной железы. Отсюда следует, как ее можно предотвратить или вылечить. Много лет назад доктор МакДона (J. E. R. McDonagh), ведущий хирург, писал о пользе инсулина в *The Nature of Disease Journal* (том 1, 1932, с.1): «Диабет — это и симптом, а не болезнь, и инсулин его только смягчает. Этот препарат не проливает света, и если бы причина была найдена и устранена, он бы не понадобился». Инсулин и другие известные на данный момент средств уменьшают симптомы и таким образом способствуют сокрытию причины. Использование инсулина, особенно инсулиновый шок, причинило уже немало вреда. Я лично знаком с диабетиками, которые прекрасно обходятся без инсулина и ограничиваются диетой.

Со времени открытия инсулина смертность от диабета не уменьшилась, а возросла. В 1900 году, за 22 года до его открытия, в США смертность составляла 11 человек на 100 000 жителей, в 1954 — 15,6, в 1963 — 17,2, десятью годами позднее — 27,8. Замечательный успех!

Это побудило Жана Ростана (Jean Rostand), одного из самых известных европейских биологов и вивисектора (прежде всего лягушек), написать следующее: «Медицина культивирует болезни. Состояние здоровья населения все ухудшается... Терапевтика — поставщик болезней, она создает людей, которые будут вынуждены воспринимать ее как спасение. В качестве яркого примера выступает диабет. После открытия инсулина эта болезнь стала бросаться в глаза» (из *Le droit d'être naturaliste*, издательство Stock, Париж, 1963).

Брайан Инглис (Brian Inglis), ирландский журналист, пишет в *Drugs, Doctors and Disease* (1965): «Дальнейшие исследования свидетельствуют о том, что диабет гораздо сложнее, чем изначально казалось, и в большинстве случаев непосредственные болезни поджелудочной железы оказываются не главной причиной... Причина — или, возможно, причины — до сих пор неизвестны ученым».

Приведем слова еще одного убежденного вивисектора. Ульрико де Айхельбург (Ulrico de Aichelburg) заявляет в итальянском журнале *Epoca* (21 сентября 1974) следующее: «Чем больше мы занимаемся диабетом, тем больше обнаруживаем противоречивых аспектов этой болезни. Когда 50 лет назад был открыт инсулин, мы думали, что тайна сахарной болезни раскрыта. А теперь она становится все таинственнее». Айхельбург забыл добавить: «Но только для нас, вивисекторов».

И вопросом начинают заниматься заново. Со времен мнимого решения проблемы Бантингом (Banting) и Бестом (Best) никогда не наблюдалось такого движения по кругу, как сейчас.

Если бы каждый соблюдал хорошо известную правильную диету, то исследовательские гранты выбить не удалось бы. Но их можно потребовать на работу с собаками и очередное «разгадывание» загадок диабета — и ничего страшного, что питание собак и их органические реакции в корне отличаются от человеческих.

Предприимчивость вивисекторов, которая вошла им в плоть и кровь, нельзя недооценивать. Журнал *Surgery, Gynecology and Obstetrics* (январь 1971) опубликовал сообщения доктора Беаты Пембертон (L. Beaty Pemberton) и доктора Уильяма Манакса (William C. Manax), которые хотели разгадать «тайну» диабета. Для этого они сделали очередным 74 собакам сложные операции на поджелудочной железе, а затем ввели им раздражающие препараты. Четырем животным повезло, и они сравнительно быстро умерли от острого панкреатита и перитонита. 16 умерли от повышенного содержания сахара в крови, восемь от тромбоза, одна от отказа почек и еще одна от застоя в легких. Что случилось с остальными собаками, неизвестно. Еще менее понятно, каков практический результат эксперимента, помимо того, что псевдоученые потешили свое тщеславие, почувствовали могущество, а также улучшили материальное положение.

В том же самом журнале (выпуск за апрель 1975 года) напечатана статья о том, как три врача из Лондона и три из Денвера провели очередные опыты на 123 собаках в штате Колорадо и получили такой же результат: ноль.

Тем не менее, чтобы еще больше запутать научные представления о диабете, передовица в *Journal of the American Medical Association* ставит под вопрос даже те идеи, которые считаются доказанными, например, уже давно признанную теорию о связи между инсулином и сахаром крови. *Согласно этой статье, большее количество инсулина не обязательно означает меньшее количество сахара, а меньшее количество инсулина — больше сахара.*

Таким образом, появляется отличный повод поднять опять шумиху по поводу диабета, как будто Клод Бернар не вырезал собакам поджелудочную железу. И действительно, исследовательские команды пробуют что-то «абсолютно новое»: заменяют собаке поджелудочную железу на компьютер, который должен определять потребность организма в инсулине и автоматически вводить нужную дозу...

Другое крупное достижение, которое приписывают Клоду Бернару, — это мнимое «открытие» «гликогенной» функции печени. Оно основывалось на бернардовском эксперименте, о котором мы уже рассказывали, и который навел его на неправильную мысль, что печень производит сахар из ничего, так как Бернар исключил присутствие сахара в вене, ведущей к печени. Согласно новой теории, печень служит фильтром для загрязнений и выполняет функцию антитоксина, и Бернар к такому выводу не пришел. Многие физиологи признают, что печень имеет способность аккумулировать сахар и высвобождать его для использования; происходит это вследствие процесса, который они еще не объяснили и потому называют «очень сложным». Так думали еще по меньшей мере несколько десятилетий назад. Недавно все эти гипотезы вновь были поставлены под сомнение, на что указывает итальянский медицинский словарь (Edizioni Scientifiche Sansoni, 1952, с. 928): «Вследствие многочисленных новых исследований возникают серьезные сомнения относительно всего того, что было «открыто» в сфере функционирования печени вплоть до сегодняшнего дня».

А «Британская энциклопедия» выражает эту мысль следующим образом: «Структура печени исключительно проста, но до 1949 года не было известно почти ничего о ее микроскопическом строении, а до 1952 года — о ее общей анатомии. Многочисленные функции печени выполняются звездчатыми клетками (их открыл анатом Карл фон Купфер (Karl von Kupffer), но кажется, что чем больше деталей становится известно, тем менее понятно удивительное разнообразие функций этого органа».

Распространение раковой опухоли бернардиоза

Великобритания стала первой страной, где в 1876 году, благодаря законодательству в защиту животных, появилась возможность ограничить вивисекцию. После его принятия на любой эксперимент стало требоваться разрешение — его выдавали в случае доказательства неоспоримой пользы эксперимента. Кроме того, там было предписание не причинять животным ненужной боли и сообщать общественности о количестве экспериментов.

За год до вступления закона в силу в Великобритании проводилось около 800 опытов ежегодно. С тех пор английским вивисекторам удавалось добиваться того, чтобы все больше экспериментов признавали необходимыми для блага людей, и в одном только 1973 году число опытов на животных достигло 5 363 641, их выполняли 16 759 исследователей в 687 лабораториях. Более 4,5 миллионов экспериментов (85%) проводились без какой-либо анестезии, а доля животных, которых убивали до того, как прекращалось действие наркоза, составляло менее 4%.

Эти цифры могут показаться невероятными, но по сравнению с американскими и японскими показателями они скромны. Количество экспериментов на животных непосредственно связано с возможностью получения прибыли и грантами на так называемые научные исследования, поэтому США неизбежно стоят на первом месте. В России, где подобное субсидирование не практикуется, число опытов меньше, чем, например, в маленькой Швейцарии, невзирая на широко разрекламированный эксперимент профессора Демичева, который пересадил голову маленькой собаки в шею большой овчарке; на другой день, когда обе головы пили воду, их сфотографировали для печати, но рукотворного монстра пришлось в конце концов убить, потому что изнывающая от боли маленькая голова все время кусала своего хозяина.

Вот что говорит о причинах вивисекции Оуэн Б. Хант (Owen B. Hunt), один из предводителей борьбы против опытов на животных в США: «Основной причиной распространения вивисекции у нас являются деньги. Если бы ее не финансировали, 90% всех проектов сошли бы на нет. Кто-то какое-то время назад разъяснил правительству, что

за деньги можно купить все, в том числе и здоровье. Нужно только получать достаточно денег. Это стало новостью для исследователей, прежде всего для биологов. Среди высокопоставленных лиц, которые поддались на эти увещания, — президент Джонсон, а в целом вина лежит на всех президентах правивших страной после Второй мировой войны. Президент Джонсон разбрасывался обещаниями, что через несколько лет будут побеждены рак, сердечно-сосудистые и все остальные заболевания. Он столкнулся с тем, что все его обещания плюс деньги стонущих налогоплательщиков уходили в песок. А еще он столкнулся со стенокардией и атеросклерозом и умер от этих болезней в относительно молодом возрасте. Погибшие подопытные животные не помогли ему. Растроченные деньги налогоплательщиков тоже не принесли никому блага — никому, за исключением продажных экспериментаторов и подхалимов в органах здравоохранения и министерствах, предполагающих, что американцев легко обмануть».

Согласно Ратгерскому университету (Rutgers University) в Нью-Джерси, в 1971 году в американских лабораториях погибли в общей сложности 85 283 человекообразных обезьян, 46 624 свиньи, 22 961 козы, около 190 000 черепах, 200 000 кошек, 500 000 собак, 700 000 кроликов, 15–20 миллионов лягушек, 45 миллионов мышей и крыс. Эти цифры ошеломляют, но они, вероятно, занижены: год спустя один американский питомник похвастался, что за 12 месяцев продал 220 миллионов мышей в лаборатории.

Хотя идет постоянная разработка альтернативных методов, обеспечивающих лучшие результаты, чем опыты на животных, число животных, которые приносятся в жертву прибыли индустрии и радости относительно небольшой части индивидуальных ученых, ежегодно во всем мире возрастает примерно на 5%.

Это были цифры. А теперь мы посмотрим, что могло вывести людей на сей неправильный путь.

*

В течение XX века в западном мире началось воодушевление по поводу великих открытий и изобретений, которые изменили облик Земли — как тогда казалось, к лучшему. Понятно, что в те времена большинство людей верили обещаниям медикам, хотя многие ученые уже тогда насмеялись над этим. Сегодня абсурдность бернардизма проявляется ежедневно. Но вивисекторы между тем, как и Клод Бернар, изменили свои аргументы, чтобы прикрыть свои постоянные неудачи.

Сегодня «исследователи» признают, что с органической тканью нельзя так же экспериментировать, как с неживой материей; но они уверяют, что это обуславливает распространение вивисекции, а не отказ от нее, и таким образом игнорируют логику. В результате, неправильный путь бернардизма столь же сильно укоренился в нашей социальной структуре, как и ошибки галенизма в мрачном Средневековье.

Есть два главных объяснения — материальное и психологическое, почему традиционная медицина не желает согласиться с тем, что она выбрала неверный путь. Психологическое объяснение дал сам Клод Бернар. Он пишет: «Человек склонен признавать абсолютной истиной то, чему его учили» (*Médecine*, с. 214).

В США вивисекторы, прикрываясь демократией, добились «полной свободы вивисекции», как будто она равнозначна свободе слова и правам человека. Вивисекция в США прославляется, а ее противники, которые лишь изредка дерзают громко завить о своей позиции, рискуют стать изгоями, на них навешивают ярлык бесчеловечных и антиобщественных людей. С ними происходит то же самое, что с теми, кто в Средневековье рад был бы противиться охоте на ведьм, но не отваживался, иначе сам бы оказался с ними на костре.

Сегодня в Америке постоянно заботятся над тем, чтобы уже дети постигали новую религию. Лжеслужители посвящают себя этой задаче. Например, в Нью-Джерси общество учителей по естествознанию ежегодно проводит конкурс сочинений, и ученики могут получить в них денежные призы. В 1974 году тема называлась «Как использование

животных в медицинских исследования спасает миллионы жизней». Другая тема: «Необходимость использовать животных ради медицинского и научного прогресса».

В США имеются строгие законы о жестоком обращении с животными, но так называемая «наука» вследствие индустриальной пропаганды и своевременного промывания мозгов не подпадает под их действие.

Если в той стране кто-то бьет лошадь кнутом, он получит серьезное наказание. Но если кто-то под предлогом научных исследований захочет выяснить, после скольких ударов кнутом лошадь умрет, ему разрешать забить до смерти сто лошадей, потому что это «наука».

Часть 6

Биохимический бернардизм

Невозможно подсчитать количество выдающихся врачей и ученых, которые вольно или невольно разоблачали глупость вивисекции как медицинского метода исследования. Их можно найти при чтении старых или новых номеров медицинских журналов, таких как британский *Lancet* или американский *Journal of the American Medical Association*, а также материалов СМИ из разных стран. Некоторые заявления мы уже процитировали, особенно в главе про хирургию. Другие мы приведем в той части, где речь пойдет о трагедии со стилбестролом. Здесь перед нами пройдет еще некоторое их число в хронологическом порядке с целью показать, что тревожные звоночки появились не только что, и что в прежние времена службы здравоохранения игнорировали их столь же умышленно, как и сейчас это делает традиционная медицина, заинтересованная в обмане.

*

«Хлороформ настолько токсичен для собак, особенно молодых, что если бы это анестезирующее средство впервые попробовали на них, то человек бы его не получил бы еще много лет. Флуранс (Flourens) пронаблюдавший на животных его смертельное действие, заявил, что хлороформ — это вообще не анестетик, а результаты, которые сэр Лаудер (Lauder) получил при экспериментировании на собаках, были высмеяны всеми ведущими английскими анестезиологами» (Доктор Бенджамин Ворд Ричардсон (Benjamin Ward Richardson, *Biological Experimentation*, 1896, с. 54).

*

20 марта 1904 года парижское издание газеты *New York Herald Tribune* опубликовало длинную статью, которая начиналась со слов: «Многие выдающиеся французские врачи подтвердили утверждение доктора Марешаля (Maréchal), напечатанное здесь на прошлой неделе, что для успеха движение против вивисекции должно возникнуть в самих медицинских кругах, об этом свидетельствуют следующие мнения, которые *Herald Tribune* получила за последние несколько дней».

Выдержки из некоторых мнений, о которых сообщает газета.

Доктор Паке (Paquet), бывший врач-инспектор в *Enfants Assistés de la Seine*: «Вивисекция бесполезна для изучения медицинской науки. Она также бесполезна для изучения физиологии, потому что если мы сегодня знаем функции органов, мы получили эту информацию, благодаря лечению их при болезни. Мы узнали, какую физиологическую роль играет тот или иной орган в человеческом теле, через работу в *клинике*, а не вивисекционной лаборатории».

Профессор доктор Леон Маршан (Léon Marchand): «Предположение, что вивисекция дала что-то полезное хирургии или медицине, — ошибочно. Верно обратное. Я всегда считал, что так называемые «научные эксперименты» не только возмутительны и

негуманны, но также вводят в заблуждение и опасны, и я поражаюсь, что не все мои коллеги признают безумие экспериментов, производимых вивисекторами».

Доктор Эдгард Гирц (Edgard Hirtz) из больницы Некер (Necker Hospital): «Я отношусь к ним резко отрицательно. Это бессмысленная пытка и чистая жестокость».

Доктор Николь (Nicole): «С научной точки зрения я считаю, что вивисекция может только привести к ошибкам. Что касается морали, через такую жестокую и варварскую практику невозможно получить благотворных для человечества результатов. Единственным хорошим возможным результатом стала бы вивисекция людей, и я советую вивисекторам заняться оперированием друг друга».

Доктор Саливас (Salivas): «Бессмертный Гиппократ никогда не занимался вивисекцией, но поднял свое искусство до таких высот, до каких нам сегодня и близко не дотянуться, невзирая на все пресловутые великие современные открытия, являющиеся результатом введения странных теорий, которые ликвидировать будет очень сложно».

Доктор Матьё (С. Mathieu): «Во время изучения медицины в мои обязанности входила подготовка физиологических экспериментов в больницах. Это были бесполезные жестокости, и они меня ничему не научили».

Herald Tribune приводит еще ряд подобных мнений, и статья заканчивается списком 17 других известных французских врачей, которые также выступают против вивисекции.

*

Профессор доктор Феликс фон Нимейер (Felix von Niemeyer), наиболее уважаемый медицинский авторитет в Германии на рубеже веков, в своем руководстве *Handbuch der praktischen Medizin* (7 издание), разоблачает эксперименты на животных и делает различие между «научными» результатами, которые служат удовлетворению собственного тщеславия и любопытства, и практическими результатами, которые нужны пациентам: «Невзирая на свою научную ценность, тестирование на животных лекарств остается совершенно бессмысленным для лечения болезней, и практикующий врач не узнает из них для своих пациентов ничего такого, что бы он не знал 30 лет назад».

*

Доктор медицины Артур Лааб (Artur Laab), Грац, в своем докладе *Fort mit der Vivisection!* (Долой вивисекцию!) (Грац, 1905): «Известно, что вивисекторы страдают от научной эпидемии, и она все больше разрастается из-за неистовой и заразной заикленности на знаниях, вот почему эти люди уже не обладают компетенцией, чтобы судить как о научной и практической ценности, так и о нравственной стороне вивисекции».

*

«Эксперимент на животном не дает точного указания, каков будет результат того же эксперимента на человеке» (Доктор Роберт Кох (Robert Koch), Доклад Второй Королевской комиссии о вивисекции (Report of the Second Royal Commission on Vivisection), 1906-1912, с.31, абзац 48).

*

Известный французский терапевт, доктор Вольфганг Бон (Wolfgang Bohn), пишет в медицинском журнале *Mitteilungen* (№7–8, 1912): «Заявленная цель вивисекции не была достигнута ни в одном поле, и можно предсказать, что в будущем ее тоже не удастся достигнуть. Наоборот, вивисекция причинила огромный вред, убила тысячи людей... Мы имеем огромное количество лекарств и терапевтических приемов, которые были усовершенствованы без пыток животных, но не используются и не распространяются должным образом, потому что наше поколение исследователей не знает никаких методов, кроме вивисекции».

*

«Туберкулез морских свинок столь же мало похож на туберкулез человека, как онкология мышей на онкологию людей. Исследования не приносят результатов только потому, что в лабораториях бессмысленно умирают столько животных. Принесение в жертву сотен морских свинок, к сожалению, показало мне, равно как и многим другим ученым, лишь одно: результаты работы с животными даже самым отдаленным образом не применимы при работе с людьми» (профессор доктор Дуайен (Doyen), Париж, *Abolitionist*, №5, 1 мая 1912, с. 117).

*

«Открытие анестезии никак не связано с экспериментами на животных». (Доклад Королевской комиссии о вивисекции (Report of Royal Commission on Vivisection), 1912, с.26)

*

Готовя статью для *New York Daily News* (13 марта 1961), давний штатный сотрудник этого издания Вильям Хендрикс (William H. Hendrix) вспомнил интервью со знаменитым доктором Чарльзом Мейо (Charles Mayo, не путать с другим, последующим доктором Чарльзом Мейо) которое ранее уже печаталось много раз: «Я ненавижу вивисекцию. Ее нужно отменить. Я не знаю ни одного достижения, которое бы воплотилось в жизнь благодаря вивисекции, ни одного научного открытия, которое было бы невозможно без этого варварства и жестокости. Это — зло».

*

Доктор Абель Дежарден (Abel Desjardins), президент Общества хирургов Парижа (Society of Surgeons of Paris), профессор хирургии в Ecole normale supérieure, один из ведущих хирургов Франции: «Не знаю ни одного хорошего хирурга, который узнал что-то полезное через вивисекцию» (*L'Intransigeant*, 25 августа 1925).

*

«Молодому врачу внушают, что здоровые и больные люди реагируют так же, как подопытные животные. Эта ошибочная идея очень вредит врачебному искусству и самим пациентам. Это также доказал профессор Ганс Мух (Hans Much), который подробно критиковал эту ошибку». (Доктор Эрвин Лик (Erwin Liek), один из самых выдающихся немецких врачей, хирург Данцига (Гданьска), в *The Doctor's Mission*, John Murray, Лондон, 1930, с. 5. Профессор Ганс Мух (Hans Much) из Университета Гамбурга (Hamburg University), автор множества медицинских трудов и открыватель бацилл туберкулеза — один из самых выдающихся медицинских исследователей XX века).

*

«Мы можем понять воздействие радия лишь через изучение его влияния на пациентов» (доктор Брекстон Хикс (J. A. Braxton Hicks), *British Empire Cancer Campaign, Seventh Annual Report*, 1930, с. 58).

*

«Те, кто имеет наибольший опыт в распространении опухолей с помощью пересадки клеток, уже давно признали, что весь этот процесс совершенно искусственный и не имеет аналога в природном происхождении опухоли» (Доктор У. Е. Гай (W. E. Gye), *The Cause of Cancer*, Лондон, 1931, с. 22).

*

Доктор А. Жаке (A. Jacquet), профессор фармакологии в Университете Базеля (Basel University) вызвал немалое замешательство в академических кругах, когда заявил студентам в своей прощальной речи: «Дамы и господа. Позвольте мне в последний час своей преподавательской карьеры оглянуться назад. Я всегда смущался, когда должен был преподнести студентам как факты, на которых основывается лечение, материал, изобилующий неуверенностями, неоднозначным опытом и даже предрассудками. Материал, образующий сущность лекции — это прежде всего результаты экспериментальной фармакологии и экспериментальной терапии. Что касается первого источника, нужно помнить, что фармакологический эксперимент — это грубая операция. Животному вводят яд до тех пор, пока не начнутся заметные функциональные нарушения. Происходит постоянное вмешательство в тонкий баланс взаимодействующих функций, а на тот факт, что новая фармакология есть не что иное, как токсикология животных, не обращают внимания. Здоровых животных травят и делают больными. Это принципиально отличается от воздействия на патологическую функцию у больного человека через введение лекарства. Я всегда был против грубости тих операций. Молодые врачи начинают практиковать без достаточной подготовки и таким образом более легко становятся жертвами фармацевтической рекламы. Их терапевтическими консультантами стали брошюры производителей... (Schweizerische Medizinische Wochenschrift, 1932, №22, с. 513).

(По поводу этих слов может быть сделано лишь одно критическое замечание: жаль, что профессор Жаке сказал их в последний час своей преподавательской карьеры, а не в первый).

*

«Мы не осмелимся утверждать, что морские свинки лучше или хуже, чем люди; но они иные, настолько иные, что если бы эксперименты проводились не под эгидой Национального института медицинских исследований (National Institute for Medical Research), мы были склонны описать их как бессмысленные, если не глупые». (The Effects of Alcohol, The Morning Post, 9 июля 1932).

*

«Диабет — это симптом, а не болезнь, и инсулин его только смягчает. Этот препарат не проливает света, и если бы причина была найдена и устранена, он бы не понадобился» (доктор Макдона, The Nature of Disease Journal, том I, 1932, с. 1).

*

«В последние годы эксперименты на животных отвлекли внимание научных работников и запутали их, когда, как казалось, свидетельствовали о том, что источником того или иного явления служит витаминная недостаточность, но на самом деле причина заключалась в болезни, которая возникла вследствие содержания животных в совершенно неестественных условиях и не только в результате недостатка витаминов, но и неудовлетворительного питания, отсутствия движения, солнечного света и, возможно, тепла (доктор Дж. Сим Воллес (J. Sim Wallace), Кингс-Колледж (King's College), Лондон, Report in Medical Press and Circular, 21 сентября 1932, с.229).

*

«Так получается, что все наши знания о структуре, симптомах, диагностике и лечении неоплазии (рака) идут от тех, кто работают с проблемой прямыми клиническими методами. Вклад лабораторных экспериментаторов в эти обширные знания практически равен нулю» (доктор Гастингс Гилфорд (Hastings Gilford), хирург, Lancet, 15 июля 1933, с. 157).

*

«Исследование действия витаминов, а потом их коммерческое производство имеют в качестве основы биологические проверки, неправильность которых была впоследствии доказана» (доктор Чарльз Ватсон, *Scottish Journal of Agriculture*, октябрь 1933).

*

«Я придерживаюсь убеждения, что изучение физиологии человека через эксперименты на животных есть самая нелепая и невероятная ошибка, когда-либо совершенная человеческим разумом» (Доктор Уолкер (G F. Walker), *Medical World*, 8 декабря 1933, с. 365).

*

«В течение многих лет многочисленные преданные работники лабораторий проводят онкологические исследования в лабораториях нашей страны и других стран, и на это расходуется много средств. Неудачные попытки выдающихся ученых получить полезные результаты относительно этой болезни у человека, показывает, что они используют при работе непродуктивные методы» (У. Митчелл Стивенс (W. Mitchell Stevens), доктор медицины, член Королевского общества врачей, *British Medical Journal*, 24 февраля 1934, с. 352).

*

«Чтобы показать на дальнейших примерах, в какой мере наблюдения на человеке должны верховодить при утверждении лекарств, назовем дигиталис — нет более ценного лекарства в современной фармакопее. Самую необходимую информацию про обширное действие дигиталиса при мерцательной аритмии (auricular fibrillation), невозможно было бы узнать с помощью наблюдения за лягушкой или обычным млекопитающим, а только тем путем, каким она была получена, через наблюдения за пациентами» (доктор Томас Льюис (Thomas Lewis), хирург, *Clinical Science, Shaw and Sons, Ltd.*, Лондон, 1934, с. 188–189).

*

«Потом существуют психологи. Здесь мы сталкиваемся с самым вопиющим примером бесполезности экспериментов на животных. Такие эксперименты ведут нас в никуда. Более того, они мешают прогрессу медицинской науки» (ведущая статья, *Medical Times*, март 1934, с. 37).

*

«Они (язвы желудка и двенадцатиперстной кишки) никогда не возникают у животных естественным путем, и их сложно воспроизвести экспериментальным методом. Их создавали так, но обычно с помощью грубого повреждения, не имеющего никакой связи с каким-либо возможным причинным фактором у человека; более того, эти экспериментальные язвы неглубоки, быстро излечиваются и мало похожи на укоренившиеся хронические язвы, которые мы наблюдаем у наших пациентов (доктор У. Х. Огилви (W.H. Ogilvie), хирург-консультант в Больнице Гай (Guy's Hospital), *Lancet*, 23 февраля 1935, с. 419).

*

«Дигиталис бесценен в случаях сердечной недостаточности, связанной со склерозом артерий. Нас слишком долго учили иначе, из-за ошибочного применения результатов опытов на животных к людям» (*Medical World*, 8 февраля 1935, с. 724).

*

«Приходится глубоко сожалеть по поводу времени и энергии, уходящей впустую при нынешнем курсе онкологических исследований. Жаль осознавать, что многих способных научных работников обманули и заставили думать, что причина и способы лечения рака будут обнаружены с помощью экспериментов на животных (Medical Times, январь 1936, с. 3).

*

«Проблема зубного кариеса по существу касается человеческой расы... так как невозможно было с достоверностью вызвать его у лабораторных животных в форме, сходной с тем, что возникает естественным путем у человека» (Главная Служба питания животных» (The Imperial Bureau of Animal Nutrition), Nutrition Abstracts and Reviews, том 5, № 3, январь 1936).

*

При комментировании экспериментов на собаках, кошках и свиньях Medical Times за декабрь 1936 года заявляет: «Экспериментаторы утверждают, что надо открыто признать, что, в отличие от животных, у человека язва желудка не возникает из-за значительных изменений желудочно-кишечного канала. Так зачем те эксперименты вообще проводились? Все это дело кажется довольно странным каждому человеку, обладающему критическим мышлением» (с. 187).

*

«Единственный ключ к прогрессу — это клинические исследования, по меньшей мере, в сфере медицины» (Medical World, 12 февраля 1937, с. 847).

*

«Когда при вскрытии он исследовал желудки людей, умерших от злокачественной анемии, то обнаружил сильная атрофия дна, но в привратнике и двенадцатиперстной кишке не было практически никаких изменений — это открытие полностью противоположно тому, что он ожидал, исходя из своих экспериментов на животных». (Доклад, Lancet, 12 июня 1937, с. 1404).

*

«Нам хотелось бы знать, когда медики объединятся, чтобы выразить свое неудовлетворение тем, как их сбивают с толку опубликованные результаты физиологических и фармакологических экспериментов на животных» (редакционная статья, Medical Times, апрель 1937).

*

«Чем скорее мы поставим работника лаборатории на предназначенное ему место в медицине, тем с большей вероятностью мы добьемся успеха в диагностике и лечении болезней. В настоящее время экспериментаторы нас очень сильно сбивают с пути» (Обзор из Medical Annual, 1937, Medical World, 28 мая 1937, с. 462).

*

«Ради всего святого — давайте вернемся к больничной койке и оставим лабораторных работников с их экспериментами и часто безнадежными противоречиями» (редакционная статья, Medical Times, ноябрь 1937, с. 170).

*

Прежде всего, хорошо известно, что у экспериментального животного почти невозможно воспроизвести травму или болезнь, имеющую сходство с тем, что встречается у людей» (доктор Лайонел Уитби (Lional Whitby), Practitioner, декабрь 1937, с. 651).

*

Доктор А. Дж. Кларк (A. J. Clark) при написании «Индивидуальной реакции на лекарства» (Individual Response to Drugs) в British Medical Journal 14 августа 1937 утверждал (по поводу выявления смертельной дозы лекарства): «Еще двадцать лет назад используемый метод заключался в том, чтобы давать разные дозы двадцати и более животным... Как только были произведены систематические исследования, выяснилось, что индивидуальная реакция животных на лекарства сильно различается, и, следовательно, методы, использовавшиеся в течение столетия, неточны в своей основе» (с. 307).

*

«В настоящее время все преподавание фармакологии выстроено неверно. Причина заключается в том, что ее преподают экспериментаторы, которые привыкли к лабораторным экспериментам и опытам на животных, хотя это, несомненно, должны делать клиницисты, имеющие опыт работы с человеческой болезнью» (Редакционная статья, Medical Times, июль 1938).

*

«Возьмем относительно недавнее лекарство, ацетилхлорин. После экспериментов на животных утверждалось, что оно представляет большую ценность при паралитической кишечной непроходимости. Мы знаем, что оно небезопасно при этом заболевании у людей и становилось причиной смерти при введении после операций» (редакционная статья в Medical World, 15 апреля 1938, с. 246).

*

Medical World, 15 апреля 1938, в редакционной статье (с.246) сообщает по поводу обучения студентов-медиков: «Мы спокойно говорим о том, что его мало учат тому, что будет представлять для него хоть какую-то ценность. Ему читают лекции о кошках с удаленным мозгом, мышечно-нервных препаратах лягушки, теориях усталости мышц и т.д., и все это совершенно бесполезно для медика-практика.

*

«Кошки не представляют пользы в научных исследованиях, потому что результаты, полученные на одной особи, отличаются от того, что было получено на другой. Мы давали им растолченное в порошок стекло, чтобы посмотреть, как оно влияет на их легкие. Они поглощали его и прекрасно себя чувствовали» (доктор А. Е. Баркли (A. E. Barclay), профессор медицинских исследований в Колледже Наффилд (Nuffield) и Оксфордском университете на конференции по туберкулезу, сообщается в Sunday Express, 10 апреля 1938).

*

«Часто бывает, что даже после полного и тщательного фармакологического исследования лекарства на нескольких видах животных и признания его относительно малой токсичности, это лекарство производит неожиданную токсичную реакцию на человека. Данный факт известен почти с самого рождения научной фармакологии». (доктор Е. К. Маршалл (E. K. Marchall), Балтимор, Journal of the American Medical Association, 28 января 1939, с. 353).

*

«Хотя все соединения сульфонамида не вызывали токсичных реакций у животных, по мере увеличения клинического опыта выяснилось, что они оказывают определенное нежелательное действие на человека» (Ведущая статья, *British Medical Journal*, 19 августа 1939, с. 405).

*

Доктор Эрвин Е. Нельсон (Ervin E. Nelson) в своем президентском обращении к отделу фармакологии и терапии на Ежегодной Сессии Американской Медицинской Ассоциации в 1939 году заявил, что минимальная летальная доза лекарства, которое вводится путем инъекции, как в случае с дигиталисом, относится лишь к 50% животных, на которых ставили эксперимент; «почти каждое конкретное животное может погибнуть от гораздо меньшей дозы, или же ему может потребоваться гораздо большее количество... Некоторым кошкам нужна доза, более чем в два с половиной раза превышающая дозу для других» (*Journal of the American Medical Association*, 7 октября 1939, с. 1373).

*

«Чаще всего к вивисекции прибегают, когда ожидается, что удастся достигнуть задуманной цели. Результаты не оправдывают затраченных средств, потому что постановка целей — дело бесполезное; об этом свидетельствуют исследования, которые проводятся такими методами и скорее замедляют прогресс, чем способствуют ему» (Доктор Дж. Е. МакДона (J. E. R. McDonagh), хирург, в *The Universe through Medicine*, Heinemann, Лондон, 1940, с. 371).

*

«В течение многих лет я тщательно изучал годовые отчеты Министерства Здравоохранения (Ministry of Health), Медицинского Исследовательского Совета (Medical Research Council) и двух органов по исследованию рака, но не смог выяснить, какое благо они принесли для общества, хотя должен признаться, что часто восхищался их красноречием и наивным предположением о ценности собственных усилий в том, чтобы вытягивать еще больше денег из благородной и доверчивой британской общественности» (доктор У. Митчелл Стивенс (W. Mitchell Stevens), *Medical World*, 5 июля 1940, с. 465).

*

В настоящее время многие противоречивые сообщения об опытах на животных затуманивают проблемы, стоящие перед врачами-клиницистами и таким образом зачастую создают безнадежную путаницу» (доктор Гарри Бенджамин (Harry Benjamin), *Medical World*, 17 января 1941, с. 505).

*

В *Lancet*, 10 октября 1942 (с. 431) делается ссылка на труды Дункана (Duncan) и Блэлока (Blalock), где речь идет о вызывании «экспериментального шока» у собак через травмы, вызванные ударами. В аннотации делается комментарий, что все эти эксперименты нерезультативны, потому что почечная недостаточность — из-за нее человек обычно умирает — у собак вообще не встречается.

*

«В прежние времена нас учили, что дигиталис повышает кровяное давление — данный вывод был сделан целиком и полностью в ходе экспериментов на животных. Теперь мы знаем, что это полная ерунда. Данное лекарство представляет большую ценность в определенных случаях, когда кровяное давление слишком высоко» (доктор Джеймс Барнет (James Burnet), *Medical World*, 3 июля 1942, с. 338).

*

«Никакой экспериментальный шок у животных нельзя полностью идентифицировать с клиническим шоком, так как мы не знаем, в чем заключается последнее» (доктор Дж. Унгар (G. Ungar), Париж, *Lancet*, 3 апреля 1943, с. 421).

*

«Огромное количество лабораторных опытов и экспериментов на животных в очень многих отношениях угрожает самым основам практической медицины. Поскольку условия болезни невозможно правильно симитировать у лабораторных животных, зачем настаивать на проведении таких экспериментов?» (выдержка из *Medical World*, 18 мая 1945, доктор Джеймс Барнет (James Burnet), один из самых известных британских врачей, покойный врач-эксперт Университета в Абердине).

*

«Несмотря на то, что туберкулез у человека и у животных вызывает один и тот же микроорганизм, заболевания у них существенно отличаются. Болезнь животного относительно проста, ее течение предсказуемо, в то время как у человека она гораздо сложнее; поэтому не следует полагать, что лекарство, которое эффективно для животного, будет настолько же полезно и для человека» (*Lancet*, 20 июля 1946).

*

«Характерные реакции при лейкемии были обнаружены исключительно в результате клинических наблюдений. Различные виды данного заболевания у мышей и крыс довольно плохо поддавались лечению уретаном, и, если бы все внимание было сосредоточено только на животных, замечательное действие этого препарата на человека, возможно, не было бы открыто, что иллюстрирует риски, которыми сопровождается подобная работа» (Профессор Александр Хэддоу (Alexander Haddow), *British Medical Journal*, 2 декабря 1950, с. 1272).

*

«Локализация психических функций — это искусственный атрибут мозга, присвоенный ему наблюдателем... Мозг и его обычный владелец ничего не знают об этом свойстве, и оно не имеет абсолютно никакого значения для человека и его поведения. Исключение составляют те, для кого локализация представляет интерес как объект изучения. В широком смысле слова локализация — это такая абстракция, которая способна уводить нас все дальше и дальше от реальности» (доктор Уильям Гуди (William Goody), помощник врача в Национальной больнице (National Hospital) и консультирующий невролог в больнице при Университетском колледже (University College Hospital). *Lancet*, 17 марта 1951, с. 627).

*

«Нет никаких оснований предполагать, что какая-либо экспериментальная операция позволяет изучить естественную функцию коры головного мозга. Экспериментатор нарушает нормальное функционирование — т.е. вызывает то, что клиницисты называют симптомом — но мы не можем допустить, что симптом — это то же самое, что и нормальная функция или процесс. Несмотря на это, предполагается, что посредством нескольких поколений стимуляторов коры головного мозга необходимая информация была получена, и это является основной причиной, по которой мы до сих пор не можем прийти к единому мнению относительно контроля целенаправленных движений корой головного мозга» (доктор Ф. М. Р. Уолш (F. M. R. Walshe), *Lancet*, от 17 ноября 1951, с. 898).

*

«Годы идут, а заболеваемость раком растет. Поиск причин и сегодня дает очень скудные результаты. Во многом это связано с тем, что онкологические исследования проводились и до сих пор проводятся на лабораторных животных... Мы считаем, что, до тех пор пока ученые не станут опираться на практику, оставив испытателей онкологических лабораторий горевать из-за неудач, реального прогресса не будет» (Cancer, an Abstract Review, Medical Review, февраль 1951).

*

«К сожалению, желудочно-кишечный тракт человека очень отличается от пищеварительного тракта животных, и результаты новой операции по поводу желудочного заболевания не могут быть предсказаны посредством оперирования собак» (Редакторская статья, Lancet, 5 мая 1951, с. 1003).

*

«Результаты, полученные экспериментальным путем на таких животных (морских свинках), конечно же, не следует относить к человеческому ревматизму, потому что проведение таких аналогий в прошлом часто приводило к ошибкам» (Ведущая статья, British Medical Journal, 7 июля 1951, с. 37).

*

«Значительная часть работы подразумевает добавление в течение длительного времени в корм подопытным животным тестовых веществ, но результаты таких испытаний применимы только к тем животным, которые в них использовались — как правило, это крысы» (Ведущая статья, British Medical Journal, 13 октября 1951, с. 897).

*

«С помощью экспериментов на животных было трудно предсказать, насколько сильно и с какой вероятностью мышечный релаксант будет влиять на дыхательную деятельность человека... Определение продолжительности воздействия лекарств на человека с помощью лабораторных экспериментов сопровождается точно такими же трудностями» (доктор Х.О. Колльер (H. O. Collier), главный фармацевт компании «Ален энд Хенберис лимитед» (Allen and Hanburys, Ltd.), British Medical Journal, 17 февраля 1951, с. 353).

*

«Вакцины из мозговой ткани животных, содержащие либо убитые вирусы, либо смесь убитых и живых, могут защитить животных, но при парентеральном введении являются потенциально опасными для человека. Дать проглотить живые вирусы животному — это одно, сделать то же самое по отношению к человеку — совершенно другое». (Ведущая статья, British Medical Journal, 6 сентября 1952, с. 551).

*

«Невозможно отрицать, что организованные исследования, направленные на выявление причин развития рака, провалились. Во всех цивилизованных странах мира бесчисленное количество ученых всех степеней неутомимо трудятся во всевозможных заведениях и лабораториях, используют неисчислимые человеко-часы, незаменимые материалы и миллионы фунтов стерлингов — но люди от этого получают до боли мало пользы... Многие наши величайшие открытия были сделаны не результате бесконечных экспериментов, а благодаря процессу естественного мышления» (статья «Истоки рака» (Ab Ovo Cancer), Medical World, 25 января 1952, с. 576).

*

«Я не буду обсуждать исследования, проводившиеся для выявления причин пептической язвы, потому что они ведут в никуда. Большая часть работы выполнялась на животных, а у них пептической язвы не бывает» (сэр Хинейдж Огилви (Heneage Ogilvy), хирург, *Nursing Mirror*, 21 октября 1952).

*

«Мы признаем, что практические вопросы экспериментального исследования рака нас разочаровали. Эти работы дали нам много информации о злокачественных опухолях у низших животных, но на практике выясняется, что для человека она не актуальна» (*Medical Officer*, 1952).

*

«Любая работа, которая имеет целью объяснить причину заболевания, его механизм, способ лечения или предупреждения, должна начинаться и заканчиваться наблюдениями за людьми, какими бы ни были промежуточные шаги... Человек во многих отношениях сильно отличается от любых видов, содержащихся в клетках и используемых в смертельных экспериментах, которые может проводить какая угодно дисциплина, но только не клиническая наука» (сэр Джордж Пикеринг (George Pickering), доктор медицины, Лондонский университет (University of London), *Lancet*, 8 ноября 1952, с. 895).

*

«Ваготомия сомнительна в том смысле, что любая процедура, основанная главным образом на экспериментах на животных, часто бывает сомнительной» (сэр Хинейдж Огилви (Heneage Ogilvy), хирург, *British Medical Journal*, 9 августа 1952, с. 302).

*

«Имеются предупреждения о том, что не следует безоговорочно применять к человеку выводы, сделанные в ходе экспериментов на животных. Ни один из сильных канцерогенов не вызывает рака у обезьян» (*Lancet*, 9 августа 1952, с. 274).

*

«Свидетельства, полученные в ходе экспериментов, могут приводить к опасным заблуждениям, потому что, как выразился один хирург, выполняющий операции на желудке, «не все наши пациенты ведут себя точно так же, как собаки» (аннотация, *Lancet*, 20 сентября 1952, с. 572).

*

«До тех пор, пока исследователь играет с мышами и другими животными, оставаясь в стороне от клиницистов и патологов, онкологические исследования не увенчаются успехом. До настоящего времени здесь были сплошные неудачи, и ситуация, скорее всего, не изменится до тех пор, пока исследования будут идти в том направлении, которое мы считаем совершенно неправильным и обманчивым» (Примечания к книгам, *Medical Review*, ноябрь 1952).

*

«Большая часть наших знаний о трансплантации основывается на экспериментах на животных; но реакция последних на аллотрансплантацию, по-видимому, так же отличается от человеческой, как и болезни, от которых они страдают...» (ведущая статья, *Lancet*, 29 ноября 1952, с. 1068)

*

«Экспериментаторы игнорируют хорошо известные факты о человеческих заболеваниях — чтобы признать и исправить ошибки, им надо открыть эти факты заново» (доктор Клиффорд Уилсон (Clifford Wilson), *Lancet*, 19 сентября 1953, с. 579).

*

«Трудно не согласиться с тем, что переломы и ожоги у собак и у человека — это разные вещи» (доктора Харви Аллен (Harvey S. Allen), Джон Л. Белл (John L. Bell) и Шерман У. Дэй (Sherman W. Day), Чикаго, Иллинойс, *Surgery Gynecology and Obstetrics*, том 97, ноябрь 1953, с. 541).

*

«Невозможно переоценить, как глупо определять действие лекарств с помощью животных. Возьмем случай с хлорамфениколом (хлормицетином). Это лекарство тестировалось на собаках в течение долгого времени, при этом у них обнаруживалась лишь кратковременная анемия, но прием препарата людьми повлек за собой летальные исходы ...» (Редакционная статья, *Medical Review*, сентябрь 1953).

*

«Предположение, что кислота, действующая на нервные окончания в основании язвы, является основной причиной боли при этом заболевании, основано на противоестественных экспериментах, неверной анатомии и ошибочной патологии... У многих пациентов с болезненными язвами нет нервов в их основании, у некоторых нет кислоты, а у некоторых — и язвы...» (Доктор В.Дж. Кинселла (V.J. Kinsella), Сидней, *Lancet*, 22 августа 1953, с. 361)

*

«Хотя рак легких описан у многих видов, нет такого лабораторного животного, у которого бы опухоли подобные обычной сквамозной или анапластической карциноме бронхов у человека развивались спонтанно ...» (доктор Ричард Долл (Richard Doll), *British Medical Journal*, 5 сентября 1953).

*

«Было установлено, что один из новых антибиотиков, хлорамфеникол, являлся причиной смертельной апластической анемии у людей. Однако тщательное тестирование препарата на собаках не выявило никаких свидетельств подобных нарушений и заболеваний у этих животных» (*Bulletin*, Истон, Массачусетс, 2 апреля 1953).

*

«В первых тестах на токсичность мыши использовались благодаря их малому размеру, но какая удача, что у человека в этом отношении больше сходства с мышами, чем с морскими свинками. Если бы испытания проводились исключительно на морских свинках, нам пришлось бы сказать, что пенициллин токсичен, и, возможно, не стоит и далее пытаться преодолевать трудности на пути к производству данного препарата в целях его испытания на людях...» (Доктор Хоуард Флори (Howard Florey), лауреат Нобелевской премии, один из первооткрывателей пенициллина. «Успехи в химиотерапии, достигнутые благодаря экспериментам на животных» (*The Advance of Chemotherapy by Animal Experiments*), *Conquest*, январь 1953, с. 12)

*

«Меня больше волнует не жестокость, а глупость экспериментов на животных... Применять результаты экспериментов на собаках к этиологии и лечению пептической язвы у человека — это так же научно, как основывать курс для молодых мам на

исследовании материнского поведения самок кенгуру» (Обращение сэра Хинейджа Огилви (Heneage Ogilvy), доктора медицины, хирурга, к Медицинскому обществу города Лидса (Leeds Medical Society) 12 декабря 1952, Lancet, 21 марта 1953, с. 555).

*

«Всегда следует помнить, что результаты экспериментов на животных могут не иметь особой ценности для предсказания действия того или иного вещества на человека...» (доктор Дж. М. Барнс (J. M. Barnes), Всемирная организация здравоохранения (World Health Organization), монография №16, 1954, с.45).

*

«Выводы, сделанные в ходе работы с людьми, гораздо более убедительны, чем доводы, полученные с помощью мышей — последние действительно могут вводить в заблуждение, как и произошло при изучении уретана, который оказывал некоторое ингибирующее воздействие на рост опухолей у человека, но имел выраженное, хотя и временное воздействие на людей, страдающих хронической лейкемией» (доктор Лиройд (C. G. Learoyd), хирург, Medical World, август 1954, с. 172).

*

«Никакой экспериментатор не может сообщить ни единого факта о человеческом заболевании» (Доктор Д. А. Лонг (D. A. Long) из Национального института медицинских исследований (National Institute for Medical Research), Лондон, 13 марта 1954, с. 532).

*

«Мало какие неврологические и, пожалуй, никакие психиатрические нарушения не могут быть адекватно воспроизведены на животных» (обзор, British Medical Journal, 12 июня 1954, с. 1364).

*

«На онкологические исследования выделяются невиданные суммы денег, но из этого мало что выходит» (редакционная статья в Medical Officer, 30 апреля 1954, с. 197).

*

«Давайте не будем обманывать сами себя. Слава морской свинки — это иллюзия» (редакционная статья в The Medical Press от 19 января 1955 г., с. 45).

*

«Недавно доктор Гаральд Окенс (Harald Okens), профессор анатомии из Университета Копенгагена (University of Copenhagen), заявил, что не существует неопровержимых аргументов, которые могли бы оправдать научные эксперименты на собаках. Со своей стороны он категорически запретил подобную деятельность в институте, руководителем которого являлся. По его мнению, законодательный запрет на такие эксперименты принес бы большую пользу» (Dog's Bulletin, февраль 1955).

*

«Концепция функционирования разных частей гипоталамуса была во многом выстроена в ходе экспериментов на животных, во время которых определенные зоны этого органа стимулировались или разрушались. Результаты таких экспериментов могут оказаться обманчивыми, потому что деструктивное поражение способно вызвать совершенно иное клиническое состояние, чем то, которое возникает из-за раздражения...» (The Medical Press, 21 сентября 1955, с. 272).

*

«Нужно вам сказать, что одно дело — явление на данном организме при нормальных условиях, как в нашем случае, а другое дело — в случаях патологических явлений, а тем более искусственных лабораторных явлений, как, например, раздражениях мозга. Это, конечно, совершенно разные вещи» (Иван Петрович Павлов. Избранное: Издательство литературы на иностранных языках, Москва, 1955, с. 383).

*

«Исчезновение наших знаний — это то, о чем мы редко упоминаем. Мы самоуверенны на каждом этапе развития. Прочитайте свои лекции 1928 или 1929 года, если они у Вас есть. Поразительно, как мало знали тогдашние «зубры». Но мы и сейчас так же невежественны, как и раньше. Результатом стремления пополнять свои знания последними данными стал еще больший объем ложной информации. Но только мы не признаемся в этом, даже сами себе» (Lancet, 24 ноября 1956, с. 1100).

*

«Интенсивные исследования канцерогенных веществ, проводившиеся в течение последней четверти века, скорее не упростили, а осложнили проблему» (Lancet, 16 февраля 1957, с. 334).

*

«Нишульц (Nieschultz) и его коллеги (1954) тестировали пакатал на животных и выяснили, что последние его хорошо переносят. К сожалению, большая частота токсических побочных эффектов, наблюдавшаяся в группе пациентов, получавших этот препарат, вынуждает предположить, что его широкое использование неоправданно» (доктор П. Митчелл (P. H. Mitchell), доктор П. Сайкс (P. Sykes), хирург и доктор А. Кинг (A. King), хирург, British Medical Journal, 26 января 1957, с. 207).

*

«Вопреки распространенному мнению, основанному на исследованиях низших животных, ксантиновые препараты вызывают серьезное сужение сосудов мозга человека» (доктор Сеймур Кетти (Seymour S. Ketty), заведующий, Лаборатория клинической науки (Laboratory of Clinical Science), Национальный институт психического здоровья (National Institute of Mental Health), Бетесда, Мэриленд, Triangle, том III, № 2, июнь 1957, с. 47, 51).

*

«Печально думать, что сотни исследователей, которые работают над проблемой курения и рака легких уже более тридцати лет и при этом тратят сотни миллионов, в итоге достигли столь незначительных результатов, если таковые вообще имеются. Это самое количество денег и усилий стало основой организованного исследования, которое уже не удивляет своей оригинальностью. Это же самое количество и позволяет проводить его через хорошо известные каналы» (Доктор В. А. Болл (W. A. Ball), хирург, Lancet, 6 июля 1957, с. 45).

*

«Откуда мы знаем, что лекарство, протестированное на 15 различных видах животных, включая приматов, и оказавшееся безопасным, будет безопасно и для человека? Этот вопрос актуален и для обратного предположения. Как мы можем быть уверены, что лекарство, токсичное для 15 различных видов животных, будет токсичным и для человека?» (доктор А. Л. Бакаррак (A. L. Bacharach), Химическая исследовательская лаборатория Уэлкам (Wellcome Chemical Research Laboratory), в работе «Прикладная фармакология: количественный метод в фармакологии и терапии человека (Quantitative

Method in Human Pharmacology and Therapeutics), Pergamon Press, Лондон, 1959, с. 196. Доклад, представленный на лондонском симпозиуме в марте 1958 года).

*

«Действительно, логического основания, позволяющего переносить результаты с животных на человека, не существует» (доктор Л. Гольдберг (L. Goldberg), Каролинский институт (Karolinska Institute), Стокгольм. «Количественный метод в фармакологии и терапии человека» (Quantitative Method in Human Pharmacology and Therapeutics), Pergamon Press, Лондон, 1959, с. 197. Доклад на симпозиуме в Лондоне, март 1958).

*

«Информацию, полученную в ходе экспериментов, связанных с искусственным стимулированием развития рака у животных, невозможно использовать при работе с людьми» (доктор Кеннет Старр (Kenneth Starr), глава Особой комиссии по исследованию и лечению рака в Службе здравоохранения Нового Южного Уэльса, сообщение в Sydney Morning Herald от 7 апреля 1960).

*

«Кракофф (Krakoff) отмечает, что успех при работе с животными не гарантирует успеха при работе с людьми. В качестве примера он приводит то, что у животных антагонисты глутамина задерживали рост опухолей и трансплантированной лейкемии, но не оказывали заметного воздействия на лейкемию человека. Этот вывод наводит на мысль, что между лейкемией человека и наблюдаемых видов животных имеются серьезные метаболические различия (редакционная статья в Lancet, 9 июля 1960, с. 82).

*

«Журнал Leukemia Abstracts (издается Фондом Леноры Шварц за исследование лейкемии, г. Чикаго) каждый месяц делает обзор 60–70 статей, в которых речь идет о лейкемии. Но мы все еще не приблизились к решению проблемы» (Lancet, 9 июля 1960).

С тех пор прошло много лет, но решение по-прежнему не близко, более того, ситуация ухудшается — заболеваемость лейкемией возрастает, особенно среди детей.

*

«Как я понимаю, идея состоит в том, чтобы с помощью лабораторных экспериментов на низших животных выявить основные принципы и затем использовать их при работе с больными людьми. Я имею образование в области физиологии и считаю себя достаточно компетентным, чтобы оценить такое заявление. Это полная чушь» (сэр Джордж Пикеринг (George Pickering), профессор Королевской кафедры медицины (Regius Professor of Medicine) в Оксфордском университете, British Medical Journal, 26 декабря 1964, с. 1615–1619).

*

«Другая серьезная проблема, возникающая из-за правил и явлений, которые способствуют продолжению экспериментов на животных — это преследование ненаучных целей. *Исследования на животных проводятся не по научным, а по юридическим соображениям.* Такие работы часто не имеют никакой прогностической ценности для человека, а это значит, что наши исследования могут оказаться бессмысленными». (доктор Джеймс Г. Галлахер (James G. Gallagher), руководитель отдела медицинских исследований, Лаборатории Ледерле (Lederle Laboratories), Journal of American Medical Association, 14 марта 1964).

*

«Мы — подмастерья колдуна, особенно в области науки. Мы хвастаемся открытиями, которые нас отравляют. Я думаю, что следующему поколению потребуется много времени и смелости, чтобы справиться с катастрофическими последствиями наших исследований» (Профессор Пьер Лепэн (Pierre Lépine), директор кафедры бактериологии в Институте Пастера (Pasteur Institute), член Академии наук и Национальной академии медицины, интервью французскому ежедневному изданию *Alsace*, 17 марта 1967).

*

«Значительная часть экспериментальной работы с животными по изучению атеросклероза скорее сдерживала прогресс, чем способствовала ему» (*Medical News Tribune*, Лондон, 18 сентября 1970).

*

«Ни одна опухоль у животных не имеет близкого сходства с раком, возникающим у людей» (*Lancet*, 15 апреля 1972).

*

Lancet сделал еще одно банальное признание (22 апреля 1972): «Благодаря тестированию лекарств на токсичность, мы знаем, что эксперименты на животных — очень несовершенный индикатор токсичности, которая может возникнуть у человека; только клинический опыт и тщательный контроль за введением новых препаратов может дать нам информацию об их реальной опасности».

*

«То, что открытия, сделанные на животных, невозможно экстраполировать на человека, в среде исследователей уже стало почти что аксиомой. Вместе с тем, искушение есть всегда ... Голландский исследователь ван Раальте (H. G. S. van Raalte) сопоставил недавно полученные данные лабораторных исследований с данными эпидемиологических исследований на людях, а также опытом из клинической медицины и пришел к выводу: заключения, полученные в ходе экспериментов на животных, о том, что диелдрин вызывает у человека гепатомы, безосновательны» (Из статьи в *Medical World News* за 24 августа 1973 г. — этот медицинский журнал выпускается издательством McGraw-Hill в Нью-Йорке, финансируется фармацевтической индустрией и рассылается 237 тыс. американским врачам бесплатно).

*

Ульф С. Эйлер (Ulf S. Euler) из стокгольмского Каролинского института (*Karolinska Institute*), лауреат Нобелевской премии по медицине, в 1973 году на Международной медицинской конференции в Манчестере заявил, что «если бы лекарства больше испытывали на людях, а на животных — меньше, возможно, они были бы лучше и безопаснее. Тестирование на человеке требует осторожности, но в долгосрочной перспективе этот способ снижает риск возникновения побочных эффектов и открывает дорогу новым, более совершенным лекарствам» (*Yorkshire Evening Press*, Йорк, 20 сентября 1973).

*

Журнал *Anesthesiology* (апрель 1973) указывает, что флуороксен, разновидность эфира, не имеет отрицательного воздействия на человека, зато все собаки, кошки и кролики, получавшие этот препарат, умерли от атаксии, гипотензии, судорог и т.д.

*

Редакционная статья в лондонском издании *The Economist* от 6 января 1973 года началась такими словами: «Талидомид — это не первое и не последнее лекарство, применение которого привело к трагедии, хотя должно было принести пользу. С тех пор, как 13 лет назад обнаружилось, что талидомид действует не так, как предполагалось, было немало других провалов».

*

«Можем ли мы оправдать жестокие эксперименты на животных, проводимые для того, чтобы психологи смогли пополнить свои знания о поведении? Я не верю, что те страдания, которые я причинил лабораторным животным — а это, к сожалению, имело место — были хоть сколько-нибудь полезны для человечества» (доктор Ричард Райдер (Richard Ryder), старший клинический психолог больницы Уорнхолл (Warnehall Hospital), Оксфорд, *Sunday Mirror*, Лондон, 24 февраля 1974).

*

Если протестированные на животных лекарства по-разному действуют на отдельных людей, значит, по их воздействию на животных вообще нельзя судить о человеческой реакции. О том, что нынешний порядок исследований можно было бы назвать странным, если бы он не ставил целью получение прибыли, в очередной раз свидетельствует следующее сообщение:

«В пятницу исследовательский комитет объявил, что один и тот же препарат, выпущенный разными фирмами, по-разному действует на пациентов. В случае с тяжелобольными это может означать различие между жизнью и смертью» (Артур Снайдер (Arthur J. Snider), научный редактор, *Chicago Daily News*, 12 июля 1974).

*

«В то время, когда в мире голодают миллионы людей, и наша экономика находится в глубоком кризисе, Конгресс ежегодно выделяет миллиарды долларов в виде грантов на «фундаментальные» бесцельные исследования на живых животных. Карьеры, построенные на муках, настолько же прибыльны, насколько и морально опустошающи. Отчеты, которые экспериментаторы публикуют в медицинских журналах, сами по себе являются неопровержимыми доказательствами их повальной жестокости» (Барбара Шульц (Barbara Schultz), член Консультативного комитета генерального прокурора Луиса Лэфковица (Louis Lefkowitz), об обращении с животными в штате Нью-Йорк, *Newsday* от 12 июля 1974).

*

«К сожалению, мы узнаем, как влияют на наше здоровье тысячи химических веществ лишь в неопределенном будущем, потому что их действие проявляется очень медленно, с течением времени и по мере накопления» (Доктор Джон Хиггинсон (John Higginson), глава Международного агентства онкологических исследований (International Agency for Cancer Research), публикация в миланском издании *Corriere della Sera*, 22 октября 1974).

*

«Растение не должно считаться безопасным лишь оттого, что домашнее животное обгрызает его без вреда для себя; оно может оказаться опасным для человека» (из статьи в журнале *Time* 1 марта 1976, где цитируется доктор Гай Гартман (Guy Gartman), педиатр и смотритель сада популярных, но опасных растений в педиатрической клинике медицинского центра Kaiser-Permanente, Фонтана, Калифорния).

*

«Современная медицина — это отрицание здоровья. Она создана для того, чтобы служить самой себе как институту, а не здоровью человека. Она не столько лечит людей, сколько их калечит» (знаменитый югослав Иван Иллич (Ivan Illich), социолог, философ и теолог, автор *Medical Nemesis*, в интервью итальянско-швейцарской телестанции в Лугано, 1975).

*

«Никто не отрицает, что эксперименты на животных не позволяют точно предсказать воздействие на человека. ...При современном уровне наших знаний, посредством экспериментов на животных невозможно определить вероятное действие, эффективность или безопасность лекарства для человека с научной точки зрения» (профессор доктор Герберт Гензель (Herbert Hensel), руководитель Института физиологии в Университете Марбурга, в «Журнале правовой политики» (*Zeitschrift für Rechtspolitik*), приложении к *Neue Juristische Wochen-Schrift*, выпуск 12, 1975).

*

«За исключением нескольких заметных фигур, являющихся высокопоставленными чиновниками Американской медицинской ассоциации (*American Medical Association*), почти все согласны, что современная медицина так же больна, как и пациенты, которых она лечит» (первое предложение из рецензии *Medical Nemesis* в *Time Magazine*, 28 июня 1976).

*

«На практике все эксперименты на животных не пригодны для науки и статистики, так как не обладают научной достоверностью и надежностью. Они просто обеспечивают алиби для фармацевтических компаний, которые надеются таким образом защитить себя... Но кто посмеет высказывать сомнения относительно нашей восхваляемой технологической медицины или просто задать вопросы, не столкнувшись при этом с жесткой оппозицией со стороны оплаченной науки, бизнеса и даже политики и СМИ?» (Из *Tierversuch und Tierexperimentator* («Вивисекция и вивисектор», в другом переводе: «Эксперименты на животных и экспериментаторы» — см. сайт Центра защиты прав животных «ВИТА» — Прим. ред.), авторы — Герберт Штиллер (Herbert Stiller), доктор медицины, и Маргот Штиллер (Margot Stiller), доктор медицины, специалисты в области неврологии и психиатрии, Ганновер, 1976).

*

Я не могу претендовать на совершение открытия, когда заявляю, что сегодняшние так называемые «медицинские исследования», служащие удовлетворению тщеславия, имеют катастрофическое воздействие не только на нравственность людей, но и на человеческое здоровье, следовательно, их надо рассматривать как преступную деятельность. Не напечатанные здесь высказывания — выше я привожу лишь некоторые примеры — настолько многочисленны, что их уже нельзя назвать криком одинокого в пустыне; они образуют уже целый хор. Тем не менее, глупые, но прибыльные исследования продолжают и расширяются, тем самым способствуя многим современным болезням, прежде всего раку.

В следующих частях мы взглянем на некоторые болезни, которые возникли в лабораториях, и выясним, на ком лежит основная ответственность.

Введение общественности в заблуждение

Сложно найти более наивные комментарии по поводу современной науки и ученых, чем новостные сообщения. На самом деле, СМИ всегда в распоряжении традиционной медицины и сообщают новости из той сферы — чем более сенсационные, тем лучше. Большинство журналистов — которые в обычных условиях относятся ко всему скептически и, прежде чем признать правильность слов святого, клеймят его позором — падают на колени перед каждым, кто называет себя ученым. А в США экспериментатору, проводящему откровенно жестокие и садистские эксперименты, особенно просто снискать славу спасителя человечества, и делается это с помощью такого средства как белый халат.

В большинстве случаев серьезная, документированная критика сталкивается с цензурой. Это последствие прямо-таки религиозного преклонения перед традиционной медициной, почитание, привитое большинству людей в нежном возрасте, когда происходит настоящее промывание мозгов. Главы СМИ принимают как нечто само собой разумеющееся то, что любой критик вивисекции опирается на неверную информацию либо умышленно хочет ввести окружающих в заблуждение. И, что еще хуже, они часто скрывают от общественности действительно важные факты, якобы с целью не беспокоить людей.

Но незнание — это не единственное объяснение. Другое заключается в любви к деньгам. Во многих странах СМИ не смогли бы существовать без рекламы химической индустрии, которая производит не только таблетки, но также и косметику. Эти фирмы располагают огромными суммами денег на рекламу и пиар, и они дают им возможность нанимать на службу журналистов и влиять на СМИ.

Вивисекция давно уже ушла бы в небытие, если бы за ней стояли только экспериментаторы с их чересчур прозрачными намеками. Ее отмене по-настоящему препятствует обман со стороны СМИ, которые преподносят «медицинские исследования» как умное, гуманное, полезное и необходимое дело и таким образом влияют на общественное мнение и органы власти.

Например, в телепередаче показывают ребенка, которому «регенерируют» кровь и для этого заставляют ее проходить через печень живой свиньи или павиана. Потом «ученый», выполняющий роль церемониймейстера во время этого фокуса, заявляет наивным зрителям, что таким образом ребенку спасли жизнь — очередное «чудо» современной науки. От людей скрыли, что ребенок через три дня умрет, возможно, вследствие этого трюка.

Первая пересадка сердца, выполненная Кристианом Барнардом (Christiaan Barnard), вызвала во всем мире ликование. Она заставила думать, что современная наука получила видимое доказательство победы над природой и может обеспечить всем вечную жизнь, здоровье и счастье. Сегодня мы знаем, что эта первая пересадка сердца всего лишь ознаменовала старт новой серии невиданных страданий человека, не говоря уж о страданиях животных.

Специалисты знали, что Барнард во время той операции не пришлось преодолевать никаких особых технических трудностей; такое вмешательство было возможно еще гораздо раньше, но к нему не прибегали из-за опасности отторжения. После того, как Барнард разрушил чары, другие хирурги, жаждущие славы, последовали за ним, а результаты оказались даже слишком известны.

Если просмотреть старые газеты, то можно увидеть регулярные сообщения, что не за горами окончательное решение какого-то из кошмарных снов человечества; при этом радостная новость обычно начинается со слов: «Эксперименты на животных показали, что...» Обещание чудодейственных средств, которые уже показались на горизонте, — это манна небесная для экспериментаторов, даже если эти чудодейственные препараты не оправдывают надежд или даже приносят беду. Лучший пример — разные средства от рака.

В течение более полувека открытие Павловым сыворотки от эпилепсии преподносилось как колоссальное достижение медицины. Ему это удалось благодаря вызыванию у собак «приступов эпилепсии»: он замораживал фрагменты собачьего мозга и

обрабатывал их определенным ядом, а затем вводил здоровым собакам. В результате, получил «сыворотку», которая спасала эпилептиков от дальнейших приступов. Так говорилось в популярном рекламном объявлении. К сожалению, ведущие журналисты не знали, что сыворотка получена совсем не так, как описывает Павлов, эпилептики же продолжают страдать от тех же приступов, что и во времена Павлова, кроме того, после 1904 года (в тот год ему присудили Нобелевскую премию) количество эпилептиков неуклонно возрастало.

Через несколько десятилетий появилась сенсационная новость: в Англии борьба против онкологии увенчалась тем, что рак *можно полностью контролировать* на одном участке тела, и теперь ведутся интенсивные исследования, которые ставят целью *полностью контролировать* рак на *всех* участках тела» (The Times, 24 ноября 1944).

А вот что некий Чарльз Хилл (Charles Hill) заявил 31 октября 1950 года в Палате общин в ответ на выступление, доказывающее бесполезность опытов на животных в онкологических исследованиях: По меньшей мере, одна форма рака теперь *излечима*, благодаря опытам на животных».

Оба раза, в 1944 и 1950 годах, заверения вивисекторов касались лечения рака простаты сильным эстрогеном (половым гормоном) стилбестролом, который был впервые произведен в 1938 году синтетическим способом. И эти аргументы поставили их авторов в глупое положение. Заболеваемость раком простаты возрастала, а стилбестрол не только оказался неэффективным, но еще и стал причиной новой формы рака, ранее неизвестной.

Кому есть до этого дело? Общественность гораздо больше интересуется разными медицинскими чудесами, которые «уже осязаемы», нежели неудачами.

На обложке Newsweek за 31 марта 1958 года мы видим человеческое сердце и легенду: «Специальный медицинский репортаж — близок прорыв в лечении сердечно-сосудистых заболеваний». Разумеется, тогда он не был близок, так же, как и сейчас — много лет спустя.

*

В 1973 году сообщение Рейтер о борьбе с гриппом в очередной раз стало темой крупных заголовков. International Herald Tribune (7 февраля 1973) совершенно всерьез, без иронии объявила: «Пастеровский институт разработал вакцину от всех видов гриппа» (заглавие статьи). «Группа французских исследователей сегодня заявила, что разработала вакцину, которая предотвращает *все* виды гриппа. Производство революционной вакцины уже началось, и скоро она будет доступна во Франции. Профессор Клод Ханун (Claude Hannoun), возглавляющий исследовательскую группу, заявил Рейтеру, что новая вакцина отличается от прочих своей способностью предотвращать грипп в будущем. Профессор Жак Моно (Jacques Monod), знаменитый директор Института Пастера и лауреат Нобелевской премии по медицине, говорит о «революционном открытии».

Те, кто читал газеты на протяжении последних десятилетий, и кому чудо-лекарства не ослабили память, возможно, чувствуют, что когда-то они уже сталкивались с этим.

А осенью 1975 все итальянские СМИ сообщили, что действительно найдена защита от гриппа, и настоятельно рекомендовали сделать прививку. Никто не знает, сколько итальянцев откликнулось на призыв, но статистика показывает, что в последующую зиму из-за гриппа было потеряно больше рабочих часов, чем когда-либо ранее. А весной (25 апреля 1976) римская ежедневная газета Тетро сообщила, что, по словам доктор Альберта Сейбина (Albert Sabin) на пресс-конференции в Сальсомаджоре, надежной защиты от гриппа не существует.

К сожалению, президент Джеральд Форд (Gerald Ford) не услышал мнения Сейбина, когда примерно в то же самое время его консультанты убедили его, что его переизберут в случае запуска массовой программы вакцинации от возможного свиного гриппа. «Мы не должны шутить со здоровьем нации!» — воскликнул он, сообщая американскому народу о программе стоимостью в 135 миллионов долларов. Но результаты оказались обратными:

свиной грипп не возник, но среди людей, которые вняли призыву президента и прошли вакцинацию, имелись жертвы. Множество пациентов погибло, еще больше оказались парализованы. «Главным образом то были пожилые люди», — парировали медицинские «эксперты», впутавшие президента в это дело, благодаря которому он, возможно, получил решающие голоса; и «специалисты» надеялись, что общественность забыла, как вакцинацию рекомендовали главным образом пожилым пациентам. «Федеральные чиновники отстранились от работы в масштабах всей страны» — пишет журнал Time 27 декабря 1976 года в некрологе под заглавием «Опусти рукава, Америка!» (Roll Down Your Sleeves, America!)

А после того, как доктор Сейбин усовершенствовал свою вакцину от уже угасающей болезни (полиомиелит), он стал регулярно делать сенсационные заявления для газет, делая их заголовками статей. В 1967–1973 годах он провел примечательное исследование совместно с доктором Джулио Тарро (Giulio Tarro) из Университета Неаполя и использовал обычных мышей, при этом оба «ученых» пришли к стандартной идее, что они, наконец, раскрыли секрет рака.

Но через 18 месяцев доктор Сейбин опубликовал в журнале Proceedings, выпускаемом Национальной академией наук (National Academy of Sciences), статью, где опровергнул свои прежние слова. «Отречение Сейбина означает серьезный удар для Тарро», — отметила по этому поводу Time (30 сентября 1974).

Между тем та же самая газета 8 апреля 1974 года пишет по поводу онкологических исследований: «Доктор Сол Шпигельман (Sol Spiegelman), руководитель Института онкологических исследований (Institute of Cancer Research) в Университете Колумбии (Columbia University) сделал довольно оптимистичное заявление по поводу исследований вирусов: в 1974 году будут изолированы и идентифицированы два вируса, которые вызывают определенные формы рака у людей.

Почему же Time не рассказала своим читателям 31 декабря 1974 года, что прогноз Сола Шпигельмана вновь оказался болтовней? Потому что неудача — это не сенсация. И бодрая сарабанда продолжается, продолжается, продолжается...

Большая иллюзия

Еще Клод Бернар использовал «непредсказуемость» живых организмов в качестве алиби для оправдания своих неудач. Со времени его смерти — он умер от болезни, которую не смогли диагностировать ни его коллеги, ни последователи — прошел век, и трудности созданные бернардиизмом, многократно умножились. Опасное ухудшение здоровья людей объясняется тем, что врачи западного мира при решении ими же созданных проблем стали заблуждаться еще больше, а именно, прибегать к биохимическим теориям при лечении человеческих болезней. То есть, они пытались применить точную науку, вроде химии, к биологии — к органической жизни, к живому телу, которое всегда подвержено влиянию психики — и, кроме того, переносили неизбежно обманчивые результаты с животных на человека.

Медицинская наука с опорой на теоретическую биохимию, по той же причине, что и бернардиизм, с самого начала была обречена на провал. *Дело в том, что в биологии не существует унификации.* В случае с органической жизнью индивидуальные реакции всегда разные — так обстоят дела у людей, животных и растений.

Постоянных штаммов бактерий тоже не бывает, потому что они подвержены беспрерывным мутациям. Если наука разрабатывает якобы эффективное химическое оружие от определенного штамма бактерий, некоторые оказываются устойчивы к нему — и, в соответствии с дарвиновским принципом естественного отбора, таковыми оказываются самые сильные. Выжившие бактерии мутируют таким же образом, как и их

предки, и образуют новые штаммы, отличающиеся от предыдущих, и более устойчивые. Плюс это происходит с такой скоростью, за которой никакое исследование не поспевает.

Бактерии размножаются в геометрической прогрессии, и их количество увеличивается вдвое каждые полчаса. То есть, теоретически за несколько дней мог бы возникнуть новый штамм, и его было бы достаточно для заражения людей совсем новой болезнью. Для одной столько идентификации этой бактерии потребовались бы годы, потом еще годы для совершенствования так называемых лекарств от собственноручно сделанной болезни. Короче, излечение несет только природа. Человек же убежден, что главная роль значится за ним. Это факт, который философы всегда понимали. Но не современные ученые. Они слепо убеждены, что владеют планетой, приручают природы, и заставляют так думать других.

В 1871 году Р. Мали (R. Maly) стал издавать в Германии «Годовой доклад об исследованиях химии животных» (*Jahres-Bericht über die Fortschritte der Tier-Chemie*), который до 1919 года выходил в виде ежегодных номеров. Он включал в себя все статьи на тему биохимии из разных научных журналов. С тех пор область биохимии расширилась настолько, что ни один человек не может знать ее полностью, не говоря уже о том, чтобы идти в ногу с постоянными изменениями.

Сегодня он может исследовать только маленький участок этой огромной сферы. Но и маленький участок при более внимательном рассмотрении может оказаться таким сложным, что потребуются больше специализаций, и по этой причине целое упустят из вида или, по меньшей мере, будут им пренебрегать. Вполне вероятно, что специалист вообще не видит дерева, так как находится вблизи ветки, не видит ветки, так как находится вблизи листа, не видит листа, так как находится у стебля. А при ближайшем рассмотрении стебля обнаруживает совершенно новый мир, включающий в себя много новых миров, которые требуют специализаций.

Такое положение в будущем должно усугубиться, потому что объем знаний многократно увеличивается, появляются новые теории, становится больше фактов и цифр, совершенствуются методики исследования. Все это имеет главным образом теоретическую ценность и все больше отдаляет ученого от понимания биологии, жизни и здоровья. Число вещей, которые необходимо исследовать, увеличивается, и ученый становится все более близоруким. Это сродни использованию очков со все более толстыми линзами, чтобы можно было видеть все более мелких насекомых — насекомых внутри насекомых, которые тоже, в свою очередь, находятся внутри насекомых.

Такое происходит во всех естественнонаучных областях, но в наибольшей степени все-таки в медицине. Когда студент выбирает себе какую-то дисциплину, он учится у специалиста, чьи знания лишь количественно обширны, а на практике ограничиваются его сферой, и эта область в его глазах расширяется и искажается линзами специализации, а окружение стирается. Специалист может знать про определенный тип клеток все, но про другие типы гораздо меньше и еще меньше про целостный организм.

Профессор Ульрико де Айхельбург (Ulrico di Aichelburg), регулярно публикующий медицинские статьи во влиятельной итальянской еженедельной газете Ероса, заявляет с гордостью 11 ноября 1973: «Сегодня у врачей есть в распоряжении огромное количество диагностических тестов. Сейчас уже возможно распознать и описать не менее 8000 симптомов, так называемых симптомокомплексов, и каждый этот симптом требует соответствующего лечения... Необходимо использовать электронные компьютеры, чтобы разбирать огромные множества новых фактов, которые наступают, подобно ураганному огню, вместе с тысячами публикаций и сотнями медицинских конгрессов».

Настоящие болезни — задуманные природой, а не созданные в лабораториях вследствие некомпетентности — можно пересчитать на пальцах одной руки. Лечение этих болезней в самой природе — иначе его найти нельзя. Тем не менее, согласно Айхельбургу, современная наука открыла и описала не менее 8000 синдромов — 8000 симптомокомплексов, чтобы врач, желающий найти свой путь в этом лабиринте,

использовал электронный компьютер. Кто в состоянии выявить и вообще запомнить 8000 симптомов?

Статья Айхельбурга вышла в свет в 1973 году. С тех пор число 8000, должно быть, удвоилось, как грибы после дождя, а причина тому — биохимические капризы моды, которые распространяются, подобно раковым клеткам, и побуждают индустрию к производству все большего количества препаратов, все большего количества ядов, которые неизвестным образом вредят здоровью человека и создают новую болезнь — повод для представления еще одного нового препарата.

В 1975 году существовало 67 специальностей, признанных Американской медицинской ассоциацией (American Medical Association), и для каждой имелись свои техники, обслуживающий персонал, теоретики, журналы, конгрессы и т.д. Крупный интернациональный конгресс можно сравнить с тяжелым случаем элифантиазиса — неизлечимой болезни, при которой отдельные части тела раздуваются и становятся бесформенными. Часто заявления подают 5000 участников, приезжают же 8000 человек, а программа такая же толстая, как телефонный справочник крупного города. На 6–32 *одновременных заседаний* делается около 2000 докладов, авторы читают свои труды, напечатанные месяцем ранее, и говорят так тихо, словно не хотят потревожить своих спящих коллег.

Тем не менее, если сегодня больной человек выздоравливает, это происходит вопреки лекарствам, прописанным врачом или рекламой, а не благодаря им.

Архитектор не боится построить дом для своих детей, так как знает, что это точная наука, не имеющая в основе предположений и суеверий. Врач же в случае серьезной болезни своего ребенка привлекает других врачей, потому что не доверяет своей собственной науке. И он прав. Он все чаще слышит о болезнях, которые считались ликвидированными, но самым коварным образом возвращаются, часто в результате современных исследований.

Пример тому — малярия. В течение какого-то времени считалось, что она побеждена в южной Азии. Но в 1975 году ВОЗ признала, что заявления о победе преждевременны. В Индии в 1965 году наблюдалось всего 125 000 случаев заболевания малярией, а в 1975 году этот показатель достиг рекордного значения — 4 миллионов. В Пакистане (в те времена ему принадлежал еще и Бангладеш) общая заболеваемость снизилась с 10 миллионов до 9500 в 1961 году, но в 1975 ее оценили в 10 миллионов. В тот же год на тогдашнем Цейлоне насчитали не менее 500 000 случаев, хотя в 1963 году было всего 13 жертв болезни (1 января 1975 года журнал *Time* посвятил медицинскую рубрику этой проблеме).

Здравый смысл и мудрость Гиппократов не совместимы с разрастающимся арсеналом, с помощью которого кормится нынешняя традиционная медицина. Если раздастся умный и смелый голос, органы здравоохранения и общественность его намеренно пропускают мимо ушей. Профессор Роже Мучиелли (Roger Mucchielli) из Университета Парижа пишет в своей книге *Caractéologie à l'âge scientifique* (издательство de Griffon, Невшатель, 1960): «Официальная медицина упорно не замечает знаков, предвещающих ее собственный конец, но она уже пронизана веяниями, вновь черпающими глубокое вдохновение в трудах Гиппократов».

Другой французский медик, профессор Морис Делор (Maurice Delort), заявил откровенно на торжественном заседании Академии Бурже (Academy de Bourges, 16 декабря 1962): «Современная медицина находится в конце своего пути. Ее больше нельзя трансформировать, модифицировать, реорганизовывать. Это пытались сделать слишком часто. Современная медицина должна умереть, чтобы родиться заново. Мы должны подготовить ее полное обновление».

Человек по своей природе конформист и стадное животное, склонное к подражанию, и поэтому он склонен следовать за большинством в своем внешнем и внутреннем поведении. Это понятно: так он чувствует уверенность. Гораздо сложнее объяснить, почему он так часто наотрез отказывается осознать аргументированную ошибку, ведь он свято убежден в своем здравомыслии. И почему после признания ошибки на смену ей приходит еще более серьезное заблуждение? Все это заставило Роскоммона (Roscommon) сказать: «Большинство всегда неправо». Таким образом, большинство просто заменило галенизм бернардизмом. И большинство ошибок человечества, если не все, имеют в своей основе скорее мышление, чем интуицию или инстинкт.

Согласно Аристотелю, чья философия в течение долгого времени считалась высшей ступенью человеческого разума, тяжелый камень должен падать быстрее, чем легкий. Сегодня нас удивляет даже в большей степени, чем сама ошибка, тот факт, что ни Аристотелю, ни кому другому в течение веков не пришло в голову проверить это утверждение. Вот почему пределы человеческого мышления всегда ограничены клеткой, которая соответствует тому или иному периоду. С течением времени клетка медленно движется — не обязательно вперед, но все-таки движется — и при этом отдельные индивидуалисты, находящиеся внутри, толкают его, в результате, она несколько расширяется; но образ мышления за решеткой остается ограниченным, ибо не может выйти за ее рамки.

Во времена Аристотеля и на протяжении почти 2000 лет после него клетка не давала человеческому сознанию придумать экспериментальный метод. Человечество вынуждено было ждать Декарта, который выдвинул этот метод, а некоторые его предприимчивые современники делали иллюстрации. Одним из таковых стал Галилео Галилей, который решил проверить теорию Аристотеля о двух камнях и сразил мир выводом, что легкий камень падает с той же скоростью, что и тяжелый. Человечество должно было ждать этого простого вывода миллионы лет.

Во время быстрого расширения границ человеческих знаний на место прежних неправильных взглядов картезианские образ мышления, интуиция и философия, старые заблуждения сменились гигантской новой ошибкой, ошибкой, которая с самого начала заложила основу для будущих провалов, потому что она увела ничего не подозревающих ученых от жизненной правды и, следовательно, от научных идеалов.

Их отдаление от действительности выразилось в том, что они отрицали смысл и даже существование всего того, что нельзя сфотографировать, привести в движение или измерить.

Идея сжигать живых животных в печи, «чтобы разгадать тайны температуры», могла родиться только в таком мозгу, который находится в плену механистических представлений о жизни и здоровье, как, например, у Клода Бернара. Основатель сегодняшнего вивисекционного метода — большинство учебников до сих пор называют его «гением» — доказал, что он не понимает разницы между причиной и следствием и не осознает простого факта: повышенная температура — последствие болезни, а не ее причина. И современная медицина таким же образом «лечит» болезни, подавляя симптомы, хотя они очень часто — например, в случае с температурой — выступают в роли природных средств излечения болезни.

*

В публичной дискуссии, организованной журналом Ероса («Эпоха») осенью 1973 года, один ученый уверял, что «в лаборатории можно получить эстроген, идентичный натуральному». Это высказывание принадлежит профессору Сильвио Гараттини (Silvio Garattini), руководителю фармакологического исследовательского института Марио Негри (Mario Negri) в Милане. Ероса пишет про него: «Один из важнейших европейских исследовательских центров среди занимающихся раком, нервной системой,

артериосклерозом. Более 400 опубликованных и разошедшихся по всему миру трудов свидетельствуют о результатах его работы в течение десятилетия».

Вопрос не только в том, каковы «результаты» этих так называемых исследований — во всех трех областях, названных Ероса, за 10 лет работы института все изменилось только в худшую сторону — профессор Гараттини воплощает тип ученых, способных мыслить в узких рамках клетки под названием бернардизм, его ограничивают догмы Клода Бернара.

На самом деле, заверения о природном эстрогене, получаемом в лабораторных условиях, находятся на том же уровне, что и утверждения Бернара о применимости результатов опытов на животных к людям (а между тем выяснилось, что синтетический эстроген вызывает рак).

Итак, работник лаборатории исследует природный эстроген, то есть, половой гормон, производимый живым организмом, и устанавливает его химическую формулу. На основании этого анализа лаборант потом производит продукт, который теоретически имеет те же химические составляющие, что и оригинал — то есть, химическая версия имеет с ним *теоретическое* сходство. Но в действительности эти два продукта ни в коем случае не идентичны, потому что анализ определяет лишь неактивные или безжизненные составляющие оригинала, его сырье, которое, по мнению Клода Бернара, всегда находится на первом плане, а не важнейшие элементы, образующие живую, а не неактивную часть организма и потому недоступные для какого-либо химического анализа. Они происходят от самой жизни и обусловлены витализмом, который неподвластен идентификации и классификации. Именно витализм в конце концов свел Клода Бернара с ума.

Более того, в синтетических заменителях натуральных продуктов не только отсутствуют важные составляющие оригинала, но также в большинстве случаев присутствуют вредные вещества, не встречающиеся в природной субстанции.

Еще несколько десятилетий назад руководитель отделения химиотерапии Британского Национального института медицинских исследований (British National Institute for Chemical Research) опубликовал в *Medical World* (март 1956, с.437) статью про современную химиотерапию. Он пишет: «Токсическое воздействие сегодня бесспорно, и в медицинских журналах множество сообщений о случаях, когда пациент получал больше вреда от лечения, чем от изначальной болезни».

То есть, эксперты уже давно указывают на то, что постоянное производство новых препаратов приносит людям не благо, а вред. А ситуация с тех пор ухудшилась. Но органы здравоохранения не вмешиваются.

Очень уж многим людям нынешняя система приносит доход.

Дьявольские чудеса

Еще в 1961 году доктор Уолтер Моделл (Walter Modell) с медицинского факультета Корнелльского университета (Cornell University Medical College) — *Time* назвала его одним из самых выдающихся американских специалистов в области лекарственных препаратов — писал в *Clinical Pharmacology and Therapeutics*: «Когда же они поймут, что лекарств слишком много? В настоящее время применяется не менее 150 000 препаратов. Ежегодно на рынке появляется около 15 000 новых композиций и дозировок, а около 12 000 — его покидают. У нас просто нет такого количества заболеваний. В настоящее время самыми полезными являются новые лекарства, которые нейтрализуют неблагоприятное действие других новых лекарств» (*Time*, 26 мая 1961).

Доктор Моделл ввиду своего высокого положения не мог сделать откровенного заявления. Почему до сих пор такого огромного количества лекарств недостаточно? Очевидно, их недостаточно, потому что они не лечат. Большинство из них представляют собой не что иное, как симптоматические средства, которые в лучшем случае безвредны, но зачастую оказываются опаснее болезни, которую они призваны лечить; такие вещества

подавляют симптомы и, следовательно, имитируют выздоровление, а на самом деле отравляют организм и еще больше выводят его из равновесия.

Болеутоляющий препарат усыпляет нервы и они, таким образом, успокаиваются; но болезнь, ставшая причиной боли, развивается дальше, и больной этого не замечает до тех пор, пока боль вновь не исправит положение. Если у человека от расстройства желудка болит голова, таблетка может устранить головную боль, но проблемы с желудком в дальнейшем проявятся в более серьезной форме. Человек, страдающий от запора, принимает слабительное, что еще больше усилит его предрасположенность к запорам.

Адренокопикотропин и кортизон были бурно встречены как лекарства от ревматизма и многих других болезней, но в дальнейшем наступило разочарование не только потому, что они оказались в лучшем случае симптоматическими средствами короткого действия, но и вследствие их вреда для сердца, почек, печени и нервной системы — последнее зачастую хуже изначальной болезни.

Тяжесть в желудке — это предупреждение природы, что человек съел слишком много; можно сказать, что таким образом привратник «закрывает дверь». Многие средства для улучшения пищеварения, которые переполняют рынок, берут на себя функцию желудка, в результате, он перестает производить желудочный сок и становится более вялым. Кроме того, эти медикаменты отравляют печень, ухудшая состояние пациента. Другие препараты заставляют привратник открыться, и пища из желудка попадает в кишечник, хоть еще не готова к этому. Оба средства могут принести временное облегчение, что дает повод чревоугоднику не обращать внимания на предупреждения природы и следовать за рекламной приманкой. Вместо того, чтобы сократить количество пищи, он ест больше и полагается на «чудо-средство» — до тех пор, пока у него не возникнет язва кишечника, из которой часто развивается раковая опухоль.

Если человек страдает артериосклерозом, выражающемся в сердечных приступах, никакое лекарство не спасет его от дальнейших опасностей, вроде инсульта или сморщенной почки. Если человек, испытывающий нервное напряжение, прибегает к успокоительным препаратам, у него со временем начнутся проблемы с печенью, в результате, он станет еще более нервным, либо же у него разовьются психические нарушения, не говоря уже о том, что успокоительные средства могут нанести необратимый вред глазам.

Больные артритом, которые предпочитают скорее заглушать боль лекарствами, чем делать регулярные физические упражнения, могут быть уверены лишь в одном: их страдания усилятся, и они должны считать себя счастливыми, если им не придется сидеть 10 лет в инвалидной коляске. Еще более вредны препараты от насморка и гриппа, например, противогистаминные средства, скрывающие симптомы, и антибиотики, ослабляющие естественные антитела организма и способные превратить временные болезни в хронические. Не говоря уже о предполагаемом канцерогенном действии большинства антибиотиков: это подозрение все больше укрепляется. Даже передозировка витаминов может вызвать многие болезни, в том числе и рак.

Медицинская комиссия, учрежденная президентом Чили Сальвадором Альенде (Salvador Allende), который и сам был медиком, незадолго до его убийства в 1973 году, пришла к выводу, что во всем мире существует всего около двух десятков лекарств, которые имеют выраженное терапевтическое действие, и что мировую фармакопею можно сократить соответствующим образом (Nouvel Observateur, 20 октября 1974).

Разумеется, доклад чилийской комиссии не был реализован на практике. Всемирная организация здравоохранения в Женеве, транснациональные фармацевтические гиганты, традиционная медицина — короче, все, кто наживается на лекарствах — не вняли ему.

Вполне логично, что люди, не испытывающие угрызений совести из-за того, что распоряжаются человеческим здоровьем для зарабатывания денег или поиска славы, могут безразлично или даже с усмешкой наблюдать за мучениями миллионов животных. На

самом деле, фармацевтическая индустрия виновата в постоянном распространении вивисекции и ухудшении здоровья населения в XX веке.

Британский историк медицины Брайан Инглис (Brian Inglis) пишет в своей книге *Drugs, Doctors and Diseases* (1965): «Количество экспериментов на животных продолжает расти из года в год не потому, что на рынке появляются все более совершенные и безопасные лекарства, а просто потому, что в продажу поступает большее их количество». Парадоксально, но замедление темпов роста числа экспериментов на животных стало отражением все большего осознания того, насколько неадекватны были эти тесты в прошлом. «В биологических исследованиях принято считать, — говорится в Отчете экспертного комитета по токсичности лекарственных средств британской фармацевтической промышленности (Report of the British Pharmaceutical Industry's Expert Committee on Drug Toxicity), — что информация, полученная на одном виде животных, не является адекватной ни для какого другого вида». Таким образом, вопрос нахождения компромисса между жестокостью к животным и пользой, которую извлекает человечество из их страданий, больше не стоит, потому что теперь в этом нет необходимости. Животные умирают, чтобы ежегодно в продажу могли поступать сотни новых лекарств; но выгодно это скорее промышленности, чем человечеству».

*

В августе 1973 года швейцарская фирма «Хоффман-Ля Рош» (Hoffmann-La Roche) — химическая компания, из-за которой летом 1976 года в Италии произошла трагедия с препаратом Seveso — заявила о своем намерении строить очередной завод исключительно для производства витамина С, и стоимость проекта составит 200 миллионов швейцарских франков.

Витамин С легко купить во всех аптеках мира, а также получить с пищей. Раз в распоряжении фирмы «Хоффман-Ля Рош» имелись 200 миллионов франков, наиболее прибыльное их вложение было в очередную химическую фабрику. Между тем в близлежащем Сиссельне появилось другое коммерческое предприятие — питомник лабораторных животных, главным образом биглей и кошек, и он поставлял свою «продукцию» всем трем швейцарским химическим гигантам — «Хоффман-Ля Рош», «Сибя-Гейги» (Ciba-Geigy) и «Сандоз» (Sandoz). Потом некоторых животных кормили ненормальной пищей, в результате, они заболели и умирали, и фирма «Хоффман-Ля Рош» тем самым решила доказать ничего не подозревающим людям, что синтетических витамин С их производства необходим для здоровья.

Несколько десятилетий назад американцев уверяли, что ежедневный прием больших доз витамина С покончит с большинством болезней и в любом случае повысит сопротивляемость к инфекциям, насморку и гриппу.

В результате, в последующие годы число рабочих часов, которые оказывались потеряны из-за простуды и гриппа, неуклонно росло — параллельно с приемом витамина С, который присутствовал почти во всех лекарствах от простуды.

Гейлорд Нельсон (Gaylord Nelson), сенатор из Висконсина, в декабре 1972 года провел слушания по поводу того, что широко рекламируемые средства от простуды — это самый настоящий скандал. Трое выдающихся врачей из Монопольного подкомитета Сената воспользовались случаем предупредить, что от насморка нет лекарства, громко рекламируемые медикаменты могут быть даже опасны, а для борьбы с чиханием и кашлем горячий суп полезнее препаратов, продающихся в аптеках (Рейтер, *International Herald Tribune*, 6 декабря 1972).

Ведущий американский врач, который в промежутке с 1942 по 1974 год провел многочисленные исследования, пришел к выводу, что «витамин С бесполезен при простуде». Этим врачом был доктор Томас Чалмерз (Thomas Chalmers), президент Нью-Йоркского медицинского центра «Маунт-Синай» (Mount Sinai Medical Center); он делал доклад на данную тему на 58-м годовом собрании Американского общества

экспериментальной биологии и опроверг Лайнуса Полинга (Linus Pauling), открывателя витамина С и лауреата Нобелевской премии за 1954 год. Доктор Чалмерз предостерегал от длительного приема витамина С, «потому что еще нет данных о его токсичности в долгосрочной перспективе» (Ассошиэйтед Пресс, International Herald Tribune, 11 апреля 1974).

Если бы добавление ненужных доз витамина С было просто бесполезным, мы могли бы говорить об обмане со стороны химической индустрии. Но все гораздо хуже. 29 августа 1974 года медицинская статья в миланской газете *Corriere della Sera* указывает на следующее:

«Избыточные дозы витамина С могут вызвать цингу у новорожденных, потому что после рождения они внезапно лишаются аскорбиновой кислоты в большой концентрации».

Это невероятно. Как свидетельствует история медицины, грамотные клинические наблюдения показали нам, что недостаток свежих продуктов может вызвать серьезные заболевания. Организм автоматически извлекает из естественной, свежей, разнообразной пищи необходимые вещества и удаляет излишек. Нам нет нужды выяснять, что такое «сбалансированная» диета. Организм сам позаботится о равновесии. Но медики поверили пропаганде индустрии и несколько лет назад начали прописывать беременным женщинам сверхдозы витаминов, особенно витамина С, который на тот момент еще не обнаруживал никакого отрицательного воздействия.

Но между тем выяснилось, что повышенные дозы синтетических витаминов могут нанести серьезный вред. Это происходит следующим образом. Организмы беременной женщины и плода привыкают удалять излишек витамина С. Но после рождения ребенок внезапно перестает получать избыточное количество витамина С, вместе с тем, его организм привык выводить витамин С и удаляет даже необходимую часть, которая поступает с пищей. Вот так среди новорожденных возникали смертельные случаи цинги — из-за витамина, которого при среднестатистическом питании поступает достаточно, и который защищает от цинги. Дьявольское чудо.

Но бывает и гораздо хуже: «Есть сообщения о том, что избыточное введение витамина А препятствует развитию костей и способствует образованию опухолей. Избыток витамина D может привести к повреждению почек и нервной системы, иногда со смертельным исходом». Это утверждает Брайан Инглис — причем отнюдь не первым — в уже упомянутой книге *Drugs, Doctors and Diseases*.

На самом деле, восхваляемые витамина относятся к чудо-средствам, которые совершают чудеса только для их производителей.

В противовес Брайану Инглису, который занимался исключительно историей медицины, доктор и профессор Гвидо Фанкони (Guido Fanconi) из Университета Цюриха работал детским врачом и снискал авторитет как медик после выхода книги *Der Wandel der Medicine* (издательство Huber, Берн, 1970). В ней он разоблачает синтетический витамин К, который, так же как и сульфонамид, вызывает «острую гемолитическую анемию» (она может быть предвестником лейкемии) и указывает на то, что вследствие избытка витамина D наблюдаются бесчисленные проблемы со здоровьем, в том числе повреждения почек, гипертония и болезни сердца.

На страницах 141–142 он высказывает идею, что идиопатическая гиперкальцемия, препятствующая физическому развитию детей, связана с излишним введением витамина D. Кроме того, он доказал, что гиперкальцемия — нарушение обмена веществ вследствие повышенного уровня кальция — часто связана с пороками сердца и серьезными нарушениями в легочной артерии.

Торговцы смертью

Профессор доктор Гвидо Фанкони (Guido Fanconi) говорит на странице 59 уже упомянутой книги, что среди лаборантов и работников института — чудовищная зависимость от таблеток. Вина лежит прежде всего на врачах и фармацевтической индустрии, потому что доверчивая молодежь находится целиком в их власти.

Конечно же, производителей не только неэффективных, но и вредных лекарств, врачей, прописывающих их, аптекарей, продающих их следовало бы серьезно наказывать, так же, как наркодилеров. Большинство безрецептурных лекарств в долгосрочной перспективе причиняют здоровью гораздо больший вред, чем марихуана, продажа которой во многих странах запрещена. Что же мы должны думать о правительствах и законодателях, поддерживающих такое законодательство, из-за которого миллионы потребителей обретают зависимость от вредных, а иногда и смертельно опасных таблеток?

Разумеется, система не утвердилась бы без помощи самих пациентов. С давних времен люди верили скорее в волшебную силу, чем в науку. Учение Гиппократов было строго научным, оно опиралось на логику и на опыт. Но оно было слишком логическим, и человечеству, которое становилось богатым и ленивым и начало страдать от рукотворных заболеваний, вроде подагры, болезней печени и почек, было неудобно следовать такой теории. Поэтому пришли волшебники — пришли, чтобы остаться. Они и сегодня здесь, в их руках — бразды правления.

В XIII веке Фридрих II из Гогенштауфена, король Сицилии и Германии, издал первый приказ, который был призван защитить больных от шарлатанов и разрешал заниматься лечебной деятельностью только врачам, имеющим разрешение — этот термин появился тогда. С течением времени шарлатаны взяли власть и позаботились о том, чтобы истинные врачи гиппократовской школы, угрожающие разрушить прибыльную медицинскую торговлю с помощью простого природного лечения, оказались вне закона.

Сегодня «чудо-средства», которые описываются с помощью непонятных наукообразных формул, заменили таинственную абракадабру и магические зелья мрачного Средневековья, и, очевидно, чем дороже препараты, тем более заметно их психосоматическое действие, как в темные века.

Но тот факт, что пациенты сами виноваты в своей болезни, не оправдывает правительства и законодателей. Современное государство, претендующее на просвещенность, обязано защищать граждан от их глупости и слабости. Государство не позволяет своим гражданам разрушать свое здоровье наркотиками; оно не считает, что распоряжение здоровьем или деньгами — это личное дело каждого. Современное государство считает своим долгом защитить менее умных и более доверчивых граждан от обмана. Сфера медицины — самое явственное исключение, ибо государственные деятели сами стали жертвами господствующей системы, сами того не осознавая. В результате, мощное медико-фармацевтическое лобби может отделаться от всего. Если что-то не удастся, оно призовет устранить причиненный им же вред — разумеется, за плату, увеличивая, таким образом, прибыль. А медицинские власти отказывают посторонним людям в праве судить их, утверждая, что единственные эксперты в данной области — это они сами. В результате, они могут безнаказанно производить препараты, вызывающие рак, выгодно продавать их, а потом получать просьбу «вылечить» рак, который был создан ими же. Пример тому — трагедия со стилбестролом, которая, возможно, еще только на начальной стадии.

Ответственные органы здравоохранения — соответствующие министерства, федеральная Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов (Food and Drug Administration) в США и ее европейское отделение, находящееся в Женеве и известное как Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) — вмешиваются лишь тогда, когда уже невозможно скрыть вредное действие препарата, который в течение долгого времени тестировался на животных. Но в таких случаях они сразу же разрешают заменить его на другой медикамент, который по прошествии какого-то

времени окажется столь же (а то и более) опасным, потому что он был разработан при помощи тех же непригодных методов. Данная система укоренилась в большей степени, чем какая-либо иная система в истории человечества, хотя она оказалась наиболее опасной. И она держится в первую очередь на жажде прибыли.

*

Началось все после Второй мировой войны, когда у обеспеченного общества появилась возможность отдавать большие деньги за снятие своих постоянных страхов перед болезнями и болью, старостью и смертью. Вот так химическая индустрия стала одним из самых прибыльных направлений в мире, и производители решили прибрать к рукам обучение медиков. Они стали учить врачей, как надо лечить пациентов — чтобы сами они могли заработать деньги. И выражение «лекарство на рынке» стало наиболее известным клише, означающим любой товар, которого слишком много, или на который надо создать спрос.

Экспериментаторы, которых становилось все больше, и которые, подобно Бернару, никогда не занимались практикой, а работали с мышами, кроликами, морскими свинками, кошками, обезьянами, были уполномочены разрабатывать «чуда-средства» для замены препаратов, переставших приносить прибыль, так как либо потребители убеждались в их бесполезности, либо службы здравоохранения не могли больше закрывать глаза на их вред. Массивная пропаганда, получающая финансовую подпитку из растущей прибыли, убеждала врачей назначать новые лекарства, которые рекламировались как более эффективные и менее вредные, по сравнению с прежними — явное противоречие, поскольку чем эффективнее продукт в одном отношении, тем он должен быть вреднее в другом.

В мае 1961 француз доктор Пьер Боске (Pierre Bosquet) пишет в *Nouvelle Critique*: «Исследования строго подчиняются непосредственной коммерческой прибыли. В настоящее время болезнь — это главный источник средств для фармацевтической индустрии, и врачи охотно становятся посредниками».

Конечно, не все врачи действуют из корыстных побуждений, наоборот, большинство из них сами становятся жертвами обмана, царящего в медицине, обманутыми обманщиками. Они видят, что эта система легальна, устраивает пациентов и им самим приносит прибыль и потому не видят причин выступать против нее.

Тем не менее, в сентябре 1974 доктор А. Беда (A. Bédat), президент Швейцарского объединения фармацевтов (Swiss Pharmacists Federation), заявил на международном конгрессе в Риме, что из-за переизбытка лекарств, выписываемых врачами в Швейцарии, аптекари начали протестовать. Таким образом доктор Беда указал на то, что на пациентах лежит вина: они отказываются от традиционного лечения, хотят сразу же выздороветь и требуют медикаменты — чем больше, тем лучше. А врачи подчиняются им, чтобы не потерять клиентов.

Медицина, как и все профсоюзные объединения, ставящие главной целью службу своим собственным интересам, попала в ловушку индустрии. Эта ловушка дразнила запахом денег.

*

Когда в конце 1940-х годов пенициллин внезапно подешевел вследствие перепроизводства, врачи стали использовать его бездумно, в том числе при легком гриппе и насморке, в результате, организм утрачивал собственную способность вырабатывать природные антитела. Врачи назначали имеющиеся антибиотики — среди которых многие оказывались в ряде случаев смертельными, например, хлоромитетин — даже для профилактики, во время и после операции, не отдавая себе отчет, что таким образом они ослабляют человеческий организм и одновременно очень укрепляют разные штаммы бактерий, в результате, некоторые из них становятся устойчивыми к антибиотикам. Таким

образом, современная наука еще в 1940-е годы начала делать людей слабыми, а бактерии сильными.

Последствия начали проявляться в 1950-е годы, когда разные больницы регистрировали эпидемические вспышки, и антибиотики с ними не справлялись. В США за один год произошло более 100 подобных эпидемий; в одной из техасских больниц во время такой вспышки умерло 22 пациента. Традиционная медицина пробовала выставить как довод то, что использование всех этих антибиотиков, невзирая на опасность, было оправдано, ибо таким способом удалось спасти много человеческих жизней. Но факты в очередной раз свидетельствовали о другом.

Джон Лир (John Lear), научный редактор американского журнала *Saturday Review*, написал в связи с «чудо-средствами» об исследовании, которое было проведено доктором Чарльзом Генри Кемпе (Charles Henry Kempe) из Университета Чикаго (University of Chicago): «Сообщение показывает, что антибиотики, принимаемые для профилактики, больше вредят, чем помогают. Исследование доктора Кемпе сообщает о 250 «чистых» операциях. Из 250 пациентов 154 не получали антибиотиков. Из этих 154 человек лишь у 7,8% наблюдались побочные эффекты, связанные с бактериями. Остальные 96 пациентов из экспериментальной группы получали профилактические антибиотики. У 37,5% из этих 66 человек наблюдались бактериальные осложнения, *хотя они получали антибиотики*. «Как показывают наши результаты, — заявляет доктор Кемпе, — при чистых операциях бактериальные осложнения встречаются в 5 раз чаще в случаях, когда пациенты для профилактики получают антибиотики».

*

Гонорея (триппер), относительно несерьезное венерическое заболевание, без лечения может перейти в хроническую форму и сделать человека инвалидом. Древние римляне лечили его по рецепту Гиппократов. Процесс выздоровления был длительным, метод работал надежно и не требовал затрат: *lectus et lac*, то есть, постель и молоко давали возможность природе, *suprema guaritrix*, победить болезнь. Во времена моей юности использовались сильные антисептические препараты, их надо было принимать в течение долгого времени. Потом появились чудо-средства — таблетка либо инъекция — и через два дня пациент был уже готов к новым приключениям. Но и в этом случае из выживших бактерий развивались более выносливые штаммы, которые оказывались устойчивы к антибиотикам и, возможно, даже к постели и молоку. Иными словами, люди прошлого знали, как лечить гонорею, а сегодня, благодаря современной науке, болезнь окрепла и расширилась, причем до такой степени, что в 1976 году ВОЗ была вынуждена забить тревогу.

В *Figaro* (Париж, 18 сентября 1976) в статье под названием «Предупреждение ВОЗ: пенициллин больше не лечит гонорею» можно прочитать следующее: «Предупреждение ВОЗ важно по причине того, что гонорея, которая почти исчезла после Второй мировой войны, с 1960 года снова начала распространяться все больше. Она стала вторым по распространенности инфекционным заболеванием после гриппа». Очередное дьявольское чудо.

И: «Ровно спустя 30 лет после введения пенициллина, являющегося высокоэффективным препаратом против обеих самых распространенных венерических болезней, врачи-специалисты были вынуждены констатировать «Сифилис и гонорея достигли невиданных ранее масштабов!»

Так начиналась статья «Венерические заболевания выходят из-под контроля?» (*Geraten Geschlechtskrankheiten ausser Kontrolle*, *Tages-Anzeiger*, Цюрих, 4 сентября 1972). В ней мюнхенский дерматолог доктор О. Браун-Фалько (O. Braun-Falco) изложил причины, а во время беседы за круглым столом указал, что в те дни в больнице Карлсруэ проводилась неделя терапии для 24 немцев.

Врачебное сообщество возложило ответственность за распространение гонореи не сколько на медицинские, столько на «социально-психиатрические» факторы: люди же сегодня больше путешествуют! Но это продолжалось недолго: врачи заметили, что что-то не так с точки зрения медицины.

22 ноября 1976 года журнал Time сообщает следующее: Гонорея уже достигла масштабов эпидемии — только в США насчитывается 3 миллиона случаев этой болезни, а во всем мире около 100 миллионов — хотя раньше врачи ее могли дешево и эффективно лечить большими дозами антибиотиков. Несколько лет назад появились относительно устойчивые штаммы гонококков, но даже эти сильные бактерии в конце концов поддаются повышенным дозам антибиотиков. Чего нельзя сказать о новейших штаммах; впервые гонококки проглотили без вреда для себя пенициллин... Никто не знает с уверенностью, каким образом гонококки обрели эту тревожную новую способность». Комментарий, неприятно поражающий своей правдивостью: причина — на ладони.

*

Уже невозможно отрицать ущерб, причиненный антибиотиками и неспособностью понять современную науку, здоровье, биологию и природу, вследствие масштабов вреда. Ниже мы приведем выдержку из серии статей, которые были опубликованы доктором Райга (Raiga) в 1962–1963 годах во французском журнале Bulletin de l'Association Générale des Médecins de France: «За последние 10 лет чисто штаммов стафилококков, устойчивых к пенициллину, постоянно возрастает, особенно в больницах, там мы своими глазами видели, в каких количествах возникают и распространяются серьезные стафилококковые инфекции при лечении совсем других болезней. Прежде всего это происходит в родильных домах, где эпидемии подобных инфекций достигли катастрофических масштабов. По трагической иронии судьбы, сегодняшнее лечение виновато в том, что стафилококковые инфекции распространяются все больше; при этом они были призваны — по меньшей мере, сначала — бороться с инфекцией. Такие заболевания оказываются еще более серьезными, если они возникли из-за антибиотиков, к которым врач прибегает для лечения безобидных болезней, которые прошли бы и без лечения. В таких случаях медикамент, несомненно, становится *причиной лекарственной смерти*.

Десять лет прошло, прежде чем так называемая медицинская наука в США догнала свой европейский аналог. Только в декабре 1972 некоторые служащие Управления по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов (Food and Drug Association) потребовали от Монопольного подкомитета Сената радикальных реформ, «чтобы удержать врачей от прописывания антибиотиков при болезнях, при которых они не действуют, и в случаях, когда заболевание можно вылечить другими надежными способами».

Доктор Гарри Ф. Даулинг (Harry F. Dowling), специалист в области инфекционных заболеваний, отставной профессор Университета Иллинойс (University of Illinois) и бывший председатель Совета по лекарствам в Американской медицинской ассоциации (American Medical Association), сделал заявление, из которого следует, что врачи выписывают антибиотиков в 10–20 больше оправданного с медицинской точки зрения количества. Он продолжает: «В течение нескольких лет мы исходили из того факта, что от тифа существует два надежных средства: хлорамфеникол и ампициллин. Потом обнаружился штамм туберкулеза, который устойчив к хлорамфениколу, а теперь — и к ампициллину. И вскоре мы вернулись в 1930-е годы, когда от этой болезни не существовало эффективного лекарства». Затем доктор Даулинг еще раз обратил внимание на более ранние тревожные сигналы из Франции и заявил перед комиссией, что среди пациентов, проходивших лечение в стационарах, наблюдалось больше случаев заражения крови вследствие устойчивых к антибиотикам бактерий (International Herald Tribune, 9–10 декабря 1972).

*

Количество врачей, которые уясняют для себя сущность антибиотиков, явно возрастает, но они не знают, как им себя вести, так как очень уж давно они ступили на неправильный путь и теперь не находят ни сил, ни мужества вернуться обратно. Как сообщает консервативная римская газета *Il Tempo* (31 июля 1976), лауреат Нобелевской премии Джеймс Баниелли (James Banielli) заявил: «Антибиотики причинили вред, который значительно перевешивает их положительное действие». Среди прочего, он перечисляет хронические заболевания, особые инфекции, аллергические реакции, отравление клеточной ткани, дефицит витаминов.

Невозможно выяснить — даже приблизительно — сколько человек умерло вследствие медицинских вмешательств. Ни один врач не захочет взвалить на себя процесс и признать в ходе него, что пациент умер от одного из выписанных им препаратов. Точно так же коллеги не станут давать показания против него, потому что они всегда подвержены той же опасности. А причину смерти не всегда можно с уверенностью отнести к одному фактору. Медикаменты не обязательно вызывают скоростную смерть. Обычно они нарушают равновесие организма, постепенно причиняют вред жизненно важным органам и таким образом, часто наряду с другими причинами, вызывают преждевременную смерть.

Доктор Вернер Лемпфуль (Werner Lehmpfuhl), практикующий врач из Ганновера, пишет в еженедельной газете *Welt am Sonntag* (29 июля 1973): «На самом деле, каждый месяц миллионы людей страдают от лечения, которое должно было им помочь».

Это касается не только Германии, где полтора миллиона ревматиков до сих пор получают медикаментозное лечение, включающее кортизон, хотя уже более 10 лет предупреждают о большой опасности такой терапии.

Аналогичные жалобы выдвинул в 1973 году в Германии Курт Блюхель (Kurt Blüchel), в прошлом пресс-секретарь одного из врачебных объединений и химического концерна и, кроме того, главный редактор медицинского журнала. Его книга «Белые маги» (Weisse Magier, издательство Bertelsmann, Мюнхен) вызвала яростные вопли в фармацевтической индустрии, последняя угрожала ему судебными процессами и изъятием всего тиража. Из этого ничего не вышло. Напротив, год спустя книга была переиздана в мягкой обложке (Fischer), а то, что индустрия не смогла воплотить свои угрозы в жизнь, придало ей вес. Что касается немецких врачей, они не отрицали заявлений автора, а гневно обвиняли его в «подрыве доверительных отношений между пациентом и врачом».

*

Согласно расследованию Ивана Иллича (Ivan Illich), опубликованному в *Medical Nemesis* (Pantheon, Нью-Йорк, 1976), в 1974 году в США от медикаментозного лечения умерло как минимум 60000 человек, а в некоторые годы эта цифра доходила до 140 тыс. Доктор Уильям Бин (William Bean) из Университета Айовы (Iowa State University) еще в 1957 году утверждал в своем свидетельстве перед комиссией Кефопера (Kefauver Committee) в американском Сенате, что новые лекарства особенно опасны именно вследствие превентивной проверки на животных: «Самую большую прибыль удастся извлечь, когда на рынок выводится новая разновидность лекарства, а препараты, составляющие конкуренцию, еще не открыты. При такой системе тратить много времени на определение пользы, а также возможных рисков, связанных с токсичностью, непрактично... *Итак, после обширных лабораторных исследований токсичности и фармацевтических свойств но иногда минимального количества клинических испытаний лекарство можно продавать*».

Смысл заявления ясен: помимо соображения, что нам не нужны новые препараты, что у нас и так уже наблюдается их излишек (Уолтер Моделл (Walter Modell), крупнейший авторитет в области фармакологии, ясно объяснил это), клинические исследования с участием пациентов-людей являются единственными значимыми испытаниями. «Обширные лабораторные исследования», упомянутые доктором Бином, — это опыты на

животных, которые ненадежны и потому опасны для человека. Но они дают возможность производителям постоянно наводнять рынок новыми продуктами — и только время покажет их действие на человека.

Все это было бы невозможно без покровительства свыше — со стороны служб здравоохранения и самого государства.

*

Разумеется, очень сложно доказать сообщничество между индустрией и высокопоставленными госслужащими, но двум американским журналистам удалось предать огласке по крайней мере один случай, который свидетельствует, насколько далеко может зайти алчность. Один из них, Ричард Харрис (Richard Harris), опубликовал серию статей в *New Yorker*, другой, Джон Лир (John Lear) — в *Saturday Review*, а высокопоставленным госслужащим был не кто иной, как доктор Генри Вельш (Henry Welch), руководитель отдела антибиотиков в могущественной Администрации по пищевым продуктам и лекарствам (Food and Drug Administration). Это ведомство предписывает опыты на животных для проверки всех лекарственных препаратов и таким образом оказывает влияние на министерства здравоохранения в большинстве других стран.

Статья в газете раскрывает, что Вельш был совладельцем *Medical Encyclopedia*, ежегодного симпозиума по антибиотикам, и главным редактором двух медицинских журналов, *Antibiotics and Chemotherapy* и *Antibiotic Medicine and Clinical Therapy*, прибыль которых зависела от объявлений фармацевтической индустрии.

На вопросы Вельш отвечал, что это «не имеет значения», ибо он всего лишь получал «гонорар» от тех изданий. Тем не менее, он отказывался сообщить размер гонорара. Кроме того, он имел отношение к рекламным кампаниям фирмы Pfizer: его *Medical Encyclopedia* активно рекламировала некоторые новые препараты Pfizer, например, сигмамицин.

Когда к Вельшу обратились с требованием дать отчет перед Комиссией Кефопера (Kefauver Commission), он отказался под предлогом болезни, но все же сказал, что пришел бы, если бы возникли сомнения в его честности. Сомнения в его честности возникли очень серьезные, но он не появился.

Свидетель из Бюджетно-контрольного управления (General Accounting Office), который проверял финансовые дела Вельша, указал, что его «гонорар» с 1953 по март 1960 составил 287142,40 долларов. А незадолго до этого в ходе разбирательства выяснилось, что доктор Вельш подал заявление об отставке, и его незаметно приняли.

*

Когда в 1976 году Конгресс выделил средства на проведение кампании по выборам президента, но не парламентариев и сенаторов, заинтересованные группы просто вливали свои деньги во все еще открытые ворота Капитолийского холма. И кто же предоставил больше всех средств кандидатам в Сенат и парламент? Согласно журналу *Times*, во главе заинтересованных групп стояли медицинские ассоциации, давшие 1 790 879 долларов, за ними шли комитеты по молочным продуктам с 1 362 159 долларов и Американская федерация труда — Конгресс промышленных организаций (American Federation of Labour — Congress of Industrial Organizations), выделивший 996 910 долларов. Возможно, это объяснит, почему некоторые сенаторы и конгрессмены отчаянно защищают вивисекцию.

Тайное соглашение между государством, органами здравоохранения и индустрией очень распространено, потому что оно исключительно многогранно, и на кону стоит много денег. В статье «Что вызывает рак?» (26 января 1976) американский новостной журнал *Newsweek* сообщает, что Министерство здравоохранения решило выдвинуть обвинения ученым, которые, с одной стороны, работают оплачиваемыми консультантами обычных представительств, с другой — получают гонорары от частных обществ как эксперты-

консультанты. В том же году римская ежедневная газета *Paese Sera* написала, что местные органы здравоохранения спросили одного врача в Палермо, почему он выписывает своим пациентам на 30% меньше лекарств, чем его коллеги; когда он ответил, что считает большинство медикаментов бесполезными или вредными, против него возбудили дело.

Таким образом, вина за распространение нового варварства, преподносимого как наука, лежит не только на психических расстройствах, побудивших первых вивисекторов XIX века воспитать поколения студентов, для которых «исследования» равнозначны мучениям животных. С течением времени к мотивам, породившим вивисекцию — садизму и жажде карьеры — добавилась алчность людей науки. И впоследствии выяснилось, что систематические мучения животных приносят больше денег, чем любая другая законная деятельность, в результате, у несчастных существ шансов не осталось.

Часть 7 Одичание

В 1971 году, в летнем выпуске *American Scholar* была напечатана дискуссия между доктором Роберт Уайтом (Robert White), который пересаживал обезьянам головы, из Университета Кливленда (Cleveland University) и микробиологом доктором Кэтрин Робертс (Catherine Roberts) из Калифорнии. И доктор Уайт насмехается в следующих словах над своим оппонентом: «Доктор Робертс часто повторяет выражение «потеря человеческого облика» — противники вивисекции любят его употреблять применительно к экспериментаторам. Это, очевидно, следует расценивать как психиатрический симптом. К счастью, литература по психиатрии, так же как и я, не знакомы с этим сенсационным клиническим диагнозом — потому что его не существует» (с. 512).

Но доктор Уайт сам же использовал это выражение на предшествующей странице: «Могу заверить читателей *Scholar*, что я более 20 лет участвую в опытах на животных в областях, которые доктор Робертс так изысканно описывает (поведение, нейрофизиология, парабриоз и пересадка органов), я посещал исследовательские институты всего мира и нигде не наблюдал жестокости и потери человеческого облика, которая, как нас уверяют, свойственна биохимическим исследованиям».

Когда я добавлял эту статью к своему досье на знаменитых вивисекторов, мой взгляд упал на фотографию прооперированной им маленькой обезьянки (фотография была опубликована в еженедельном журнале *Stern*, 1 марта 1973). У обезьяны от подбородка до грудной клетки проходил выразительный шрам. Через этот разрез бесстрашный хирург перерезал сонную артерию, выкачал из мозга всю кровь, на протяжении часа держал мозг охлажденным, затем вкачал кровь обратно в мозг и наложил швы, чтобы посмотреть, выживет ли обезьяна.

Увы! Бедная обезьянка выжила. Этот эксперимент стал началом целой серии новых ужасов с бесчисленными другими обезьянами, и результатом стала пересадка голов на туловища других обезьян. Я согласен со всеми теми людьми, кто считает, что такие эксперименты — это не более чем лабораторные спектакли, и их единственная цель — в лучшем случае удовлетворить «научное» любопытство и ценой жизни живых существ snискать всемирную славу.

Все это, бесспорно, всего лишь пролог к ужасам, угрожающим людям — когда пересадку головы попробуют сделать им. Доктор Уайт действовал с большей уверенностью, чем большинство благодетелей: он предсказывал своим экспериментам практическое применение через 30–50 лет — если ему не придется держать ответ.

Разумеется, счастье думающих людей, не говоря уж о спасении человечества, зависит не от возможности произвести пересадку головы. По мнению многих думающих людей, спасение человечества заключается в том, быстро настал конец образу мышления, которое порождает личностей, наподобие Роберта Уайта.

Но это не решающий момент. Обезьянка, изображенная на картинке, испытывала явные муки. Ее выражение морды могло бы символизировать сумму человеческих страданий на протяжении веков. Она находилась в полусогнутом состоянии и, скорчившись от боли, отчаянно держалась своими маленькими ручками за металлическую сетку клетки. Ее глаза в растерянности взирали на непонимающий мир (на фоне истощенного лица они казались огромными); кожа болталась на костях. Одна нога, которая послужила невесть каким «научным» исследованиям, была забинтована, причем очень неаккуратно.

Я хочу обратить внимание на следующее: когда индивидуум вроде доктора Уайта, который ездил, по-видимому, в исследовательские институты всего мира, производил все возможные бессмысленные эксперименты на животных, в том числе и парабриоз, невзирая на это, заявляет, что еще ни разу нигде не сталкивался с жестокостью, это свидетельствует о достижении им предельной степени ожесточения. Как и большинством его коллег.

Большая забава

Во французском журнале *L'Anti-Vivisection* (январь-март 1977) французский врач Жак М. Кальмар (Jacques M. Kalmar) характеризует душу вивисектора следующим образом: «В лаборатории парижской больницы врачи-ассистенты иногда развлекаются тем, что вытаскивают кошку из клетки и с ее помощью играют в индейцев. Она им служит мишенью. Они метают в нее скальпель, как копьё в диких животных. Страшно подумать, что эти убогие, извращенные люди уполномочены лечить больных».

Глава о порочных забавах экспериментаторов могла бы быть длинной, но здесь мы ограничим ее несколькими примерами. Первый из них я нашел в восторженной биографии Клода Бернара, написанной Робертом Кларком (Robert Clarke): «Мажанди́, руководитель *Collège de France*, никогда не готовился к своим лекциям, он наглядно показывал студентам свои сомнения, а затем задавал вопрос природе. Если он осмеливался предсказывать результат, эксперимент показывал диаметрально противоположность. И Мажданди́ присоединялся ко всеобщему веселью».

Какое идиллическое описание! Можно было бы представить себе уютный пикник среди красот природы, если бы мы не знали, что *Collège de France* был физиологической лабораторией медицинского факультета, а эксперименты, с помощью которых руководитель «задавал вопрос природе», и неожиданные результаты которых вызывали смех у профессора и его учеников, всегда представляли собой кровавую вивисекцию.

Доктор дю Прель (Du Prel) сообщает об одном «смешном» случае, с которым он столкнулся в Университете Мюнхена (University of Munich). Для эксперимента на почках взяли собаку и закрепили ее на операционном столе. Из пустой глазницы капала кровь. Профессор сказал студентам, что рана, которую они видят, не имеет никакого отношения к запланированному эксперименту — другой профессор незадолго до того использовал глаз. Это объяснение вызвало веселье среди студентов.

Немец доктор Герберт Фрише (Herbert Frische) пишет в своих воспоминаниях о студенческих временах, что, когда студенты в ходе классического павловского эксперимента видели мученический взгляд голодной собаки, у которой проглоченная пища вываливалась через отверстие в пищеводе, и от души смеялись.

Некий профессор Отто Кон (Otto Cohn) тоже счел бесконечно повторявшиеся павловские опыты с собаками «очень смешными» (*Münchener Medizinische Wochenschrift*, 30 марта 1902).

31 января 1903 года в Физиологическом институте Бернского университета (Bern University) состоялась дискуссия между главой института, профессором доктором Кронекером (Kroncker) и немецким писателем и философом Магнусом Швантье (Magnus Schwantje). Присутствовали только студенты-медики. Поскольку ее тема всегда вызывала

отвращение, общественность и СМИ в очередной раз не были допущены. Когда профессор Кронекер сказал: «Это невозможно, чтобы физиологи совершали жестокости, в которых Вы их обвиняете, ведь они, будучи физиологами, уважают жизнь больше, чем кто-либо другой», Швантье в ответ зачитал один из протоколов вивисекторов. Этот документ относился к временам, когда экспериментаторы еще не научились вуалировать свои сообщения эвфемизмами. При каждом упоминании о животных, которых заживо запекали или свеживали, которым удаляли органы, разрезали спинной мозг и т.д., студенты взрывались смехом и не давали Швантье продолжить.

Я собрал множество свидетельств в пользу того, что эксперименты, которые внезапно убивают животных, очень веселят «ученых», выполняющих их. На фотографии, опубликованной в *New York Times* 26 ноября 1973 года, двое ученых, доктор Бернارد Лаун (Bernard Lown) и доктор Ричард Л. Верье (Richard L. Verrier) из Гарвардской лаборатории дразнят собаку, подвешенную на канате, и смеются над ней. Собака получала удары током до тех пор, пока не умерла. Эксперимент «доказал», что на умерщвление собаки, находящейся в беспомощном, подвешенном положении, требуется меньше электричества, чем на убийство животного, находящегося на полу клетки.

Эту главу можно было бы проанализировать фотографиями, опубликованными в разных журналах, например в *Quick* (26 декабря 1965). Съемка сделана в медицинской академии Тулейнского университета (Medical Academy of the University of Tulane, Новый Орлеан), когда для «изучения» дорожно-транспортных происшествий убили 200 макаков резус. Словно недостаточно медицинского материала о ДТП, который ученые могли бы использовать, если бы они всерьез интересовались тем, что происходит с людьми — а не с обезьянами, которые во много раз более устойчивы и эластичны, чем люди, и, следовательно, только вводят в заблуждение.

Каждую обезьяну зафиксировали на санках и бросали против стены. Некоторые из них умерли от перелома шеи или раздавления грудной клетки, другие «отделались» серьезными травмами, и псевдоученые могли проводить на них дальнейшие исследования за счет налогоплательщиков.

В Тулейне обезьяны знали, что им предстоит, потому что они видели происходящее со своими сородичами и испытывали сильный страх. На многих фотографиях видно, как они сопротивляются ученым в белых халатах, когда те хотят зафиксировать их на санках. И эти люди — названные в заглавии «патологами из Тулейнского университета» — весело смеются над бесплодными стараниями своих маленьких жертв. Кроме того, один из смеющихся «патологов» щекочет кричащую обезьянку под мышкой.

*

Эксперименты, проведенные в Тулейне, побудили доктора Уоррена М. Кросби (Warren M. Crosby) из Университета Оклахомы (University of Oklahoma) повторить их с использованием беременных самок павиана, на это он получил выплату в размере 103 800 долларов, а *Medical Tribune* предоставила ему место для публикации.

Эксперименты доктора Кросби не сопровождалась фотографиями, поэтому мы не можем узнать, смеялся ли он, фиксируя беременных самок павиана. Известно только то, что потом еще один американский ученый захотел получить кусок пирога. В июне 1969 года журнал *Clinical Medicine* сообщает еще об одном тесте на столкновение — швыряние бесчисленных обезьян, «чтобы выяснить, какая требуется энергия для вызывания сотрясения мозга». При этом «исследователи» пришли к выводу, что «степень телесных повреждений определяется скоростью» — любой четырехлетний ребенок, катавшийся хоть раз на трехколесном велосипеде, смог бы сказать то же самое.

Разумеется, данные эксперименты подстегнули прочих членов сообщества, и повсюду в США и Японии стали портить транспортные средства и убивать обезьян. Больше всего сумасшедших вивисекторов и издателей псевдонаучных американских журналов заворачивают ДТП с участием беременных самок павиана, и выпуск *Surgery*,

Gynecology and Obstetrics за ноябрь 1972 сообщает об очередном «эксперименте» такого рода.

В этот раз поводом для траты федеральных и частных средств стала так называемая проверка ремней безопасности, предохраняющих плод в матке от повреждений во время ДТП. Разумеется, эти эксперименты не открыли ничего такого, что не было бы известно авиакомпаниям в течение десятилетий, когда они решили ввести ремни безопасности, которые были изобретены не через эксперименты на животных, а благодаря работе неиспорченного мозга.

Рост испорченности

То, что vivisection оказывает дегуманизирующее влияние на тех, кто ее практикует или просто присутствует во время нее, — факт само собой разумеющийся. В выпуске *Medical Times* за март 1932 можно прочитать: «Вивисекция вызывает не только всеобщее, но и индивидуальное нравственное падение. Как происходит неминуемое воздействие на нравственность студента-медика. Нетрудно найти примеры, свидетельствующие о том, что вивисекция подрывает моральные ценности студентов».

Действительно, во всем мире нетрудно привести подобные примеры. Среди многих жалоб, с которыми сталкивалась Итальянская Лига против вивисекции (*Italian Anti-Vivisection League*), выделяется письмо о случае с кроликом в Университете Милана. Его после вмешательства оставили на операционном столе зафиксированным, где он истекал кровью вторую половину дня и всю ночь, и сделано это было из соображений кулинарии: один из работников хотел его приготовить на другой день.

Обычно после демонстрации студентам профессор дает своей жертве прийти в себя от более или менее эффективной анестезии и приступает к послеоперационным наблюдениям или передает умирающее животное ассистенту и идет обедать. Эти люди не добросердечные друзья животных, иначе они выбрали бы другую профессию. И поскольку ассистенты видят, как обращается с животными их начальство — люди, обладающие авторитетом и имеющие вес — это часто подталкивает их вымешивать на животных свой садизм, дремлющий во многих людях и проявляющийся, когда речь идет о вивисекции.

В Риме, согласно постановлению санитарных служб, убитых в лабораториях животных закапывают в специальные могильники, которые находятся за пределами города, вдоль дороги, ведущей в Остию. Здесь часто находят подопытных собак, похороненных заживо. Из-за одной такой находки было выдвинуто обвинение против служб здравоохранения, городского самоуправления и одной из крупнейших больниц, *Istituto Fisiologico Forlanini*. Сообщение в римской газете *Messaggero* (22 декабря 1971) заканчивалось следующим описанием: «Из могилы торчала голова и половина грудной клетки овчарки; ее глаза были широко раскрыты, язык вывешивался. Везде вокруг были видны следы того, что животное перед смертью совершало отчаянные попытки откопаться».

Чаще всего маленьких животных после выполнения ими «службы» убивают, для этого их несколько раз ударяют головой об острый край стола. Один оксфордский профессор убеждал Ричарда Райдера (*Richard Ryder*), психолога из больницы Уорнфорд (*Warneford Hospital*), что в его лаборатории крыс убивают «гуманным путем» — об угол стола.

Вот еще один пример того, как чуждо лабораторной субкультуре понятие сострадания, и насколько непостижимы для нее мотивы ее критиков. Когда в 1974 году американская армия, изъявила желание тестировать новый отравляющий газ на сотнях биглей и тем самым вызвала бурю протестов, ответственные военные «ученые» предложили вместо биглей использовать свиней.

Хирург Стивен Смит (Stephen Smith) на втором Докладе королевской комиссии (Royal Commission Report) сделал следующее заявление: «Когда я впервые увидел жестокий опыт на животном, проводившийся без обезболивания, мне хотелось выйти из помещения, настолько мне было плохо. Второй раз произвел на меня гораздо меньшее впечатление, и с каждым экспериментом мои чувства все ослабевали, в конце концов, смог смотреть на самые жестокие вещи без каких-либо эмоций. По-моему, у других людей это происходит точно так же».

*

Прогрессирующее притупление человеческих чувств, которое неизбежно происходит у всех, кто имеет дело с систематическими пытками, — это очень серьезное явление. Поскольку вивисекция практикуется все более в крупных масштабах и в большем количестве стран — в новых республиках третьего мира своими умениями хвастаются сегодняшние преподаватели-медики, получившие «научное» образование на Западе, и с этой целью они проводят перед удивленными взорами студентов опыты Клода Бернара и компании. В результате, вивисекция распространяется все больше, неуклонно растет число людей, которые привыкают не обращать внимания на страдания других живых существ и совершать невероятную жестокость так, словно это похвальный поступок.

Такая установка распространилась с физиологии на другие области медицины, и теперь пытки от лица науки происходят теперь даже на занятиях по психологии. Все больше психологов и психиатров должны смотреть всевозможные опыты на животных или же участвовать в них, наблюдая, как мыши, кошки, козы и человекообразные обезьяны доходят до сумасшествия из-за ударов током, психических травм и страдают от всевозможных физических и душевных пыток, которые только может изобрести человек.

Поэтому эпидемия очерствления бушует и среди медиков, к которым душевнобольные обращаются за помощью — и традиционная медицина нарочно не замечает опасности подобного состояния. Международные органы здравоохранения — начиная с уже давно инфицированной ВОЗ и Службы здравоохранения США, с которой берут пример все остальные страны — не только слепы к этой опасности, но и представляют собой часть ее.

Грубость современных медиков-исследователей проявляется сегодня и в их речи, когда они в научных публикациях пациентов обозначают «материалом», или когда профессор Питер Хайс (Peter Hays) в своей книге *New Horizons in Psychiatry* (с. 103) пишет: «Проверка новых веществ с помощью животных довольно примитивна, невзирая на изящество самого эксперимента».

Разумеется, здесь следует упомянуть и доктора Роберта Уайта (Robert White) из Кливленда. При описании своих трансплантаций обезьяньих голов в июльском выпуске *Surgery* (1971) он уверенно использует такие гротескные обороты: «Эти эксперименты показали, что возможно, пересадить изолированный головной мозг (он имеет в виду голову) на изолированное туловище». И дальше: «Все четыре мозговых трансплантационных препарата выжили; срок их жизнеспособности варьировался от 6 до 36 часов. Через 3–4 часа появлялись признаки того, что головной мозг начинал осознавать происходящее вокруг, это выражалось в том, что он жевал пищу, положенную ему в рот, и пробовал ее глотать. Глаза следили за движениями людей, и мозги сохраняли драчливое выражение, о чем свидетельствовали укусы при раздражении рта». (Доктор Уайт хоть и упоминает враждебность обезьян, когда он мучил их, делая «раздражение рта», но нисколько не обиделся на это, в отличие от своего коллеги Харлоу (Harlow), — головы не желали целовать руки, оторвавшие их от изначального тела).

Но затем доктор Харлоу в уже упоминавшейся дискуссии в *American scholar* бесстрашно пустился в абстрактные размышления: «Я думаю, — рассуждал он, — что включение низших животных в нашу этическую систему бессмысленно с точки зрения философии и невозможно на практике, и поэтому враждебные вивисекции теории и

практики не имеют моральных и этических основ». И дальше: «Сожаления о мнимых страданиях и болях животных, которые используются в медицинских исследованиях, следовало бы рассматривать как настоящее психическое извращение».

Слово «мнимый» значит «недоказанный», и то, что доктор Уайт использовал его применительно к страданиям подопытных животных, означает отсутствие у него какого-либо представления о физиологии животных. Серьезный недостаток для нейрофизиолога, но не неожиданный, ибо вивисекторы со временем теряют чувство реальности, и идеалы науки уносят их все дальше.

Доктор Уайт продолжает: «Возможно, доктору Робертс и мне следовало бы извиниться перед нашими читателями за то, что мы потратили так много страниц на обсуждение столь малозначимой темы». Показавшийся Уайту малозначительным вопрос состоял в том, имеет ли человек право совершать пытки.

Кроме того, доктор Уайт принадлежит к растущей категории медиков-исследователей, которые считают, что на новости науки следует ввести цензуру. Когда американская журналистка Ориана Фаллачи (Oriana Fallaci) в одном из американских журналов описала бойню, увиденную ею в одном из экспериментов с обезьяньей головой, доктор Уайт не только пожаловался в газете, что корреспондентка «пробовала очеловечить детеныша гориллы и для этого сравнила его с ребенком» (явное преступление, по мнению Уайта), но и заявил, что у нее не было никакого «права» на статью.

Гораздо раньше Кларенс Е. Ричард (Clarence E. Richard), председатель Чикагского общества против вивисекции (Chicago National Anti-Vivisection Society), процитировал в одном из журналов высказывание другого знаменитого американского экспериментатора. Речь идет о профессоре Джордже Вакерлине (George Wakerlin) с медицинского факультета университета Иллинойс: «Я не желаю иметь дело ни с чем, имеющим связь со словом «гуманный» (The National Magazine, июнь 1954).

Если существуют люди, разделяющие точку зрения доктора Уайта, что чувство человечности и сострадания «следовало бы рассматривать как настоящее психическое извращение», то, несомненно, имеется во много раз больше людей, полагающих, что недостаток этих чувств является гораздо более опасной формой психического извращения.

Последствие и причина душевной болезни

«Физиолог — человек не от мира сего, это человек науки, полностью занятый научными мыслями, за которыми он следует; он больше не слышит криков животных, не видит текущей крови; перед глазами у него только его идея, организмы со спрятанными проблемами, которые он хочет открыть. Он не чувствует, что присутствует на ужасном кровопролитии; находясь под обаянием научной идеи, он с восторгом добирается до нервного волокна в зловонном, синевато-багровом мясе, которое у других людей вызвало бы отвращение и ужас».

Так пишет Клод Бернар в своем классическом Introduction (с. 154). Как считает по этому поводу английский писатель Джон Вивьен (John Vyvyan), если бы первосвященник современной вивисекции жил в наше фрейдистское время, он бы никогда не опубликовал эти строки; они свидетельствуют о типичном примере серьезнейшей душевной болезни, известной психиатрии — параноидной шизофрении. У Клода Бернара наблюдается типичный случай, и, вероятно, нет ни одного вивисектора, который был бы полностью свободен от нее.

У Клода Бернара как душевнобольного было много «товарищей по несчастью» среди коллег; один из таковых — его знаменитый русский ученик Илья фон Цион, который говорит в «Методике...», что вивисектор при работе должен испытывать не отвращение, а «чувство радостного волнения». Нетрудно объяснить «чувство радостного волнения, с

которым русский физиолог подносил нож к своим трясущимся жертвам, пристегнутых к доске Чермака (Czermak Table).

Е. Е. Слоссон (E. E. Slosson), профессор химии в Университете Вайоминга (University of Wyoming), пишет в статье под названием «Относительная ценность жизни и знаний» (The Relative Value of Life and Knowledge) в журнале The Independent (Нью-Йорк, 12 декабря 1895): «Человеческая жизнь — ничто по сравнению с новым фактом. Целью науки является прогресс человеческих знаний при каких угодно человеческих жертвах. Мы не знаем, для более высоким целей годились бы кошки и морские свинки, чем для служения науке. *Мы не знаем более высокой цели для использования человека*». В очередной раз мы здесь имеем дело с вивисектором, для которого человеческая жизнь — разумеется, кроме своей, ничего не значит, по сравнению с новыми фактами и числами.

14 октября 1952 лорд Даудинг (Dowding) из верхней палаты парламента процитировал доктора Лудимара Германа (Ludimar Hermann), в прошлом профессора физиологии университета Цюриха: «Непосредственная цель вивисекции — это прогресс науки, а не польза медицины. Ни один настоящий исследователь не думает о практическом использовании своей работы. Наука может уже не прибегать к этому оправданию, хотя в Англии все еще обязана прикрываться им». (Тот же самый профессор Германн противоречил сам себе, когда заявил в другой раз: «Каждая неиспользованная для вивисекции собака обходится в потерянную человеческую жизнь»).

В 1953 году другой преподаватель университета заявляет: «Причинение самой острой агонии бесчисленным животным оправданно, если, по мнению самого небольшого числа профессоров медицинского факультета, это дает малейшую возможность расширить человеческие знания, и вопрос о какой-либо практической пользе увеличившегося объема знаний не имеет значения».

Бред сумасшедшего? Несомненно. Но этим сумасшедшим был доктор Уолтер Мик (Walther Meek), тогда профессор физиологии в Университете Висконсина (University of Wisconsin), и он заявил вышеприведенные слова перед сенатским комитетом по законодательству штата Висконсин; в Мадисон тогда обсуждался вопрос, отдавать ли бесхозных собак в лаборатории или нет.

Большинство людей, которых я видел за чтением списка экспериментов, ничего не знали о Фрейде, но рано или поздно невольно восклицали: «Это сумасшедшие!» Один из них сказал: «Главное впечатление, которое создается, — глупость».

В речи психиатра нет слов «сумасшествие» и «глупость»: они принадлежат лексикону простых смертных. Какое бы выражение ни использовалось, ясно, что большинство вивисекторов больны душевно. По словам австрийского философа Иоганна Уде (Johannes Ude), вивисектор — «морально недоразвитый человек с патологическим любопытством». На языке человека с улицы это называется: «Вивисектор сумасшедший».

Задолго до профессора Уде, а именно 27 августа 1928, медицинский колумнист газеты New York Daily Mirror, который выступал под псевдонимом Medicus, пишет: «Не создается ли впечатления, что жестокие к животным люди больны? Не следовало бы запретить их в сумасшедшем доме?»

Во многих психиатрических больницах, например, в Manicomio Criminale в Аверсе близ Неаполя, регистрационная форма включает в себя вопрос, проявлял ли пациент жестокость к животным.

Очень часто экспериментатор, который в обычных условиях производит совершенно нормальное впечатление, узнав о том, что перед ним находится пылливый противник вивисекции, сразу меняет выражение лица! Он приходит в неуправляемую ярость или же начинает трястись и заикаться, всегда нервничает, прямо как шизофреник, чье «Я» внезапно обнажилось, или душевнобольной, которого уличили в безумии. Я сам это неоднократно видел.

Недавно я столкнулся с таким явлением в очередной раз, при общении с цюрихским неврологом профессором Конрадом Акертом (Konrad Akert). Моя вежливая просьба об

интервью про результаты, полученные при экспериментах с мозгом обезьян, вызвала у него яростную тираду о противниках вивисекции, и он швырнул телефонную трубку. Мои письма, где я повторял просьбу, остались без ответа. Не дождался я ответа на мой вопрос и от ректора университета, биолога. Университет Цюриха существует на государственные деньги, но в том, что касается вивисекции, он считает правильным вводить цензуру для швейцарских граждан, как в случае со мной. В Швейцарии, как и в других странах, медицинская «наука» подчиняется гегемонии всемогущей клики, не обращающей внимания на общественное мнение, правительство, законы, ограничения, распоряжения для достижения диктатуры их гильдий, где нет места для аутсайдеров.

Мои неоднократные попытки поближе познакомиться с членами так называемой «Наблюдательной комиссии по опытам на животных в кантоне Цюрих» оказались безуспешными. Каждый, кого я спрашивал, отсылал меня к председателю ветеринарной службы кантона Цюрих, доктору ветеринарии Хансу Келлеру (Hans Keller), должностному лицу, члену комиссии и ее эксперту. Но это вновь и вновь означало, что он в отпуске. Когда мне, наконец, удалось застать его на месте, он прикрывался служебной тайной и с усмешкой отказывался давать какую-либо информацию.

От другого члена я узнал по крайней мере то, что «следственная комиссия» не делает внезапных посещений лабораторий, ведь «мы не можем относиться к профессорам как к обычным преступникам». Если комиссия сочтет необходимым, в лаборатории пройдет еще одна проверка, при этом члены комиссии предварительно позвонят и вежливо согласуют день и час. Так образцово-показательная Швейцария защищает подопытных животных от глупостей в ходе экспериментов. В конце концов, ученые звания получают не подопытные животные, а работники факультета. Между тем, доктор ветеринарии Ханс Келлер сам стал профессором Университета Цюриха, а заодно и коллегой Конрада Акерта.

Вскоре после неплодотворного разговора с доктором Хансом Келлером, а именно 22 октября 1973 года, я все же узнал кое-что о профессоре Акерте. Neue Zürcher Zeitung, рупор швейцарского истеблишмента, сообщила о симпозиуме, который проводился неким «Фондом в поддержку фундаментальных исследований человека» (Foundation for Fundamental Research of Human Sciences) и собрал «естествоиспытателей разных направлений». Кстати, мы встречаем там упомянутого в третьей главе английского физиолога Блейкмора, который продолжал проводить свои опыты на глазах котят, используя для этого разные хитрости.

Нейробиологов представлял вышеупомянутый профессор Конрад Акерт, и газета напечатала выдержку из его выступления, в том числе: «Важно лучше изучить человека, так же как и распространение и ограничение подмошков, на которых происходит человеческая драма, прежде чем мы выработаем новую идеологию, философию и этику».

Значит, этот профессор, который по утрам готовит врачей и ученых в Университете Цюриха, придерживается мнения, что нам не следует отвлекаться на какую-либо идеологию, философию или этику. Для него гораздо важнее в первую очередь покопаться в головном мозгу животного. Но, очевидно, не очень-то он много узнал таким способом о человеке, потому что в газете говорится следующее: «В современных исследованиях мозга акцент делается на изучение его структуры и функционирования. Поскольку работать надо с живым мозгом — мертвый мозг мы знаем уже давно, и он нам ничего не дал — современные исследователи вынуждены прибегать к опытам на животных. Поэтому они постоянно сталкиваются с затруднением, заключающимся в том, что результаты опытов на животных нельзя переносить на человека».

Было бы скучно читать один и тот же вывод, к которому вивисекторы приходят уже 150 лет, и который констатирует, что результаты опытов на животных нельзя переносить на человека. Но совершенно очевидно, что читатель не испытывает от этого таких неприятностей, как подопытные животные.

Передача сумасшествия

Дидактическая или педагогическая вивисекция, когда профессора и студенты до зевоты повторяют эксперименты, описание которых можно прочесть в учебниках, изданных на протяжении века, составляет основу тупости, огрубения и сумасшествия.

Профессор доктор Йозеф Гиртль (Joseph Hyrtl), знаменитый анатом из Университета Вены, пишет в своем «Учебнике анатомии человека» (Lehrbuch der Anatomie des Menschen, 20 издание): «Множество жестокостей, которые проводятся в школе и часто дают такие противоречивые результаты, следовало бы законодательно запретить... Кто может спокойно наблюдать, как профессор вырезает щенков у беременной суки, привязанной к скамье пыток, протягивает их матери одного за другим, она, скуля, облизывает их и с яростным отчаянием вцепляется зубами в кусок древесины, тем следовало бы живодером, а не врачом».

Чтобы проиллюстрировать утверждение, что огню требуется кислород, преподаватель может накрыть горящую кошку стеклянным колпаком; студенты наблюдают, как огонь постепенно гаснет, и наблюдение способствует тому, что обучаемые усваивают урок. Но когда преподаватель бросает кошку или крысу в емкость с водой с целью доказать, что перенапряжение в конце концов ведет к сердечному приступу, то он демонстрирует только свою глупость. Он не понимает (или же не придает значения), что таким образом склоняет своих учеников к жестокости, и такой пример вызовет у них отвращение, если только они еще не умерли духовно. Любой нормальный ученик предпочтет поверить учителю на слово, чем наблюдать, как беспомощное животное тонет.

В Yorkshire Post (13 августа 1975) специалист по воспитанию Марк Парри (Mark Parry) пишет, что препарирование животных в школьных лабораториях порой оказывает на учеников такое отрицательное влияние, что у них бывают ночные кошмары и даже обмороки на занятии. Когда мальчик, заботившийся о морской свинке, услышал, что на следующем уроке биологии этого зверька препарировать, он убежал. Потом его нашли в сарае, где он прятал морскую свинку.

26 июня 1975 года Элизабет Макгилл (Elizabeth McGill) посвятила свою рубрику в Westminster Times вивисекции в американских начальных школах и гимназиях. Ей рассказали о своем ужасе от увиденного множество школьников, и она процитировала 17-летнюю Эллен Беркенблит (Ellen Berkenblit) из Нью-Йорка: «Было действительно жестоко погружать лягушку в эфир, тем более что во время операции лягушка отошла от наркоза. Я бы убежала, если бы смогла. Учитель сказал, что это научит нас ценить жизнь, а мне его слова казались чистой иронией».

Потом журналистка пишет: «Педагоги вроде Джорджа К. Рассела (George K. Russel), профессора биологии в Университете Адельфи (Adelphi University), напротив, борются за то, о чем биологи в значительной мере забыли, — о том, что организм живет. Он заставил своих самых младших студентов описать их реакцию на опыты. Больше половины выразили мнение, что вивисекция вызывает у молодежи ожесточение и отчужденность. Рассел и другие ученые использовали вышеуказанный факт в пользу того, что подобные эксперименты не дают ничего, о чем нельзя было бы прочесть в учебнике, зато гораздо больше способствуют потере сострадания к живым существам».

У профессора, который раздражает нервную систему животного с целью продемонстрировать студентам функции — невероятно жестокий эксперимент, проводящийся, разумеется, без обезболивания — чувства уже давно затупились, потому что он проводил его уже много раз; вновь и вновь он заражает своих учеников таким равнодушием.

Кроме того, тут происходит двойное извращение ценностей.

1. Учитель из-за утраты восприимчивости (к страданиям животных, но, разумеется, не к своим), внушает не только себе, что животные не страдают, но и своим ученикам

тоже. Большинство учащихся верят ему, так как «человек всегда склонен воспринимать как абсолютную истину то, чему его учили» (Клод Бернар).

2. Учитель вследствие своего душевного расстройства внушает себе и ученикам, что психопаты — не те, кто мучает животных, а их противники.

Обычно у тех студентов, которые сопротивляются, не остается иного выбора, кроме как отказаться от изучения медицины. На такое пришлось пойти многим талантливым личностям, например, Иоганну Уде (Johannes Ude) и Юнгу (C. G. Jung), хотя они жаждали посвятить себя врачебному искусству.

Австриец Уде ушел из университета после четырех лет учебы, потому что его все больше ужасали опыты на животных, которые ему приходилось наблюдать, но потом он был удостоит четырех ученых степеней доктора наук, стал католическим священником и профессором философии в Университете Граца (University of Graz). Швейцарский аналитик Юнг отказался от изучения медицины и занялся психологией (вивисекция тогда еще не захватила психологию), потому что не мог соприкоснуться с вивисекцией. В своей книге *Erinnerungen, Träume, Gedanken* он называет ее «варварской, отвратительной и, что самое главное, ненужной».

В американской газете *St. Paul Dispatch* (23 февраля 1973) можно прочитать: «Учитель средней школы в Миннеаполисе ударяет щенков молотком по голове, чтобы их «оглушить», и разрезает им живот, чтобы показать ученикам десятого класса желудочно-кишечный тракт. Между тем щенки приходят в себя, и их опять лишают сознания быстрым ударом молотка». В статье также говорится, что один перепуганный ученик рассказал об этом своим родителям. Они обратились в Гуманное общество Миннесоты (Minnesota Humane Society), и оно смогло добиться только того, что учитель получил выговор.

Учитель, проводящий опыты на животных, не только прививает детям бесчувственность, но также наносит им гораздо более серьезный вред. Первая наблюдаемая учеником вивисекция означает шок для непорочной юной души. Верный инстинкт подсказывает молодым людям, что они являются свидетелями преступления, но учитель говорит, что это не так, что такой образ действий правильный и необходим; и весь этический мир детей, в котором они выросли, рушится. Жестокость не только травмирует их природное чувство, но и переворачивает их принципы. Молодежи четко и ясно говорят, что прав сильнейший, и даже самая страшная жестокость оправдана, если из нее можно извлечь гипотетическую пользу. Кто это говорит? Учителя, которые выступают от имени государства, властей, родителей. И ученики молчат, невзирая на свой ужас.

Чем больше происходит подобных переживаний, тем более черствыми становятся молодые люди — происходит формирование новой, совершенно иной личности, которая начинает проявляться в прежнем человеке и в конце концов полностью сменяет его. Когда они находятся вне лаборатории, то понимают, что должны принимать во внимание законы, вроде как имеющие в своей основе человечность и справедливость. Но в лаборатории они становятся свидетелями и участниками невиданных жестокостей, как будто это самое естественное явление в мире и даже похвальное. Студент — завтрашний врач, хирург или биолог — приобрел серьезнейшую душевную болезнь из известных психиатрии — шизофрению, обычно параноидного характера.

Юнг принадлежал к тем, кто смог уйти от этого и сменить профессию. Но лишь спустя много лет он нашел в себе мужество протестовать, потому что в его возрасте и при его авторитете это было уже не так сложно. Другие студенты, как и Юнг, не отваживались противоречить. Сегодняшние студенты точно так же не решаются противиться. И раковая опухоль бернардизма может так распространяться все больше и все глубже проникать в общество.

*

Шизофрения — самая серьезная, но не единственная болезнь вивисекторов. У Клода Бернара в последние годы жизни был маниакально-депрессивный синдром, как это можно четко увидеть из его писем и бескупорном издании *Médecine*.

Его коллега профессор Бланшар (Blanchard), который ослеп, все время видел глаза замученной им кошки: они смотрели на него из темноты, пока он не сошел с ума. На смертном одре он впадал в ярость и требовал от своих родных, чтобы они убрали все глаза, окружающие его. А Флуранс (Flourens), ученик Бернара, в последние годы жизни бродил по Парижскому ботаническому саду (*Jardin de Plantes*), выл и лаял, как собаки в его лаборатории.

Но были и такие вивисекторы, которые в конце жизни осознали свою глупость. Среди таких — Джон Рид (John Read), шотландский физиолог, упоминавшийся в части 3. В зрелом возрасте он заболел раком языка. И, когда Рид находился при смерти и рак затронул именно те нервы, на которых он проводил жесточайшие опыты, то написал: «Это мне наказание за мучения, которым я подвергал животных».

Слабое утешение для его жертв. И, конечно же, о наших современных «ученых» можно было бы рассказать множество интересных фактов.

*

В то время как у многих студентов-медиков бесчеловечность того, что учитель совершает у них на глазах, вызывает отвращение, другие со временем неизбежно привыкнут, отбросят сомнения и испробуют инструменты своей будущей профессии на бездомных животных. В некоторых университетах преподаватели требуют в качестве основы для диссертации вивисекционные упражнения или призывают к ним.

Вот один из самых мягких примеров. Живого кролика задней частью тела опускают на короткое время в кипящую воду. Когда ошпаренная часть становится одной большой ожоговой раной, лишенной волосяного покрова, туда пересаживают куски кожи и пробуют разные мази. А потом пишут доклад о том, какова была реакция раны в течение тех немногих дней, пока кролик оставался в живых.

Разумеется, подобные манипуляции не принесут в будущем ни малейшей пользы врачам — напротив. У животных кожа реагирует совсем не там, как у человека; например, у них не образуется волдырей, зато возникают отеки. Но эксперимент даст человеку ученую степень. Ее получит тот, кто через этот опыт пришел к опасным заблуждениям о лечении ожоговых ран у людей.

В речи о вивисекции, прочитанной в верхней палате парламента (18 июля 1957), маршал Военно-воздушных сил лорд Даудинг (Dowding) рассказал о случае с врачом, которого привела в ужас жестокость лаборанта. «Особенно бросалось в глаза, что люди, которые становились такими бесчувственными, в остальном были нормальными, порядочными членами общества... Когда молодого человека, который сшил крысу, спросили: «Какую пользу этот эксперимент может принести для людей?», он ответил: «Я не знаю, каким образом он может помочь человечеству, но я знаю, каким образом он поможет мне: с помощью него я получу степень».

В 1974 году книжные магазины и киоски оказались наводнены немецким карманным изданием 379-страничной всеохватывающей книги *Zoologische Experimente*; а предисловие к ней явно обращено к школьникам 14–18 лет. Одна из глав описывает квалифицированные пытки мышей, морских свинок и лягушек. На странице 367, например, можно прочитать следующее: «Живую мышь, бегущую по столу, берут за хвост и легко давят ей в затылок сомкнутыми ножницами. Потом хвост поднимают с помощью сильного, внезапного рывка вверх, а рука с ножницами давит вниз. При этом слышится треск — перелом позвоночника».

Итак, систематическое притупление чувств начинается не в университете, а гораздо раньше. И эта тенденция идет из США.

«Ежегодно миллион гимназистов принимают участие в ярмарках научных проектов, при этом их побуждают проводить страшные, жестокие и бесчеловечные опыты на животных», — пишет доктор Барбара Орланз (Barbara Orland) в разоблачительной американской газете *National Enquirer* (3 сентября 1972). «Этих детей научили так называемым священным жертвоприношениям, и их хвалят за труды. Ежегодно дети своими руками калечат и подвергают страданиям более 50 000 животных. И все это происходит под предлогом науки. Жюри на таких мероприятиях обычно состоит из учителей биологии и зоологии, ученых и представителей школьной администрации».

На международной естественнонаучной выставке в Детройте, в Кобо-Холл, 18-летний гимназист представил полумертвую обезьяну с гноящимися проколами в голове, что являло собой пример его умения имплантировать электроды в мозг. Он получил первый приз, и о нем написали в журнале *The New Scientist* (9 января 1969).

Уверены ли мы, что хотим построить именно такое общество? Хотели бы мы передать нашим детям такой мир?

Садизм

Садизм принадлежит к самым отвратительным душевным расстройствам человека. Его, как и все серьезные болезни, надо лечить, и при раннем распознавании он бывает излечим. Вивисекция не только усиливает его, но может и вызвать.

Бывают душевнобольные, которым убийство доставляет удовольствие — и часто лишь потому, что им нравится «наблюдать» реакцию жертвы на удар ножом. Кроме того, здесь можно говорить и о «научном любопытстве». Раньше таких личностей вешали или четвертовали, либо же, как минимум, их для защиты населения заковывали в кандалы до конца жизни.

Но если эта потребность убивать или «научное любопытство» направлены не на людей, а на животных, и не в последнюю очередь — на приматов, чей интеллект и чувствительность, по мнению психологов, сравнимы с человеческими, а порой и выше, то современные правящие круги поддерживает и награждает таких людей. И свидетельство тому — факт, что без мучений животных трудно получить Нобелевскую премию.

Доктор Франсуа Дежарден (François Dejardein) бывший главный хирург больницы в Льеже (Бельгия), написал следующие обличающие слова: «Каждый нормальный человек содрогается от вида и запаха крови и испытывает отвращение к кощунственному трепету, которое у тех личностей есть признак удовольствия. Я видел жуткий взгляд их глаз, в котором выражается ликование и гордость за пролитую кровь, и в котором можно прочесть удовлетворение от грядущей выгоды — от материальных вознаграждений или славы».

Франсуа Дежарден умер много лет назад. Тем не менее, существует более свежий документ, 392-страничный том, опубликованный американским правительством в 1962 году и называющийся *Humane Treatment of Animals Used in Research: Hearings before a Subcommittee of Interstate and Foreign Commerce, House of Representatives (U.S. Govt. Printing Office, Washington, D. C.)*.

В этой книге, вобравшей в себя высказывания бесчисленных представителей правительства, университетов и индустрии, слово «садизм» часто встречается. Большинство из них были его свидетелями, и их имена указаны. Вот несколько примеров:

«В любой группе студентов-медиков можно выделить несколько человек, с садистскими наклонностями» (с. 218);

«Не существует никакой проверки на предмет бесполезного повторения экспериментов, за которые платят налогоплательщики; никто не следит, насколько рационально осуществляется планирование; нет контроля за откровенными садистами,

которые окутывают свой истинный подсознательный мотив туманом научных терминов» (с. 264);

«Попытки вызвать у собак конвульсии ужасны. Впрочем, я знаю, что Вам не дадут это увидеть. Эксперименты с шоковым воздействием, удаление органов, блокирование кишечника или путей выхода мочи до разрыва мочевого пузыря — это лишь самые банальные вещи. Вы удивитесь, если услышите, до чего могут додуматься профессора и некоторые студенты. Ночью я думал о собаках. Представьте себе, что после серьезного хирургического вмешательства Вы находитесь на грани между жизнью и смертью, и на Вашем маленьком участке холодного, насквозь продуваемого цементного пола, делают уборку, используя для этого шланг с холодной водой, которая льется прямо через вас. От нее собаки промокают — собаки, только начинающие оправляться после операции. Неудивительно, что большинство из них умирают. Если же они выживают, через пару дней или через неделю их используют для следующего эксперимента. Одна собака пережила семь операций» (с. 250);

«Я изучаю ветеринарную медицину. Это крик души и мольба молодого человека, все еще придерживающегося некоторых идеалов, в которые меня учили верить — и я начинаю задаваться вопросом, а есть ли вообще в людях настоящая доброта. Я не сентименталист, не участник общественной кампании и не фанатик; но я не могу мириться с тем, что видел за несколько коротких лет ни при каком законодательстве и ни при каком образе человеческой жизни» (с. 251);

«Недавно я спросил молодого врача, как новоиспеченные студенты-медики определяют, нужны ли болеутоляющие средства, если собака, выражаясь научным языком, «девокализована». Его ответ был потрясающим. Он сказал: «В настоящее время в медицинских школах превалирует точка зрения, согласно которой собаки не могут чувствовать боль — они не страдают». Это распространенное представление и, если выразить мысль простыми словами, означает, что студентам-медикам внушают мысль об отсутствии необходимости облегчать боль животным — они ведь ее не чувствуют. Когда исследователь всерьез убежден, что животные не страдают, насколько надежны выводы, получаемые им во время экспериментов? Каких врачей готовят сегодня — без фундаментальных знаний о боли, ее причинах и значении?» (с. 311);

«В прошлом сентябре я учился на медицинском факультете Университета Чикаго (Chicago Medical School). Я ушел оттуда по собственному желанию... Одной из причин, вызвавшей мое презрение к этому заведению, было жестокое отношение к экспериментальным животным» (с. 346).

*

Иногда бывает трудно понять, с чем следует связать эксперименты, которые были изобретены в американских университетах и быстро скопированы в других местах, — с одичанием или сумасшествием. Это относится к некоторым случаям из вышеупомянутого издания 1962 года — то эксперименты, имеющие лишь одну цель: причинение животным невероятной физической боли и психических страданий. Преподаватели и студенты объединили усилия, чтобы изобрести совершенно новые продолжительные пытки для своего любимого козла отпущения: ненавистной кошки. А потом спешили опубликовать «результаты» в псевдонаучных журналах, которые служат исключительно для таких сообщений.

На странице 226 можно прочитать: «Мы сейчас подошли к некоторым методам, с помощью которых мучают животных и при этом используют «вредные раздражающие средства», иначе говоря, раздражающие средства, вызывающие боль. В Университете Орегона (University of Oregon, Journal of Neurophysiology, 21, 353–367, 1958) кошкам делали болезненную стимуляцию при помощи «раскаленной металлической сетки на полу и булавок». Реакция некоторых животных на уколы в лапы заключалась в том, что они «подпрыгивали в воздух и сильно ударяли крышку тестового аппарата». По приземлении

на пол они при каждом касании сильно растопыривали лапы; иногда даже пробовали балансировать на передних лапах, держа заднюю часть тела в воздухе».

«С 1928 года исследователи Университета Джона Хопкинса (Johns Hopkins University, Proceedings of the Association for Research in Nervous and Mental Diseases) вызывали у кошек страх, ярость и другие признаки страданий. В одном из типичных исследований ученые сообщают: «После операции использовались очень сильные раздражающие средства отрицательного воздействия... На протяжении 139 дней, пока кошка оставалась жива, каждый второй или третий день ее подвергали действию разных вредных раздражающих веществ... Один раз выбритый и смоченный хвост стимулировали с помощью электродов, подсоединенных ко вторичной цепи гарвардского индуктора. При значении 13 кошка мяукала, при значении 11 — громко кричала... (When the secondary coil was at 13, she mewed; at 11 there was loud crying). В конце 5-секундной симуляции она завизжала и два раза фыркнула. Последняя стимуляция вызвала ожог третьей степени на хвосте.

«В Корнелльском университете (Cornell University, Archives of Neurology, 1, 203–215, 1959) исследователи лишили кошек зрения, слуха и обоняния и потом в течение 10 лет производили раздражение, такое как: а) удары током через решетку на полу; б) удары по морде пластмассовой мухоловкой; в) щипание кончика хвоста.

Вот как в одном из крупнейших учебных заведений Америки так называемые «ученые» калечат кошек, лишая их с помощью серьезных вмешательств зрения, слуха и обоняния, а затем систематически мучают их в течение 10 лет, якобы выполняя благородную задачу «уменьшить страдания людей». Удивится ли кто-нибудь тому факту, что в детской больнице этого же университета многим новорожденным детям в возрасте 5–8 дней группа «ученых» производила «раздражение отрицательного воздействия. Очевидно, чтобы «уменьшить страдания людей».

*

Немецкий психолог Э. Фромм (E. Fromm) в *Anatomie der Menschlichen Destruktivität* (Штутгарт, 1974) подробно рассматривает вопрос о садизме. Фромм объясняет его тем, что некоторые люди чувствуют себя мелкими и пустыми и испытывают самоутверждение, только когда причиняют жестокость и страдания. Все формы садизма в общем виде представляют собой «страсть иметь неограниченную власть над живым существом, будь то животное, ребенок, мужчина или женщина». Речь идет о превращении чувства собственного ничтожества в чувство всемогущества. Такова религия душевных инвалидов, говорит Фромм, которые всегда находят жертв, «потому что дети, жены и собаки всегда есть в распоряжении».

*

Вивисекторы никогда не испытывают затруднений по поводу алиби, и если они не могут назвать вышеупомянутые проявления садизма «научными экспериментами», то говорят, что, как показывает опыт, это примеры нарушений, оставшиеся в прошлом.

В прошлом? Наоборот. Такие извращения распространяются и множатся, преподаватели поощряют их, причем это происходит главным образом в США, и оттуда зараза распространяется на остальной мир. Роджер Саймон (Roger Simon) приводит разоблачающий пример в статье *Is there a 'demonstrable practical value' in killing cats* (Chicago-Sun Times, 25 июля 1975):

«Я ни разу не писал про животных. Я просто не знал ни одного животного, про которое смог бы сказать что-то интересное. Теперь все иначе. Я прочитал в нью-йоркской газете статью про животных. Не простой рассказ о животных. Там речь шла об экспериментах на кошках.

Эксперименты, получившие от американских налогоплательщиков финансирование в объеме 0,5 миллиона долларов, ставили целью узнать, повлияет ли на половую жизнь кошек следующее:

- слепота вследствие разрушения зрительного нерва;
- лишение слуха вследствие разрушения части внутреннего уха;
- лишение обоняния вследствие разрушения обонятельного нерва в мозгу;
- удаление нервов в половых органах котов;
- повреждение участков головного мозга;

«электрофизиологические» тесты (при этом кошки умирали после стимуляции их гениталий током).

Поскольку я не ученый, скажу по поводу этого эксперимента примерно такую глупость: разумеется, все названное влияет на половую жизнь кошек! Или: действительно ли на выяснение данного факта надо тратить полмиллиона долларов?

Но, как уже сказано, я не ученый.

Американский музей естественной истории (American Museum of Natural History) проводил эти эксперименты в течение 14 лет, в 1974 году в нем было использовано 14 кошек. Они продолжают и поныне. А на их дальнейшее проведение просят 200 тыс. долларов налогоплательщиков.

Половая жизнь кошек кажется гораздо сложнее, чем мы могли подумать. Я полагаю, следовало бы поставить целью изучение половой жизни кошек — в случае, если бы, к примеру, мы были кошками или содержали службу знакомств для кошек. Не понимаю, почему нам так жизненно необходимы эти знания.

Пока музей не перешел к высшим млекопитающим, мне бы хотелось дать ему совет. Если мне позволят говорить с позиции моей квалификации — все-таки я уже много лет человек — могу сразу заявить музею, что ему не надо заниматься опытами на людях.

Могу заверить его, что, если бы у меня отобрали зрение и слух и изъяли части головного мозга, это оказало бы совершенно определенное влияние на мою половую жизнь, по крайней мере, мне было бы труднее прийти на свидание.

Очень жаль, что кошки не умеют говорить.

Музею досаждают некие горячие сердца, которые уверяют, что те эксперименты не имели полезной цели, не решали срочных медицинских проблем и их не использовали для лечения болезни или спасения человеческой жизни. Но музей вооружен против такой чуши. Куратор, доктор Томас Д. Николсон (Thomas D. Nicholson), сказал: «Что отличает этот музей, так это свобода изучать что угодно, не принимая во внимание видимую практическую пользу. Мы намерены поддерживать эту традицию».

Религия

Каждой религии следовало бы вносить вклад в совершенствование человеческого духа, и для этого включить в свое учение идею о том, что любовь к животным есть одна из граней вселенской любви, а обратное — грех против мироздания. К сожалению, католическая церковь заняла противоположную позицию, возможно, потому, что она развивалась в Средиземноморье, где люди меньше всего проявляли любовь к животным. Тем не менее, с помощью которых можно было бы отстаивать милосердие к живым существам, не говоря уже о символизме, когда младенца Христа согревает дыхание осла и коровы, о частом упоминании об Иисусе как агнце Божьем и необыкновенной истории о Валаамовой ослице, видевшей и понимавшей неспособность своего хозяина видеть и понимать.

Схоласт Фома Аквинский, чье антропоцентрическое учение льстило человеческому тщеславию и оправдывало самое жестокое обращение с животными, заложило догматическую основу для церкви, и Франциска Ассизского высмеивали, когда он заявлял,

что животные достойны внимания и любви человека. Святой Франциск, чей альтруизм не ограничивался животными и побудил его отказаться от всех земных благ, чтобы помочь нуждающимся людям, несомненно, попал в точку с позиции науки, потому что слушал голос своего умного сердца. Еще во времена мрачного Средневековья он осознал, что животные ближе к людям с точки зрения психологии, чем с точки зрения биологии. А тупые вивисекторы все еще прибегают к бесконечным жестоким экспериментам, чтобы «раскрыть» этот факт, лежащий на поверхности.

*

Для Шопенгауэра христианская мораль содержит большое и существенное несовершенство, которое выражается в том, что она принимает во внимание только человека и не дает никаких прав миру природы.

В древнем Египте жрецы объявили кошек святыми, чтобы защитить этих самых преследуемых животных от слепой ненависти толпы. За пять веков до Христа Гаутама Будда проповедовал сострадание ко всем живым существам, в одинаковой мере людям и животным: «Я буду учить людей милосердию и стану посредником всех бессловесных существ и буду облегчать безмерные страдания, не только человеческие». А в Коране говорится: «Нет животного на земле и птицы, летающей на крыльях, которые не были бы общинами, подобными вам... Все создания Аллаха — его семья».

Человеческая жестокость к животным есть исключительно результат невежества или порочности; но имеются и некоторые религиозные законы, которые препятствуют проявлению нездоровых инстинктов, и восточные религии в этом оказываются выше западных.

В Италии те немногие прелаты, которые высказывались за животных, всегда получали выговор сверху. За пределами Италии ситуация обстояла иначе. Примерно 100 лет назад среди основателей первого общества против вивисекции были английские кардиналы Маннинг (Manning) и Ньюмен (Newman), и во многих странах сегодня есть священнослужители разных рангов, которые принимают активное участие в движении против вивисекции.

Английские кардиналы не скрывали своего осуждения вивисекции. Кардинал Ньюман: «Что так тревожит наше сердце и так огорчает, как жестокость к этим бедным созданиям? Я убежден в следующем. Во-первых, они не сделали нам ничего плохого. Во-вторых, они беззащитны. Они жертвы трусости и тирании, поэтому их страдания столь шокируют. Мучить существ, которые нам ничего не сделали, не могут сопротивляться и полностью подвластны нам — это отвратительно и гнусно».

Не менее жесткую позицию высказал австрийский священнослужитель и философ Иоганн Уде (Johannes Ude). Он пишет: «Бог, который одобряет вивисекцию, меня бы невероятно напугал. Если бы христианская этика разрешала вивисекцию, я бы отвернулся от христианства». Иоганн Уде умер в 1965 году и не услышал, как Ватикан поддержал вивисекцию.

Во Франции в 1957 году Жан Готье (Jean Gautier), писатель и священнослужитель, имеющий ученую степень в области философии и теологии, опубликовал бестселлер *Un prêtre et son chien* («Священник и его собака»). Он вместе с другими французскими священнослужителями тщетно добивался от Ватикана запрета на вивисекцию».

В *Revue Défense de l'Homme* (Канны, сентябрь 1971) Рене Ансей (René Ansay) пишет: «Католическая церковь не любит животных и не делает из этого тайны — она не сказала ни слова против вивисекции и прочих жестокостей, которые человек причиняет животным. Но церковь одобряет охоту на лис — хобби богатых людей — и благословляет их гончих. Один из немногих случаев, когда Церковь просит Бога защитить животных, — это когда человек использует их в своих собственных кровавых играх. А на аренах для боев быков есть часовни, где мучители животных исповедуются и перед началом бесславного представления просят защиты у Девы Марии».

На самом деле, ситуация хуже, чем считает Рене Ансей. Католическая церковь не только промолчала по поводу вивисекции, но и, если можно так выразиться, поставила на ней печать одобрения. 13 сентября 1966 года архиепископ Перуджи, Монсиньор Фердинандо Ламбусчини (Monsignor Ferdinando Lambruschini), представитель Ватикана, написал в *Osservatore della Domenica* следующее: «Есть пропагандистские кампании, которые Церковь не может одобрить, например, кампания против научных экспериментов на живых животных. Церковь не против вивисекции животных, которая так помогла медицинскому прогрессу».

Следует ли указать католической церкви на то, что она заблуждается по поводу якобы помощи вивисекции для медицинской науки? Тут обманули не только ее. Но ее нельзя не упрекнуть в том, что она в очередной раз упустила шанс позаботиться об униженных и беспомощных, выбрав богатых и могущественных.

Монсиньор Ламбусчини не забыл дать в своей статье благочестивый совет страдания животных «сокращать до минимума, что на сегодняшний день достижимо с помощью полного наркоза и местной анестезии». Но, чтобы его не заподозрили в любви к животным, архиепископ добавляет: «С другой стороны, ясно, что страдания животных, у которых нет ума и свободы, не стоят на одной ступени со страданиями людей, которые щедро наделены умственными способностями».

Когда в мае 1971 года итальянская радиостудия организовала дискуссию о вивисекции, никто не удивился, что итальянские вивисекторы получили поддержку от Джузеппе де Роза (Giuseppe De Rosa) из Общества Иисуса, патера иезуитов, и его представили слушателям как «моралиста» *Civiltà Cattolica*, официальной газеты иезуитского ордена. Этот «моралист» не ограничился тем, что защищал вивисекторов, участвующих в передаче: он осуждал позицию противников вивисекции.

А вот доктор Роберт Уайт (Robert White) из Кливленда, пересаживатель обезьяньих голов, получил во время дискуссии в летнем выпуске журнала *The American Scholar* (1971), менее лицемерную и изощренную поддержку от своего духовного утешителя. Доктор Уайт, который всегда называет себя «правверным католиком», знал, к кому обращаться для получения нужной поддержки церкви. «Я осмелился, — пишет он, — послать копию журнала иезуитскому теологу патеру Николасу А. Педровичу (Nicholas A. Pedrovich), работающему в Университете Джона Кэрролла (John Carroll University) в Кливленде». Этот «теолог» полностью поддержал вивисектора и, кроме того, высмеял гуманитарные аргументы его противников.

А во время ежегодного паломничества в Рим доктор Уайт всегда имел личные встречи с папой Римским. Интересно, о чем говорят эти двое богатых и могущественных людей, пока миллионы животных с канюлями в головах и дренажными трубками в желудках томятся за железной проволокой; невинные жертвы, чья единственная инстинктивная надежда — на наступление смерти до того, как дьявол в белом халате снова придет и подвергнет их новым пыткам.

Другой человек, у которого не было проблем с приемом у Папы, — Монсье Рикар (Monsier Ricard), который известен во Франции своей поддержкой корриды и казначеев Ватикана.

Вместе с тем, когда в 1967 году в Рим приехала межконфессиональная делегация католических и протестантских прелатов, среди которых были представители католического епископства Вестминстера и англиканского епископства Ворчестера, с целью просить более гуманного обращения с животными, папа их не принял, а делегировал своего секретаря, кардинала Чиконьяни (Cicognani) отвадить от него надоедливых просителей с помощью лстивых банальностей.

*

Многие мыслители считают, что единственным оправданием наличия человека на Земле служит то, что человеческий род породил несколько универсальных гениев, таких

как Леонардо да Винчи, который блестяще выступал в роли писателя, художника, естествоиспытателя, инженера, изобретателя, пророка и философа. Он предсказывал (кстати, большинство его предсказаний сбывались), что настанет день, когда люди будут смотреть на убийство животного так же, как мы сейчас смотрим на убийство человека. Если осознание моральной ценности животного можно рассматривать как признак морального развития человека, то Римская церковь развивалась в обратном направлении, особенно в XX веке.

В послании *De salute gregis* за 1 ноября 1567 папа римский Пий V запрещал бои быков, грозил правителям, которые устраивали их, отлучением от церкви, а тем, кто погибал на них, отказывал в церковном погребении со словами: «Мы считаем эти спектакли нарушением благочестия и христианского милосердия, и мы хотим уничтожить эти кровавые и позорные представления, достойные дьявола, а не человека». В последующие века Ватикан по-прежнему не одобрял бои быков, отказываясь принимать людей, которые имели к ним отношение. Но несколько лет назад папа римский Павел VI нарушил эту гуманную традицию: он принял и благословил делегацию испанских матадоров.

Разумеется, самым ярко выраженным регрессом Церкви стало ее официальное одобрение вивисекции, которое имело место при том же папе. На самом деле, это — следствие «новой» политики; она началась, когда Церковь после своей огромной ошибки с Галилео (инквизиция вынудила его отказаться от убеждения, что Земля движется) решила «модернизировать» свой изношенный имидж и сочла мудрым раскачать маятник в противоположном направлении. Она слепо поддержала новый «научный» дух, охватывающий Европу, не отдавая себе отчета в том, что человечество ждет от религии совсем другого руководства.

Нынешняя позиция ставит Церковь в очень неловкое положение. Рано или поздно ей придется отказаться от своих взглядов на животных вообще и на вивисекцию в частности так же, как она в конце концов была вынуждена изменить свою точку зрения на движение Земли. И чем раньше она это сделает, тем лучше для нее. Рекомендации вроде «по возможности надо использовать обезболивание» лишь добавляют лицемерия. Церкви может помочь только немедленное и полное официальное осуждение вивисекции.

Ирония судьбы заключается в том, что с одной стороны католическая церковь относится к животным с нескрываемым презрением, заявляет, что у них нет не только души, но и «свободной воли», с другой — поведение большинства животных гораздо ближе к столь страстно и безуспешно проповедуемым с кафедр идеалам, чем поведение большинства людей. Так, большинство животных ведут моногамную жизнь. Волк моногамен, но его прирученная разновидность, собака — наоборот, возможно, из-за длительной связи с человеком. Когда у малиновки умирает партнерша, самец обычно до конца своих дней остается в одиночестве. Животные обладают благодарностью — качеством, которое у людей часто отсутствует, и состраданием, которое, как показывает практика, у человека несильно выражено.

И кто ближе к христианскому идеалу Бога — кошки, которые следуют плану своего Творца и несколько дней занимаются озвученными ухаживаниями, или ватиканские служители, которые приказывают садовникам убить всех кошек и котят? Бродячая собака, которая голодает, чтобы накормить своих щенков, или священник, который разбивает голову этой собаки о ризницу, потому что «скотина осквернила дом Бога», оставив метку под скамейкой? Меч-рыба, которая весь день преследует лодку, поймавшую ее партнера, и в конце концов выпрыгивает на берег, чтобы там умереть, или рыбаки, которые ослепляют свою добычу, чтобы она оставалась живой и свежей, но не могла спастись?

*

Аргумент, что животные не имеют бессмертной души, ни в коей мере не оправдывает жестокое обращение с ними, а отягощает его. Предполагаемое знание о том,

что они в другом мире не получают компенсации за свои страдания, могло бы побудить нас к более гуманному, а не жестокому обращению с ними. Трудно понять, каким образом предположительная бессмертность души может оправдать мучения существа, чье земное существование — это единственный дар, полученный от Творца.

«Для некоторых духовно свободных людей, — пишет французский лауреат Нобелевской премии Ромен Роллан в своем романе «Жан-Кристоф», — страдания животных даже более невыносимы, чем страдания людей. В случае с последними, по меньшей мере, признается тот факт, что причинение людям страданий — зло, а тот, кто это делает, — преступник. Но каждый день безжалостно убиваются тысячи животных. Если кто-то об этом упоминает, над ним смеются. И это — непростительный грех, оправдание всех человеческих страданий. Он взывает об отмщении ко всем человеческим расам. Если Бог есть и допускает такое, он взывает об отмщении к Богу».

Человек, называющий себя венцом творения, пребывающий в убеждении, что *его* жизнь, *его* здоровье, *его* удовольствие превыше всего на Земле, считает само собой разумеющимся право причинять страдания безмолвным животным. А Церковь, которая всего лишь сто лет назад считала нормальным праздновать в Италии День всех святых публичным сжиганием в бочках живых кошек (молодые вандалы делают это в Риме и других итальянских городах и сегодня, особых праздников им не требуется) и в значительной мере способствовала подобному поведению. Странное милосердие, исключаящее слабейших существ и разрешающее гнусные преступления против них, аргументируя это тем, что палач создан по образу и подобию Бога. Замечательное подобие!

Одна итальянская монахиня писала мне из своего отдаленного монастыря трогательные письма и прилагала к ним вырезки о жестоком обращении с животными. Но она просила меня никогда не писать ей, чтобы не компрометировать ее, «так как на любовь к животным здесь смотрят плохо». Однажды у нее изъяли все книги о животных и перевели ее в другое место.

Итак, католическая церковь не только не поощряет любовь к животным, но и, кажется, боится ее. Возможно, церковь опасается, что в животных сокрыт дьявол, о существовании которого дискутировали девять высокопоставленных теологов в Osservatore Romano (17 декабря 1972). Я не теолог, но смею заверить, что если дьявол все же существует, его надо искать не среди животных.

Но если бы животные верили в дьявола, они бы, несомненно, представили его в образе человека.

P.S. Вивисекция практикуется во все большем количестве американских приходских школ.

Часть 8 Восстание

Каждое действие вызывает противодействие, и не является простым совпадением то, что человек, который впервые привнес в науку систематические попытки животных, а именно — Клод Бернар, дал старт антививисекционному движению в Великобритании. В дальнейшем его вдова и дочь, которые видели так много жестокости в своем доме, выступали в поддержку Французской антививисекционной лиги, а в 1883 году ее президентом стал Виктор Гюго, воплощавший не только ум, но и дух Франции, и при вступлении в должность он произнес слова: «Вивисекция это преступление!»

В Британии движение против вивисекции начал доктор Джордж Хогган (George Hoggan), английский физиолог, который учился во Франции и был назначен ассистентом Клода Бернара. Но через четыре месяца Хогган с отвращением отказался от этой работы, вернулся во Францию и в длинном письме в Morning Post, опубликованном 1 февраля

1875, описал жестокие и бессмысленные эксперименты, которые ему пришлось видеть, а также бесчеловечность и цинизм экспериментаторов. Вот некоторые выдержки.

«Я придерживаюсь мнения, что ни один из этих экспериментов не является оправданным или необходимым. Мысли о том, что что-то делается для человечества, не было, ее бы высмеяли; цель заключалась лишь в том, чтобы идти в ногу с другими учеными или обогнать их... Я стал свидетелем жестокой игры, но с самым печальным зрелищем мне пришлось столкнуться, когда собак несли из подвала в лабораторию. Они вместо того, чтобы радоваться попаданию из темноты на свет, пугались, как только вдыхали воздух этого места, чувствуя, по-видимому, что им предстоит. Они с надеждой приближались к трем или четырем присутствующим, и их глаза, уши и хвосты красноречиво выражали безмолвную просьбу о милости... Если бы чувства экспериментаторов не притупились, они бы не смогли продолжать практику вивисекции... Я сто раз видел, как они ударяли корчащихся от боли животных и раздраженно требовали от них вести себя тихо... Вряд ли стоит добавлять, что, испив чашу до дна, я отказался ото всего, и предпочту увидеть гибель человечества, чем прибегать к таким средствам, чтобы его спасти».

Когда доктор Хогган это писал, никто не мог догадаться, что вивисекция не только не «спасает» человечество, но и причиняет ему дополнительный вред, так как дает неверную информацию, а также портит характер экспериментаторов. Но было уже много людей, которые считали, что человечество, прибегающее к столь страшным мерам для спасения, недостойно его.

Письмо Хоггана вызвало реакцию общества, и это касалось не только гуманитарных вопросов, но и медицинской науки. Сразу же возникло Объединение против вивисекции, и его поддерживали выдающиеся личности, среди них — Теннисон (Tennyson), Рёскин (Ruskin), Карлейль (Carlyle), Браунинг (Browning), лорд Шафтсбери (Shaftesbury), Вагнер (Wagner), Виктор Гюго и королева Виктория, которая поручила своему премьер-министру Дизраэли (Disraeli) назначить «королевскую комиссию по расследованию опытов на животных».

Комиссия опросила ряд ведущих врачей и естествоиспытателей, среди которых были Чарльз Дарвин и Роберт Кох, и благодаря ее «докладу» — первому так называемому Royal Commission Report on Vivisection — в том году был принят закон, согласно которому, для проведения опытов на животных, требовалось согласие министра. Этот закон, Cruelty to Animals Act 1876, составил основу для аналогичных законов во всех странах, принявших решение регулировать вивисекцию.

Самым достойным вниманием исключением являются Соединенные Штаты, где лоббистам, которым химическая индустрия выплачивает огромные суммы денег за влияние на обе палаты парламента, удается пресечь любую законодательную инициативу. При этом в настоящее время США находятся на втором месте по антививисекционному движению.

Но даже там, где действуют законы в защиту животных, эксперименты распространяются все больше. Зоозащитному законодательству нигде не придают значения, в том числе в Великобритании, где в настоящее время имеется всего лишь 14 инспекторов, и у них нет ни времени, ни желания действовать в духе закона и без предупреждения посещать лаборатории. Они сидят у себя в кабинете, проверяют заявления 18 тысяч британских вивисекторов, имеющих разрешения, и ежегодно выдают разрешения примерно на 5,5 миллионов экспериментов, которые были выставлены как «необходимые» для блага народа.

В Великобритании в лабораторию ни разу не пускали депутата парламента, от которого зависело законодательство в сфере вивисекции. Вивисекция в Великобритании ни в коей мере не отличается от того, что происходит в других странах, и иначе быть не может. Как и везде, в этой стране правительство поддерживает требуемое вивисекторами неразглашение тайны: в Англии запрещено делать фото- и видеосъемку экспериментов —

доказательство в пользу того, что совесть у британских правителей в данном отношении нечиста, и что демократические права надо удерживать за запертыми дверями лабораторий.

*

Движение в защиту животных находится в невыгодном положении, по сравнению с другими гуманитарными инициативами. Те, кто впервые выступали за социальную справедливость, могли собрать рабочий класс, лично заинтересованный в этом. Те, кто впервые в Англии требовали равноправия женщин, могли рассчитывать на союзничество женщин. Те, кто в США впервые боролись за права негров, знали, что негры примут участие в борьбе. Но те, кто защищают животных, не могут рассчитывать на помощь животных — приходится полагаться только на самих себя.

Положение противников vivisection усугубляется еще и тем, что они не могут рассчитывать на всех любителей животных: большинство из них находят предмет спора таким неприятным, что не желают ничего узнавать о нем. Кроме того, существует огромное количество так называемых защитников животных, которые все же тайно надеются получить для себя что-то полезное через опыты на животных.

Многие люди, которые никогда утруждали себя знакомством с сущностью опытов на животных и в результате не имеют никакого понятия о царящем в этой сфере варварстве и шарлатанстве, питают злость к противникам vivisection и разглагольствуют о «прогессе» и «неуместной сентиментальности», точно так же, как в мрачном Средневековье людям, не согласным с охотой на ведьм и пытками во имя религии, ставили клеймо антигуманистов и еретиков, ибо те пытки якобы были призваны очистить душу. А вплоть до XIX века те, кто вкладывал деньги в работоторговлю, обвиняли ее противников в разрушении экономики и отбирании хлеба у детей.

Конрад Лоренц, который считается любителем животных и был удостоен Нобелевской премии за свои труды в области психологии животных, никогда не выступал против vivisection. Хотя сообщения о его собственных экспериментах, как кажется, не подразумевают никакой жестокости, в своей известной книге *Das Sogenannte Böse* он безо всякого осуждения описывает эксперимент своих «ассистентов» В. и М. Шлейдтов (W., M. Schleidt). Они лишили слуха нескольких индюшек с помощью операции, чтобы «изучить», как от этого изменится их поведение с только что вылупившимися цыплятами. «Все оглушенные индейки сразу же заклевывали цыплят до смерти», — деловито сообщает Конрад Лоренц. Разумеется, такое поведение, не характерное для матери, не обязательно связывать с ее неспособностью слышать писк цыплят: возможно, хирургическое повреждение повлияло на материнский инстинкт иным путем. Нобелевскому лауреату ни на секунду не пришла в голову мысль, что индюшка, возможно, предпочла увидеть своих цыплят мертвыми, чем беспомощными перед капризами людей, как самка павиана, убившая детенышей, дабы оградить их от лабораторной участи. В любом случае, Конрад Лоренц, сам того не желая, привел очередной пример глупости и бессмысленности vivisection.

Профессор Бернард Гржимек (Bernard Grzimek), известный как «защитник животных», в передовице издаваемого им журнала *Das Tier* (1975, 15 год издания, №4) выступает в поддержку vivisection и использует те же слова и аргументы, что и viviseкторы. Тем самым он подтверждает по меньшей мере мою точку зрения, что даже он ни разу не удосужился изучить вопрос с научной и исторической позиции, не говоря уж об этической. Пропаганда vivisection со стороны мнимых защитников животных, таких как Лоренц и Гржимек больше всего препятствует ее отмене.

Когда противники vivisection хотят заявить о своей позиции, самые важные двери перед ними оказываются закрыты, в том числе Ватикан. Зато когда известные экспериментаторы, переодевшись в филантропов, воспевают хвалебные гимны vivisection, главные двери отворяются пред ними, в том числе и Ватикан.

*

Движение против вивисекции — это однопутная улица. Человек, который после изучения данного вопроса становится антививисекционистом, никогда не изменит своей позиции, в то время как многие вивисекторы — великий Тейт в XIX веке и наши современники — по мере обретения новых знаний и опыта приходили к другому мнению.

Движение против вивисекции необязательно зависит от людей, которые особенно любят животных: оно имеет в своей основе нормальные, здравые, гуманные идеи, так же как и движение за свободу личности и против дискриминации по расовому, половому и религиозному признаку. Человек, который останавливает садиста, мучающего ребенка, не обязательно должен быть пламенным любителем детей. Шекспировед Джон Вивиан (John Vyvyan), написавший две выдающиеся книги против вивисекции (*In Pity And In Anger*, 1969; *The Dark Face of Science*, 1971, издатель Michael Joseph, Лондон), пишет по этому поводу: «Меня могут спросить, зачем я написал эти книги. Я не отношусь к невероятным любителям животных. Я любил мою собаку — ее уже нет в живых — но каждый нормальный человек любит свою собаку, если она у него есть. Но когда я столкнулся с той невероятной жестокостью, она подорвала мою веру в человечество больше, чем что-либо еще. Для меня это стало пятном на нашей цивилизации. Я понял, что должен что-то сделать для удаления этого пятна».

Альберт Швейцер известен как филантроп, а как защитник животных — в меньшей степени. Но его последнее знаменитое «Послание к миру», которое он отправил в 1965 году за несколько недель до смерти из своей лесной больницы в Ламбарене, касалось вивисекции. Он направил его на французском и немецком языках на Всемирный конгресс за отмену вивисекции (*World Congress for Abolition*), который состоялся в Цюрихе. Послание Швейцера также передали по швейцарскому телевидению, и в нем говорилось следующее:

«Мы должны бороться против духа бессознательной жестокости к животным... Живые существа подвержены страданиям так же, как и мы. Истинный, глубокий гуманизм не позволяет нам причинять им страдания. Это осознание снизошло на нас поздно. Наш долг — помочь осознать это всем людям».

Я ранее говорил об антививисекционизме как о признаке зрелости, а об обратном — по меньшей мере как свидетельстве инфантилизма и душевной неадекватности именно потому, что даже такому великому человеку как Альберту Швейцеру потребовалось прожить длинную жизнь, чтобы прийти к данному осознанию.

Моральное чувство

Человек — существо моральное. Моральное чувство укоренилось в нем настолько глубоко, что ни один убийца и ни один вор не просил об отмене наказания за убийство и воровство.

Все законы, которые издавались и издаются человеческими организациями, имеют в своей основе моральное чувство: что такое правильно и неправильно. И никакая религия, никакое законодательство никогда не считали необходимым дать определение правде и неправде, потому что ни у кого нет сомнений по поводу смысла этих слов.

Только приверженцы современной псевдонауки рассматривают моральность и аморальность, справедливость и несправедливость, добро и зло как антинаучные понятия, *потому что в лаборатории их изобразить невозможно.*

Человек, который, подобно итальянскому профессору Сильвио Гараттини (Silvio Garattini), уверяет, что искусственный гормон, созданный в лаборатории, во всех отношениях идентичен гормону, вырабатываемому живым организмом, никогда не поймет моральное чувство, так как его нельзя обнажить с помощью ланцета хирурга или

изготовить в пробирке. Это объясняет также, каким образом пересаживатель обезьяньих голов доктор Роберт Уайт может уверять, что «потери человеческого облика не существует»: лишь по причине своего незнания с человечностью он не в состоянии заметить ее отсутствие, а рассуждать о том, что животные не страдают, он может из-за отсутствия чуткости. Томас Вольф спрашивал: «Раз слепой не видит — то света нет?»

Аргументы вивисекторов ненаучны, потому что они не принимают во внимание нематериальные жизненные реалии. Одной из таких неосознанных реалий является нравственный закон, и именно ее непонимание служит причиной неминуемого провала экспериментальной науки при работе с живыми существами и неизбежно влечет за собой череду трагических ошибок.

*

В основе морального чувства лежит сострадание. Сострадание буквально означает «страдание с другими». Его отсутствие есть признак недалекости: неспособность поставить себя на место того, кому плохо. Сострадания заслуживают главным образом несчастные дети, больные и старики, все беспомощные и униженные. К таковым относятся большинство животных. Мы вовсе не должны задаваться вопросом, могут ли они попасть на небеса, обладают ли они разумом, могут ли говорить, считать или голосовать, нам надо задать лишь один вопрос: «Могут ли они страдать». И, к несчастью для них, они очень сильно наделены этой способностью.

«Сострадание — удел мудрецов, а не дураков», — говорил Еврипид 25 веков назад, и в наши дни Томас Вольф (Thomas Wolfe) обряжает эту древнюю мысль в роскошные одежды в своем романе *Look Homeward, Angel* («Посмотри домой, ангел»): «Сострадание в большей степени, чем какое-либо другое чувство, является приобретенным; ребенок менее всего обладает им. Сострадание происходит от бесконечного накопления воспоминаний о страхе, смерти и боли, испытанных на протяжении жизни, целого сонма переживаний, забытых историй, потерянных людей и миллионов причудливых, запавших в память видений».

Люди, которые страдали, но, тем не менее, не знакомы с состраданием, являют собой пример печального недостатка интеллектуальных и духовных способностей. Среди выживших заключенных нацистских концентрационных лагерей было несколько вивисекторов, в том числе одна женщина, которые сразу после своего освобождения вернулись в лаборатории.

В течение веков антропоцентрическое религиозное воспитание — воспитание, преподносящее человека как центр Вселенной — прививало нам мысль, что сострадание — это исключительно человеческое свойство. Такой взгляд неверен, ибо, как мы уже видели, животные также способные к состраданию, и данный факт указывает на то, что оно тоже является природным чувством или инстинктом, вопреки словам Томаса Вольфа, а люди, не обладающие им, неполноценны. И, к сожалению, эти неестественные создания, встречаются главным образом среди человеческого вида.

Животные могут убить своих детенышей или обречь их на смерть, не давая им пищи, но так происходит только тогда, когда они оказываются в плену у человека (в зоопарке, при транспортировке, в лаборатории), либо же обстоятельства не позволяют выращивать их. То подлинные случаи эвтаназии. Но человек — единственное существо на свете, которое способно убить своего ребенка, потому что он мешает спать. В одной только Англии ежегодно 700 детей погибают от жестокого обращения. И никто не знает, в скольких случаях причина смерти остается неизвестной, не говоря уже о вопросе, сколько детей выживает, несмотря на жестокое обращение с ними.

Доктор Тео Соломон (Theo Solomon), директор Institute of Law and Social Process в Тинеке, штат Нью-Джерси, заявил на семинаре в Техасском женском университете (Texas Woman's University): «Насилие укоренилось в нашем обществе, и к нему относится жестокое обращение с детьми, которое было признано проблемой только в начале 1960-х

годов. Сегодня в США семь миллионов детей подвергаются жестокому обращению». Он добавляет, что только в Нью-Йорке в предшествующем году было избито до смерти 86 детей; еще в 240 случаях смерть могла наступить из-за жестокого обращения или невыполнения родительских обязанностей (International Herald Tribune 13 апреля 1974).

14 февраля 1975 года та же самая газета в статье Ассошиейтед Пресс (автор — Джон Т. Уилер, John T. Wheeler) пишет: «...И Деннис стал одним из 30 000–50 000 детей, которые умерли в 1974 году из-за жестокого обращения. Примерно 45 из них было меньше 6 лет. Тысячи и тысячи других детей из-за жестокого обращения стали инвалидами, получили физические или душевные травмы. Доктор Рей Хельфер (Ray Helfer), признанный авторитет, говорит, что число детей в возрасте до пяти лет, которые погибают в США из-за этих растущих проблем, превосходит количество детей того же возраста, умирающих от разных болезней».

Если судить о виде по тому, как он обращается с потомством, то животные гораздо лучше людей. Было бы трудно доказать, что они хуже человека. И что мы имеем моральное право их мучить.

*

История учит нас, что после возникновения новой религии боги прежнего вероисповедания становятся дьяволами нового. Любовь и эмоции были богами более ранней религии, высшими идеалами всем думающих и чувствующих людей. Ныне естествознание стало новой религией для некоторых людей, а ее жрецы — естествоиспытатели. В странах вроде США, которые считаются «передовыми», наиболее уважаемой профессией среди молодежи считается естествоиспытатель, а естествознание — новая наука, и бесчувственные жрецы в белых халатах приносят ей человеческие и животные жертвы, а пассивное население принимает происходящее, ибо слово «чувство» стало для них ругательством.

Разумеется, чувствительность продолжает свое существование. Она столь же неискоренима, как и секс, который в течение многих веков приходилось скрывать, потому что о нем нельзя было говорить. Тем не менее, если секс недавно вышел на поверхность, стал объектом разговоров и темой для фильмов и журналов, чувства приходится прятать: о них более не принято говорить открыто. Даже разные просьбы помощи голодающим детям из стран третьего мира должны приносить доход жертвователю. А когда человек указывает только на сострадание и любовь к ближнему, к нему относятся с недоверием либо же высмеивают. В современном мире сентиментальности отведено то место среди грехов, которое некогда принадлежало сексу. Сегодня «сентиментальность» — это не только главное обвинение в адрес противников вивисекции, но и обвинение, отрицаемое самими антививисекционистами, словно оно означает клеймо позора.

Большинство вивисекторов, подобно Ироду и Гитлеру, без обиняков приводят аргумент, что цель оправдывает средства. Но даже если не принимать во внимание тот факт, что опыты на животных не приносят никакой пользы, довод, что жестокостью можно пренебречь в случае, когда мы можем извлечь из нее какую-либо выгоду, просто не выдерживает критики.

На мой взгляд, единственное оправдание вивисекции может быть лишь религиозного характера, если разделяет ошибочную точку зрения Декарта и католической церкви на животных, точку зрения, которая имеет в своей основе пренебрежительное отношение к животным Фомы Аквинского, отрицавшего, впрочем, наличие души и у женщин. Но вопрос религии и без того неважен, потому что эмпирическим путем невозможно доказать как существование у нас, людей, бессмертной души, так и ее отсутствие у животных. Зато вновь и вновь было подтверждено, что Фома Аквинский, столь сильно повлиявший на позицию сегодняшней католической церкви, очень сильно ошибался, заявляя об отсутствии у животных ума, воли и чувств. Вольтер же — один из величайших умов в

истории человечества — без колебаний упрекнул его в примитивном образе мышления и ограниченности.

Правда, лишь немногие вивисекторы используют в качестве защиты теологическую идею о кардинальном отличии человека от животных. Напротив, поводом для их практики служит сходство. Но мы знаем людей, которые уверяют, что в биологическом отношении различий между людьми и животными нет, в плане психологии — тоже, как показывают поведенческие эксперименты. Как же тогда они объясняют совершенно разный подход в вопросах этики?

У вивисекторов тут есть ответ: поскольку человек есть самый умный вид — здесь у них сомнений нет — он, безусловно, имеет право производить с другими живыми существами, что ему заблагорассудится.

Если бы моральное право обеспечивалось только интеллектуальным превосходством, то вивисекция была бы разрешена, ее бы практиковали на умственно отсталых, малообразованных, неграх, коммунистах, капиталистах, протестантах, швейцарцах, короче, на всех людях, которые, по чьему-то субъективному мнению, ниже в духовном, моральном, политическом, расовом, национальном и прочих отношениях. Бесспорно, в этом случае были бы узаконены опыты на вивисекторах, потому что, по мнению многих психологов, они в духовном плане находятся позади иных обезьян.

Если бы истязание подопытных животных во благо человечества было оправданно и дешево, то было бы также оправданно и дешево мучить одного человека ради сотен людей. Фактически каждый аргумент об оправданности вивисекции животных столь же применим к вивисекции людей.

Люди, которые допускают безграничную жестокость к животным ради гипотетической выгоды для себя, очевидно, обрекли бы на страдания и человека во имя подобной выгоды. «В конце концов, из этого когда-нибудь выйдет что-то хорошее *для меня*», — так, очевидно, думает молчащее большинство, чье моральное чувство и научные знания находятся на одинаковом уровне.

И вместе с тем я убежден, что если бы все люди знали о происходящем в лабораториях, то подавляющее большинство, за исключением откровенных садистов и ненавистников животных, забыло бы о природном человеческом эгоизме и потребовало бы положить этому конец.

*

Во всех странах противники вивисекции делятся на два лагеря: одни отстаивают контроль за экспериментами, а другие — отмену опытов, и они обвиняют друг друга в препятствовании прогрессу. К «контролерам» относятся некоторые врачи и ветеринары, которые говорят, что надо законодательно запретить вивисекционные «злоупотребления», но не «необходимые» эксперименты, но при этом не говорят, какие же опыты они относят к необходимым.

Сторонники отмены указывают на то, что во всей истории медицины не было ни одного случая, когда опыты на животных принесли бы людям неопровержимую пользу, зато невозможно подсчитать количество неправильных результатов и трагедий. Кроме того, вивисекция вызывает вопросы с точки зрения морали, поэтому ее можно только законодательно запретить, а не «регулировать». Никакой закон не способен превратить неправду в правду.

Далее они приводят аргумент, что отмена опытов на животных неизбежно принесет благо медицинской науке, так как в этом случае она будет вынуждена сойти с неверного пути и сконцентрироваться на надежных методах исследования, особенно на гораздо более эффективной профилактической медицине, не причиняющей вреда здоровью граждан и их кошелькам, но и не приносящей прибыль врачам и индустрии.

*

Вивисекция причиняет страдания не только бесчисленным животным во время лабораторных исследований и людям через медицинские ошибки. Она действительно заставляет страдать всех тех, кто не могут избавиться от мысли о целенаправленно и постоянно совершаемых пытках. В данном случае пожмут плечами или засмеются только экспериментаторы и ненавистники животных.

«Это ежедневное преступление, которое не дает нам заснуть ночью», — так охарактеризовал вивисекцию итальянский автор Дино Буццати (Dino Buzzati). Для Рихарда Вагнера мысль об экспериментах была настолько невыносима, что у него появилось чувство, будто она влияет на всю его творческую работу. В своих трех трудах о вивисекции он пишет: «Мысль об их страданиях с ужасом проникает в мое сердце, и в пробудившемся сострадании я распознаю сильнейший импульс своего нравственного существа и возможный источник всего своего искусства. Нашей истинной целью должно стать полное уничтожение ужаса, с которым мы боремся. Нам не следует приходить в уныние из-за трудностей и расходов».

Я вспомнил о Вагнере, когда однажды меня разыскала в Риме молодая очень милая дама, учительница французского, и она хотела только получить от меня заверение, что, по моему мнению, в один прекрасный день ужасы действительно прекратятся. При прощании эта молодая женщина, которая могла бы уложить мир пред своими ногами, внезапно разрыдалась и в отчаянии произнесла: «Это отнимает всю радость жизни!»

То, насколько для Вагнера радость жизни меркла из-за непрерывных и безнаказанных экспериментов на животных, следует из его труда «Вивисекция», опубликованного как «Открытое письмо Эрнсту фон Веберу» (Offener Brief an Ernst von Weber), главе антививисекционного движения в Германии (Издание Hugo Voigt, Берлин и Лейпциг, 1880): «Если вивисекция будет распространяться, ее сторонников надо будет поблагодарить, по крайней мере, за одно — мы с удовольствием будем уходить из мира, в котором ни одна собака не захочет жить, хоть нам и не сыграют Deutsches Requiem».

*

Экспериментаторы лучше кого-либо знают, что большинство людей, невзирая на эгоизм, испытывали бы отвращение к практикуемым ими систематическим пыткам животных, если бы о них давали правильную информацию, и потому вивисекторы настаивают на работе за закрытыми дверями, в том числе в США. Одного этого достаточно для их дисквалификации.

Добросовестные контролеры могли бы быть. Но я знаю, что, если бы я был экспериментатором, то посоветовал бы своим коллегам выдавать себя за противников вивисекции из лагеря сторонников контроля, ибо это самый надежный способ продолжать вивисекцию.

Альтернативные методы

Это обширная, высокоспециализированная и техническая сфера, гораздо более широкая, чем сама вивисекция. Я уделю ей лишь небольшое количество времени, чтобы дать читателю общую идею. Собственно говоря, вопрос иных методов исследования не имеет ничего общего с основной идеей нашей книги, так как он всего лишь призван показать, что опыты на животных ведут науку в неверном направлении и аморальны, а потому их следует законодательно запретить. Кроме того, поддержка иных методов исследования означает поддержку производства новых препаратов, которых и сейчас — избыточное количество. Зато для нас важно показать читателю, что можно было бы сделать в области медицинских исследований без использования животных.

Когда в XIX веке начался рост вивисекции, многие ее противники говорили: «Для прогресса естествознания существуют лучшие методы и пути, чем опыты на животных». Время показало их правоту.

Человеческие ткани, культуры клеток и органов (их получают в ходе биопсий, от абортированных плодов, пуповин, плацент и т.д.) уже находят широкое применение в медицинских исследованиях; особую ценность они представляют для иммунологии и токсикологии, где, тем не менее, до сих пор используются в значительной мере животные. Другие области их применения — онкология, эмбриология, эндокринология, генетика, патология, фармакология, вирусология, радиобиология и тератология (наука о пороках развития плода). Для изучения почти каждой болезни доступны образцы тканей, получаемых при вскрытиях трупов людей, которые умирают каждый день, и их более чем достаточно.

До недавнего времени артрит изучали главным образом на животных: им вводили вещество в мускулы и суставы либо вызывали его травматическим путем. Совершенно очевидно, что это бессмысленный метод, потому что у человека болезнь возникает не вследствие инъекции или травмы. Предпочтительный способ исследования артрита с перспективой излечения состоит в изучении пораженного болезнью хряща, который удаляют пациентам при травмах, требующих вскрытия сустава, либо берут у людей, погибших вследствие несчастного случая. Хрящ с патологией можно держать в законсервированном виде несколько дней и недель, наблюдая в течение этого времени за его реакцией на разные лекарственные препараты.

При помощи сочетания хроматографии и масс-спектрометрии можно обнаруживать в человеческом организме малейшие следы лекарств и следить за их расщеплением, то есть, наблюдать метаболизм лекарственного средства непосредственно на человеке, не подвергая его опасности. Таким способом мы получаем более надежные ответы, чем при экспериментах на животных.

Тесты на беременность сегодня можно проводить за минуту химическим путем. Больше нет необходимости использовать кроликов и дожидаться ответа в течение целого дня. Тесты с использованием культуры клеток позволили отказаться от использования морских свинок при подозрении на туберкулез.

Для проверки вакцины от столбняка и желтой лихорадки больше не требуются мыши, а для устранения побочных эффектов препаратов можно использовать простейшие организмы, так же как и при исследовании анестетиков.

Завод Фольксваген для изучения последствий ДТП использует муляжи, воспроизводящие анатомические свойства человека, в том числе его плоти, мускулатуры, костей. Одна такая кукла дает более надежные результаты, чем все принесенные в жертву макаки резус и беременные павианы, вместе взятые.

Новая методика исследования позволяет проверить эффективность лечения, дезактивируя или убивая раковые клетки.

Преимущества метода замены оказались особенно заметны в случае с талидомидом (контерганом). Их доказал профессор С. Т. Айгюн (S. T. Aygün) из Университета Анкары (University of Ankara). С помощью куриного эмбриона он за несколько недель установил опасность талидомида для плода и запретил его продавать в Турции, в то время как этот препарат циркулировал в других странах. Известно также высказывание доктора Росса Нигрелли (Ross Nigrelli), который возглавлял в Нью-Йорке биохимическую и экологическую морскую лабораторию: «При тестировании лекарственных средств мы используем яйца морского ежа. Если бы мы протестировали талидомид на яйцах морского ежа, то смогли бы быстро сказать все о талидомиде» (Маргарет Б. Крейг (Margaret B. Kreig) в своей книге Green Medicine).

Газета Newsweek (20 марта 1972) пишет о докторе Леонарде Хейфлике (Leonard L. Hayflick), профессоре медицинской микробиологии в калифорнийском Стэнфордском университете (Stanford University): «Доктор Хейфлик принялся за разработку штамма

человеческих клеток и для этого использовал легочные клетки abortированного эмбриона. Этот штамм под названием WI-38 обеспечил практически неограниченное количество совершенно одинаковых культур, которые в замороженном состоянии хранятся годами, оттаиваются при употреблении и могут использоваться везде в мире как питательная среда для вакцин. Между тем выращивание вакцины с почечными клетками обезьяны требует новых клеток» для каждой партии».

Тесты на людях, проводившиеся во всем мире, не принесли никаких доказательств того, что в WI-38 содержатся канцерогены. В Югославии и Великобритании проводились обширные исследования в этой сфере. В 1960 году Бернис Эдди (Bernice Eddy) выявила, что вирусы в почечных клетках одной из разновидностей африканских обезьян, которые используются в культуре вакцины от полиомиелита, вызывают у хомяков рак. «К счастью, эти вирусы не причиняют вред людям, но данный случай дал понять доктору Леонарду Хейфлику из Университета Вистара (Wistar University) в Филадельфии, что при производстве вакцин надо действовать лишь надежными методами. В конце концов, работа доктора Хейфлика с вакцинами получила поддержку Division of Biologic Standards, которое в США уполномочено координировать вакцины. Его WI-38 была разрешена, а фирма Пфайзер (Pfizer) получила разрешение на производство оральной вакцины от полиомиелита под названием Diplovaх, которую выращивают на живых человеческих клетках». Похожее сообщение было опубликовано журналом Time (17 апреля 1972).

Раньше вакцину от бешенства делали из спинномозговой жидкости кролика или мозга овцы. Потом было установлено, что надежный продукт можно получить с помощью утиных яиц. Но еще более надежной оказалась замена на продукт из человеческих тканей или клеток. В России 90% всех вакцин производятся с помощью альтернативных методов, которые значительно превосходят животные продукты и подтверждают старый тезис противников вивисекции.

Это лишь несколько примеров разных альтернативных методов, усовершенствованных за последние годы; ныне они исчисляются в тысячах.

В данной сфере лидирует Великобритания: в этой стране альтернативные методы при поддержке разных фондов распространяются очень быстро. Один из них поставил перед собой задачу удовлетворять потребность в информации и коммуникации на эту тему и поддерживает прямую связь с учеными; другие фонды финансовым путем и с помощью наград поддерживают исследовательские проекты, не использующие животных.

Сфера альтернатив расширяется не только благодаря финансовой помощи, но и потому, что они доказывают свое преимущество. Разработчиками многих из них являются как раз крупные фармацевтические лаборатории, и дело тут не в любви к животным, а в надежности. Но, невзирая на наличие иных методов, во многих случаях до сих пор используются животные лишь из-за того, что того требуют устаревшие законы.

Альтернативы распространяются не так быстро, как следовало бы, еще и потому, что преподаватели, готовящие будущих ученых, и патологи, использующие животных, сами не получили знаний, необходимых для понимания новых методов, и не умеют работать с культурой живых клеток в человеческих тканях. К сожалению, они научились только работать с тканями животных.

Если бы вивисекция с самого начала была запрещена, все эти методы исследования появились бы гораздо раньше, что пошло бы медицине во благо. Человечество избежало бы бесчисленных трагедий, которые произошли из-за неправильных результатов опытов на животных.

Как и следовало ожидать, обычно плетущееся в хвосте издание вивисекторов, Journal of the American Medical Association (JAMA), которое несколько лет назад в США стало объектом скандала из-за вложения 6 млн. долларов в акции химической индустрии, высмеяло новые, гуманные и научные методы. В передовице за 1972 год оно пишет: «Трудно понять, каким образом с помощью этих методов можно заменить, например, опыты на животных в нейрофизиологии».

Нейрофизиологические эксперименты — мы цитируем их в разных главах книги — особенно жестоки, глупы и бессмысленны, а жестокость, глупость и бессмысленность вряд ли требует замены, и совершенно очевидно, что они всего лишь раскрывают жалкое душевное состояние экспериментаторов. Им вряд ли можно найти замену — такова природа вещей — и потребности в них нет.

То есть, ясно, что вивисекцию можно ликвидировать лишь при помощи законов, а не одними только альтернативными методами, какими бы качественными они ни были: слишком много ученых специально отвергают любые альтернативы. Они *хотят* иметь дело с животными.

Интересное мнение по этому поводу излагает Оуэн Б. Хант (Owen B. Hunt) из Американского антививисекционного общества (American Anti-Vivisection Society) в своей речи в Женеве 26 июля 1975: «Шесть лет назад лаборатории Ледерле (Lederle Laboratories) обнаружили безвредную вакцину в утином эмбрионе — значительное усовершенствование пастеровской вакцины, когда пациенту неделями делают болезненные и опасные инъекции. Но в США до сих пор используется грубый пастеровский метод. Почему? Государство выделяет на него деньги. Для производства вакцины Солка и Сейбина использовано больше миллиона обезьян. Из культуры человеческих клеток, разработанной доктором Хейфликом (Hayflick), можно делать достаточно вакцины для всего мира в течение неограниченного времени, потому что клетки вакцины размножаются сами, до использования их можно заморозить, и они доступны для любой лаборатории. Тем не менее, до сих пор используются десятки тысяч обезьян. Государство оплачивает. В июле 1973 американская армия и военно-воздушные силы получили 3,5 миллиона долларов, чтобы испытывать газ на 600 биглях, и в результате все животные погибли. Но Ллойд Б. Крейцер (Lloyd B. Kreuzer) из лаборатории Белл (Bell Laboratories) разработал быстрый метод выявления токсичных газов. Для него требуются лазерные лучи и компьютер. Таким способом можно определить ничтожную концентрацию газа, одну часть на 10 миллионов, это в 10 раз меньше, чем требуют современные стандарты. Совершенно точно, что армия и военно-воздушные силы знали об этой методике, когда просили 3,5 миллиона долларов и настаивали на использовании биглей в двухгодичных экспериментах».

Но дело не только в деньгах. Многими экспериментаторами движет так называемое «научное любопытство». Если бы они не могли использовать животных, то потеряли бы интерес к исследованиям.

Для таких людей вивисекция стала идеей фикс, лишенной каких-либо логических основ. Это четко явствует из слов доктора Роберта Уайта (Robert White), пересаживателя обезьяньих голов; в *American Scholar* (лето 1971) он сказал следующее: «Наше технологическое общество и растущее в геометрической прогрессии население создало дополнительную опасность для здоровья через загрязнение воздуха, воды и земли, и использование подопытных животных для установления возможного биологического загрязнения и разработки способов контроля и обезвреживания представляет собой новое изменение биологических исследований, измерение, которое может оказаться решающим для дальнейшего существования человека».

Когда доктор Уайт это писал, у него было уже 10 детей. Привнеся как мужчина максимальный вклад в дальнейшее перенаселение и, следовательно, отравление планеты, что же он предлагает в качестве лечебного средства? Разумеется, невинных подопытных животных, которые должны стать козлами отпущения для его необдуманных излишеств.

Только один вопрос. Уже десятилетиями существуют химические способы оценки биологического загрязнения и, следовательно, планирования, контроля и профилактики, и они гораздо точнее опытов на животных. Возможно ли, что великий ученый об этом не знал? Или же он принадлежит к категории людей, для которых эксперименты на животных стали неизлечимой параноидной одержимостью?

Например, китайская акупунктура, совершенствовавшаяся тысячелетиями и в высшей степени эффективная в умелых руках — до такой степени, что позволяет достичь полной потери чувствительности при операции — не изменилась, так как менять ее не было необходимости. Но с того момента, как ее «открыли» неистовые вивисекторы, ее «испытывают» на животных, которые не могут рассказать о своих ощущениях и вообще, реагируют иначе, нежели люди. И впервые в истории преступления вивисекции запятнали даже эту отрасль медицины, тысячелетиями служившую образцом чистоты и пользы.

К сожалению, китайцы, на которых производят сильное впечатление западные самолеты и ядерное оружие, полагают, что наше технологическое превосходство распространяется и на медицину. Поэтому они отрекаются от тысячелетней мудрости своих босоногих врачей и заменяют свои давно испытанные лекарственные травы нашими канцерогенными чудо-лекарствами, а в университетах впервые за историю Китая возникает бернардистская лабораторная субкультура.

Гиблое дело?

Какое-то время назад мне написала итальянская учительница из Туниса: «Ваша статья против вивисекции очень встревожила меня и мне подобных. Когда нам показалось, что, наконец, удалось заглушить все мысли о вивисекции, Вы напомнили нам об этом, и мы опять страдаем. Почему бы Вам не оставить это в покое и не дать нам жить свободно? Как Вы вообще можете надеяться на победу над тремя мощнейшими силами в мире — глупостью, жестокостью и жадностью? Аболиционизм — это гиблое дело».

Если подумать, насколько распространилась вивисекция с тех пор, как Клод Бернар вытащил ее из грязных подвалов физиологов и поднял на академический уровень, ее ликвидация действительно кажется безнадежным делом. Кажется, что антививисекционизм, будучи и поныне неорганизованным и никем не возглавляемым протестным движением благожелательно настроенных, но безобидных волонтеров, обречен на провал. Но в прошлом неоднократно получалось, что внешне слабые движения приносили политические и социальные перемены и становились причиной падения вроде бы непоколебимых организаций. Так, ранние христиане («кучка экзальтированных, оторванных от жизни мечтателей»), лишённые какой-либо власти, сделали большой вклад в формирование европейской цивилизации, чем Римская империя, еврейская ортодоксальность и орды скандинавских, азиатских и мусульманских завоевателей. Только когда организация христиан стала влиятельной и многочисленной и, соответственно, ослабла в отношении духовных ценностей, христианство утратило решающее влияние.

Один из недавних опросов дал удивительный результат: в последнее время молодые люди гораздо больше восхищаются Альбертом Швейцером, а не космонавтами. Несколько лет назад ситуация была иной. Французский философ Жозеф Жубер (Joseph Joubert) говорил, что поэты в своем поиске красоты находили больше правды, чем ученые, и сегодня все больше людей чувствуют, что философы и люди искусства сделали для человечества больше, чем ученые когда-либо смогут.

«Итак, большую войну вызвала маленькая женщина», — сказал Авраам Линкольн, познакомившись с Гарриет Бичер-Стоу (Harriet Beecher Stowe), чья книга «Хижина дяди Тома» (Uncle Tom's Cabin) потрясла Америку; благодаря ей, мир узнал, что такое расовая ненависть. Маленькая женщина если не разожгла войну, то подтолкнула людей к тому своей книгой.

Чарльз Диккенс написал роман, который потряс самодовольство с Британской империи и подтолкнул Карла Маркса, жившего в Лондоне, написать социологический труд — этот труд перевернет все социальные представления и, в конце концов, вызовет большевистскую революцию. Потом Адольф Гитлер вводит идеи Маркса в социальную систему, что обеспечило пример для рузвельтовской программы социальной безопасности,

а последняя, в свою очередь, послужила ориентиром для большинства других стран, независимо от их политических убеждений. Корнем для всего этого стало единственное литературное произведение, философские и эстетические мысли, а не наука; точно так же в основе самого значительного шага в современной медицине — втором открытии Земмельвейсом гигиены — лежат не научные данные, а чувства и размышления, иными словами, философское постижение. И оно столкнулось, как и все значимые инновации, с противодействием и презрением, причем это пренебрежение исходило от тех категорий людей, которым следовало бы приветствовать открытие в первую очередь.

Большинство сегодняшних антививисекционных организаций всячески стараются не обращаться к чувствам общественности и не показывать «сентиментальности» по отношению к страдающим животным. И это их ошибка, большая ошибка, как показывает неуспех данного движения — ибо даже самый большой оптимист не может констатировать их успех в настоящее время. Ошибка заключается в непризнании того, что большинство людей гораздо более склонны к эмоциям, чем к логике — хотя для сильных эмоций всегда существует логическая основа. Это ясно всем популярным лидерам, изменившим ход истории.

Игнорируя силу и значимость людских чувств, человек действует нереалистично и ненаучно, подобно Клоду Бернару, утверждавшему, что на живых организмах можно экспериментировать так же, как на неживой материи.

Вместе с тем, было бы нереалистично допускать, что справедливость вопроса облегчает борьбу. Напротив. Правое дело вызывает сильное противодействие у интересов, которые глубоко интегрированы в существующие социальные, политические и образовательные структуры. Каждое правильное дело имело богатых, мощных и беззащитных противников: оправданность явления измеряется по его врагам. Это также означает, что для победы недостаточно только желания.

Непоколебимая решимость некоторых гуманистов или «истеричных мечтателей» в конце концов привела к отмене рабства, детского труда, травли медведей, петушиных боев и много другого. Сегодня лишь очень немногие люди не одобряют законы, запрещающие эти позорные явления; тем не менее, в свое время большая часть населения, в том числе церковь, выступали против их отмены. Вот почему антививисекционное движение не следует измерять по числу его сегодняшних сторонников. Они так сказать выполняют роль закваски в общественном сознании, закваски, которая приведет его к здравомыслию. Маленькая искра способна разжечь большой пожар, если упадет в нужное место.

Католическая церковь веками совершала преступление в виде пыток людей и заковывала в кандалы как сумасшедших или еретиков тех немногих, кто отваживался ее критиковать, так как это якобы делалось для спасения душ грешников; но по мере роста Просвещения оппозиция общественности настолько укрепилась, что папа римский в своей булле оказался вынужден положить конец всем религиозным пыткам. Если будут распространяться знания о жестокости и вреде вивисекции (а расширять их — наш долг), то настанет день, когда общественность отвергнет эту практику, и официальная медицина не сможет более оправдывать их. Ей придется подчиниться большинству и прокладывать новые пути, чтобы получать прибыль.

*

Джордж Бернард Шоу, Марк Твен, Ричард Вагнер — вот лишь некоторые из великих людей, которые выступали против вивисекции категорически отказывались брать на вооружение аргумент о ее пользе.

Вагнер писал: «Если мы отвергаем вивисекцию лишь из-за ее доказанной бесполезности, то человечество ничего не выиграет». И Шоу: «Если вы отказываетесь от догматической гуманитарной позиции, если вы говорите, что в данном вопросе надо делать различия, исходя из практической выгоды, то безнадежно заблуждаетесь... Если вы пытаетесь возразить вивисектору, показывая, что его эксперимент не привел ни к каким

полезным результатам, то подразумевает мысль об оправданности эксперимента в случае полезного результата. Я не готов принимать такую позицию» (Из Shaw on Vivisection, Allen & Unwin, Лондон, 1949).

Естественно, большинство сегодняшних «ученых» утверждают, что соображения этики не относятся к делу, что сострадание не служит мерилom человеческого прогресса. Но что же тогда должно быть мерилom человеческого прогресса? Жестокость? Тогда пусть противники вивисекции проявят насилие по отношению к вивисекторам.

Твен, Вагнер и другие их единомышленники, вроде Джона Вивьена (John Vyvyan), были правы, заявляя, что вивисекцию следует запретить только из этических соображений, и что человечество проиграет в случае запрета из-за ее бесполезности. Но сегодня даже самый большой оптимист не признает, что со времени Твена и Вагнера и даже с более недавнего времени Шоу человечество стало более гуманным. В конце XIX века Джон Рёскин (John Ruskin) оставил свою должность в Оксфордском университете в знак протеста против открытия кафедры физиологии (где практиковалась вивисекция). А когда 15 июля 1879 года лорд Трюро (Turo) неудачно подал в парламент законопроект о полном запрете вивисекции, один из виднейших политических деятелей, седьмой граф Шафтсбери (Earl of Shaftesbury), прочитал в поддержку законопроекта цитаты из записей профессора Фридриха Гольца (Friedrich Goltz), вивисектора из Страсбурга, который хвастался особенно жестоким, отвратительным и длительным экспериментом, проведенном на нервной системе молодой суки. Лорд Шафтсбери закончил свое выступление комментарием: «Я бы предпочел быть собакой, а не профессором». В наши дни трудно представить себе, чтобы важный политик сделал подобное заявление.

Может показаться, что раз вивисекция не была ликвидирована в XIX веке, когда ею занимались не многие, а осуждали многие, то сегодня перспектива безнадежна: большинство людей ее умышленно не замечает политики игнорируют, зато ее поддерживает самая прибыльная индустрия в мире.

Но между тем появилось кое-что новое.

Вивисекция оказалась не просто бесполезной — она постоянно наносит ущерб, и его уже невозможно скрыть. Этот вред выявляют те же ученые, которые его вызвали через ошибочную методологию, вбитую в голову, подобно религиозной догме, с первых дней их учебы.

Важно то, что люди, больше всех говорящие о вивисекции как об опасном и ненадежном явлении, это не гуманитарии, вроде Шоу, а выдающиеся врачи и хирурги, такие как англичанин Лоусон Тейт (Lawson Tait), американец Генри Байджлоу (Henry Bigelow), француз Абель Дежарден (Abel Desjardins) немец Эрвин Лик (Erwin Liek), австриец Йозеф Гиртль (Josepf Hyrtl), итальянец Антонио Мурри (Antonio Murri).

Если я решил, в отличие от Шоу, говорить об упразднении вивисекции не только из этических соображений и выдвинуть на первый план научные соображения, то у меня для этого две причины. Во-первых, после рассказа о том, что происходит с животными, я должен показать также, каким образом это вредит человечеству в физическом и духовном плане.

Во-вторых, при анализе истории медицины с целью понять, каким образом могло распространиться такое извращение как вивисекция, я наткнулся на высказывание Чарльза Белла (Charles Bell), из которого следует, что запрет вивисекции только из практических, научных соображений (если ее сочтут опасной для здоровья) не означает победы гуманизма. Когда сэр Чарльз заявил: «Я не думаю, что такие грубые люди способны проникнуть в тайны природы», то выявил второй закон Белла, оказавшийся правильным и еще более важным, чем первый. Белл-гуманист признал, что жестокие люди, обделенные человечностью, не обладают достаточным интеллектом, и тот тип человека, которого привлекают исследования с основой на систематических пытках, менее всего способен заниматься разумными, то есть, полезными медицинскими исследованиями.

То, что вивисекция есть бесчеловечная практика, само собой разумеется; то, что бесчеловечная практика огрубляет тех, кто ею занимается, — бесспорный факт. В последней главе мы поговорим о том, каким образом самонадеянное господство западных органов «здравоохранения», начиная от американской Food and Drug Administration, и кончая ее европейской базой, женевской ВОЗ, несет разрушения не только животным, но и людям. Из следующей главы вытекает, что если гиблое дело и существует, то им является вивисекция.

Часть 9 Решение

«Вивисекция — это школа садизма, и поколение медиков, которое получило образование на основе этой практике, оправдывает самые серьезные опасения общественности».

Так писал французский врач доктор Лоре (G.R. Laurent) несколько десятилетий назад, и его слова оказались такими же пророческими, как и высказывание немца доктора Вольфганга Бона (Wolfgang Bohn), который еще в 1912 году заявил в *Ärztliche Mitteilung* (№7): «Заявленная цель вивисекции не была достигнута ни в одном поле, и можно предсказать, что в будущем ее тоже не удастся достигнуть. Наоборот, вивисекция причинила огромный вред, убила тысячи людей... Мы имеем огромное количество лекарств и терапевтических приемов, которые были усовершенствованы без пыток животных, но не используются и не распространяются должным образом, потому что наше поколение исследователей не знает никаких методов, кроме вивисекции. Через постоянный рост вивисекции удалось достигнуть одного: увеличения числа пыток ради науки и убийств людей. Мы имеем все основания ожидать, что этот рост продолжится, ибо он есть всего лишь логическое последствие вивисекции животных».

Именно так и произошло.

«В Америке эксперименты на людях стали большой индустрией». Миллионы потрясенных американцев услышали эти слова в часовой телепередаче NBC Reports из уст корреспондента Роберта Роджерса (Robert Rogers); передача шла 29 мая 1973 года в прайм-тайм. А колумнист Боб Кроми (Bob Cromie) написал в *Chicago Tribune* (19 января 1974) после обширного изучения американских привычек экспериментирования: «Лично мне кажется, что многими проводимыми экспериментами руководят садисты, идиоты или те, кто жаждет получить федеральные гранты... Учитывая недавние опыты на обитателях тюрем и *других* заведений, становится очевидно, что некоторые ученые уже не довольствуются использованием низших животных, и чем быстрее удастся обуздать этот нацистский менталитет, тем будет лучше».

Разумеется, единственный случай, когда опыты на людях оправданы с этической точки зрения, — это при проведении их на добровольцах. Но на тех добровольцах, которые совершенно осознанно дают согласие, без какого-либо психологического давления. Это исключает всех детей, умственно отсталых людей, арестантов, военных и членов организаций, на которых может быть оказано психологическое давление.

Невзирая на тот факт, что в целом здоровье не является тайной, в результате, непрерывные эксперименты служат признаком инфантилизма (как в исследованиях, касающихся игры), алчности или просто тщеславия, никто не возражает против экспериментирования врачей на самих себе или друг на друге в случае необходимости. Такие исследования должны остаться единственной законодательно разрешенной формой экспериментирования, ибо медики способны оценить возможные риски и ожидаемую пользу — по меньшей мере, хочется в это верить.

Но когда врачи своими экспериментами подвергают здоровье своих пациентов опасности или наносят ему вред, то совершают преступление, и в таком случае должен

вмешиваться закон, не дожидаясь, пока пациент обратится в суд. Между тем, нынешние власти безмолвствуют по поводу таких преступлений, ибо они, по-видимому, так же согласны со страшными опытами на пациентах, как и издатели медицинских журналов, сообщающих о них.

Немецкие врачи, которые предстали пред судом на Нюрнбергском процессе за опыты над пленными, заявляли, что экспериментирование на людях логично — ведь они занимались вивисекцией животных. Они были не солдатами-эсэсовцами, а уважаемые медиками, и весь план экспериментирования на пленных находился в руках ведущих авторитетов, таких как доктора Зиверс (Sievers) из Государственного совета по исследованиям; профессора Ростока (Rostock), заведующего кафедрой хирургии в Берлинском университете; профессора Розе (Rose), руководителя отдела тропических заболеваний в Институте Роберта Коха; доктора Гебхардта (Gebhardt), президента Немецкого Красного Креста (именно!) и многих других.

В Третьем Рейхе опыты на пленных проводились еще до войны, но во время войны, как предполагается, первые эксперименты предложил хирург военно-воздушных сил, доктор Рашер (Rascher). 15 мая 1941 года Рашер написал Гиммлеру (Himmler) и спросил, возможно ли получить «двух или трех рецидивистов», чтобы протестировать спасательное оборудование для парашютистов; они должны были прыгать с высоты 12 км. Военно-воздушным силам требовалось узнать, как долго человек может прожить, не имея возможности нормально дышать, и в состоянии ли он потом использовать спасательный аппарат. Рашер в своем письме назвал эти эксперименты «абсолютно необходимыми» для исследования полетов на большой высоте; до тех пор их производили только на обезьянах, но условия полета обезьян были совершенно иными.

Гиммлер сразу согласился, но, как он сообщает в окончательном докладе, было использовано не 2–7, а более 200 человек, и свыше 70 из них умерли. Эксперименты проводились в Дахау. Когда в дальнейшем при вторжении в Россию возникли другие проблемы, например, выживание в ледяной воде и возможности реанимации, для новых исследований было предоставлено еще 300 пленных. Таким образом выяснилось, что из-за анестетиков возникают неестественные условия, и от них отказались. Многие арестанты кричали, когда им замораживали части тела. Но компетентным врачам не привыкать к крикам — благодаря работе с подопытными животными.

Среди нюрнбергских судебных дел имеются письма фармацевтического гиганта IG в концлагерь Аушвиц. Их подлинность доказана. Вот их дословный текст (Frankfurter Rundschau, 10 февраля 1956):

«Ввиду тестирования нового снотворного мы были бы Вам признательны, если бы Вы нам доставили некоторое количество женщин»;

«Мы получили Ваш ответ, но считаем, что цена 200 марок за женщину слишком высока. Мы предлагаем Вам максимальную плату 170 марок за женщину. Если Вы согласны, мы пришлем Вам женщин. Нам их нужно около 150»;

«Заказанные женщины получены. Несмотря на их плохое здоровье, мы сочли их годными. Мы будем держать Вас в курсе проведения эксперимента»;

«Исследования прошли. Все подопытные объекты умерли. Скоро мы сообщим Вам о новых партиях».

*

Американский прокурор в Нюрнберге, который предъявил обвинение немецким экспериментаторам, испытывая при этом праведный гнев, счел уместным не говорить, что в его стране часто появляются сообщения об использовании пациентов в опытах, никак не связанных с их болезнями, лишь в качестве подопытного материала, с целью обосновать или доказать какой-то теоретический пункт. С тех пор число и масштабы подобных экспериментов неуклонно растут, подобно проклятью над видом, который сделал социальным принципом и политикой организованные пытки беззащитных существ.

Люди в роли подопытных кроликов

Конечно же, допустимость пыток животных отражается на самих людях. Это некий таинственный, но неизбежный моральный закон. Опыты Павлова с «условными рефлексам» — которые всегда вызывали боль или острое недомогание — в дальнейшем и некоторыми изменениями были повторены на людях. Обычно это были люди, неспособные сопротивляться или подать в суд, то есть, сироты, душевнобольные, или те, кто зависит от общественной благотворительности — иными словами, столь же беззащитные субъекты, как и подопытные животные.

После Первой мировой войны, когда везде воспроизводились опыты Нобелевского лауреата Павлова, и делалось это с большим рвением, в США появилась книга Behaviorism Джона Б. Вотсона (John B. Watson), тогдашнего руководителя психологической лаборатории в Университете Джона Хопкинса (John Hopkins University). Там он описывает, как засыпающих новорожденных детей роняли, чтобы протестировать «потерю опоры», отбирали у них игрушки, кричали на них, капали кислоту в рот. И с удивлением (!) констатирует, что дети, которых обжигали и кололи, кричали, как резаные, и старались уйти от источника боли, для этого они извивались, дергались и т.д.

«Сначала экспериментирование в этой сфере вызывало у нас протест», — торжественно пишет этот «исследователь», который потом преодолел свои сомнения с помощью аргумента: «Но потребность в исследовании была столь велика, что мы решили вызвать у ребенка страх и потом изучить практические способы его устранения. В качестве первого объекта мы выбрали Альберта Б., 11-месячного ребенка, весившего 20 фунтов... Он прожил всю жизнь в больнице. Он был просто молодец. На протяжении всех месяцев, пока мы с ним работали, он ни разу не плакал, пока эксперимент не закончился!» (с.158–159)

Чтобы заставить Альберта плакать, у него отбирали белую крысу, с которой он играл несколько недель, а как только он начинал тянуться за игрушкой, то раздавался удар молота, закрепленного на металлическом стержне за головой ребенка. Альберт вздрагивал и зарывал лицо в матрас. Эксперимент продолжался до тех пор, пока ребенок не стал комком нервов. Он начинал кричать, как только ему показывали крысу, падал, поднимался на четвереньки и уползал так быстро, что при достижении им края матраса его удавалось поймать с трудом. В конце концов, Альберт стал бояться всех, с кем он играл. Эксперимент закончился лишь потому, что Альберта усыновили, и он покинул больницу.

Здесь мы имеем очередной пример того, каким образом экспериментатор под предлогом «изучить практические методы преодоления страхов» сам вызывает страхи и причиняет беззащитным детям такие травмы, что у них, очевидно, навсегда будет повреждена психика, и, возможно, они станут такими же ненормальными людьми, как и их мучители (в 1923 году фонд Рокфеллера назначил этим новым последователям Павлова, бихевиористам, выплату, чтобы они ставили опыты на 70 детях в возрасте от 3 месяцев до 7 лет).

*

Американский Journal of Pediatrics (1939, том 15, №4, с. 485) сообщает о совершенно запредельном по жестокости случае использования маленьких детей. Экспериментаторы лишь для удовлетворения своего любопытства неоднократно опускали в воду 42 ребенка в возрасте от 11 дней до 2,5 лет. Они наблюдали одного и того же ребенка в среднем более 10 раз, а иногда этот показатель достигал 51. «Когда они оказывались погружены, — говорится в протоколе, — их конечности совершали дергающиеся движения. Дети цеплялись за руки экспериментатора, пробовали вытереть воду с лица... Часто поглощение жидкости бывает значительным, и после вытаскивания из воды ребенок

начинает кашлять или демонстрирует другие признаки затрудненного дыхания. Ребенок ни разу не смог поднять голову из воды, чтобы глотнуть воздуха».

В середине 1940-х годов я сам видел подобные эксперименты в Нью-Йорке в кинохронике — детей нескольких недель от роду опускали в большой резервуар с водой, висящий в воздухе, так что камера могла заснять снизу их отчаянное барахтанье. До сих пор хорошо помню их испуганные, перекошенные лица.

Случаи, когда медики подвергают людей опасности, вызывают у пациентов болезни или не дают лекарства, чтобы «изучить» болезнь, повсеместно стали такими частыми, что их уже нельзя рассматривать как исключение. Огрубление, которое начинается, когда студент впервые вынужден наблюдать за опытами на животных, охватывает все области медицины.

Об этом уже много лет назад предупреждал О. Е. Гуттентаг (O. E. Guttentag) с медицинского факультета Университета Калифорнии (University of California Medical School). Он писал в журнале *Science* (1953, 117, с. 207): «Постоянно имеют место эксперименты на больных, которые не приносят им никакого блага, но все же проводятся врачом с целью подтвердить спорное или предполагаемое биологическое обобщение или создать повод для дискуссии».

Особенно часто опыты проводятся на умственно отсталых детях, прежде всего сиротах, и на стариках. Службы здравоохранения и исследователи под предлогом того, что государство и местное самоуправление платят за их содержание, считают оправданными практические любые опыты на этих беспомощных существах. Например, *Courier Express*, выпускаемая в Буффало (США), пишет 7 марта 1958: «40 воспитанников 5–10 лет государственной школы для душевнобольных в Виллоубруке (Статен-Айленд, Нью-Йорк) использовались в эксперименте по заражению вирусом гепатита, этот опыт может вызвать смерть или нанести необратимый вред и неизбежно причиняет длительные страдания».

Другой типичный пример. Лондонская газета *Sunday Express* (22 ноября 1959) сообщает подробности об эксперименте, который проводился на пожилых женщинах в психиатрической больнице. Эти женщины были такими дряхлыми, что их называли «овощами». У них с помощью ударов током вызывали конвульсии с целью посмотреть, можно ли вызвать настолько сильное раздражение мозга, что он снова начнет работать. Но результаты оказались такими плохими, что эксперимент был остановлен.

Доктор Паппворт, лондонский хирург и всемирно известный преподаватель клинической медицины, решительно осуждал опыты, которые проводятся на ничего не знающих пациентах, но без какого-либо практического эффекта. В книге *Human Guinea Pig* (Pelican Books, Лондон, 1969) он сообщает о сотнях случаях, в которых оказались задействованы тысячи пациентов, и которые он обнаружил при внимательном прочтении британских и американских медицинских журналов. Вот пример (с. 125): «Три врача из Медицинского центра Университета Арканзаса (University of Arkansas Medical Center, Литл-Рок) вводили внутривенно радиоактивный йод 46 здоровым новорожденным младенцам, чтобы изучить функционирование щитовидной железы, хотя хорошо известно, что это вещество может вызвать рак щитовидной железы; затем они спокойно сообщили о своем подвиге в *American Journal of Diseases of Children* (1962, 103, с. 739), не дав никакой информации о том, что случилось с детьми».

Доктор Паппворт указывает, что, очевидно, исследователи никогда не сообщают о самых отвратительных экспериментах, равно как и о тех, которые вызвали смерть или причинили вред.

Разумеется, одержимость экспериментами не ограничивается англоязычным миром. Итальянский доктор Альда Антонац (Alda Antonaz) в журнале *Animali e Natura* (июнь 1972) привела несколько случаев, имевших место в ее стране:

«В больнице Неаполя в глаза 20 женщинам, госпитализированным в связи с совсем другими болезнями, закапывали концентрированный раствор кортизона, чтобы «изучить» образование экспериментальной катаракты. То есть, была сделана попытка вызвать почти

полную потерю зрения. К счастью, эксперимент провалился — возможно, поскольку прежние опыты проводились на собаках, существах, у которых катаракты образуются гораздо быстрее, желаемого эффекта удалось достичь быстро. В Риме предпринималась попытка вызвать экспериментальный паралич у группы женщин, госпитализированных по разным причинам. Профессору Сиртори (Sirtori), президенту миланского Фонда Карло Эрба (Carlo Erba Foundation), было предъявлено обвинение в том, что он вводил нескольким детям, которых госпитализировали из-за вирусного гепатита, лекарства, блокирующие естественную защиту организма и, таким образом, облегчающие распространение вируса гепатита».

Конечно, профессор Сиртори — заядлый вивисектор животных. Кстати, итальянские судьи оправдали его.

*

Сегодня опыты на пациентах обычны во всех странах, которые достаточно «цивилизованны» для восхваления опытов на животных, но чаще всего они происходят там, где наиболее распространена вивисекция. В результате, США оказывается спереди планеты всей и в этой сфере.

Роберт Роджерс (Robert Rogers) при подготовке передачи NBC Reports, упомянутой в начале этой главы, провел тщательный анализ американских методов исследования. Поэтому, он знал, о чем говорит, когда продолжил: «Редко удается найти *нормальных* добровольцев для участия в исследованиях, особенно нормальных детей. И ученые часто использовали брошенных детей — не потому, что эксперимент мог принести им благо, а потому что они были доступны. До недавнего момента дети из детских домов Флориды были *совершенно доступны*. Мы узнали, что врачам было неприятно говорить об опытах на детях-сиротах... Но это по-прежнему основной источник объектов для педиатрических исследований».

Не очень давно американская служба здравоохранения была вынуждена признаться, что она скрыла от 425 пациентов с сифилисом введение им проверенного средства с целью «пронаблюдать воздействие сифилиса на человеческий организм». А кто были жертвы, которые не получили лечения? Бедные необразованные афроамериканцы из больниц Алабамы (Time, 17 февраля 1975).

Многих врачей удивило то, что «наблюдения длились 40 лет». Но факты всплыли только тогда, когда один толковый юрист увидел финансовые возможности и убедил жертв, а также родственников умерших пациентов, выдвинуть иск против федерального правительства и потребовать 1,8 миллиардов долларов компенсации. Власти признали свой моральный долг перед больными, которые не получили лечения, и выплатили им деньги.

*

Недавно доктор Бернанд Барбер (Bernard Barber) с кафедры социологии Университета Колумбии исследовал этические позиции американских ученых-медиков. Результаты были опубликованы в журналах Scientific America и Sunday News (1 февраля 1976). Поскольку анализ проводился через прямые интервью либо рассылку опросных листов, ответы ученых, мягко говоря, могли быть приукрашены в их пользу. Тем не менее, они кое-что раскрыли. Например, 28% ученых ответили, что удалили бы пациентам вилочковую железу (которую в настоящее время считают важной составляющей иммунной системы), чтобы определить, как ее отсутствие влияет на выживаемость при экспериментальной пересадке кожи. 14% заявили, что ввели бы детям радиоактивный кальций, из-за которого повышается риск лейкемии, хотя в данном случае возможность сделать значительное медицинское открытие — лишь один к десяти.

«По-видимому, этика, которую они изучали в небольшом объеме, не оказывает здесь влияния, — говорит Барбер. — Их ремесло — исследования. Их задача и главный интерес — исследования, а не прикладная этика или защита прав пациентов».

Неспециалистам все это кажется ясным. И равнодушие так называемых ученых к вопросам этики созвучно с равнодушием общественности.

Ввиду вышеописанной ситуации и того факта, что американская армия профинансировала исследования галлюциногенного лекарства LSD, проводившегося в 1950-е годы в Тулейнского университета на обезьянах и кошках, никого не удивит сообщение в Ассошиейтед Пресс от 22 июля 1975 о том, как вооруженные силы признались в проведении в то же самое время исследований с LSD примерно на 800 гражданских лицах.

Но это лишь вершина айсберга. Министерство здравоохранения, просвещения и общественного развития назначило миллионный грант более чем 30 университетским ученым для исследования LSD на людях, а в это время само оно проводило опыты с LSD на 2500 арестантах, душевнобольных и «добровольцах, получивших вознаграждение».

*

Все большее огрубление исследовательской сферы через узаконенные пытки животных привело к появлению практик, которые, по мнению большинства людей, могут происходить только в фильмах ужасов. Например, сегодня многие ученые покупают в больницах абортированные зародыши. Можно допустить — рано или поздно это неизбежно произойдет — что эти зародыши будут выращивать в питательной среде, выполняющей роль материнской плаценты, до стадии естественного рождения, и экспериментатор получит полноценного лабораторного ребенка.

Мы не можем узнать, произошло ли это уже за закрытыми дверями или еще нет. Тем не менее, известно, что в собачьи организмы имплантировали сердце человеческого зародыша, изъятая из материнского организма живьем и проданного ученым.

Лондонская газета Daily Telegraph напечатала 25 августа 1970 года следующую информацию: «По словам Кита Росса (Keith Ross), врача Национальной кардиологической больницы (National Heart Hospital), хирургический институт, принадлежащий Royal College of Surgeons, делает успех в хранении сердец для пересадок. Доктор Росс пишет в Hospital Management, что недавно специалисты в области пересадок сердца пересадили собакам два сердца, которые хранились 72 часа. Они легко поддерживали стабильное кровообращение у собак».

Не могу сказать, используются ли здесь также сердца зародышей. Но 14 марта 1975 года Chicago Tribune сообщает о следующем: «Доктор Эуген Даймонд (Eugene Diamond) с медицинского факультета Университета Лойола (Loyola University) высказывался в пользу законопроекта Келли (Kelly bill) и объяснил комиссии необходимость нового закона тем, что он не даст возможности некоторым исследователям производить страшные манипуляции с зародышами».

Все это является лишь логическим следствием гораздо более многочисленных и жестоких опытов на животных, которые разрешаются и финансируются правительствами так называемых цивилизованных стран — где студентов-медиков учат восхищаться главным апостолом вивисекции, Клодом Бернаром; но его учение, которое предопределило поведение нынешних исследователей, включает в себя следующие положения, касающиеся людей: «Экспериментальная медицина должна иметь целью: (1) проведение на живых, здоровых индивидуумах вивисекционных и физио-химических экспериментах, раскрывающих свойства всех органов, всех гистологических (относящихся к тканевой структуре) элементов в их нормальном состоянии; (2) параллельное проведение на здоровых и больных индивидуумах вивисекционных и физио-химических экспериментов, которые показывают изменения свойств органов или

гистологических элементов при патологическом состоянии». (Claude Bernard: *Principes de médecine expérimentale*, Presses Universitaires de France, 1947, с. 147).

Десять тысяч уродцев

Итак, мы увидели, каким образом новое варварство все больше затрагивает людей после того, как академическая доктрина сделала его возможным, а химическая индустрия стала финансировать. Очевидно, исследователи давно уже поняли, что опыты на животных бесполезны для человека, иначе они не перешли бы к опытам на людях. Если бы животные давали окончательные ответы, дальнейшие эксперименты на людях не требовались бы. Но все большее количество вивисекторов — говорят, они еще не вышли из игры — хотят ставить опыты на животных *и* на людях, ибо эта игра завораживает их.

После того, как мы увидели, насколько большие несчастья с точки зрения морали принесло с собой распространение этого нового варварства, взглянем на некоторые примеры физического вреда. Ни один автор фантастических романов не мог предвидеть, что сделают лаборанты через «простое» успокаивающее средство — препарат, который расхваливали как *самый безвредный за всю историю современной терапии*.

Катастрофу с талидомидом (контерганом) необходимо проанализировать, потому, что она лучше чего-либо иллюстрирует упрямое нежелание лабораторной субкультуры и общественности извлечь уроки из прошлого. На самом деле, трагедия с врожденными уродствами продолжается сегодня и распространяется, а логика и опыт ее не в состоянии остановить.

На сегодня история с талидомидом является самой известной трагедией современной медицины, так как о нем везде говорили. Но людям внушили, что это был исключительный случай. Это неверно. Речь идет о типичном примере и в качестве такового он нуждается в более тщательном рассмотрении.

Прежде чем талидомид появился на рынке, его проверяли на многих тысячах животных. 23 февраля 1962 года, когда на горизонте появились первые признаки трагедии, журнал *Time* сообщил, что талидомид вышел на рынок «после трехгодичных исследований на животных».

Этот препарат производила западногерманская химическая фирма «Грюненталь» (*Grünenthal*), и он представлял собой не просто успокоительное средство, получившее из-за небольших модификаций иное название, а действительно новый продукт. Поэтому, прежде чем в октябре 1957 года он появился на немецком рынке под названием контерган, а затем был продан по лицензиям в 7 африканских стран, 17 азиатских и 11 стран западного полушария, его подвергли особенно тщательным и обширным испытаниям на животных.

1 августа 1958 года «Грюненталь» разослала циркулярное письмо 40 000 немецким врачам, в котором контерган (талидомид) описывался как лучшее средство для беременных и кормящих женщин, потому что он не вредит ни матери, ни ребенку.

В уже упомянутом окончательном издании Курта Блюхеля (*Kurt Blüchel*) *Weisse Magier*, которое следует рассматривать как авторитетный и потому точный документ, говорится, что еще в 1961 году фирма «Грюненталь» получила 1600 предупреждений о вреде от лекарства. На самом деле, во время Альсдорфского процесса (*Alsdorfer trial*) прокурор заявил, что фирма обладала достаточным количеством информации, чтобы изъять препарат из продажи еще в 1960 году.

Почему она это не сделала? Потому что контерган завоевал уже 40% немецкого рынка успокаивающих средств, опыты на животных и в дальнейшем дали отрицательные результаты, и фирма была по-прежнему убеждена, что препарат не опасен для человека.

Между тем в нескольких европейских странах, таких как Англии и Швеции, обладатели лицензии сами проводили опыты на животных, независимо от немецкой

фирмы, и получили те же результаты, что и «Грюненталь». В октябре 1961 года британский обладатель лицензии, фирма Distillers, выпустила талидомид под названием диставал, и его сопровождало следующее заверение: «Диставал могут принимать беременные и кормящие женщины без угрозы побочных эффектов для матери и ребенка».

В результате, на свет появилось примерно 10 000 детей — а, возможно и гораздо больше — с врожденными дефектами: с недоразвитыми конечностями или вообще без них, с пороками развития глаз и носа, вросшими гениталиями, без легких; многие родились мертвыми или умерли вскоре после рождения. Родители были в шоке, матери сходили с ума, а некоторые пошли на детоубийство.

Потребовались годы, чтобы выявить воздействие препарата на человека. Фирма «Грюненталь», а в дальнейшем и некоторые обладатели лицензии, такие как английская фирма Distillers, продолжали кормить животных талидомидом, а врожденных уродств становилось все больше. Но опыты на животных не подтверждали подозрений, какой бы высокой ни была концентрация — и длительный промежуток времени, в течение которого последующие эксперименты свидетельствовали о безопасности успокоительного средства, оказался роковым. Производители полагались на экспериментальные данные и не видели оснований снимать с продажи талидомид. До тех пор, пока не было доказано: лекарство вызывает врожденные уродства у людей. Тогда фирме «Грюненталь» выдвинули обвинение в том, что она выпустила на рынок опасный препарат.

Теперь пришла пора интересных подробностей. Во время судебного процесса немецкие и другие производители продолжали опыты на животных и с неизменно отрицательными результатами давали все большие дозы талидомида разным породам собак, кошек, обезьян, мышей, крыс, кроликов. Уродства появились, лишь когда настала очередь белых новозеландских кроликов, гораздо позже это произошло у некоторых обезьян — после того, как в течение многих лет перепробовали сотни разных пород и миллионы животных. Но исследователи сразу же заявили, что пороки развития, так же как и онкология, могут возникнуть всегда, при потреблении того или иного вещества в большой концентрации, причем это касается и соли с сахаром, которые в таком случае выведут организм из равновесия и причинят ему вред.

В декабре 1970 года закончился самый длительный процесс в истории немецкой юриспруденции (2,5 года, 283 дня слушания), и фирма «Грюненталь» была оправдана, *после того, как целый ряд медицинских авторитетов подтвердил, что общепринятые опыты на животных никогда не могут быть полностью действительными для человека.* Это было беспрецедентно, ибо такие свидетельства шли от многочисленных медиков, чья карьера и репутация держалась на опытах на животных; среди них оказался биохимик Эрнест Борис Чейн (Ernst Boris Chain), лауреат Нобелевской премии 1945 года, он вместе с Флеммингом и Флори открыл пенициллин.

Даже профессор Видукинд Ленц (Widukind Lenz), который в ходе последующего тестирования на приматах талидомида смог-таки получить некоторые уродства, заявил во время слушаний: «Нет опытов на животных, которые бы сразу указали, что человек в сходных экспериментальных условиях отреагирует тем же или сходным образом». Вскоре многие вивисекторы прямо или косвенно подтвердили перед судом то, что писал в Lancet (1 сентября 1962) доктор Раймонд Грин (Raymond Green):

«Мы должны признать тот факт, что даже самое тщательное исследование новых продуктов на животных мало что может рассказать об их воздействии на человека. Не вызывает сомнения, что талидомид изучался очень подробно. Я лично принимал участие в его испытании на возможное зобогенное действие — британский дистрибьютор препарата принимал в расчет даже такие маловероятные риски. Не существует лекарств, которые приносят только пользу и никогда не наносят вреда. С помощью экспериментов на животных этот риск устранить невозможно. Более того, их проведение может воспрепятствовать применению замечательных веществ. Мы должны принять

существование определенной опасности или же, избрать, вероятно, более мудрый путь — обойтись без новых лекарств».

Дело не только в том, что единственным основанием для создания нового успокоительного средства (коих в Германии было уже 12 000) являлась прибыль химического завода. Если бы органы здравоохранения не считали опыты на животных надежными, талидомид прошел бы клинические испытания. В таком случае его, как раньше любое новое средство, осторожно проверили бы на отдельных людях, и жертв было бы мало. Таким образом, упрямая убежденность производителей и органов здравоохранения в то, что результаты опытов на животных действительны и для человека, виновата не только в трагедии с талидомидом, но прежде всего в распространении подобных несчастий.

А какова была реакция вивисекторов? Вполне предсказуемая: они начали кричать, что случай с талидомидом «подтверждает необходимость проводить опыты на животных в еще большем объеме и добавить к стандартным тестам «тератогенные» опыты на животных (на выявление врожденных уродств). Разумеется, они точно знали, что подобные тесты никогда не могут быть надежными.

Кроме того, в ходе разбирательства выяснилось, что у взрослых людей талидомид вызывает неизлечимый периферийный полиневрит — еще одно побочное действие, которое не было обнаружено во время многочисленных опытов на животных. И еще повезло, что опасность талидомида сразу бросилась в глаза. А если бы из-за него рождались умственно отсталые дети? Или возникала генетическая предрасположенность к возникновению рака? Опыты на животных это точно так же не выявили бы. А мы бы до сих пор использовали средство.

Итак, невзирая на неоспоримые доказательства, что опыты на животных не решают медицинские проблемы, а множат их, индустрия лишь добавляет к своим стандартным превентивным экспериментам якобы «тератологические тесты» и делает это с одной целью — убаюкать потребителей словами: «Исследования на мышах, крысах и морских свинках не выявили тератогенного действия». Данное заверение содержалось в описании препарата Валиум Роше (Valium Roche, Pharmacopeia 1967, British Encyclopedia of Medical Practice, 2 издание), который, по мнению многих психологов и психиатров, калечит психику не меньше, чем талидомид калечил зародыши.

Это означает умышленное введение в заблуждение потребителей и врачей и подталкивание их к использованию опасного средства. Опыты на животных показывают только, что препарат безвреден для вида, на котором его испытывали; они не свидетельствуют о безвредности лекарства для человека. И наоборот. *Это правило не имеет исключений.*

Согласно вашингтонскому изданию Science Newsletter от 22 августа 1970 года, трое французских ученых проводили тесты на беременных животных — давали им галлюциногенное лекарство ЛСД. У зародышей и новорожденных животных не наблюдалось признаков, которые бы указывали на то, что лекарство может вызывать уродства, но ученые предупредили: «На основе этих экспериментальных данных нельзя делать вывод о том, что ЛСД не оказывает тератогенного действия (не вызывает врожденных дефектов) на людей».

15 октября 1970 года London Times сообщила, что у беременных крыс, которых в нью-йоркской лаборатории заставляли вдыхать дым от марихуаны, родились детеныши с уродствами, но доктор Вильям Гебер (William Geber), проводивший опыты, отметил, что, «положительные выводы сделать невозможно, поскольку крыса — это не человек».

В том же ключе высказывается доктор Роберт Л. Brent (Robert L. Brent) из Jefferson Medical College, когда пишет в Prevention (июль 1972): «Некоторые лекарства, терапевтические дозы которых оказывают тератогенное воздействие на людей, безвредны для многих беременных животных», в то время как «некоторые лекарства, безвредные для беременных женщин, оказываются тератогенными для некоторых видов животных» (это

касается аспирина и инсулина — они безопасны для человека, но вызывают врожденные дефекты у мышей).

В *Zeitschrift für Rechtspolitik* (выпуск 12, 1975) — приложении к *Neue juristische Wochenschrift* (New Legal Weekly), профессор, доктор Герберт Гензель (Herbert Hensel), директор Института физиологии в Университете Марбурга (Marburg University), пишет: «В настоящее время вообще не существует возможности научно обоснованного прогнозирования. В этом отношении ситуация еще менее благоприятна, чем при игре в рулетку, потому что в последнем случае известны хотя бы шансы на успех ... При современном уровне наших знаний, посредством экспериментов на животных невозможно определить вероятное действие, эффективность или безопасность лекарства для человека с научной точки зрения... Пример трагедии с талидомидом, который часто приводится как аргумент в пользу более строгого тестирования и несколько раз использовался для обоснования правительственных предложений по реформированию закона о лекарственных средствах, особенно ясно иллюстрирует эту проблему. В наше время вероятность предотвратить такую катастрофу, вызванную приемом медикаментов, с адекватной определенностью посредством экспериментов на животных, не больше, чем тогда».

В конце концов, *Journal of the American Medical Association* (20 октября 1975) сообщил, что человек в 60 раз чувствительнее к талидомиду, чем мышь, в 100 раз — чем крыса и в 700 раз — чем хомяк. Все это излюбленные лабораторные животные.

Зачем тогда вообще все эти тесты? На вечный вопрос есть вечный ответ: за опытами кроются деньги. Много денег.

*

«Фармацевтическая индустрия — вместе с органами здравоохранения и врачебным сообществом — идет по неверному пути и таким образом готовит новые катастрофы из-за лекарств».

Данный прогноз — из моей статьи про трагедию с талидомидом, она была напечатана в итальянском журнале *Animali e Natura* (октябрь 1973). Предсказать это было несложно.

В мае 1975 года лондонская *Sunday Times* в статье под заглавием «Это средство может изуродовать детей, но матерей не предупреждают» (*These Drugs Can Deform Babies but Mothers Are Not Warned*) пишет следующее: «Ежегодно тысячи беременных женщин, ни о чем не подозревая, рискуют родить уродцев, потому что принимают гормональный препарат, выписанный врачом. Каждый год выписывают около 100 000 рецептов на препараты вроде *Primodos* и *Amenogone Forte*, с их помощью женщины могут сделать тест на беременность». Если женщина беременна, говорится дальше в статье, на плод, находящийся в самой чувствительной стадии своего развития, действует большая доза этих сильных гормональных таблеток, а в *British Medical Journal* (26 апреля) появилось письмо с предупреждением, но «лишь четыре врача из десяти читают журнал, а примерно три из десяти читают его от случая к случаю либо вообще не читают». Затем статья указывает, что подозрения по поводу этого средства появились еще в 1967 году, когда у многих женщин, принимавших его, рождались дети с уродствами.

У тех, кто знал историю с талидомидом, при чтении этой статьи Оливера Джилли (Oliver Gillie), медицинского корреспондента *Sunday Times*, возникало ощущение дежавю. И, разумеется, то, что произошло в Англии, случилось везде, где доверчивым людям навязывали синтетические средства.

В немецком журнале *Münchener Medizinische Wochenschrift* (№34, 1969) доктор Мюллер (W.Chr.Muller) из Первой гинекологической университетской клиники (*First Gynecological University Clinic*) сообщает, что, согласно одному из обширных исследований в данной сфере, «61% всех уродств у живорожденных и 88% всех мертворождений связаны с употреблением лекарств».

Карл Блюхель в Weisse Magier называет следующие цифры по Западной Германии: «Еще 25 лет назад на 100 000 новорожденных приходилось 3 случая уродств. Сегодня пороки развития наблюдаются у 5 детей всего на 1000 новорожденных. Таким образом, за четверть века их количество возросло больше чем в 100 раз!» (с. 259).

Дальше в книге Блюхеля говорится: «Часто организм животного реагирует совсем иначе, нежели человеческий... Многие средства, которые вредят плоду животных, неопасны для ребенка. Зато другие — и в этом кроется большая опасность — ведут себя противоположным образом. Не исключено, что какой-нибудь медикамент окажется бомбой замедленного действия для следующего поколения» (с. 357).

Теперь вопрос стоит следующим образом: как долго еще фармацевтической индустрии будет разрешено продолжать эти преступные маневры? Как долго еще люди будут допускать, чтобы их эксплуатировала медицинско-индустриальная организация, спекулирующая на их страданиях, постоянных страхах, трусости и незнании? Ответ очевиден: до тех пор, пока умалчивается информация обо всех аспектах вивисекции, как моральных, так и медицинских.

О необходимости информации свидетельствует случай, произошедший в 1973 году и выставляющий в очень неблагоприятном ракурсе тогдашнего британского министра просвещения и науки. Он произошел, когда 151 депутат нижней палаты парламента были готовы поддержать предложенный Кеннетом Ломасом (Kenneth Lomas) и Дугласом Хоутоном (Douglas Houghton) законопроект о защите животных от жестокого обращения. Согласно этому законопроекту, правительство было обязано разрабатывать альтернативные методы медицинских исследований. 18 июля 1973 Маргарет Тэтчер (Margaret Thatcher) по прозвищу «Железная леди», министр просвещения и науки, получила петицию с 120 000 подписями от людей, которые считали, что могут рассчитывать на ее помощь, и «требовали от правительства тщательно исследовать всю сферу исследовательских методов, исключая использование животных». Маргарет Тэтчер как честолюбивый политик ясно осознавала свою роль (вскоре она станет первой женщиной, стоящей во главе своей партии) с холодным презрением отвергла то, что ей казалось простым требованием гуманности, и разразилась страстной речью, что «больше талидомида быть не должно». Ни один из якобы образованных и хорошо информированных депутатов нижней палаты парламента не смог возразить, что трагедия с талидомидом, как и множество других трагедий, произошла целиком и полностью из-за опытов на животных, и с такими катастрофами можно покончить лишь через запрет вивисекционного метода. А Турцию спасло от трагедии с талидомидом то, что вирусолог С. Т. Айгюн (S. T. Aygün) из Университета Анкары использовал только альтернативные методы и потому смог предотвратить опасность.

Несмотря на все, крупные индустрии по-прежнему заинтересованы в обмане людей, и Encyclopaedia Britannica, находящаяся в руках американцев, продолжает спокойно уверять в статье «Опыты на животных» (Animal Experimentation): «Использование животных для проверки на безопасность и эффективность медикаментов и биологических препаратов широко распространено и необходимо».

Так называемые успокоительные средства

Выражение «успокоительные средства» (или транквилизаторы) используется применительно ко всем медикаментам, которые действуют на нервную систему человека, но лаборанты в своем постоянном стремлении к сокрытию предпочитают слова с «научным» звучанием, такие как гипнотики, атарактики и психотропики. Как бы их ни называли, сначала про эти средства говорили, что они безвредны, хорошо переносятся и не вызывают привыкания — исходя из опытов на животных. Со временем все те средства, которые эффективны, оказались опасными, плохо переносимыми и вызывающими

привыкание, так что производителям вновь и вновь приходилось менять аннотации и делать предупреждения.

Вот как устанавливают предположительно успокаивающее действие препарата. Большое число (обычно 200) «контрольных» кошек набивают битком в тесное помещение и наносят им удары током с помощью металлической решетки на полу. По прошествии времени, которое тщательно засекают, кошки впадают в бешенство от страха и боли и набрасываются друг на друга, поскольку не знают, кто в этом виноват. Затем этих возбужденных кошек заменяют на других, которым предварительно дали испытуемый транквилизатор. Если для приведения их в бешенство требуется больше времени, то успокоительное средство считается «эффективным». Более долгий период времени, который проходит, прежде чем кошки начнут нападать друг на друга, разумеется, может зависеть от многочисленных изменений, вызванных лекарством и не имеющих ничего общего с успокоением, но это соображение совершенно не беспокоит псевдоученых.

Для тестирования анальгетиков (обезболивающих средств) кошкам сдавливают хвосты хирургическими зажимами и замеряют громкость, с которой они кричат от боли. Потом каждая кошка получила предположительно болеутоляющее средство, и далее им снова зажимали хвост, измеряли число децибел и сравнивали с предыдущим значением. Это было бы смешно, если бы не было так грустно — из-за жертвы и из-за человечества, порождающее индивидуумов, которые способны изобрести и использовать такие «методы исследования».

Другой способ заключается в том, что в череп кошек имплантируют электроды и фиксируют «мозговые волны» животных. И кошек перед введением проверяемого болеутоляющего средства и после него мучают, давят, бьют и наносят удары током — на языке экспериментаторов все это называется «стимулированием».

Потом идет тестирование новых средств «на токсичность», и оно не менее жестоко и неточно, чем вышеописанные методы.

В этой связи надо упомянуть метаквалон, успокоительное средство, которое в 1973 году привело к серьезным психическим отклонениям, во многих случаях с летальным исходом, и это произошло не только в Соединенных Штатах, где его производили, и где из-за него погибло как минимум 366 человек, но и в других странах. Разумеется, метаквалон — это не первый и не последнее успокоительный препарат, который обеспечил потребителям покой в могиле. В том же 1973 году «экспертная комиссия» югославских властей опубликовала список из 200 препаратов, запрещенных для всех водителей. Туда входили успокоительные таблетки, болеутоляющие средства и другие «психотропные» препараты. Незадолго до этого югославские власти установили, что данные препараты особенно опасны, если их принимать вместе с алкоголем. Но, очевидно, когда их предварительно испытывали на кошках, это действие не было выявлено.

Может быть, дело в том, что кошки не водят автомобиль? Тем более после выпивки?

Никто не знает, сколько произошло трагических ДТП, прежде чем эти «эксперты», требовавшие прежде всего опасные и ненадежные опыты на животных, выпустили официальное предупреждение. И, возможно, они будут по-прежнему требовать их в Югославии, как и везде, чтобы умыть руки.

Сколько еще должно произойти трагедий, прежде чем органы здравоохранения признают правду? Никто никогда не установит, сколько миллионов людей за последние десятилетия погибли и получили травмы в ДТП из-за использования препаратов, которые вошли в оборот в результате опытов на животных.

Относительно недавно выяснилось, что даже самые мягкие болеутоляющие и успокоительные средства не только вредят печени, почкам и в сочетании с алкоголем влияют на нервную систему — они могут вызвать необратимые изменения в глазах. Несомненно, со временем обнаружатся и другие побочные эффекты — а у индустрии появится повод выпустить еще больше «новых» препаратов, и о них будут говорить, что,

«как показали обширные исследования на животных, побочные действия отсутствуют». По меньшей мере, пока.

*

Курт Блюхель тоже подчеркивает в своей книге «Белый маг» (Weisse Magier), что опыты на животных очень плохо прогнозируют воздействие препарата на психику: «Когда речь идет о воздействии на психику, опыты на животных мало о чем говорят: крыса не может быть грустной или веселой... Никто не достиг устойчиво счастливого состояния через антидепрессанты. У бесчисленных людей после приема таких препаратов развились гораздо более серьезные психические и физические нарушения, многие от них даже умерли». Согласно Блюхелю, доктор Хёфнер (Häfner) из психиатрической и неврологической университетской клиники Гейдельберга отметил среди очень многочисленных осложнений, возникающих вследствие лечения транквилизаторы, следующие: «Головокружение, сильное смятение, бред, эпилептические припадки, аллергия, нарушение функций печени, тромбоз» (с. 357–358).

Далее Блюхель продолжает, что в конце 1972 года лондонский психиатр доктор Саймон Берман (Simon Behrman) высказывался против использования успокоительного средства фенотиазина в психиатрических учреждениях. Согласно его исследованиям, этот препарат при нормальной дозировке ведет к потере речи. Но самый опасный эффект фенотиазина — так называемый агранулоцитоз, очень серьезное, часто смертельное заболевание крови, проявляющееся у женщин старше 35 лет через 5–10 недель после первого приема лекарства (открытая цитата, с. 358–359).

Все это — серьезные противопоказания к использованию группы лекарств, которые некогда рекламировались как «безвредные», но не оказались таковыми. Недавно возникновение уродств связали с еще одним транквилизатором. Им, согласно докладу, опубликованному во французском издании *Revue de Médecine* (29 марта 1976), оказался литий. Там говорится: «Предположение, что соли лития вызывают пороки развития у плода, сейчас подтверждены профессором Шлоу (Schlow). Это химическое вещество, которое все более широко используется с 1970 года из-за лечебного действия при мании и для предотвращения маниакально-депрессивного психоза, проникает через плаценту и вызывает деформации сердца и сосудов у детей, чьи матери получали литий в течение первых месяцев беременности. Эти уродства обнаружались у 16 детей из 150 обследованных».

Ранее эту новость опубликовали два французских ежедневных издания, *Le Figaro* за 22 января и *Le Monde* за 23 января 1976.

Кроме того, лишь наши потомки узнают о генетических побочных эффектах новых препаратов, которые ежегодно тысячами попадают на рынок, а полная правда, скорее всего, никогда не выяснится, потому что каждое соединение лекарства может иметь разное действие. Уже сегодня мы точно знаем, что побочные действия — отрицательны. И что люди стали более нервными, заметно более нервными с тех пор, как так называемые успокоительные средства наводнили рынок. Но это — ничто, по сравнению с вопросом об онкологии.

Рак

«Даже самый большой оптимист не может дать положительного ответа на вопрос, привели ли экспериментальные онкологические исследования к появлению новых средств или новым методам борьбы с этой болезнью».

Так можно заявить сегодня. Но эти слова сказал цюрихский профессор Бруно Блох (Bruno Bloch) много десятилетий назад, сообщает *Schweizerische Medizinische Wochenschrift* (1927, №51, с. 1218).

Австрийский вирусолог и иммунолог Франк Бёрнет (Frank Burnet) впервые сформулировал общую теорию иммунной системы, объясняющую, каким образом живой организм борется с болезнями: с помощью врожденной способности распознавать бактерии, вирусы, клетки, бактерии и противостоять тому, что ему может повредить. Через несколько лет Франк Бурнет и Льюис Томас (Lewis Thomas) из Онкологического института Слоун-Кеттеринг (Sloan-Kettering Cancer Institute) выдвинули гипотезу, что между этой иммунологической системой и раком может быть связь. Согласно Бурнету и Томасу, человеческий организм постоянно производит много аномальных клеток, которые генетически отличаются от нормальных и потенциально канцерогенны. Иммунная система обычно их разрушает до того, как они успевают размножиться. Но если по какой-то причине природная защита нарушена или затруднена, эти клетки быстро размножаются, проникают в здоровые ткани и разрушают организм.

Поскольку все онкологические исследования (особенно вызывание болезни у миллиардов животных с дальнейшим проведением на них всех возможных тестов, пока те чахнут) ни к чему не привели, большинство врачей пришли, как минимум, к одному выводу: страх перед раком еще долго будет оставаться лучшим поводом тянуть деньги у населения. Но наука, очевидно, никогда не найдет виновника болезни и потому не сможет произвести чудо-средство, уничтожающее ее за одну ночь; значит, лучшее средство — это природная защитная система, дарованная каждому живому организму.

Осенью 1973, ровно через 20 лет после того, как Пейриль (Peyrilhe) начал экспериментальную борьбу с раком с использованием собак, швейцарская онкологическая лига присудила первую премию Жану-Шарлю Цероттини (Jean-Charles Cerottini) из Лозанны и Роберту Келлеру (Robert Keller) из Цюриха, она сочла их опубликованные труды самыми важными работами года в борьбе с этой болезнью. И о чем же там шла речь? По сути о выводе, что укрепление *защитных сил организма* — лучшая защита от рака.

Кроме того, там признается, что все, испробованное на животных, не принесло пользы, что невероятные расходы, невиданные усилия, безмерные мучения животных ушли впустую.

Клинические эксперименты, которые, как казалось, подтвердили, что иммунная система не дает развиваться раку, были проведены очень давно. В любом случае, они укрепили теорию, что природа борется с болезнями до тех пор, пока не встречает препятствий на своем пути.

В Институте Слоан-Кеттеринг пациентам — больным с онкологией в последней стадии и здоровым — вводили раковые клетки. У здоровых людей раковые клетки начали расти только в редких случаях, но через 2–3 недели организм их полностью уничтожил. У больных с онкологией результаты оказались совершенно иные: очевидно, у них был иммунологический дефект, так как на отторжение организмом имплантированных раковых тканей потребовалось до восьми недель. Подробности этого эксперимента опубликованы в «Бюллетене» Нью-Йоркской Академии медицины (New York Academy of Medicine, 1958, 34, с. 416) и в *Annals of the Academy of Science* (1958, 73, с. 635).

Тем не менее, во всем мире онкологические исследования по-прежнему проводятся на животных. И что поражает стороннего наблюдателя, так это автоматизм нынешних методов и упрямое отстаивание старых заблуждений — ибо предупредительные знаки появились уже давно. Современный бернардизм столь же рьяно не желает признать свои ошибки, как и древний галенизм. Сегодняшнее невежество ученых особенно живуче, как в Средневековье.

Прежде чем говорить о том, каким образом современная «медицинская наука» не только не победила и не обуздала рак, но и способствовала его распространению, давайте взглянем на ситуацию с онкологией в момент написания этих строчек. Поскольку сравнительные показатели общемирового уровня отсутствуют, мы приведем цифры из США.

*

По точным подсчетам, в 1972 году в США от рака умерло больше женщин в возрасте 30–34 лет, чем от других болезней. Несмотря на декларируемый прогресс в области ранней диагностики, хирургии, лучевой терапии и химиотерапии, смертность от рака груди за прошедшие 35 лет осталась неизменной.

От рака умирает больше детей в возрасте 3–14 лет, чем от других болезней. Среди мужчин заболеваемость раком с 1936 по 1971 возросла на 40%.

С 1933 года, когда в США начали вести статистику по смертности от рака, ее уровень поднялся на 66%. В 1972 году он рос быстрее, чем раньше — на 3,35%, то есть, примерно в 3 раза выше среднегодового значения с 1950.

Побочные эффекты, наблюдаемые при лечении рака (в том числе угнетение костного мозга, повреждение почек, некроз печени, кровоизлияния в мозг и т.д.) настолько серьезны, что многие больные попросту не успевают умереть от рака — их убивают последствия лечения.

Лечение рака, помимо известного вреда, почти наверняка влечет за собой и неизвестные на сегодняшний момент последствия, например, генетические повреждения у детей, зачатых во время прохождения кем-то из родителей противораковой терапии.

Итак, с годами заболеваемость раком растет, и все сильнее. Чтобы скрыть свое бессилие, медицинская наука прибегает к заведомо ложному изложению фактов, как это сделал доктор Фрэнк Раушер-младший (Frank J. Rauscher Jr.), руководитель американской онкологической программы: «Значительный рост обусловлен увеличением численности населения в возрасте 55 лет и старше, потому что представители старшей возрастной группы особенно подвержены раку» (International Herald Tribune, 10 апреля 1973).

Конечно, это безответственный обман, так как американцы сейчас не старше, чем 20 лет назад, и — самое страшное — заболеваемость раком растет среди детей и молодежи.

Итак, этот рост не имеет алиби, как ни крути. Большинство современных болезней, и прежде всего рак, созданы современными ненадежными врачами.

В конце 1975 года мировая пресса сообщила: «В США количество смертей от рака растет быстрее, чем на протяжении десятилетий. Согласно Национальному Центру статистики здравоохранения (National Center of Health Statistics), за первые месяцы этого года смертность повысилась на 5,2%. В прежние годы она составляла 1%. Фрэнк Раушер, директор Национального онкологического института (National Cancer Institute), связывает этот рост с увеличивающимся потреблением химических продуктов» (Time, 8 декабря и цюрихская Tages-Anzeiger, 8 ноября 1975). Возможно ли, что даже директор американского онкологического института, наконец, прозрел?

29 июля 1976 года американское агентство печати сообщило: «60% случаев рака у женщин и 41% у мужчин связаны с пищевыми привычками, заявил вчера на заседании сената исследователь из Национального онкологического института... Рак кишечника и груди связан с жирной пищей, рак желудка, печени, почек и простаты — с другими пищевыми факторами, объявил исследователь доктор Джо Гори (Gio Gori) Особому комитету по питанию (Senat Select Committee on Nutrition and Human Needs)... Когда члены комитета задали вопрос, что делать американцам для устранения факторов риска, доктор Гори и доктор Марк Хегстед (Mark Hegsted), специалист в области диетологии из Гарвардского университета, ответили, что следует есть меньше и сократить количество жира, мяса, соли и сахара» (International Herald Tribune, 30 июля 1976).

В 1976 году для столицы Америки это было что-то новое, хотя 25 годами ранее два ведущих британских врача, сэр Арбутнот Лейн (Arbuthnot Lane) и лорд Мойнихен (Moynihan), написали и опубликовали множество статей, где утверждалось, что, «несомненно, рак возникает из принимаемого нами вовнутрь» — в том числе из еды и лекарств. Животные имеют отличные от наших пищевые привычки и пищеварение, поэтому трудно понять, каким образом ученые пришли к мысли, что им удастся раскрыть

тайну рака через опыты на животных. В очередной раз все эти исследования кажутся бесполезными, а их исполнители — умственно отсталыми личностями. Только, разумеется, в вопросе финансов они отнюдь не глупы.

Требуется сила воли, чтобы сократить употребление мяса и «чудо средств» и отказаться от прибыльных выплат. Гораздо проще продолжать предаваться наслаждениям и надеяться на лучшее, в то время как животные оказываются козлами отпущения для человеческих слабостей.

Канцерогенные «чудо-средства»

Выдержка из подробной статьи в журнале Science (19 мая 1972, с. 813-814) доктора Леонарда Хейфлика (Leonard Hayflick), который сначала работал в Институте Вистара (Wistar Institute) в Филадельфии и потом стал профессором микробиологии в калифорнийском Университете Стэнфорд (Stanford University): «В большинстве случаев вакцины от человеческих вирусов производятся из почек обезьян и культур куриного эмбриона; инфицировать можно и то, и другое. В результате работы с обезьянами либо их культивируемыми клетками умерло несколько человек. Значительную часть (25–80%) почек обезьян, которые должны были использоваться для производства вакцин, пришлось забраковать, потому что в них имелись один или несколько видов вирусов из 20 известных. Ежегодно для получения первичных культур убивают столько обезьян, что многим видам грозит уничтожение. Американцев прививают живым вирусом SV-40, который обнаружен в вакцине от полиомиелита и вырабатывается в почечных клетках обезьян. Этот вирус SV-40 вызывает опухоли у хомяков и превращает нормальные человеческие клетки в раковые клетки».

Информация из статьи доктора Хейфлика попросту означает, что подавляющее большинство людей, которые получили вакцинацию во всем мире, были привиты потенциально канцерогенными веществами — то есть, веществами, которые теоретически могут вызвать рак.

В ходе работы *in vitro* выяснилось, что вирус SV-40, встречающийся в почках обезьяны, не только превращает нормальные человеческие клетки в раковые, но и не погибает под воздействием формалина, то есть, выживает во время обработки формалином, которая требуется при производстве вакцины из убитых вирусов полиомиелита (дополнительные технические подробности см. в *American Review of Respiratory Disease*, vol. 88, no. 3, сентябрь 1963 и *Postgraduate Medicine*, vol. 35, no. 5, май 1964).

Чтобы уйти от этой роковой опасности, доктор Леонард Хейфлик, который тогда работал в Институте анатомии и биологии Вистара в Филадельфии, разработал альтернативную вакцину WI-38, полученную из человеческих зародышевых тканей (см. главу «Альтернативные методы»). Он заявил о результатах своих исследований на Десятом международном конгрессе микробиологов (10th International Congress of Microbiology, Прага, 1967), и о них подробно писали в медицинской прессе. Вот выдержка из статьи в журнале *Laboratory Practice* (январь 1970, с.58–62):

«Почки собаки, которые сейчас используются в США для производства вакцины от кори, тоже могут содержать вирусную флору. Выяснилось, что щенки, чьи почки являются источником этих вирусов, заражены инфекционным вирусом собачьего гепатита. Инфекционный гепатит собак — распространенная инфекция большинства собак в первый год жизни, и вирус находится в почках. Согласно докладом, один из штаммов этого вируса вызывает опухоли у хомяков. Кроме того, известны и другие канцерогенные вирусы собак, среди них такие, которые вызывают у животных папилломы (бородавчатые новообразования), венерические опухоли и лейкемию тучных клеток» (*canine venereal tumour and canine mast cell leukemia*).

Особенно значимы следующие цитаты из этой статьи: «Общеизвестно, что самые важные канцерогенные вирусы животных (те, которые могут быть изолированы у приматов — SV-40 и канцерогенные аденовирусы) *канцерогенны лишь тогда, когда преодолевают межвидовой барьер*. Неизвестно ни одного вируса, который бы вызвал опухоли у родного для себя вида, но такие вирусы могут у гетерогенных (других) видов вызывать рак. Таким образом, SV-40 и канцерогенные аденовирусы не вызывают рака у природных хозяев — лишь у иных видов. По поводу безопасности вакцин из человеческих вирусов можно сделать вывод, что *опасность возникновения рака вследствие введения вакцины, изготовленной из животных клеток, больше, чем в результате введения вакцины из человеческих клеток*. Потенциальная возможность любой вакцины вызывать онкологию устраняется, если она выработана в клетках того биологического вида, которому ее вводят».

*

Таким образом, постепенно обнаруживается, что биологический антагонизм между разными видами столь силен, что присущие определенному виду и потому безвредные для него вирусы вроде SV-40 для обезьян, могут «потерять голову» при переносе на другой вид, в нашем случае — на человека, и вызвать рак. Это объясняет также, почему в нашу бернардовскую эпоху ученики волшебников достигали невероятных успехов, «прививая животным человеческую онкологию» — по меньшей мере, им так казалось. Возможно, на самом деле животные заболели не от канцерогенных свойств введенных им клеток, а из-за биологического различия между обеими видами клеток.

Вакцины, с помощью которых мы надеялись защитить себя и своих детей от полиомиелита и других инфекционных болезней, напротив, создали нам и нашим детям канцерогенный потенциал, и он все больше проявляется на мировом уровне, о чем свидетельствует смертность от рака. Если в один прекрасный день выяснится, что ликвидации полиомиелита — болезни, которая начала отступать еще до введения вакцинации и убивала в то время относительно мало людей — удалось достичь ценой тысяч смертей от рака.

Как заявил профессор Клаузен (J. Clausen) из Института профилактической медицины Университета Оденсе (Institute of Preventive Medicine of the University of Odense) в марте 1973, «миллионы людей привиты вакциной от полиомиелита, которой присущ канцерогенный вирус SV-40, изначально встречающийся у обезьян. Вероятно, потребуется 20 лет или больше, прежде чем проявится возможное отрицательное действие этого вируса».

В очередной раз эти ученики волшебника не могут сказать, что их недостаточно предупредили. Вот несколько примеров предупреждений, что вакцинация от оспы связана с раком.

«Более того, вакцинация вызывает вспышку лейкемии», — еще 12 марта 1955 года писал доктор Б. Дюперра (B. Duperrat), врач парижской больницы Сент-Луис (Saint-Louis) во французском журнале *Presse Médicale*.

Другой французский журнал, *Revue de Pathologie Générale et de Physiologie Clinique*, сообщает в январе 1958: «Вакцина изменяет внутреннюю среду пациента (организма) и способствует её подщелачиванию и окислению, что является источником (средой) рака. Этот факт нельзя отрицать».

Профессор Юлиан Александровиц (Julian Aleksandrowicz) и профессор Богуслав Галилеоковски (Boguslaw Haliloekowski) из Медицинской Академии Кракова (Medical Academy of Cracow) заявляют: «Уже опубликованные сообщения, так же как и наши собственные наблюдения, свидетельствуют о том, что вакцина от оспы иногда вызывает лейкемию. В медицинских учреждениях Кракова отмечено, что профилактическая вакцинация от оспы вызывает у детей и взрослых сильные локальные и повсеместные реакции и влечет за собой лейкемию» (*Lancet*, 6 мая 1967).

Профилактическая вакцинация от оспы может также вызвать рак в форме злокачественных опухолей, как это оказалось в случае с 38 людьми — опухоли у них возникли из-за рубцов от прививки. Данная информация появилась на первой странице журнала *Medical News* за 1969 год. Доктор Виллард Л. Мармелзат (Willard L. Marmelzat) из Университета Южной Калифорнии (University of Southern California) заявил на Втором Международном конгрессе тропической дерматологии (2nd International Congress of Tropical Dermatology), что никто из этих пациентов не соприкасался с канцерогенными химикатами, и у них не было повреждений и механических травм рубцов.

Разумеется, среди синтетических препаратов подозрение падает не только на вакцины, и не только на них лежит ответственность. Вот выдержка из статьи в *Medical World* (июль 1957, с. 47), автор — доктор Фреда Лукас (Freda Lucas): «В Англии и Уэльсе с 1920 по 1952 смертность от лейкемии повысилась более чем в 6 раз... Согласно Уилкинсону (Wilkinson), одним из факторов приведших к этому, являются сульфонамиды, причем даже в малом количестве. В описанных случаях проанализирован трагический переход от агранулоцитоза к гемолитической анемии и *острой монолитической анемии*.

Если мы откажемся от сегодняшнего бернардовского метода, смертность от рака скорее всего удастся обуздать раньше, чем на свет появится новое поколение. Этим объясняется причина, по которой псевдонаука, так сильно навредившая человечеству, всячески скрывает свои новейшие открытия.

Но существуют цифры. И математика — в противовес тому, что сегодня считается медицинской наукой — не тема для дискуссий. Цифры ж доказывают, что заболеваемость раком растёт.

Было бы забавно, если бы в один прекрасный день у нас появились математические доказательства того, что за спад инфекций или других проблем, с которыми организм может справиться сам, пришлось заплатить ростом онкологии. И новые индикаторы, того, что это происходит все время, пока индустрия увеличивает производство новых лекарств.

Разумеется, в нашей книге, которая охватывает так много сфер, можно привести лишь единичные примеры. Давайте рассмотрим лишь один из недавних случаев — с лекарством, которое, как выяснила «официальная» медицинская наука, виновато в появлении нового вида ювенального рака, не существовавшего несколько десятилетий назад.

История со стилбестролом, или торговцы раком

«Это хуже, чем преступление: это ошибка
Таллейран (Talleyrand)

На медицинскую «науку» большинство граждан цивилизованных стран смотрят как на своего спасителя (хотя не совсем понятно, какого спасения они жаждут). И так, эта «наука» разработала в лаборатории эстроген (гормон, вырабатываемый половыми железами) и выпустила его на мировой рынок. Одна из причин назначения этого синтетического эстрогена — гарантия благополучного протекания беременности. В течение нескольких десятилетий врачи убеждали женщин во всем мире, что препарат не даст произойти выкидышу.

Спонтанный аборт — это, несомненно, предохранительный клапан, наделенный Природой матерью, чтобы выбраковывать нежизнеспособных существ еще на эмбриональной стадии. Самопроизвольный выкидыш способствует укреплению вида и сохранению у него хорошего здоровья. Но ученые никогда не заморачивались по поводу таких простых соображений, потому что они должны оправдывать свое высокое дело или удовлетворять научное любопытство; кроме того, вивисекционное образование убедило их, что прирост так же легко обмануть, как и общественное мнение.

Разумеется, ни один врач в мире не может гарантировать, что прием лекарства предотвратит выкидыш или ручаться, что успешное вынашивание беременности произошло, благодаря назначению особого медикамента. Но с 1973 года медицинская наука кое в чем полностью уверена.

В тот год всемирно известный итальянский экспериментатор профессор Сильвио Гараттини (Silvio Garattini) убеждал в открытой дискуссии: «Мы можем произвести в лаборатории природный эстроген» (Ероса, 14 октября 1973).

Но примерно а то же самое время в Женеве ВОЗ спешно выпустила предупреждение на английском языке для врачебного сообщества: однозначно доказано, что прототип этого синтетического эстрогена, стилбестрол, вызывал рак у людей.

Автор документа — Роберт В. Миллер (Robert W. Miller), глава эпидемиологического отдела Национального онкологического института (National Cancer Institute) в Бетезде, штат Мэриленд. Он носит название «Трансплацентарный карциногенез» (Transplacental Carcinogenesis), и его издала Международная служба онкологических исследований (International Agency for Research on Cancer) совместно с ВОЗ.

На странице 175 под заглавием «Пренатальное происхождение рака у людей: эпидемиологические свидетельства» (Prenatal Origins of Cancer in Man: Epidemiological Evidence) доктор Роберт В. Миллер пишет: «Трансплацентарный химический карциногенез. Менее шести месяцев назад было сделано драматическое заявление, что рак у ребенка возникал из-за препарата, принимаемого матерью во время беременности» (Herbst et al., 1971). Сообщается, что у восьми молодых женщин, живущих в районе Бостона, возникла особая форма вагинального рака (светлоклеточная аденокарцинома влагалища), которая обычно встречается у пожилых женщин. Им было от 14 до 22 лет. Матери семи девушек принимали во время беременности стилбестрол. В контрольной группе из 32 матерей ни одной женщине не прописывали данный препарат. Сразу после этого Регистрация рака штата Нью-Йорк (New York State Tumor Registry) зафиксировала еще пять случаев такого же вагинального рака у молодых девушек (Greenwald et al., 1971). Матери всех пяти девушек принимали во время беременности синтетический эстроген. В комментарии к другому случаю, о котором сообщает Ньюман (Newman), указывается (1971, Herbst et al., 1971 b), что после тех семи диагнозов стало известно еще о двадцати. Для проверки здоровья детей, чьи матери во время беременности принимали стилбестрол, запланированы различные исследования. *В любом случае, сейчас нет сомнений в том, что у людей трансплацентарный карциногенез возник после скрытого периода длиной от 14 до 22 лет.*

«Детерминанты, обуславливающие отбор на стадии образования гамет. Генетическое влияние может отозваться подобным образом. Возможно, пройдут года и даже десятилетия без каких-либо симптомов, прежде чем проявятся онкологические заболевания, обусловленные генами».

*

Таким образом, уже не стоит вопрос о том, подарят ли нам сегодняшние так называемые медицинские исследования чудо-лекарства для победы над раком во всем мире, когда это произойдет, каким образом и сколько они будут стоить. Современная наука *вызывает* рак. Документ ВОЗ являет собой первое «научное доказательство» того, что врачебная промышленность создала ранее не существовавшую форму рака. Раз это выяснилось в одном случае, то же самое может произойти и в доселе неизвестных ситуациях. Разумеется, данный прецедент помогает объяснить постоянный и безудержный рост онкологических заболеваний а последние десятилетия: растущая заболеваемость раком и увеличивающееся потребление новых химических «лечебных средств» идут бок о бок.

Избыточный прием синтетических витаминов приводил к раку костей; препараты для понижения давления создавали у женщин опасность рака груди; вакцины животного

происхождения оказались потенциально канцерогенными. Сейчас экспериментаторы вынуждены сами признать, что синтетический эстроген, который в течение десятилетий назначался пациентам *на основании его положительного действия на животных*, у людей не только мешает росту костей и (подобно прочим чудо-средствам) вызывает повреждения печени и почек, катаракту, проблемы с сердцем и расстройства психики, но и может быть однозначной причиной злокачественных опухолей у потомков.

В трагедии со стилбестролом, как и во многих других случаях, виноват исследовательский метод вивисекторов. Мне кажется, медицинская наука в лице доктора Миллера признала свою вину, и один факт увеличивает ее ответственность: на протяжении предшествующих десятилетий было множество явных предупреждений, что о действии гормонов вообще и эстрогена (полового гормона) в особенности нельзя судить по опытам на животных. Но органы здравоохранения, которые, может, и не обязаны следить за этикой, но ответственны за здоровье граждан, игнорировали все эти сигналы.

Нижеследующие примеры — это лишь малая часть предупредительных знаков, которые появлялись тогда, когда еще было время обратить на них внимание.

*

«Первые наблюдения были сделаны у больничной койки. Галл и Орд открыли функции щитовидной железы, тогда как вивисекторы лишь смогли заявить, что она предназначена для улучшения контура шеи. Аддисон впервые указал на функцию надпочечников. Роль гипофиза была выявлена клиническим путем, с помощью симптомов акромегалии (избыточный рост) и симптома Фрелиха (врожденный дефект мышц живота)». Доктор Лэнгдон Браун, доклад на Годовом общем собрании Британского врачебного общества, 1925; *British Medical Journal*, 5 декабря 1925, с. 1051).

*

«Как установил Хальбан (Halban), плацента стимулирует рост гениталий и молочных желез. Это относится к животным, но не к человеку» (Гринхилл (J. P. Greenhill), *American Journal of Obstetrics and Gynecology*, февраль 1929, с. 254).

*

Доктор А. М. Мендельхолл (A. M. Mendelhall), заведующий кафедры гинекологии в школе медицины Университета Индианы (Indiana University School of Medicine), пишет в статье «Растворение гипофиза и разрыв матки» (Solution of Pituitary and Ruptured Uterus):

«Это очень сильный препарат даже при значительном разведении, и еще не разработано надежного способа его разведения. Тех, кто настаивают на использовании этого сильного препарата, надо предупредить, что нет возможности оценить его действие до того, как его получит пациентка» (*Journal of the American Medical Association*, 20 апреля 1929, с. 1341).

*

«Введение адреналина (гормона) в сердце особенно предосудительно. Если пациенты впоследствии выздоравливают, это происходит вопреки, а не благодаря инъекции. Серьезный вред могут причинить гемоперикард (кровоизлияние в околосердечную сумку) или перикардит (воспаление околосердечной сумки). Известно, что внутривенные инъекции адреналина вызывают серьезные осложнения (доктор Л. Уиттс (L. J. Witts), *Medical World*, 23 января 1931, с. 565).

*

«Питуитрин (гормон) — это диуретик для кошек, но на человека оказывает противоположное действие» (*Journal of Physiology*, выпуск LXXVI, ноябрь 1932, с. 384).

*

«Почти сто лет прошло с тех пор, как Рейнар (Raynard), ветеринар из Лиона, обнаружил, что удаление щитовидной железы смертельно для собак. Через 50 лет Шифф (Schiff) выяснил, что это смертельно для кошек и собак, но не для кроликов и крыс» (передовица в *Lancet*, 2 декабря 1933, с. 1267).

*

В последнее время были сделаны некоторые важные открытия в области гормональных препаратов, но при их использовании следует соблюдать очень большую осторожность. В данной сфере были очень опасные случаи неправильного использования, это происходило вследствие бездумного использования результатов опытов на животных при работе с людьми и рекламы фармацевтических фирм» (доктор А. П. Кавадиас (A.P. Cawadias), *Medical World*, 5 апреля 1935, с. 191).

*

Об ускорении схваток вследствие эстрогена: «Подобные эксперименты на грызунах почти всегда проходили успешно, но в случае с людьми они были совершенно неудачны» (доктор Лейланд Робинсон (A. Leyland Robinson), доктор М. М. Датноу (M. M. Datnow) и доктор Т. Н. А. Джеффкот (T. N. A. Jeffcoate), почетные хирурги из гинекологической клиники в Ливерпуле (Liverpool Hospital for Women), *British Medical Journal*, 13 апреля 1935, с. 749).

*

«Очень большую значимость имеют попытки лечить увеличение простаты мужскими гормонами. К сожалению, опыты на мышах и обезьянах оказались ненадежными, когда их результаты использовались применительно к людям» (*Medical World*, 3 мая 1940, с. 266).

*

«Еще одна форма заместительной терапии состоит во введении мужских гормонов; недавно на рынке появились синтетические препараты из них... В настоящее время многие противоречивые сообщения об опытах на животных сбивают с толку клиницистов и очень часто создают ужасную путаницу» (*Medical World*, 17 января 1941, с. 504–505).

*

Рецензия на книгу *Essentials of Endocrinology* доктора Артура Гроллмана (Arthur Grollman) в *Medical World* (16 января 1942): «При исследовании разных веществ в обязательном порядке требовалось, чтобы их проводили на подопытных животных, а при переносе результатов на человека оказывалось, что они совершенно ненадежны, а во многих случаях опасны» (с. 482).

*

«Практические результаты лечения половыми гормонами далеки от желаемых. Одна из причин заключается в том, что результаты опытов на животных нельзя использовать применительно к человеку» (доктор Альфред Гоу (Alfred Gough), почетный хирург-консультант из гинекологической клиники Лидса (Leeds Hospital for Women), *Medical Press and Circular*, 14 марта 1945, с. 169).

*

«Неопровержимые в лаборатории факты безответственным образом переносятся в клиническую медицину. Самыми лучшими примерами служат неограниченное

использование гормонов и слепая вера в рекламу, с помощью которой коммивояжеры сыплют песок в глаза» (доктор Франгкон Робертс (Ffrangcon Roberts), *British Medical Journal*, 16 июня 1945, с. 848).

*

«Мы хорошо помним бум гормональной терапии. Многие восхваляемые результаты вели происхождение от опытов на животных и были неправильны... Клиническое использование препарата при работе с людьми показывало, что прежние результаты не только ненадежны, но во многих случаях в высшей степени опасны» (*Medical World*, 6 июня 1947, с. 471).

*

«Чувствительность животных варьируется, в зависимости от лаборатории, и поэтому невозможно сравнить результаты, полученные в одной лаборатории, с результатами другой. Обычно считалось, что у всех млекопитающих примерно одинаковая чувствительность к эстрогену, но сейчас выяснилось, что это не так, поэтому было бы неразумно предположить, что у женщин будет такая же реакция, как у подопытных животных. Этот пример имеет большое значение, потому что показывает, насколько глупо переносить результаты опытов на животных на человека» (профессор доктор Е. Доддс (E.C. Dodds), *Journal of Pharmacy and Pharmacology*, выпуск 1, №3, 1949, с. 143–145).

*

«Когда эстроген был допущен до клинического использования, сначала царило понятное воодушевление... Если полагаться на красочные брошюры, приходящие с каждой почтой, то, к сожалению, можно впасть в иллюзию и вообразить, что использование эстрогена не имеет противопоказаний и побочных эффектов» (доктор Роберт А. Кимброу (Robert A. Kimbrough) и доктор С. Лион Израэл (S. Lion Israel), *Journal of the American Medical Association*, выпуск 138, 25 декабря 1949, с. 1216).

*

«Следовательно, нет оправданий тому, чтобы полагаться на результаты опытов на животных при определении действия эстрогена на человека (доктор П.М.Ф. Бишоп (P.M.F. Bishop), доктор Н.А. Ричардс (N.A. Richards), доктор М.Б. Адelaide (M.B. Adelaide) и доктор Нил Смит (Neal Smith), *Lancet*, 6 мая 1950, с. 850).

*

«Монография Томаса Аддисона (Thomas Addison) 1855 года начинается со слов: вряд ли можно оспорить тот факт, что функции надпочечников и функции, которые они выполняют для всего организма, почти или полностью неизвестны. Эти слова, как и многое другое из его трудов, верны и поныне. Мы накопили множество фактов, но до сих пор очень мало может сказать о влиянии адреналина и об организме как едином целом» (доктор Ф. Янг (F.G. Young), профессор биохимии, Кембриджский университет, *British Medical Journal*, 29 декабря 1951, с. 1541).

*

3 июля в учреждении СИВА в Лондоне профессор Хуссей (Houssay) докладывал о своей групповой работе, посвященной влиянию половых гормонов на частоту и тяжесть экспериментального диабета у крыс; но сначала он напомнил своим слушателям, что эти результаты нельзя считать действительными для других животных и для людей» (*Lancet*, 14 июля 1951, с. 70).

*

«Не могу не подчеркнуть лишний раз, насколько это неверно — переносить напрямую на человека результаты экспериментов на животных, связанных с гормонами» (из выступления доктора Карлоса Хайнса (Carlos Hines) перед Комитетом Делани (Delaney Committee) в Палате представителей, 31 января 1952).

*

Выявлены серьезные различия в том, как у разных видов реагирует матка на гормон гипофиза, а также между экспериментами *ин vivo* и *ин vitro*. Поэтому выводы о том, как препараты могут подействовать на человеческую матку, надо было делать с большой осторожностью» (Профессор Белл (G. H. Bell) на 13 британском конгрессе гинекологов (13th British Congress of Obstetrics and Gynaecology), *British Medical Journal*, 2 августа 1952, с. 281).

*

«Открытие в 1917 году гормонов яичников эстрогена и прогестерона, а в дальнейшем — гипофизарных гонадотропинов дало физиологии новую обширную сферу. Удивительное действие всех четырех гормонов на мелких животных стало поводом для больших ожиданий относительно их терапевтической ценности в гинекологии. Эти ранние надежды не сбылись» (доктор Алек Борн (Alec Bourne), хирург, *Medical World*, 13 июня 1952, с. 400).

*

«Знания об эндокринном регулировании этого процесса основываются главным образом на экспериментальных исследованиях, выполненных на некотором количестве лабораторных животных. Эти виды реагируют очень по-разному на гормоны, и было бы неразумно предполагать, что молочные железы женской груди работают так же, как молочные железы у какого-либо исследованного вида» (доктор П. М. Ф. Бишоп (P. M. F. Bishop), *The Practitioner*, июнь 1956, с. 630).

*

Про исследование препаратов, стимулирующих родовую деятельность: «Пожалуй, наиболее значительное различие (вслед за психотропными препаратами) между опытами на животных и на человеке можно наблюдать в случае с лекарствами, действующими на матку. Создание с помощью экспериментов на животных новых лекарств, стимулирующих родовую деятельность, потребовало много времени и сил, а потом оказалось, что они совершенно не действуют на человеческую матку. Итак, есть необходимость в таких методах исследования, при которых можно было бы пробовать препараты по стимуляции родовой деятельности на человеческой матке» (доктор Шильд (H.O. Schild), лектор по фармакологии в лондонском Университетском колледже (University College), соавтор книги *Applied Pharmacology: Quantitative Method in Human Pharmacology and Therapeutics*, написанной в соавторстве с Кларксом (Clarks), издатель — Pergamon Press, Лондон, 1959, с. 154. Доклад на симпозиуме в Лондоне в марте 1958).

*

Доктор П. Рихтер (P. Richter) из знаменитой психиатрической клиники Фиппс (Phipps Psychiatric Clinic) в больнице Джона Хопкинса (Johns Hopkins Hospital) провел контрольные эксперименты с общеупотребительными лекарственными средствами и гормонами, и результаты были опубликованы в августовском номере журнала *Proceedings of the National Academy of Science*. Его главным выводом стало предупреждение, что некоторые лекарства могут оказывать немедленное положительное действие, но в перспективе причинять вред, который проявится лишь спустя месяцы после окончания

приема медикамента. Стандартные тесты на животных, главным образом на крысах, уже доказали полную безвредность этих препаратов» (News-Post, Балтимор, 5 августа 1959).

*

Вышеприведенные цитаты свидетельствуют о том, что провал сегодняшних исследований в области синтетических гормонов был четко предсказан. Ведущие специалисты вновь и вновь предупреждали об их опасности. Но даже самые большие пессимисты не предполагали, что этот ненаучный подход станет причиной рака.

Скольким женщинам продали этот канцерогенный препарат с эстрогеном? Сколько людей из тех, кто умрет в ближайшее десятилетие, обречены на раннюю смерть из-за вещества, полученного через плаценту матери? Конечно, тысячи других лекарств могут вызывать такое же действие, как и стилбестрол.

Курт Блюхель (Kurt Blüchel) в Weisse Magier привел список лекарств для одной только Западной Германии, которые при потреблении их беременной женщиной вредят плоду, и некоторые такие медикаменты встречаются во многих продуктах под разными названиями. Мы с уверенностью знаем, что заболеваемость раком и частота врожденных уродств за последние 20 лет возросли в той же пропорции, что и потребление химических препаратов.

Чудовищный обман, совершаемый современной официальной «наукой», которая спекулирует на страданиях людей, а особенно на страхе перед страданиями, и подрывающий здоровье общества через свою алчность либо некомпетентность, принял невероятные масштабы. И это еще более чудовищно ввиду того, что во многих странах травника, продающего чаи для оздоровления (в любом случае менее опасные и чаще всего более полезные, чем химические препараты), могут осудить за шарлатанство, как это недавно произошло в Италии. Тем временем, виновники распространения рака и бесчисленных «болезней цивилизации» не только продолжают гулять на свободе, но также срывают аплодисменты и получают финансовую поддержку, дающую им возможность продолжать свою преступную деятельность.

Давайте вернемся к исторической брошюре, написанной доктором Робертом Миллером (Robert Miller) и выпущенной ВОЗ. С пронизательностью, которая, несомненно, сформировалась в результате многих лет занятий вивисекцией, доктор Миллер говорит нам: «Если при рождении присутствует опухоль, она, несомненно, возникла в утробе матери» (с. 177).

Дальше славный ученый продолжает: «При подсчете всех случаев детских смертей в возрасте до 5 лет за последние 8 лет оказывается, что 13782 смерти наступили из-за новообразований, возникших в утробе матери или вскоре после рождения».

Но здесь автор портит свое повествование клише: он кладет ответственность на слугу. На странице 181, в конце доклада, написано: *Опыты на животных*. Между видами опухолей, которые возникли у подопытных моделей, и видами детской онкологии не было связи.

«Подопытные модели» — значит лабораторные животные. Если бы Миллер выразался словами простого человека, он бы, возможно, сказал: по бесчисленным случаям заболевания раком, когда болезнь вызывали в течение многих лет у миллионов животных, нельзя было понять, насколько опасен стилбестрол для человеческого плода, и на протяжении десятилетий казалось, что его спокойно можно назначать беременным женщинам. Не ошибается тот, кто ничего не делает».

*

Таким образом, синтетический гормон стилбестрол вызвал катастрофические последствия для людей, равно как и талидомид и другие медикаменты, изначально протестированные на животных. А какова была реакция лабораторной братии на новую трагедию, произошедшую из-за их упрямства? Они отказались признать, что этот случай

как-либо связан с глупостью их метода. Вместо этого они выступили в поддержку *интенсификации опытов на животных*. Трудно поверить, но доктор Миллер добавляет: «Предпочтение можно отдавать не грызунам, а другим видам животных. Особенно рекомендуется использование нечеловекообразных приматов». И завершает свой замечательный доклад следующими словами: «Рекомендации по IARC. IARC может через свои источники информации во всем мире собирать и публиковать сообщения об опасных веществах, передающихся через плаценту. IARC могла бы проводить исследования, где частота опухолей, уродств и других аномалий указала бы на трансплацентарный канцерогенез либо тератогенез. Наконец, IARC следовало бы составить список медикаментов и веществ, загрязняющих окружающую среду, которые в разных частях мира могут вызвать пренатальную онкологию».

Если задуматься о том, что каждый год на мировой рынок выходят тысячи новых лекарств, и вспомнить предупреждение доктора Миллера, что, «возможно, пройдут годы или даже десятилетия без симптомов, прежде чем проявятся онкологические заболевания, обусловленные генетикой», то его рекомендация следовать по старому пути, ведущему к катастрофе, на первый взгляд кажется бредом. Но это не так. Блестящий художник рака — еще и матерый бизнесмен, и мы это сразу же видим.

Ежегодные расходы американского правительства на «исследования» в 1970 году достигли 17 миллиардов долларов, а сейчас составляют 25 миллиардов. Во-первых, ни один «ученый» уровня доктора Миллера не может согласиться с тем, что все, чему он верил и учил на протяжении жизни, что пропагандировал, — ерунда. Во-вторых, возглавляемый им Институт Бетезда (Bethesda Institute) относится к числу ведущих лабораторий мира и в качестве такового ежегодно получает, наряду со значительными частными ассигнованиями, немалый кусок от государственного пирога. Отказ от вивисекционного метода в медицинских исследованиях означает потерю работы для десятков тысяч достойных мучителей животных.

Это было бы негуманно. Поэтому предпочтительно продолжать издевательство над миллионами «козлов отпущения» — еще и для того, чтобы сохранить имидж «великих ученых», которые во время медицинских конгрессов могут ступить на трибуну в роли спасителей человечества, услышать аплодисменты коллег со всего мира и производить очередные «чудо-средства», вроде талидомида, стилбестрола и т.д. Животные не в состоянии подать голос и протестовать — особенно если их голосовые связки перерезаны — они не могут бастовать, созывать собрания, устраивать демонстрации, бросать бомбы. А когда у потребителей медикамента появляются дети с уродствами, умственной отсталостью или онкологией, это уже катастрофа.

С тех пор, как ВОЗ напечатала предупреждение доктора Миллера, доказанные случаи заболевания раком из-за стилбестрола не единичны, а исчисляются сотнями, и это число неизбежно возрастет.

Ученики чародея

Когда ВОЗ напечатала в Женеве вышеприведенное предупреждение по поводу стилбестрола, было известно лишь о нескольких десятках случаях рака влагалища у молодых девушек, и болезнь тогда однозначно возникла из-за трансплацентарного воздействия искусственного гормона. Как и следовало ожидать, частота заболевания возросла и продолжит увеличиваться, если международные органы здравоохранения попытаются скрывать правду (они так долго делали с информацией о вреде вакцин).

Между тем, американский информационно-политический журнал Newsweek (26 января 1976) напечатал передовицу о раке, и в ней речь идет как минимум о 250 жертвах. Давайте сейчас отойдем от цифр и статистики и посмотрим на людей, которые стали

жертвами чародеев, переодетых в ученых. Один такой случай описан в том номере Newsweek.

Жительница Калифорнии Грейс Мэллой (Grace Malloy) прочитала в газете о выявленной связи между стилбестролом и редкой, но смертельной формой рака у молодых девушек, чьи матери принимали это лекарство во время беременности, и вспомнила, что ей тоже выписывали это лекарство, когда она ждала своих дочерей Пэтти и Мэрилин. Теперь им было 19 и 14 лет. Она отвела их на обследование, и результат оказался печален: у Мэрилин был рак влагалища.

В ходе 12-часовой операции Мэрилин удалили влагалище и находящиеся рядом лимфатические узлы. Ей сделали искусственное влагалище из кожи, взятой с ног. Год спустя врачи установили, что рак распространился на легкое, пищевод и стенку сердца. После еще одной операции казалось, что Мэрилин стало лучше, но вскоре ее состояние вновь ухудшилось. Когда у нее в результате лечения выпали все волосы, она держалась мужественно и носила разноцветный платок. Но ее мать слышала, как она по ночам стонет от боли — рак распространялся на руки, ноги, позвоночник, мозг. Вскоре девочка ослепла и оказалась прикована к инвалидной коляске. Мэрилин умерла 26 мая 1974 года, за 2 недели до того, как ее одноклассники закончили школу.

Грейс Мэллой, мать девочки, сказала в интервью для Newsweek: «Я не могла знать, что вызовут эти таблетки. Их принимали тысячи женщин, потому что их выписывал врач». Далее в статье говорится: «У Грейс Мэллой есть некоторая озлобленность из-за того, что произошло в ее семье — и что может произойти. У ее старшей дочери Пэтти, которой сейчас 25 лет, обнаружили аденому влагалища, которая кажется доброкачественной, но может быть предвестником рака. Сейчас Пэтти, как и многим другим девушкам с таким же анамнезом, остается только ждать и молиться, чтобы смерть, унесшая ее сестру, пощадила ее».

СМИ вроде Newsweek часто разоблачают провалы современной медицины. Но они регулярно упускают возможность подчеркнуть то, что фармацевтические катастрофы, которые участвуют в последующие десятилетия из-за долгого скрытого (иногда 35 и более лет) канцерогенного действия препаратов, объясняются полной неосведомленностью людей о методах медицинских исследований.

*

Существует множество указаний на то, что современные лекарства, которые после опытов на животных считаются безопасными, способствуют распространению болезней вообще и онкологии в особенности. В 1974 году стало известно, что группа врачей из Бостонского университета проанализировала 25 тыс. историй болезней, которые были переданы в 24 больницы Бостона и его окрестностей. Врачи установили, что пожилые женщины старше 50 лет, которые принимали определенные средства для снижения немного повышенного давления, в три раза чаще заболели раком груди. Врачи не хотели поднимать панику и попросили специалистов провести такое же исследование в Англии и Финляндии. Результаты оказались аналогичными. В журнале Lancet было сделано предположение, что врачам следует соотносить явно повышенный риск рака груди с преимуществами снижения давления у пожилых женщин.

Хотя этот вопрос рассматривался в ведущем медицинском журнале и в общей прессе, например, в журнале Time, год спустя я не нашел в Италии, Франции и Германии ни одного врача, который бы слышал об этом. Большинство из них говорили мне, что у них нет времени даже заглянуть в литературу, которую они постоянно получают от производителей лекарств.

Как сообщает Newsweek (26 января 1976), использование эстрогена для облегчения симптомов климакса почти в 5 раз увеличивает риск рака матки. Раз врачи настолько заняты выписыванием лекарств, что у них не остается времени читать предупреждения, то, по меньшей мере, можно надеяться на пациентов, читающих общую прессу.

Есть признаки того, что американцы уже не все принимают — а реакция американской общественности обычно предвещают то, что произойдет в других странах. В Time (9 июня 1975) можно прочитать, что участились очень редкие в прошлом обвинения врачей в шарлатанстве. В результате в Калифорнии средние годовые страховые премии для специалистов, которые подвергаются большому риску, увеличились во много раз — с 5377 долларов до 22 704 долларов.

Это было еще до того, как Иван Иллич (Ivan Illich), югославский социолог, живущий в Мехико, рассказал в книге Medical Nemesis о своем исследовании нынешней медицинской практики. 25 мая 1975 года он заявил в интервью на радио Svizzera Italiana (г. Лугано) следующее:

«В американских больницах 18–30% пациентов имеют психологические реакции на принимаемые лекарства»;

«Во время месячной забастовки израильских больниц смертность населения была меньше, чем когда-либо»;

«Доктор Сальвадор Альенде (Salvador Allende), покойный президент Чили, бывший также врачом, предложил ограничить фармакопею до нескольких десятков лекарств, ценность которых доказана... Значительная часть немногих врачей, которые хотели реализовать идеи президента на практике, была убита в течение недели после того, как 11 сентября 1973 года к власти пришла хунта...»;

«Специально создаваемый миф о том, что люди не могут преодолеть болезнь без современных лекарств, причиняет еще больше вреда здоровью, чем врачи, навязывающие свои услуги пациентам»;

«Каждый дилетант в состоянии понять диагнозы и методы лечения, если их разъяснить общеупотребительной лексикой; но постоянное использование профессиональной лексики препятствует депрофессионализации медицины»;

«Ранее лечение неизлечимых болезней только ухудшает состояние пациента»;

«Врачи, которые обнаруживают у себя симптомы рака, дольше других специалистов своего уровня образования медлят с лечением, потому что знают, что диагноз и лечение играют прежде всего ритуальную роль...»;

«В США расходы на медицинское обслуживание растут, и параллельно происходит другое явление: продолжительность жизни взрослых людей падает и, возможно, еще снизится. То же самое происходит в Великобритании, Японии и большинстве стран Европейского экономического сообщества».

*

Ученые знают, что о неудачах надо говорить так же подробно, как и об успехах, с целью проинформировать общественность о приоритетах и политике распределения средств. Если они признают опасность лекарства, то делают это лишь с намерением заявить о необходимости интенсификации опытов на животных, что означает преумножение ошибок и ужасов.

Итак, был ли прав вивисектор Марковиц (Markowitz), когда рассматривал позицию противников вивисекции как безнадежную с самого начала, потому что «у них нет возможности сопротивляться индустрии, располагающей миллиардами долларов»? Его правота или неправота зависит от остальных людей.

Великолепная гостиния и моральный закон

«Подлинную науку можно сравнить с сияющей гостиной, в которую можно попасть через длинную, страшную кухню» (Клод Бернар, Introduction, 1865, с. 44).

С тех пор, как апостол современной вивисекции внушил доверчивым людям, еще не проснувшимся от долгого средневекового сна, этот ложный вывод, страшная кухня

неимоверно увеличилась, ее размножившиеся ужасы приняли такие формы, которые не могли прийти в голову даже Клоду Бернару; ее миазмы отравляют полмира и распространяют по свету неизлечимые болезни. Но «великолепная гостиная» все сильнее уходит вдаль и создает пространство для все более крупных больниц, где все более сбитые с толку жрецы в белых халатах проводят механистические ритуалы, которые пришли на смену вчерашним действиям и завтра будут заменены новыми обрядами. Они столь же непонятны исполнителям, сколь и пациентам, вовлеченным в них.

Моральный закон, отрицаемый вивисекторами по причине того, что они не могут воспроизвести его в лаборатории, не говоря уже о том, чтобы постигнуть его интуитивно, действует разными способами, и все они очень тонкие, но в долгосрочной перспективе одинаково разрушительны.

Убежденность в том, что преступление перед животными, совершаемое в псевдонаучных лабораториях, останется без наказания, свидетельствует не только о душевной скудности, но и о сумасшествии. Когда на свет появляется ребенок с умственной отсталостью, врожденными уродствами, когда он умирает от рака из-за того, что его мать принимала успокоительные средства или вредный гормон — препараты, казавшиеся безопасными при жестоких опытах на животных — этот ребенок платит за преступление, совершенное другими людьми. Но миллиарды животных самым страшным образом расплачиваются не только за жестокость вивисекторов, но и за равнодушие человеческой расы, от которой теперь скрывают это преступление. Потому что общество молчаливо соглашается с тем, что происходит с беззащитными существами и аукается на их детях, или даже оправдывает это. Но многие невинные люди тоже вынуждены расплачиваться за постоянное нарушение морального закона лишь потому, что они входят в человеческое общество, и это нельзя изменить.

Длительные страдания, через которые проходят все больше людей, прежде чем умрут, относятся к очевидным и немедленным проявлениям морального закона. Ричард Куннс (Richard Kunnnes), говоривший, что Американскую медицинскую ассоциацию (American Medical Association) следовало бы переименовать в Американскую ассоциацию убийств, и сжегший свой членский билет на заседании врачебного конгресса, писал в книге «Деньги или жизнь» (Your Money or your Life, издательство Dodd Mead&Co, 1974): «С 1960 по 1970 США затратили на медицинские исследования больше средств, чем когда-либо, а результаты оказались наименьшими (правда, доктор Куннс не упоминает, что исследовательская деятельность, о которой идет речь, заключается почти полностью в экспериментах на животных). И дальше: «Можно предсказать с полной уверенностью, что из-за постоянной финансовой поддержки исследований здравоохранение будет становиться все менее и менее удовлетворительным, что приведет к ежегодной ненужной смерти тысяч пациентов и страданиям сотен тысяч. Множество университетов обладают деньгами, которые могли бы пойти на пользу больным, но вкладывают их в исследования, чтобы получить еще больше денег и еще больше исследовать».

Книге Куннса суждено стать очередным гласом вопиющего в пустыне, так как автор не предложил выхода, не дал объяснений, не привел данных, указывающих на то, что прискорбное состояние сегодняшней медицины есть непосредственный результат метода, губящего личность исследователя, калечащего его разум и неизбежно толкающего врачебное искусство в пропасть. Но, по-видимому, ни один из других процитированных мной медиков и историков медицины — Сигерист (Sigerist), Ростан (Rostand), Хейфлик (Hayflick), Дюбо (Dubos), Инглис (Inglis), Райдер (Ryder), Блюхель (Blüchel), Иллич (Illich) — не поняли, где лежит фундаментальная ошибка: в фундаментальных исследованиях.

Как уже упоминалось вначале, если бы нынешний подход к лечению болезней был правильным, уже давно бы наступила эра всеобщего здоровья. Но вышло наоборот: вместо того, чтобы лечить болезни, медицина их создает.

Постоянно растет частота сердечно-сосудистых заболеваний, артрита, ревматизма, диабета, психозов и рака — то есть, именно тех болезней, которые наиболее интенсивно изучаются с помощью опытов на животных. В результате, продолжительность жизни, постоянно увеличивавшаяся вследствие успешной борьбы с инфекционными заболеваниями и детской смертностью, а также возврату к старой доброй гигиене, прекратила свой рост и даже начала снижаться.

На самом деле, большая продолжительность жизни не служит признаком здоровья. Можно жить и иметь плохое здоровье. Как отметил Иван Иллич (Ivan Illich), «истинное чудо современной медицины состоит в том, что целые народы имеют очень низкий уровень здоровья».

Многие другие исследователи современного состояния медицины вынуждены признать, что человечество никогда не было таким больным, как сегодня. Курт Блюхель (Kurt Blüchel) рассказывает на странице 174 своей книги *Weisse Magier* о здоровье жителей Западной Германии, которое типично для всех «цивилизованных» стран: «Сегодня в ФРГ к наиболее серьезным причинам болезней относится вред в результате лечения, назначенного или рекомендованного врачом. Медицина вслед за раком, инфарктом миокарда и инфекционными заболеваниями (50 000 смертей) стала важнейшим источником человеческих болезней» (кажется, Курт Блюхель упустил из виду, что рак в большинстве случаев возникает из-за приема медикаментов, поэтому медицину как причину болезней следовало бы поставить не на третье, а на первое место).

А на странице 257 Блюхель продолжает: «Сегодня среднестатистический немец потребляет в 5 раз больше медикаментов, чем перед второй мировой войной. Стал ли он в 5 раз здоровее? Разумеется, нет. Напротив. В среднем западногерманское население болеет сегодня гораздо больше, чем тогда... Индустрия, созданная для того, чтобы лечить болезни, внезапно стала причиной новых заболеваний».

Профессор Гвидо Фанкони (Guido Fanconi) из Университета Цюриха пишет в своей работе *Der Wandel der Medizin*: «В разных местах этой книги я указывал на то, что многие пациенты и даже здоровые люди по вине врачей стали больными... В университетской больнице Джона Хопкинса в Балтиморе выяснилось, что 11% госпитализированных пациентов страдали от патологических реакций на лекарства, а патологическая реакция на лекарства занимает седьмое место в списке причин госпитализации» (с.78–79).

Неудивительно, что с начала XX столетия продолжительность жизни для 45-летнего человека мало изменилась, а во многих западных странах, вопреки оптимистичным сообщениям ВОЗ, снизилась. Однозначный рост продолжительности жизни сегодня еще происходит только в тех странах, где можно радикально снизить детскую смертность через возврат к гиппократовской гигиене и улучшение материального благосостояния людей.

Согласно авторитетному французскому журналу *Nouvel Observateur* (28 октября 1974), во Франции продолжительность жизни населения с 1965 года не повысилась, зато смертность среди 15–20-летних ежегодно повышается на 2%. Во всех индустриальных странах за последние 10 лет повысилась смертность среди 40–50-летних. В этой статье говорится также, что в 1970-е годы смертность среди британских рабочих была выше, чем в 1930 году. Таким образом, рост хронических заболеваний нельзя связать с тем фактом, что повысился средний возраст граждан, как пытаются сделать многие медицинские авторитеты: это не соответствует истине.

Мы уже видели, что США тратят на вивисекционные медицинские исследования больше денег, чем любая другая страна. В этой стране на душу населения проводится больше операций, чем где-либо еще, и врачи там считаются лучшими и самыми дорогими в мире — и, невзирая на все это, американцы по продолжительности жизни занимают лишь 17 место.

Хотя американцы имеют в распоряжении мощный лечебный арсенал, и их врачи развили лихорадочную деятельность, эти люди живут сегодня не дольше, чем их родители. Но страдают гораздо больше. В среднем, американцы раньше уходят на пенсию из-за

плохого здоровья. Очень большой процент населения переносит операции. Многие проводят последние годы жизни в ожидании смерти, в «чистилище» в виде больницы, где искусственно поддерживают жизнь — через внутривенное питание, инъекции, переливания крови, кислородные палатки, трансплантации и сильные медикаменты, вызывающие серьезные побочные эффекты, такие как болезненный гастрит, тошнота, рвота, почечные и печеночные колики (внезапные сильные боли в животе — такие же боли вивисекторы вновь и вновь вызывают искусственным путем у тысяч подопытных животных), сильное ингибирование костного мозга, кровоизлияние в мозг и как результат частичный и полный паралич.

Официальная статистика показывает, что сегодня 80% всех американцев умирают в больницах, и все больше бюджетных средств уходит на разные аппараты, продляющие жизнь, то есть, растягивающие страдания. Иван Иллич сообщает нам, что «консультанты» лицемерно выбирают каждого пятого англичанина, страдающего болезнью почек, и разжигают в нем желание получить редкую привилегию в виде долгой и мучительной смерти на диализе. Во время лечения значительная часть времени и сил уходит на то, чтобы предотвратить самоубийство в первый и иногда во второй год жизни — второй может добавиться, благодаря искусственной почке» (Medical Nemesis, 1975, Лондон, с.51).

Уже в августе 1972 года в Вашингтоне в Сенате обсуждалась тема «Человеческое достоинство и смерть» (Dignity and Death). В ходе этих слушаний раскрылись многие примеры некомпетентности и бесчеловечности врачей, которые воспитывались на вивисекции и экспериментальной одержимости. Ненси Л. Росс (Nancy L. Ross) сообщает в International Herald Tribune: «С нами был председатель конгресса, сенатор Франк Черч (Frank Church), аптекарь из Айдахо, которому врачи 25 лет назад, то есть, в 1947 году, когда он заболел раком, оставляли жить шесть месяцев... С нами был 94-летний доктор Артур Е. Морган (Arthur E. Morgan), бывший президент Университета Антиох (Antioch College), он со слезами рассказывал, как медсестры разжимали его умирающей жене челюсти и заставляли ее есть. Доктор Кублер-Росс (Kubler-Ross) сказал, что страшнее всего умирать в большой университетской клинике. Если на примере умирающего уже ничего нельзя узнать, он перестает быть интересным объектом с медицинской точки зрения, и студенты его просто бросают».

Во всех цивилизованных странах сильные мира сего должны заплатить больше других за право умереть, и плата эта выражается не только в деньгах, но и в страданиях. Когда в 1975 году греческий судовладелец Аристотель Онассис (Aristotle Onassis) умер после долгой болезни, его врачи хвастались, что в течение последнего часа клиническая смерть наступала трижды, но его всякий раз удавалось оживить.

Испанский диктатор Франциско Франко (Francisco Franco), страдавший 20 разными болезнями, имел еще меньше свободы в последние дни. Когда 83-летний человек, перенесший несколько сердечных приступов, уже находился в когтях смерти, его подвергли пыткам и унижениям, и у него не было сил сопротивляться. СМИ сообщали всему миру о «чудесах», позволяющих вывести умирающего старика из комы и растянуть его предсмертную борьбу на 34 страшных дня. Но цель врачебного искусства не должна заключаться в том, чтобы поддерживать жизнь человека день, месяц или год, не возвращая ему здоровье, ибо это приносит благо не пациенту, а врачу. И тут должен вмешаться закон.

Информационная служба United Press International сообщает 14 ноября 1975: «Сегодня Франко сделали третью за последние 12 дней операцию, 2-часовую операцию, в ходе которой был зашит кровотокающий разрыв желудка. Генерал находился под наркозом, ему вставили трубку, через нее вытекала кровь и жидкость, появившиеся из-за разрыва швов, которые были наложены неделю назад во время операции по удалению большей части его желудка. 32 врача заявили, что его мозг еще функционировал, но требовались аппараты для поддержания жизнедеятельности организма». Франко был подключен к аппарату искусственного дыхания, его кровь очищал гемодиализатор, дефибриллятор, зафиксированный у него на груди, регулировал ритм сердца всякий раз, когда оно хотело

остановиться, а кровообращение поддерживалось насосом. При последнем переливании было использовано 5 литров крови, и общий объем крови, перелитой ему с начала кризиса, достиг 60 литров — этого достаточно, чтобы десять раз заменить всю кровь, присутствующую в организме. Врачи признали, что Франко испытывал сильные страдания. Но слишком много успокоительных средств ускорили бы его смерть, и она в конце концов пришла к измученному старому человеку в образе того, что его доблестные врачи, воспитанные на принципах вивисекции, обозначили как «необратимая сердечная недостаточность».

Может быть, это просто совпадение, но отец Франко, не имевший такого мощного терапевтического арсенала, как его знаменитый сын, прожил 86 лет, а его дедушка — более 100 лет. Разумеется, то было до эпохи медицинских «чудес».

Если ситуация с социальной помощью и страхованием будет оставаться прежней, то помощь, которую Франко получал от своего арсенала врачей, станет доступна не только сильным мира сего — ею будут наслаждаться и невзрачные бедняки, независимо от своего желания по этому поводу. Осенью 1975 года в американской печати появилось сообщение под названием «Правительство одобряет первые эксперименты на людях с использованием сердечной помпы», и это обещает людям еще больше страданий, которые ранее были причинены бесчисленным животным.

Американские законодательные органы, обычно служащие мерилom для других стран, вместо того, чтобы прекратить безумство в виде опытов на животных, поддерживают опыты на людях, легализуя их все больше и больше. Если эта тенденция продолжится, мы скоро прочитаем крупный заголовок «Американское правительство разрешает первую пересадку человеческой головы». Это будет означать новые неизмеримые страдания людей, и умирающие пациенты поймут: Онассис и Франко еще легко отделались по сравнению с тем, через что приходится пройти беззащитным людям в руках своих врачей, подобно беспомощным животным в руках экспериментаторов.

*

Итак, это и есть «великолепная гостиная», которую Клод Бернар обещал более ста лет назад? Ясно одно: животные начинают мстить. Печальная месть, и не только для нас, но и для самих животных.

И, что еще хуже: за последнее столетие под предлогом научных исследований распространилась жестокость, и люди с помощью СМИ стали с ней молчаливо соглашаться, воспринимая ее как признак ума и филантропии. И она продолжает распространяться в геометрической прогрессии, подобно необузданным раковым клеткам.

Нынешняя медицинская наука с ее механистической идеей здоровья создает иллюзию просвещения, но на самом деле дика и реакционна и стремится лишь повторять свои ошибки, как и галенизм 15 веков назад. А университеты, бывшие некогда светочами гуманизма и мудрости, вместо того, чтобы давать образование студентам, портят их и способствуют распространению нового варварства.

Если бы люди, отвечающие за образование и СМИ, не забывали свою просветительскую задачу, они бы имели в виду, что все выдающиеся люди, в том числе величайшие медики, оправдывающие своим существованием наличие homo sapiens на планете, осуждали поддерживаемую ими систематическую жестокость. Если наша культура имеет голос, то он, несомненно, принадлежит им — а не вивисекторам и службам здравоохранения, выбравшим ложный путь.

Часть 10

Заключение

Распространение вивисекции стало возможным лишь по причине завесы секретности над ней и обмана общественности («либо собака, либо Ваш ребенок», «животные совсем не страдают, потому что им дают наркоз»), и отсюда следует, что единственное средство борьбы с ней — это полное информирование, причем не только в узких кругах любителей животных, а в масштабах всего человечества.

Ничто не свидетельствует о неотложной необходимости в обширной информации лучше, чем заявление доктора Роберта Уайта (Robert White) в уже упоминавшейся статье из *American Scholar*. «Американский народ, — пишет знаменитый философ и пересаживатель обезьяньих голов, — выражают единодушную поддержку медицинских исследований тем, что ежегодно платит миллионы долларов через прямое государственное финансирование и частные пожертвования».

Несомненно, большинство людей, которые ежегодно «выражают поддержку», понятия не имеют о том, им с помощью «медицинских исследований» пускают пыль в глаза, что их деньги пойдут либо на мучения животных, либо в карман вивисекторов, и что они финансируют смертельное шарлатанство вместо истинной науки.

Разумеется, очень большие средства будут по-прежнему тратиться на то, чтобы держать дверь закрытой. Люди, занимающиеся производством и продажей медикаментов, которые на основании обширных экспериментов расхваливались как безопасные, а потом вызвали уродства и онкологические заболевания, продолжают голосить, что их противники предпочтут смерть ребенка смерти собаки. А некоторые СМИ до сих пор заинтересованы в прославлении нынешних медицинских исследований, хотя это неизбежно приведет еще к большим страданиям людей.

Во времена Диккенса сторонники детского труда считались гуманистами и заявляли, что отказ от этой практики будет означать конец цивилизации и голод для широких масс, и если бы его можно было чем-то заменить, это было бы сделано. Аналогичные аргументы сегодня приводят вивисекторы, точно так же, как раньше все те люди, которые выступали в защиту работорговли, дискриминации по расовому и половому признакам. Кто поддерживает законные интересы, влекущие за собой серьезную несправедливость и жестокость, тот стремится спрятать преступления с помощью псевдогуманистических аргументов, и многие люди верят этому, ибо проще и безопаснее верить тому, что нам говорят, вместо того, чтобы иметь свое мнение. Люди гораздо охотнее действуют и мыслят так же, как другие. На самом деле, наибольшим препятствием на пути прогресса всегда были не оппозиция, а конформизм и инерция.

Но большую часть людей невозможно дурачить всегда, и сколько бы денег вивисекторские правящие круги ни тратили, в будущем от не сможет выдавать себя за спасителей человечества. Ветры перемен сегодня дуют гораздо сильнее, чем во времена, когда Везалий раскрыл ошибки Галена, и аболюционисты не намерены ждать еще несколько веков, прежде чем сегодняшняя медицинская «наука» исправит свои ошибки.

Мы живем в эпоху невиданной жестокости, и вивисекторы являют собой впечатляющий пример ее. Разумеется, их противники против этого варварства, но это не значит, что они всегда будут пассивно наблюдать, как другие его совершают. Человек, видящий, как садист издевается над ребенком, должен вмешаться и при необходимости применить силу. В этом случае насилие уместно. То же самое относится и к вивисекции.

«Мы твердо намерены по окончании учебы схватить одного из наших профессоров и провести на нем некоторые из тех манипуляций, которые он с таким вдохновением производил на животных, якобы для нашей пользы, например, перевязать желчный проток и стимулировать желчный пузырь. А потом мы спросим его, что он теперь думает о вивисекции», — заявили мне некоторые студенты, возмущенные опытами, с которыми им пришлось столкнуться.

Пустые слова? Возможно. Но везде наблюдаются верные признаки того, что молодое поколение больше не собирается стоять в стороне. В ноябре 1975 года защитники животных впервые вырвали из лап научных истязателей подопытных животных. Группа

молодых французов, среди которых был ветеринар, ворвалась в Нейрофизиологический институт Марей (Neurophysiological Institute Marey), расположенный по адресу Авеню Гордон Беннетт (Avenue Gordon Bennett), дом 4 и специализирующийся на болевых исследованиях — в экспериментах, как всегда, использовались кошки. Двое несчастных животных были настолько измождены, что их уже нельзя было использовать для дальнейших экспериментов, и их просто оставили умирать с голода. По оценкам ветеринара, их мучения длились 30-40 дней. Освободителям оставалось только усыпить их. У остальных были налицо признаки нервных болезней либо сумасшествия. Одна кошка пряталась под мебелью и постоянно мочилась. Всем животным были имплантированы электроды в мозг.

Дирекция могла бы возбудить дело по поводу проникновения в институт и кражи, но не стала этого делать. Все, что им требовалось, это молчание и забвение. Но когда защитники животных предали проблему огласке, «ученые» заверили, что их работа посвящена лишь «благу человечества», подопытных животных очень любят и хорошо о них заботятся, а *все болевые эксперименты совершенно безболезненны для животных...*

В ответ защитники животных ворвались в лабораторию Национального центра нейрофизиологических исследований, расположенную в пригороде Парижа Жиф-сюр-Иветт. Оттуда они освободили животных, у которых была спилена часть крыши черепа, и через отверстие в голову был вставлен приемный аппарат с электродами. С помощью электрических разрядов, посылаемых в мозг, у них вызывали искусственные, якобы эпилептические припадки, которые, разумеется, не имели ничего общего с человеческой эпилепсией, так как она возникает не из-за ударов током. Украденных в Жиф-сюр-Иветт кошек принесли в редакцию еженедельного парижского журнала Charlie Hebdo и показали их СМИ. Все реагировали одинаково: сначала неверие, затем глубокое негодование. А Андре Беркалофф (André Berkaloff), «научный директор» биологического отдела той лаборатории, наряду с прочими глупостями, сделал следующее заявление: «Во время кражи здоровье тех кошек было поставлено под угрозу. Надеюсь, нам их скоро возвратят».

В этом случае псевдоученые опять не стали обращаться в правоохранительные органы и предпочли надеяться на человеческую забывчивость. Но защитники животных очень уж не хотят больше допускать того, чтобы такие случаи умалчивались. Сегодня растет количество людей, которых страшит мысль о собаках, которые лизут режущую их руку, и которые не понимают, отчего должна быть разрешена подобная жестокость. Им кажется, что в наше время нет оснований терпеть вивисекторов в человеческом обществе.

*

В Италии первый акт насилия был совершен не защитниками животных, а вивисекторами. Когда в январе 1976 там вышла настоящая книга под названием Imperatrice Nuda («Голая императрица»), шум вокруг нее привел к возникновению в разных городах новых объединений против вивисекции. Они пришли на смену имеющимся организациям, занимались интенсивной пропагандой, знакомя людей с фотографиями из лабораторий и наиболее впечатляющими эпизодами из книги, а также клеймили позором вивисекторов, называя их имена и рассказывая об их «подвигах». В октябре 1976 года La Nazione, ведущая ежедневная газета Флоренции, сообщила о диверсии против новой антививисекционной лиги: ночью после ряда звонков с угрозами и анонимных писем в офисах зоозащитников был совершен поджог, и офисы были уничтожены.

Противники вивисекции дали ответ спустя несколько недель. 5 декабря та же самая газета сообщила о диверсии против Centro Medico Careggi, флорентийского медицинского института, одного из крупнейших в Италии. В окна лаборатории несколько раз выстрелили из винтовки, когда ночью там производился незаконный эксперимент на собаке. Одна из пуль едва не попала в вивисектора, который был известен тем, что не очень жаждал опытов на животных и впоследствии отказался от них. La Nazione

напечатала письмо за подписью «Фронта освобождения животных и природы», который взял на себя ответственность за нападение и обещал дальнейшие диверсии.

Тем не менее, проблему вряд ли удастся решить с помощью перестрелок (хотя они тоже помогают разбудить спящее большинство). Я гораздо больше обрадовался, когда группа студентов-медиков из Неаполя пригласила меня прочитать в их университете лекцию о бесполезности и опасностях стандартных методов исследования. Лекция — первая из целого ряда — состоялась в аудитории анатомии, в Новой второй поликлинике Неаполя, и для меня было честью — пожалуй, следовало бы сказать, для антививисекционизма было честью — то, что меня представили перед двумястами студентами сотрудники Университета Неаполя (Naples University), а именно, Джанфранко Тайана (Gianfranco Tajana), молодой профессор микробиологии, и пожилой профессор хирургии Фернандо де Лео (Fernando de Leo), который одновременно является главным хирургом известнейшей городской больницы Пеллегрини (Ospedale Pellegrini).

Приглашенные для дебатов преподаватели-вивисекторы не пришли. Они ограничились тем, что вновь и вновь срывали со стен напечатанные в университете объявления о конференции.

*

Упорство, с которым экспериментаторы настаивают на работе за закрытыми дверями, — это хороший знак: они точно знают, что люди перестанут их терпеть, когда получают информацию. Данный факт свидетельствует о том, что моральное чувство еще живо, даже если оно еще не отошло от постоянно производимой анестезии, как это происходит в случае с вивисекцией. Гален мог резать своих жертв публично. Сегодняшние вивисекторы вынуждены прятаться и писать свои псевдонаучные сообщения нарочито усыпляющим языком, а государственным учреждениям, защищающим их, приходится содействовать поддержанию секретности и продолжению обмана — в гуманистической Англии это делается еще более настойчиво, чем в других странах.

На самом деле, при написании книги я часто испытывал неприятное чувство из-за того, что приходилось давать так много медицинских фактов для обоснования моей аболуционистской позиции в отношении вивисекции: я при этом думал о совете Бернарда Шоу приводить исключительно моральные аргументы. Но Шоу умер до того, как произошли трагедии с талидомидом, стилбестролом и многими другими препаратами и подтвердился второй закон Белла.

Тот факт, что медицинские исследования деградировали до пыток и преступлений и, вместо лечения, вызывают болезни, получая при этом прибыль, также вторично по сравнению с их страшной жестокостью и тлетворного действия на многих врачей, от которых больные и страждущие ждут помощи; но этот факт есть лучшее орудие в борьбе против вивисекции. И его надо использовать, наряду с другими средствами.

Обвинение следует выдвинуть не только в адрес производителей химических препаратов, но и органов здравоохранения, разрешающих продажу медикаментов, которые, вопреки, результатам экспериментов на животных, оказываются вредными, вызывая уродства и онкологию. Ответственные стороны должны предстать перед судом, но не следует допускать, чтобы приговор выносили их коллеги и соучастники, как это произошло во время слушаний по талидомиду.

Официальный документ, подписанный доктором Робертом Миллером (Robert Miller) и опубликованный Всемирной организацией здравоохранения, а также многочисленные предупредительные сигналы, появлявшиеся в течение десятилетий и оставшиеся без внимания, подтверждают, что трагедии, вроде эпопеи со стилбестролом, произошли из-за неверных выводов, полученных в ходе экспериментов на животных. И требование справедливости заключается в том, чтобы принять меры против ответственных служб здравоохранения, одобряющих неправильный метод исследования. Только так можно добиться того, чтобы официальная медицина изменила свою позицию. Опыт показывает,

что даже самые жестокие экспериментаторы становятся очень чувствительными, когда получают удар по банковскому счету.

Антививисекционисты, в отличие от вивисекторов, желают света и правды — что является большим преимуществом. Вивисекторы — это те, кто баррикадируются в своих лабораториях и перерезают голосовые связки своим жертвам, желают секретности, нанимают лоббистов для покупки политиков и платят средствам массовой информации, чтобы они пудрили мозги людям. И другие люди должны громко заявить о том, о чем изувеченные животные не могут поведать, и вызвать поворот общественного мнения, который произошел у Альберта Швейцера в его последнем послании к миру; а для этого необходимо развенчать обманщиков, выдающих себя за спасителей человечества, и всеми средствами избавляться от них до тех пор, пока не сбудется предсказание профессора физиологии Гарвардского университета Генри Байджлоу (Henry J. Bigelow): «Настанет день, когда на сегодняшнюю вивисекцию во имя науки будут смотреть так же, как мы сегодня смотрим на охоту на ведьм во имя религии».

Возможно, этот день настанет раньше, чем обычно предполагают.

Дополнение

Публикация книги — процесс долгий, и к тому времени, как я получил от издателя гранки этого труда, у меня накопилось множество новых фактов варварства, присущих современной псевдонауке. Их бы хватило на книгу такой же длины.

Я чувствую, что должен упомянуть по меньшей мере некоторые из этих новых фактов и дополнить либо подчеркнуть уже сказанное. Они касаются пересаживателя обезьяньих голов Роберта Уайта (Robert White), жонглера сердцами Кристиана Барнарда (Christiaan Barnard), «Международной амнистии» (Amnesty International), подопытных кроликов в виде человека, случая с лазтрилом и последним фармацевтическим скандалом в Западной Германии.

Эпизод 1. Я был в Риме, когда весной 1977 года доктор Роберт Уайт совершил свое обычное паломничество из Кливленда, Огайо, в вечный город, чтобы провести традиционную аудиенцию с папой римским, встретиться с итальянскими коллегами и выступить по государственному итальянскому телевидению, которое поддерживает вивисекцию. На этот раз доктор Уайт привез с собой ряд кинокадров, показывающий одну из жертв его трансплантации, умирающую обезьяну, от которой добрый доктор пытался добиться какой-то реакции, тыча ее в морду. Эта сцена напомнила мне строчку из статьи доктора Уайта, которая была напечатана в *Surgery*, и которую я упоминал в части под названием «Одичание»: «Головы оставались довольно драчливыми, о чем свидетельствовало их кусание при раздражении рта». У обезьяны, показанной по итальянскому телевидению, не было сил кусаться, невзирая на ротовые и другие способы «стимулирования» ее; она просто взирала на своего мучителя, и у нее из носа все время шла кровь.

Это оказалось слишком жестко даже для итальянских телезрителей, которые никогда не проявляли особой любви к животным. На этот раз они с большим возмущением отнеслись к показу, проведенному доктором Уайтом. Телестанция разрывалась от негодующих телефонных звонков, редакции газет утопали в письмах.

Доктор Уайт, находящийся в полном отрыве от реальности, как и все вивисекторы, не был в курсе о реакции общественности на него. Он сразу же дал интервью ведущей римской газете *Messageo*, принадлежащей полугосударственному химическому гиганту *Montedison*, чьи фармацевтические заводы добросовестно занимаются вивисекцией.

Статья была проиллюстрирована фотографией толстого, лысого кудесника трансплантологии, который рассматривал свою несчастную жертву, закрепленную в

аппарате для фиксации с раскрытой пастью. В целом доктор Уайт повторил в интервью то, что уже появлялось в этой газете 7 июля 1976 года, под заглавием «Беседа в ученом Уайтом: я готов пересадить голову человеку». Очевидно, он забыл о своем прежнем заявлении, что практическое применение результатов его экспериментов будет возможно лишь спустя 50 лет. Доктор Уайт заявил в том интервью следующее: «С точки зрения хирургии все препятствия устранены. Противодействие идет только со стороны общественного мнения, из моральных или религиозных соображений. Я правоверный католик, у меня десятеро детей (браво! — *Г.Р.*), тем не менее, я убежден, что это сопротивление исчезнет... Есть еще одна проблема, но не хирургического, а иммунологического характера (здесь имеется в виду уже много раз упоминавшаяся иммунная система, которая защищает организм от возбудителей болезней и чужеродных веществ — *Г.Р.*). Индивидуум с пересаженной головой навсегда остался бы парализованным, потому что соединить спинной мозг невозможно. Парализованный человек с видящими глазами, слышащими ушами, чувством обоняния и поверхностного осязания... Сколько такой человек смог бы прожить?... Примерно столько же, сколько пациент, перенесший трансплантацию легких. Неделю, две недели, кто знает?»

Все, что ему требовалось, — это доброволец.

Эпизод 2. В июне 1977 года в больнице Groote Schuur города Кейптаун Кристиан Барнард в ходе 10-часовой операции пересадил сердце самки павиана в грудь 25-летней итальянке в добавление к ее собственному больному сердцу. Цель операции, по мнению Барнарда, заключалась в том, чтобы обезьянье сердце в течение достаточно долгого времени поддерживало циркуляцию и дало возможность человеческому сердцу отдохнуть и набраться сил.

К сожалению, молодая женщина, которая вполне могла бы остаться в живых без эксперимента Барнарда, умерла через несколько часов.

Теперь вопрос номер один: неужели Барнард как человек, достаточно хорошо осведомленный в вопросах анатомии и биологии, не знал, что сердце — в отличие, скажем, от печени — не обладает способностью к саморегенерации? Таким образом, эксперимент был глупым, если не сказать больше. Во всяком случае, сообщество врачей четко об этом заявило — как только пациентка умерла.

На сей раз у Барнарда оказалось наготове новое алиби, которое, по меньшей мере, объясняло быструю смерть пациентки: сердце бабуина слишком мало, чтобы поддерживать циркуляцию крови взрослого человека, и на следующий раз мы возьмем сердце шимпанзе, которое сильнее.

Вопрос номер два: неужели доктор Барнард не знал об этом анатомическом факте до проведения эксперимента, уже убив в своей жизни множество обезьян?

Или — вопрос номер три — не доказывает ли все это в очередной раз, что и для Кристиана Барнарда эксперименты на живых организмах стали навязчивой идеей, паранойей, лишенной какого-либо логического мышления?

Но вот еще подробности. Цюрихское ежедневное издание Blick за 24 июня сообщает, что во время операции все хирургическое отделение содрогалось от воплей «бабуиновой леди», когда ей разрезали грудь и пересаживали сердце при отсутствии какой-либо анестезии, потому что Барнард хотел дать своей пациентке сердце в идеальном рабочем состоянии, без каких-либо химикатов.

А теперь вопрос номер четыре: знал ли Барнард, что бабуины обладают интеллектом, сравнимым с интеллектом 9-летнего ребенка, и гораздо большей чувствительностью? Что у них жестикулирование, реакции, социальные привычки и даже организационные таланты сравнимы с нашими, пусть даже они, в отличие от клана вивисекторов, не организуют кровавые пиры?

Вопрос номер пять касается морального закона, о котором я вкратце говорил в другой главе. Не является ли очередным свидетельством неизбежного морального закона в

действии тот факт, что Барнард в сравнительно молодом 53-летнем возрасте из-за артрита — невзирая на все опыты с суставами миллионов незащищенных животных — уже не мог работать ножом в течение какого-либо времени и, согласно сообщениям газет, часто был вынужден отдавать его ассистентам?

Эпизод 3. Этот случай показывает, настолько далеко зашло огрубление вследствие промывания мозгов, затрагивающего уже и школьников, с целью привить им мысль о приемлемости и почетности любого преступления против невинных животных, если из него можно извлечь какую-то материальную пользу.

Эти миазмы заразили уже и якобы гуманитарные организации. 31 мая 1977 года в *Neue Zürcher Zeitung* появилось следующее сообщение из Лондона: «Как сообщает организация «Международная амнистия» (Amnesty International), занимающаяся помощью пленным, она провела в Дании эксперименты со свиньями, чтобы лучше понять пытки, применяемые к людям. Согласно сообщению, животным наносили удары током и ожоги раскаленными утюгами».

Эти исследования проводились по просьбе «Международной амнистии» в Датском институте терапии, принадлежащем Королевскому университету ветеринарии и сельского хозяйства (Royal College of Veterinary Science and Agriculture). Их финансировал Датский совет медицинских исследований (Danish Medical Research Council) — одна из вивисекционных организаций Дании.

Разумеется, «Международная амнистия» приводила оправдания в лучших традициях вивисекторов, что опыты делались с использованием анестезии и из гуманных соображений, а их задачей было «установить, есть ли возможность пытать людей с помощью орудия для клеймления так, чтобы после этого не оставалось шрамов».

Более того, в официальном оправдании «Международной амнистии» говорилось: «Все правила тщательно выполнялись. Исследования проводились с февраля по ноябрь 1976 года. Если датский исследовательский институт будет иметь в распоряжении средства, врачи продолжат свою работу в сентябре 1977 года».

Очевидно, руководители «Международной амнистии» столь же мало понимают в биологии и медицине, сколь большинство людей и не знали, что свиная кожа реагирует на ожоги совсем не так, как человеческая, поэтому эти эксперименты — как и все опыты на животных — бессмысленны и бесполезны. Но врачам, которые их проводили, этот факт безразличен до тех пор, пока датский исследовательский институт имеет в наличии деньги на исследования.

Эпизод 4. Данный эпизод можно было бы включить в главу про подопытных кроликов в образе людей, и он показывает, насколько ожесточились те, кому вивисекторы промывают мозги с начальных классов, и речь идет о только людях не из медицинских кругов, но даже с высокопоставленных должностей. Это касается информации из Вашингтона, которая была напечатана, среди прочего, в *International Herald Tribune* (17 августа 1977 года). Автор статьи — Джо Томас (Jo Thomas), и она называется «ЦРУ начинает использовать жертв комы». Журналист обращает внимание на то, что имеющиеся в распоряжении данные «перед рассекречиванием подвергаются жесткой цензуре». Но оставшегося после цензурной правки более чем достаточно: «Как показывают вновь рассекреченные данные, ЦРУ (Центральное разведывательное управление) финансировало шестигодичные исследования нового наркотического средства, при этом ученые должны были исследовать спинномозговую жидкость и другие жизненно важные жидкости пациентов, госпитализированных по причине последней стадии рака, печеночной недостаточности, уремии и серьезных инфекций».

Проект преследовал цель выявить биохимические механизмы, служащие причиной бреда и «вызывающие у людей высшую степень физического и душевного напряжения».

Чтобы оставить неизменным количество людей, участвующих в эксперименте, и сохранить проект в тайне, исследователям пришлось, кроме всего прочего, проверять на них действие разрабатываемых лекарств, например, на предмет канцерогенности и нарушений кровообращения.

Сообщение ЦРУ свидетельствует о том, что эти исследования проводились с 1955 по 1961 год и стоили 531 960 долларов. Средства поступали из ЦРУ в Geschickte Fund for Medical Research Inc, находящемся в Вашингтоне.

В сообщении отдельно описываются только результаты опытов на животных, но из него четко следует, что эксперименты проводились и на животных, и на людях.

Это сообщение обнажает циничную ложь не только работников ЦРУ, которые придумали этот и многие другие проекты, но и медицинских организаций с респектабельным названием, вроде Geschickte Fund for Medical Research, выступивших в роли его помощников и, возможно, получавших финансовую и иную выгоду из «высшей степени напряжения» людей и животных.

Эпизод 5. Здесь речь идет о лаэтриле, якобы противораковом средстве, которое в настоящее время в США тревожит умы людей и создает заботу парламенту. Под названием лаэтрил скрывается экстракт абрикосовых ядрышек, который, как известно, содержит малое количество цианида (соли синильной кислоты). Предполагается, что этот экстракт должен лечить онкологию. На самом деле, в Америке множество людей убеждены, что излечились от рака благодаря лаэтрилу, а врачи выписывают этот препарат пациентам с онкологией.

В отличие от химических медикаментов традиционной медицины, лаэтрил рекламируется не как таинственное чудо-средство, а как натуральный продукт, также называемый витамином B17, которое призвано обеспечивать организм жизненно важными веществами, отсутствующими в современной ненатуральной пище. Предположим, что рак возникает из-за авитаминоза, следовательно, лаэтрил должен излечивать больных так же, как цинга излечивается с помощью цитрусовых (витамин С), а пеллагра — с помощью цельного зерна (витамины B1 и B2).

Крупнейшие американские мошеннические организации, такие как FDA (самое высокопоставленное ведомство, занимающееся лекарственными препаратами), Американская медицинская ассоциация (American Medical Association, врачебный синдикат) и Американское онкологическое общество (American Cancer Society) тотчас закричали о надувательстве и добились запрета на продажу лаэтрила. В результате, сейчас этот продукт широко продается на черном рынке, и, по данным журнала Newsweek его клиентура насчитывает 50 000 американцев. Кроме того, американцы постоянно совершают паломничество в мексиканские клиники, где этот препарат разрешен.

В США ходили настойчивые слухи, что руководители национальных онкологических программ в курсе лечебных свойств лаэтрила и запретили его с целью увеличить прибыль, продавая его нелегально, на черном рынке. На обычных абрикосовых косточках много денег не заработаешь.

У меня нет достаточных данных, чтобы составить мнение о пользе либо вреде лаэтрила, но ясно одно: до тех пор, пока не изменится американское законодательство, которое разрешает или запрещает лекарство лишь на основании опытов на животных, американцы не смогут знать о пользе и опасности лаэтрила, как и любого другого средства. Ибо сегодняшние правила требуют, чтобы лаэтрил был проверен на эффективность и безопасность на животных, прежде чем выйдет на рынок.

Что делают ученые мужи? Они берут у пациента с онкологией кусок ткани, пораженный раком, и пересаживают ее животным. Потом они кормят их лаэтрилом, чтобы посмотреть, будет ли им лучше. Любой здравомыслящий человек признает, что это неправильный метод исследования: при пересадке животному больная человеческая ткань теряет свое главное свойство, а именно, организм, вызвавший онкологию. Организм

животного реагирует на лаэтрил (и на любой другой препарат) не так, как человеческий. Предположим, что лаэтрил действительно лечит рак. Даже маленькая доза экстракта абрикосовых ядер убьет хищных животных с коротким желудочно-кишечным трактом, например, кошек. Этого окажется достаточно, чтобы, в соответствии с требованиями поправки Делани (Delaney Amendment) не разрешить препарат, ибо «любое вещество, причиняющее вред в какой-либо форме или концентрации какому-либо виду животных, не может быть допущено на рынок».

Эпизод 6. Люди настолько впали в апатию от потока все более страшных медицинских новостей, что перестали сопротивляться. Но они не осознают степень этого феномена, ибо продолжается промывание мозгов со стороны медицинской науки, достигшей в данном деле невиданных высот.

Диабет — вопреки тупейшим и жестоким манипуляциям, производимым на поджелудочной железе собак или вследствие их — стал одной из самых распространенных болезней, и заболеваемость им растет, и в результате одна новость, появившаяся в конце июля 1977 года, вызвала в широких кругах замешательство. Цюрихская Tages-Anzeiger от 28 июля 1977 года сообщает, что «в США лекарства типа фенормина были изъяты из продажи из-за опасных для жизни побочных эффектов немедленного действия. Научный мир пришел к выводу, что противодиабетические лекарства при длительном приеме не только менее эффективны, чем диета, но и более опасны».

Эпизод 7. Люди еще не успели осознать предыдущую новость, когда 17 августа 1977 года взорвалась новая бомба в виде статьи в журнале Spiegel, под названием «Обезболивающие средства: часовая бомба продолжает тикать».

В ней говорилось, что одним из самых мощных канцерогенных медикаментов является диметилнитросамин, который встречается во всех лекарствах, содержащих аминафеназон. Этот канцерогенный продукт присутствует примерно в 200 продуктах, в том числе в пирамидоне и антипирине, которые широко используются в Европе при головной боли, температуре и ревматических болях.

Далее Spiegel пишет: «То, что горожане беспечно глотали, среди врачей уже давно считается опасным лекарством, а с прошлой недели — бомбой с часовым механизмом».

Почему же его не изъяли из продажи? Spiegel знала точный ответ на этот вопрос: «Службы здравоохранения хотят, чтобы биологическая часовая бомба тикала еще сильнее. Фармацевтической индустрии разрешили пускать в оборот медикаменты с аминафеназоном до 31 марта 1978 года. Афера с аминафеназоном типична для немецкой политики, касающейся лекарственных препаратов, которой ближе интересы фармацевтической индустрии, а не пациентов».

«Ученые выяснили, что из-за аминафеназона может возникнуть серьезная картина болезни под названием агранулоцитоз. Оно встречается у 0,01–0,9% пациентов, потребляющих препарат в течение длительного времени, и в 20–50% случаев оканчивается болезнью». Агранулоцитоз часто бывает предшественником рака, особенно лейкемии, и, кроме того, из-за него вследствие мутаций в спинном мозгу исчезают белые кровяные тельца, что нередко влияет на способность организма сопротивляться болезням.

Далее в статье говорится:

«Трагедии с контерганом и меноцилом — это всего лишь самые яркие катастрофы последних лет, связанные с приемом лекарств. Ученые уже долгое время, во многих случаях десятилетиями ведут спор о том, какие серьезные последствия может повлечь за собой прием предположительно безвредных либо жизненно необходимых лекарств»;

«Постоянное использование слабительных пилюль, содержащих производные изатина в качестве биологически активного вещества, может вызвать серьезные повреждения печени. Обезболивающие препараты, вроде томапирина или гелониды,

включающие в себя фенацетин, в случае приема в больших дозах могут вызвать необратимые повреждения почек»;

«Снотворные препараты, содержащие бром, вроде стауридорна или адалина, ведут к отравлениям бромом... В 1976 году около 1000 жителей Западной Германии умерли от этого снотворного»;

«Ацетиловая кислота, препарат от головной боли и похмелья, может вызвать кровотечения во время беременности и повышает риск смерти новорожденного».

Статья в Spiegel заканчивается следующими словами: «Президент Федеративной службы здравоохранения, фармаколог профессор доктор медицины Георг Фюльграфф (Georges Fülgraff) видит ситуацию следующим образом: «Невозможно получить подлинные юридические доказательства того, что лекарство причинило непосредственный вред».

Даже с помощью животных не получится, господин профессор?

Эпизод 8. В нем речь идет о выплатах, которые делали организации, заинтересованные в поддержании нынешней жульнической медицинской системы, американским законодателям. Я уже писал, что американские заинтересованные группы обрушили дождь из 22,6 миллионов долларов на кандидатов в Конгресс в 1976 году, при этом самыми щедрыми оказались «медицинские ассоциации», пожертвовавшие 1 790 879 долларов, а комитеты по молочным продуктам заняли скромное второе место. Я чувствую, что должен расширить эту информацию и привести список политических кандидатов, которые, согласно журналу Time (28 февраля 1977), получили щедрые дары от медицинских ассоциаций. Рекомендую запомнить их имена на случай, если они окажутся среди тех, кто противодействует каким-либо законам против вивисекции. Вот они:

Кандидаты в Сенат:

Вэнс Хартк (Vance Hartke, Индиана) — 245.700

Харрисон Уильямс (Harrison Williams, Нью-Йорк) — 244.373

Ллойд Бентсен (Lloyd Bentsen, Техас) — 229.299

Джон Танни (John Tunney, Калифорния) — 219.419

Уильям Грин (William Green, Пенсильвания) — 216.660

Кандидаты в Палату представителей:

Джон Роудс (John Rhodes, Аризона) — 98.620

Джим Маттокс (Jim Mattox, Техас) — 85.310

Марк Ханнафорд (Mark Hannaford, Калифорния) — 81.368

Ллойд Мидс (Lloyd Meeds, Вашингтон) — 80.078

Томас Эшли (Thomas L. Ashley, Огайо) — 76.337

Что же мы можем сделать?

Мне задают этот вопрос вновь и вновь. Что может сделать среднестатистический гражданин, чтобы, наконец, ликвидировать метод исследования, который считается единственно верным, идет из средневековья и основывается на работе с животными? Средний человек может сделать много, даже все. Он может добиться отмены всех опытов на животных, ибо они производятся ради него, якобы в его интересах и прежде всего за его деньги — деньги налогоплательщика.

Для начала он может отказаться от таблеток и не обращаться к врачам, выписывающим их. Он с удивлением узнает, что можно жить и без химических препаратов, причем качество жизни от этого улучшится. Меньше денег на фармацевтическую индустрию — меньше денег на вивисекцию.

В циркулярном письме Швейцарского потребительского союза за 7 февраля 1977 года говорится: «При нынешней финансовой системе пациент не видит поводов

заботиться о своем здоровье. Система страхования мотивирует его на болезни; он получает прибыль от своих взносов только в случае заболевания». На самом деле, сегодня многие люди обращаются к врачу и получают рецепты лекарств (вызывающие у них болезни), лишь чтобы получить счет, в соответствии со старым принципом: «Лучше лопнуть, чем подарить что-то хозяину».

Еще граждане так называемых демократических стран должны зорко следить за своими политиками, так как обычно от них зависит, насколько индустрия введет в заблуждение людей и навредит им, получит ли вивисекция поддержку или будет запрещена. Если общественность еще не узнавал, что в Европе некоторые политики получают взятки не только от производителей самолетов, но и от изготовителей медикаментозных препаратов, то дело тут в одном: Европа — это не Америка, где высокопоставленные коррупционеры-чиновники утаивают больше, чем у нас.

28 февраля 1977 года журнал Time сообщил новость, что годом ранее «заинтересованные группы» выдали кандидатам в Конгресс доселе невиданную сумму — 22,6 миллионов долларов. И кто были основные жертвователи для будущих законодателей? Пальма первенства принадлежит врачебному обществу, за ним следует комитеты молочной промышленности и профсоюзы. Time указал имена приемщиков и точную сумму, полученную каждым из них. Конечно, подобные маневры производятся и в Европе, но здесь их проще удержать в тайне.

Индустрия токсичных средств сохраняет вивисекцию не только через политиков. В 1939 году в Базеле в последний раз проводилось голосование по поводу закона, который был призван сделать вивисекцию более «гуманной» и серьезно ее ограничить. Как известно, Базель — является центром швейцарской фармацевтической индустрии, одним из крупнейших в мире.

Эта индустрия наводнила город плакатами и листовками, заполонила газеты дорогими объявлениями и разослала тысячи циркулярных писем руководителям всех крупных базельских фирм с настоятельной просьбой во имя интересов города и его жителей призвать своих работников к голосованию «против». Кроме того, дирекция фармацевтических предприятий каждый день предупреждало сотрудников, что в случае принятия закона они потеряют работу. Лидеров разных профсоюзов тоже могли призывать к влиянию на своих членов.

Но самым скандальным оказалось поведение базельского общества защиты животных, которое за неделю до голосования распространяло листовки против закона и не поддерживало его в газетных объявлениях. В последние дни некоторые противники вивисекции собрались вместе и решили отказаться от объявлений, которые, однако, красовались в базельских газетах.

Инициатива с таким треском провалилась, что с тех пор не предпринималось никаких усилий.

Еще тот, кто хочет увидеть конец вивисекции, может вступить в одно из антививисекционных обществ.

Публикация «Убийства невинных» на итальянском языке (в итальянской версии эта книга имеет название «Голая императрица» – *Imperatrice nuda*) привела к тому, что в течение года исчезло единственное антививисекционное общество, существовавшее с 1929 года. Председатель общества и группа поверенных, связанных с крупной промышленностью и финансами, противились всем спонтанным народным демонстрациям, даже инициативе крупного женского журнала, который добивался публикации книги. В конце концов, члены общества в массовом порядке вышли из него и создали разные новые объединения, добившиеся за несколько месяцев больше, чем старый союз за 45 лет своего существования. Летом 1977 года Министерство здравоохранения оказалось вынуждено объявить об ограничивающем регулировании вивисекции, но новые общества его отклонили: они требовали полной отмены. Если доказано, что этот метод исследования бесполезен, даже вреден и жесток, зачем его надо регулировать? Любой

проинформированный человек потребует полного отказа от опытов на животных и обновления медицины.

С этой целью я основал CIVIS. От латинского *civis* (свободные, ответственные граждане) происходит слово «цивилизация». Но в нашем случае оно также расшифровывается как *Centre d'Information Vivisectioniste International Scientifique* — Международный научный информационный центр по вивисекции.

Цель CIVIS — бесплатно и достоверно информировать всех интересующихся о том, какие союзы достойны доверия, деятельны и работают бескомпромиссно, стремясь к устранению недостатков и к появлению медицины, укрепляющей здоровье, а также что может сделать простой человек для устранения навеки из нашей цивилизации такого позорного пятна как вивисекция.

Ни в какой стране борьба не будет легкой. Это ясно. Люди в большинстве своем не готовы признать свои ошибки и прежде всего, как известно, — так называемые ученые, особенно если под угрозой оказываются их карьера и финансы. И горе тому, кто попытается встряхнуть трон вивисекторов.

В апреле 1976 года Эдит Виланд (*Edit Wieland*), немецкий корреспондент газеты *Schweizer Illustrierten*, написала сообщение о сенсации, которую эта книга произвела в Италии. Ее статья была проиллюстрирована фотографиями подопытных животных. Издание выбрало наименее жестокие фотографии из моего архива, но достаточно страшные, чтобы вызвать негодование у читателей. Через несколько недель *SI* сообщило: «Реакция читателей была бурной. К сожалению, и сотен писем мы можем напечатать лишь малое количество». Среди них оказалось лишь два — не больше — от людей, которые почувствовали обязанность оправдать вивисекторов.

Одним из них был доктор Ганс Фер (*Hans Fehr*), представившийся как «пресс-секретарь компании «Хоффман-Ля Рош» (*Hoffmann-La Roche*), Базель», другим — доктор медицины Вольф Вейхе (*Wolf H. Weihe*), «заведующий центральной биологической лабораторией Цюрихского университета». Очевидно, оба они не смогли прочитать книгу, которая сначала вышла только на итальянском языке, но сразу же захотели сделать предупреждение.

«Невозможно обойтись без опытов на животных», — заявил пресс-секретарь базельской фирмы, прославившейся на весь мир экологической катастрофой в Севезо, которую долго не удавалось остановить, и добавил: «Растущие требования к надежности медикаментозных препаратов потребуют еще больше опытов на животных».

А доктор медицины Вейхе лучше всего высказал нижеследующую мысль, и сейчас, когда книга вышла на понятном ему языке, он, скорее всего, в этом раскаивается: «В центральных учреждениях, занимающихся опытами на животных, таких как центральная биологическая лаборатория в Цюрихе, за проведением экспериментов на животных следят специалисты» (то есть, злые вивисекторы). И далее: «Возможно, в Италии, где эта книга была написана, ситуация иная, и не идет в ногу с внушительным развитием в других западных индустриальных государствах и в США».

Теперь читатель может оценить, как «внушительно» развитие в США и в других государствах.

Я начал писать «Убийство невинных» в феврале 1973 года в Риме и закончил в сентябре 1977 года в Клостерсе.

Читайте также:

ТЫСЯЧА ВРЕЧЕЙ МИРА ПРОТИВ ЭКСПЕРИМЕНТОВ НА ЖИВОТНЫХ

Ганс Рюш

Hans Ruesch. 1000 doctors (and many more) against vivisection. CIVIS, 1989. – 281 p.

© Центр защиты прав животных «Вита», 2010-2011. Новая редакция 2015. www.vita.org.ru
Постоянная ссылка: http://vita.org.ru/library/philosophy/1000_doctors.php

БОЛЬШОЙ МЕДИЦИНСКИЙ ОБМАН

Ганс Рюш

© Центр защиты прав животных «Вита», 2012-2013.

Перевод сделан по изданию:

Hans Ruesch. Naked Empress, or the Great Medical Fraud

Постоянная ссылка: http://www.vita.org.ru/library/philosophy/ruesch_obman.php